

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Арҗамак

ТАТАРСТАН 12+

№2 (19) • 2014

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Основан в августе 2009 года

*Главный редактор
Алешков Николай Петрович*

№ 2(19) • 2014

*Русский тот,
кто любит Россию.
Михаил Чванов*

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Василенко Светлана Владимировна – *первый секретарь*

Правления Союза российских писателей;

Ларионова Татьяна Петровна – *исполнительный директор*

республиканского фонда «Возрождение» (Татарстан);

Миннахметов Ирек Джаудатович – *руководитель*

республиканского агентства по печати

и массовым коммуникациям «Татмедиа»;

Руденко Гульзада Ракиповна – *генеральный директор Елабужского*

государственного историко-архитектурного

и художественного музея-заповедника

Фомин Анатолий Алексеевич – *председатель Общественной палаты*

Республики Татарстан

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Н. Н. Беляев – *член Союза российских писателей (Казань);*

Н. М. Валеев – *доктор филологических наук,*

член Союза писателей России (Казань);

Н. А. Вердеревская – *кандидат филологических наук,*

член Союза российских писателей (Елабуга);

В. Н. Гофман – *протоиерей, член Союза писателей России*

(Нижний Новгород);

В. А. Ермаков – *заслуженный работник культуры РФ,*

член Союза писателей России (Орёл);

И. В. Лимонова – *член Союза писателей СССР (Москва);*

Д. Е. Кан – *член Союза писателей России (Новокуйбышевск);*

С. Д. Кузнецихин – *член Союза российских писателей (Красноярск);*

С. Е. Михеенков – *член Союза писателей России (Таруса);*

Н. В. Переяслов – *секретарь Союза писателей России (Москва);*

Н. Б. Рачков – *член правления Союза писателей России*

(Тосно, Ленинградская обл.);

Р. Ш. Сарчин – *кандидат филологических наук,*

член Союза российских писателей (Казань);

В. С. Суворов – *доктор педагогических наук (Набережные Челны);*

В. П. Хамидуллина – *член Союза российских писателей (Набережные Челны);*

М. А. Чванов – *президент Международного*

Аксаковского фонда, член Союза писателей России (Уфа).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ТУ 16-00151 от 17 апреля 2009 г.

выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере
связи и массовых коммуникаций по Республике Татарстан.

Заместители главного редактора – Александр Воронин,

Ксения Ларина

Дизайнер-верстальщик – Виталий Павлов

Художник – Ольга Белова-Недовизий

Фото на обложке – Михаил Медведев

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ВЕСНЫ

РАЗИЛЬ ВАЛЕЕВ

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

РОДНОЙ ЯЗЫК ДО КРЫМА ДОВЕДЁТ

В день рождения великого татарского поэта Габдуллы Тукая, который в Республике отмечается как День родного языка, в Татарском академическом театре имени Мусы Джалиля состоялась церемония открытия программы «Казань — культурная столица тюркского мира — 2014». Приехавшие на торжества официальные гости из стран-членов ТЮРКСОЙ, руководители дипломатических миссий иностранных государств, свыше ста гостей из ближнего и дальнего зарубежья, разных городов и регионов России приняли также участие в праздновании 80-летия Союза писателей Татарстана.

На юбилей наша редакция встретилась с членом его правления — председателем Комитета по культуре, науке, образованию и национальным вопросам Государственного совета РТ, лауреатом Государственной премии РТ имени Г. Тукая и Республиканской премии имени М. Джалиля, народным поэтом РТ Разилем Исмаиловичем Валеевым.

— **Примечательно, что Казань стала культурной столицей тюркского мира, когда в России проходит Год культуры. Это лишь удачное совпадение?**

— Решение о ежегодном объявлении одного из городов стран-членов ТЮРКСОЙ культурной столицей тюркского мира принято в 2010 году на X саммите тюркоязычных государств в Стамбуле, а 2011-й был объявлен Годом Габдуллы Тукая — в честь 125-летия великого татарского поэта. В 2012 году на заседании постоянно-го совета ТЮРКСОЙ министры культуры тюркоязычных стран единогласно поддержали провозглашение Казани культурной столицей тюркского мира 2014 года (после казахстанской Астаны и турецкого Эскишехира). Так что указ о проведении Года культуры в России появился позже, в 2013-м. Но совпадение, действительно, знаменательное. А вот празднование 80-летия Союза писателей РТ мы приурочили к такому событию специально, чтобы как можно больше гостей могли побывать на нашем юбилее.

Союз писателей РТ ведёт свою историю с 1934 года, когда в Казани состоялся I Всетатарский съезд советских писателей. За прошедшие годы состоялись 17 съездов татарстанских писателей, а членами СП Татарстана были свыше семисот писателей. Со дня создания Союза писателей республики ни на день не прекращал своей работы, даже во время Великой Отечественной войны. Накануне 70-летия Победы мы вспоминаем имена 30 писателей республики, погибших на фронте, — это А. Алиш, Ф. Карим, А. Кутуй, Н. Баян, Х. Музай, Р. Ильяс, М. Аблеев, Ал. Бендецкий, Вадут, А. Аитов, Х. Рахман, К. Басыров, М. Мустафин, Ш. Гарай, Д. Фатхи, М. Гаязов, А. Камал, А. Гыймадов, И. Закиров, И. Шафиев, Х. Кави, К. Вахит, М. Гатау, М. Мамин, М. Ахметгалиев, Г. Галиев, А. Аминов, С. Мулюков, Л. Вали, Р. Саттар. Особо помним мы великий подвиг Героя Советского Союза Мусы Джалиля в тылу врага.

В течение прошедших восьми десятилетий Союзом писателей Татарстана руководили К. Наджми, Г. Губай, Г. Баширов, А. Шамов, М. Амир, И. Гази, Г. Ахунов, Т. Миннуллин, Р. Мухамадиев, Ф. Галимуллин, И. Ибрагимов. Сегодня в СП работают творческие секции по прозе, поэзии, литературной критике, художественному переводу и русской литературе. В Набережных Челнах и Альметьевске работают отделения Союза писателей РТ. Члены нашего союза также проживают в Москве и Санкт-Петербурге, Башкортостане и Удмуртии, Мордовии и Чувашии, в Челябинской, Ульяновской, Кировской, Тюменской областях и других регионах России.

Тысячелетняя Казань всегда была местом встречи Востока и Запада, центром передовых идей и духовных исканий, диалога различных культур и религий. С ней связана целая плеяда поэтов и писателей, учёных и просветителей, композиторов и драматургов, широко известных в тюркском мире — это Кул Гали и Мухамедьяр, Гаяз Исхаки и Галиаскар Камал, Карим Тинчурин и Салих Сайдашев, Муса Джалиль и Адель Кутуй, Рустем Яхин и Рудольф Нуриев, Марсель Салимжанов и Туфан Миннуллин, а также многие другие. И конечно особой гордостью нашего народа является великий татарский поэт Габдулла Тукай, чьи произведения изданы более чем семимиллионным тиражом на двадцати шести языках народов мира. Таким образом, Казань достойна статуса не только спортивной столицы.

— **Какие мероприятия запланированы в связи с программой «Казань — культурная столица тюркского мира» в 2014 году?**

— В течение года в столице Татарстана проходят научные форумы, творческие вечера, фестивали и выставки. Так, в Доме актёра СТД Татарстана состоялись финальные туры IV Всероссийского конкурса чтецов имени Г. Тукая, в Казанском (Приволжском) федеральном университете — международный симпозиум «Выдающиеся просветители тюркского мира: Мехмет Акиф и Габдулла Тукай». В июне под эгидой Международного театрального фестиваля тюркских народов «Науруз» прошёл III театрально-образовательный форум, на котором был показан легендарный спектакль Саха Академического театра им. П. Ойунского «Желанный голубой берег мой», поставленный в 1982 году по повести Чингиза Айтматова «Пегий пёс, бегущий краем моря».

В рамках Всероссийского фестиваля татарского фольклора «Тугэрэк уен» в Казани пройдёт Международная научно-практическая конференция «Нематериальное культурное наследие тюркских народов как объект сохранения». В сентябре, помимо традиционного Казанского Международного фестиваля мусульманского кино, столица Татарстана примет также II фестиваль «Кожевенное дело в тюркском мире». Кроме того, пройдут музыкальный фестиваль «Тюркский мир», выставка «Общий язык — знак», международная конференция «Истоки и эволюция музыки и литературы тюркских народов» и множество других мероприятий. Итоги официальной

культурной программы года будут подведены 12 ноября на XXXII заседании постоянного совета министров культуры стран-участниц ТЮРКСОЙ, которое пройдёт в Казани.

Не менее насыщена и программа Года культуры, в ней десятки важных и нужных мероприятий. Впрочем, дежурными мероприятиями всех проблем культуры не решишь. А мне хотелось бы, чтобы этот год стал действительно переломным в столь важной сфере.

В нашей стране, особенно на Востоке, по давней традиции каждому году дают название какого-нибудь животного. Вот 2014 год — по гороскопу Год лошади. И это для нас, литераторов, очень знаменательно, ведь крылатый конь Пегас считается символом вдохновения, покровителем поэзии. Да и ваш журнал неслучайно называется «Аргмак». У нас большие надежды на этот год.

Самый первый и самый острый вопрос — это заработная плата. Усилиями депутатов Госсовета, Кабинета министров РТ, президента Татарстана в последние годы очень многое сделано в сфере образования. В течение пяти лет заработная плата учителей выросла почти вдвое и на сегодняшний день составляет почти 28 тысяч рублей. А работники культуры по республике получают в среднем 14 тысяч! И то, если считать в среднем по отрасли. Скажем, в сельских домах культуры оклады составляют всего 5–6 тысяч рублей. Под патронажем Президента РТ на селе сегодня активно строятся дома культуры, но там порою некому работать. Учреждениям культуры не хватает подготовленных специалистов, потому что после окончания вуза мало кто захочет получать такую зарплату, да и с жильём на селе проблемы. Несколько лет назад Госсовет РТ принял закон о культуре. Там есть положение о поддержке молодых специалистов, которые едут работать на село. Но, к сожалению, оно не работает — нет средств. Хотя не такие это большие деньги... Не менее важная проблема — в сельских клубах не хватает современного оборудования. Из музыкальных инструментов там порой лишь старый баян. А как развивать художественную самодеятельность без элементарного театрального реквизита? Были времена, когда всё необходимое для клубов закупалось централизованно, сейчас этим должны заниматься муниципальные органы. Возможно, для решения проблемы необходимо принять такую же программу, как и с медицинскими работниками. В России врачам до 35 лет установили единовременную компенсационную выплату в размере одного миллиона рублей. Кроме того, Кабмин Татарстана установил дополнительные компенсационные выплаты в размере ста тысяч рублей молодым сельским медикам на улучшение жилищных условий. И врачи поехали в деревню.

В последние годы наша республика многое делает по реконструкции и реставрации объектов культурного наследия — это и Елабуга, и Казань, и Свияжск, и Болгар. И это, безусловно, очень ценно. Между тем, в каждом районе республики немало старинных памятников архитектуры, уникальных уголков природы. Однако мы мало говорим о нашем культурном наследии на селе — и ещё меньше делаем для его сохранения. Потому что многие из объектов являются собственностью муниципальных образований, а у них на это не хватает средств. В июне наш комитет по культуре планирует провести выездное заседание в Арске, а перед тем депутаты посетят три района — Атинский, Высокогорский, Арский, познакомятся на месте, как сохраняются объекты культурного наследия. В этом году в Татарстане создан комитет по туризму, точнее, его выделили из состава Министерства по делам молодёжи и спорта РТ. Всем понятно, что этнотуризм — это в большей степени относится к культуре, истории, местным достопримечательностям. Мы можем показать гостям республики не только Казанский Кремль и Раифу.

Сохранение народной культуры не заканчивается проведением одних фестивалей, таких как «Каравон». Мы должны ставить вопрос шире: деревня умирает, а без неё мы не сохраним наших обычаев, родного языка, нравственных устоев, накопленных в веках. Мы принимаем различные государственные программы — по сохранению языка, по развитию сельского хозяйства, развитию образования... А я неоднократно с разных трибун говорил и повторяю: эту проблему необходимо решать в комплексе. Если в деревне не будет детсада и школы — деревня умрёт. Не будет клуба или магазина — и у села не будет будущего. И здоровье важно. Главное, была бы на селе работа. Наконец, и дороги в глубинке строить надо! Кто будет ходить в сельскую школу, если нет работы для родителей? Тогда школа не нужна будет... Много раз мы беседовали об этом с министром сельского хозяйства Маратом Ахметовым, и он тоже это понимает — республике нужна Государственная программа комплексного развития села. Тем более, в разных программах её отдельные пункты уже есть, а какие-то успешно выполняются. Надо их объединить, финансово подкрепить — и тогда появится надежда, что наша деревня будет жить.

— **Вы отметили проблему заработной платы работников культуры как главную. Если власти начинают осознавать, что её надо решать, то не пришло ли время поднять и вопрос об авторских гонорарах? Я был свидетелем, как чиновники самого высокого ранга недоумевали — что это такое. Фонд заработной платы — это им понятно. Про премиальный фонд тоже слышали, однако искренне удивляются: о каких ещё гонорарах им твердят творцы: писатели, художники и композиторы? Возможно ли вообще объяснить властям, что авторское вознаграждение не является ни зарплатой, ни пособием, ни премией, что это отдельная форма оплаты, предусмотренная законодательством?**

— Наши писатели и творческие работники других свободных профессий справедливо поднимают проблему гонораров. Почему-то те люди, которые решают вопросы финансирования, особенно культуры, склонны думать, что гонорар — это подарок. Это же не подачка — за авторство мы должны платить! Этот вопрос в России поднимался ещё при Пушкине. Именно Александр Сергеевич первым начал получать приличные гонорары. Причём на уровне царя этот вопрос решался! Нет у нас сегодня «солнца русской поэзии», кто сможет повлиять на решение этого вопроса. А без этого развитие культуры, литературы и искусства — я не представляю. Творческие люди не должны нищенствовать.

— **В советские годы прозаик, написав роман, на гонорар мог несколько лет кормить свою семью. Когда у меня, выпускника Литинститута, пошла первая пьеса в театре, мне выплатили самый маленький по тем временам гонорар... но и его хватило бы на самую дешёвую тогда автомашину «АЗ»!**

— Могу подтвердить это и своим примером. Будучи студентом Литинститута, я выпустил тоненькую книжку стихов. Получил за неё 800 рублей гонорара — это двадцать моих стипендий! Помню, я тогда почувствовал себя миллионером. Вот это было более-менее нормальное отношение к писателям.

С другой стороны, и тогда на гонорары не все могли прожить. Я могу рассказать историю. Был такой великий композитор Фасиль Ахметов (1935–1990), лауреат Государственной премии РТ имени Г. Тукая, лауреат госпремии РСФСР, народный артист РФ, все звания у него были. Натан Рахлин играл его произведения с большим успехом. Ахметов был инвалидом с рождения, ходил на костылях. Мы с ним дружили. Однажды в 80-е годы нас созвали на республиканский съезд работников культуры. Накануне вечером мы договорились, что утром я заеду на машине, заберу

его, и мы поедem на улицу Горького, где тогда был театр Камала. Утром заезжаю, а Василь Ахметович не одет. Грустный сидит. Я говорю, чего не одеваешься. «Я всю ночь не спал, — отвечает он, — всё думал, и решил: я не поеду. Вот моё письмо делегатам съезда, обещай прочитать его с трибуны».

Я сдержал обещание, хотя в послании Ахметова были не самые лестные выражения. В частности, он писал, что татарский композитор, у которого множество больших произведений и регалий, сегодня просто нищенствует. И завещает своим сыновьям и внукам, чтобы ни в коем случае они не шли в музыканты и композиторы!

После съезда заехал к нему, Фасиль абый уже немного навеселе был. «Прочитал? Молодец! Почему не поехал? — и вдруг он расплакался. — Знаешь, у меня нет костюма. Мне стыдно перед людьми. Я же не могу сказать, что мне, лауреату Тукаевской премии, не платят гонорара. А выйти в рванье я не могу...»

Вопросы повышения гонорарных ставок мы также хотим поднять в этом году. Будем обращаться к руководству нашей республики, чтобы помогли решить эту проблему.

— Гонорары, как известно, напрямую связаны с тиражами книг. Сейчас они упали до уровня XIX века, хотя в прошлом столетии нас считали самой читающей страной в мире.

— Тиражи сокращаются не потому, что стали меньше читать. Скажем, в миллионной Казани сегодня остался всего один книжный магазин, где можно найти произведения татарских писателей, да и тот расположен в подвале... Раньше книжные магазины работали во всех райцентрах республики, в городах их было немало. Поэтому сейчас до половины тиражей книг, изданных за счёт республиканского бюджета, мы передаём в библиотечные системы РТ. Библиотеки в сёлах и районных центрах по-прежнему пользуются читательским спросом, слава Всевышнему, татарстанцы продолжают читать.

— Свидетельство тому — ежегодный конкурс «Книга года», который проводит Национальная библиотека РТ. Лауреатов выбирают не жюри, а сами читатели, выбирая в библиотеках ту или иную книгу — такой рейтинг самый честный и надёжный! Кстати, Разиль Исмагилович, пользуясь случаем, позвольте поздравить вас с победой — в этом году вашей книге «Жизнь моя — песнь моя» читатели отдали первое место в номинации «Публицистика и научно-популярная литература на татарском языке».

— Эта книга, можно сказать, наполовину была сотворена в Набережных Челнах, где с 1981 по 1984 годы мне доверили возглавлять отделение Союза писателей республики. Это был для меня самый плодотворный, активный творческий период в жизни! Мне было 33 года, к тому же в автограде я жил один, так что времени для творчества было достаточно. Семья оставалась в Казани, все заботы о детях легли на плечи жены. КамАЗ уже был построен, гремел на всю страну, в городе жило много молодёжи, обстановка для творческого человека была потрясающая. Раис Киямович Беляев — первый секретарь горкома, по характеру был поэт, бунтарь! Он сам реализовывал идеи, кажущиеся сумасшедшими, и других поддерживал. Какие колоритные личности там жили и работали, тот же легендарный Батя — Евгений Никанорович Батенчук, руководитель ПО «Камгэсэнергострой», самой крупной в СССР строительной организации! В нашей писательской организации собрались талантливые ребята — Рахмай Хисматуллин, Кадыйр Сибгатуллин, Ямаш Игъней, Николай Алешков, Инна Лимонова, Евгений Кувайцев, кого только не было. Мы каждую пятницу проводили творческие вечера, собирали полные залы во Дворце культуры «Энергетик», приглашали поэтов из Москвы и Казани, а также из других городов страны. Лев

Ошанин к нам дважды приезжал. Проводили всероссийские фестивали литературы и поэзии, в общем, там была кипучая жизнь, настоящая творческая атмосфера. Самые интересные времена. Сейчас это уже невозможно.

Я скучаю по тому периоду своей жизни. И всегда считал, что в Набережных Челнах, в закамском регионе, должен быть свой литературный журнал. С болью вспоминаю, как на сессии Госсовета республики обращался к депутатам, что в автограде нет зданий татарского и русского театра. Это недопустимо! Ведь там свыше полу-миллиона жителей, давно надо было построить театр. Это всем должно быть стыдно... И очень признателен Минтимеру Шариповичу Шаймиеву за то, что в своё время он принял решение — возобновить в Челнах литературные издания. Помню, к первому президенту с такой просьбой от имени русскоязычных писателей обратился лауреат Державинской премии Николай Алешков. В результате — пять лет у нас издаётся русский литературный журнал «Аргамак. Татарстан». Так и «Майдан» возродили на татарском языке. Так сегодня по инициативе госсоветника РТ Минтимера Шаймиева Болгар со Свяжском возрождают одновременно — и такой национальный паритет в республике сохраняется неукоснительно. А как можно иначе? Национальный вопрос — самый болезненный, и в нём переосторожничать невозможно.

Если мы живём в одной семье — мы должны друг друга уважать и поддерживать. И я понимаю: русский человек всегда к взаимности стремится. Что такое дружба? Верю в любовь — это самое святое чувство, однако более интимное, к тому же без взаимности угасающее... Скажем, я могу полюбить девушку, хотя она меня не замечает. Дружба куда крепче и мудрее. Она может быть только взаимной! Если человек меня ненавидит, при всём моём желании я не смогу с ним дружить. И если мы хотим жить дружно, все вместе в Татарстане, то должны друг к другу относиться так, как хотели бы, чтоб относились к нам другие.

Я всегда с большим уважением относился к творчеству русских писателей. В Литинституте самыми близкими моими друзьями были Саша Гаврилов и Юра Кузнецов — мы жили в одной комнате общежития. И другие ребята к нам заходили — Бо-

рис Примеров, Николай Рубцов. Потом Рубцов на заочный перешёл... У татар и русских очень много общего. И в характере, и в языке. Нам делить нечего. Надо быть вместе, друг друга поддерживать. Да, мы разные — но ведь тем и интересны!

Альманах «Аргмак. Татарстан» за пять лет превратился в литературный журнал всероссийского масштаба, как и планировали его учредители — ОАО «Татмедиа», в совет директоров которого я вхожу. Не случайно даже московские литературные критики сейчас сравнивают его со столичными литературными «толстяками». Редакция журнала во главе с Николаем Алешковым в прошлом году провела круглый стол главных редакторов многих региональных литературных журналов России, презентации своего издания в Литературном институте имени А. М. Горького, в Центральной научной библиотеке имени Н. Некрасова.

Кстати, в прошлом году «Аргмак. Татарстан» также стал лауреатом республиканского конкурса «Книга года», чему я был искренне удивлён. Книге в таком читательском конкурсе легче победить, особенно если автор — уже состоявшийся, известный человек. А вашему журналу всего пять лет, и ведь это коллективный труд, а не творчество одного человека. Значит, вы делаете журнал как одно целое. Как одну книгу, можно сказать. Ваш журнал — очень солидное издание. И по весу, и по объёму, и по содержанию. И у меня к «Аргмаку» пожелание: чтобы журнал, достигший всероссийского уровня, со временем стал играть большую объединяющую роль в нашей республике. Он важнее даже, чем татарский журнал, потому что тот же «Майдан» только татары читают, а русскоязычный журнал читают все — и татары, и русские, и мари, и чуваша, и мордва, в этом смысле он может быть даже более весомым. Мне очень нравится, что на страницах «Аргмака» появляются в переводе на русский язык лучшие образцы татарской поэзии и прозы. Их дополняют и критические разборы. Хотелось бы, чтоб в татарских журналах было наоборот — образцы русской литературы и других народов в переводе на татарский язык. Думаю, надо вам тираж увеличить в будущем. Сейчас «Аргмак. Татарстан» получают все муниципальные библиотеки, но хотелось бы, чтоб его получали и школьные. Потому что литература должна стать ближе к подрастающему поколению. Приучать молодёжь читать надо с младых лет.

— **К сожалению, образование сейчас уже не считают просвещением. А «образованцы» так же далеки от культуры, как клавиатура компьютера от клавиатуры фортепиано.**

— Ремонт и реставрация памятников архитектуры не должны заслонять главного объекта культуры — человека. Новое здание мы построить можем хорошо, даже научились реставрировать старинные. Вот как построить человека? Воспитанного, красивого, умного, культурного. Именно для того книги наши нужны, наши прекрасные спектакли нужны, телевизионные передачи нужны. Но как приблизить молодое поколение к этому? Мы почему-то отделяем образование от культуры. Хотя они друг без друга не могут существовать. Любого родителя, когда отдаёт ребёнка в школу, мечтает, чтобы тот стал достойным человеком. Не учёным, не отличником. А прежде всего личностью. Без патриотического воспитания, основанного на высоких духовных и художественных ценностях, стать цельной личностью невозможно. Один пример. Несколько месяцев назад я посетил в своём избирательном округе нижекамскую исправительную колонию № 4. Там отбывают наказание около 1200 парней, средний возраст — 24 года. Что меня шокировало и удивило, образовательный уровень в целом очень высокий, где-то четверть осуждённых имеют высшее образование, остальные — со средним образованием или средним профессиональным. Такие ядрёные, крепкие ребята, им бы семьи заводить, детей растить... Прекрасно образованные

люди, если бы воспитание было нормальным, в местах заключения не оказались бы. В этом я вижу результат того, что современная школа стала «образовательным учреждением», где все озабочены некими образовательными стандартами, подготовкой к ЕГЭ, невыносимым объёмом отчётности, и очень мало внимания уделяется воспитанию человека, его внутреннему миру, талантам и способностям.

Культура должна стоять на двух ногах: одна нога — образование, другая — воспитание. Именно об этом я говорил на последнем заседании комитета, который возглавляю в Госсовете РТ. На него был приглашён и министр образования РТ Энгель Фаттахов. Понимание у Энгеля Наваповича есть, но как всё это осуществить — нужно всем вместе обсудить. Нужна продуманная государственная программа.

— **В дни празднования юбилея министры культуры Республики Татарстан и Республики Крым подписали в Казани соглашение о сотрудничестве в области культуры. Разиль Исмагилович, вы одним из первых побывали в Крыму, когда полуостров провозгласил суверенитет.**

— Делегация Государственного Совета РТ побывала в Симферополе ещё до референдума, когда в Крыму сохранялась напряжённая обстановка. Напомню, после киевских событий на «майдане» состоялось экстренное заседание Госсовета Татарстана, на котором депутаты приняли обращение к народу Крыма. В нём говорилось о том, что все набравшие проблемы необходимо решать только мирно — путём переговоров. Это наше обращение и сегодня актуально. Мы поехали туда, передали наше обращение руководству Крыма, хотя попасть к ним и встретиться было не так просто. Когда мы приехали, там захватили здание парламента. Небезопасно было, поэтому нас туда не пустили. Три дня мы ждали встречи с главой парламента Владимиром Константиновым, никак не удавалось её провести, в Симферополе всё время шли митинги. В это время мы, конечно, не сидели без дела — встречались с представителями разных общественных организаций. Самая крупная из них — Милли меджлис крымско-татарского народа. Оказалось, крымские татары — очень сплочённый, политизированный народ. У них работают около ста общественных организаций, которые занимаются не только национальными вопросами, но и образованием, и обустройством жизни. С представителями Милли меджлиса сначала найти общий язык было не так просто. Кстати, меня пригласили на прямую передачу на телевидение, и журналисты нам задавали очень острые вопросы. Один их первых: «Вы зачем приехали, мы же вас не приглашали. Вас Путин, что ли, попросил?» И попеняли, дескать, давненько вас не видели, а тут — нате... Я ответил: «У татар принято по приглашению в гости ходить. От вас приглашения не было — вот мы и не приезжали. Но когда у соседа случится беда, скажем, пожар, мы не ждём приглашения, берём лопату, хватаем ведро — и бежим спасать. Вот у вас беда случилась — мы приехали узнать, чем можем помочь?» Мои слова нашли понимание, постепенно диалог налажился. Мы предложили расширить культурное сотрудничество, а Президент Татарстана Рустам Минниханов пригласил их молодёжь получать образование в казанских вузах. С дореволюционных времён крымские юноши приезжали в Казань на учёбу и в медресе. Такие предложения они приняли и в дальнейшем даже попросили нас быть посредниками в переговорах с представителями Государственной Думы, когда из Москвы к ним прилетели народные депутаты. В частности, Владимир Жириновский на один день прилетал, но не как вице-спикер, кажется, а в качестве лидера ЛДПР.

Что я отметил — это очень хорошую юридическую подготовку среди крымских татар. Потому что все годы украинского правления у них не было в Крыму правового статуса. Для них самые острые вопросы — сохранение языка, открытие нацио-

нальных школ, национальных учреждений культуры. Вторая проблема — получение и оформление земельного участка.

Настороженно они относятся ко всему, потому что у них ещё не утихла боль: считается, что крымские татары подверглись двойной депортации — в 1944 году их насильно переселяли в Узбекистан, а после 1989-го фактически стали выдавливать из Средней Азии... А на родине в Крыму им пришлось отстаивать право на жизнь, на жильё и труд.

Лично я не понимаю, как можно было обвинить в предательстве целый народ. Даже если они и сотрудничали с фашистами в годы оккупации, то в Красной Армии и партизанских отрядах значительно большее число крымских татар воевали против Гитлера. Дважды Героем Советского Союза стал их соплеменник Ахмет Султан, были среди них и двое генералов, и двое полных кавалеров ордена Славы. А подавляющее большинство населения полуострова помогали партизанам... Но именно их прежде всего коснулись репрессии! Что делать, нашего великого поэта Мусу Джалиля какое-то время тоже считали предателем... Однако исторические ошибки исправлять необходимо.

Мы говорили по-татарски и понимали друг друга без особого труда. Наши языки родственные, как русский с украинским, а может даже ближе. У крымских татар сохранились два диалекта — горный, ближе к морю, и степной. Словарный состав на 50–70% совпадает — это тоже сыграло свою роль. В конце концов, Милли меджлис согласился на подписание договора о сотрудничестве со Всемирным конгрессом татар.

Хорошо, что Президент Татарстана Рустам Нургалеевич Минниханов очень активно вмешался в переговорный процесс — это и федеральному центру серьёзно помогло разобраться в крымских реалиях. Наша республика сейчас взяла шефство над Бахчисарайским районом, где проживает треть всех крымских татар. Для них Бахчисарай — священное место, бывшая столица Крымского ханства.

— **Для русских это место, воспетое Пушкиным в своей романтической поэме, думаю, не менее святое! Разиль Исмагилович, ваши личные впечатления — каким вы увидели Крым?**

— Первый раз я попал в Коктебель после окончания Литературного института. Сорок лет назад я был восхищён крымской природой и прекрасными домами творчества. С тех пор каждый год на один месяц приезжал в Крым. Согласитесь, в Казани не до стихов, мешает суета, множество важных встреч и телефонных звонков... А там среди гор и морского простора не писать просто невозможно! В доме творчества в Коктебеле пишут все, друг другу читают, говорят только о творчестве, о литературе. Волей-неволей приходишь в эту творческую атмосферу.

Примерно раз десять я там был в домах творчества, а потом довольно долго не бывал... Увы, сегодня в Крыму всё выглядит очень запущенным. Обшарпанные дома в городах. Разумеется, украинские олигархи понастроили шикарные особняки по побережью, но в туристическую инфраструктуру вкладываться не спешили... А местные жители живут в пятиэтажных хрущёвках, ходят по потрескавшимся тротуарам в облезлые магазины — сервис, как у нас в восьмидесятые годы, хотя товары, конечно, там есть любые. Но народ бедствует, зарплаты низкие. И ведь живут в таком райском уголке!

Мы много общались с местным населением, из чего можно сделать вывод: простым людям не до большой политики — многие честно признавались, что хотя в Россию, потому что «на материке» зарплаты выше. Разве можно упрекнуть этих людей в меркантильности? Патриотизм, конечно, присутствует, но пенсии старикам важнее, особенно, когда киевские власти перестали их платить. Людям просто хочется жить лучше, растить и учить детей. А главное, не бояться выйти на улицу — и не получить железным прутом по голове от безголового футбольного фаната...

Мы больше были в Симферополе, однако назад улететь не смогли, потому что воздушное пространство закрыли... Поэтому пришлось на автомобиле проехать через Севастополь, Бахчисарай. После казанских улиц, признаться, крымские дороги показались нам очень неухоженными. Дальше пришлось столкнуться с украинскими блокпостами, пока мы добрались до аэропорта в Мариуполе, нас несколько раз останавливали. Страшно не было, но чувствовалась напряжённость.

В общем, вряд ли мы сможем в ближайшее время поехать в Крым, чтобы отрешиться от проблем и заняться творчеством... Возможно, для литературы ещё придёт время, другая атмосфера настанет в обществе. Впрочем, я много бывал за границей, и замечал, что в спокойной сытой Европе обстановка также мало располагает к творчеству. Европейский уклад больше практичный, прагматичный, приземлённый. Я не очень люблю Европу. Например, в Германии на площадях если кто-то играет на скрипке или поёт под гитару — так только для того, чтобы денег заработать.

А вот в Мексике совсем другая обстановка! Там народ очень любознательный и атмосфера царит творческая. Везде поют, пляшут, играют. В Гвадалахаре, например, один человек на городской площади часами стихи читает. Прямо как у нас в годы оттепели, в пору нашей юности...

В БОЛГАРЕ СОЗДАЮТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРК

В этот летний сезон в древнем городе Болгар начали реализовывать проект по созданию экспериментального археологического полигона, включающего в себя лабораторию экспериментальных исследований и комплекс реконструированных ремесленных сооружений, а также формирование Международной полевой археологической школы.

Концепция Болгарского археологического парка и научно-исследовательской лаборатории минувшей весной была одобрена экспертами на заседании Международного межведомственного научно-методического экспертного совета фонда «Возрождение» с участием председателя Международного экспертного совета — ректора Казанского (Приволжского) Федерального университета Ильшата Гафурова.

Представлял данный проект на заседании экспертного совета заведующий кафедрой археологии и этнологии Казанского университета, заведующий Национальным центром археологических исследований Института истории имени Ш. Марджани Академии наук РТ Айрат Ситдилов. Основные направления деятельности создаваемого центра — это экспериментальные и полевые археологические исследования, изучение и практика методов консервации и реставрации археологических объектов, разработки в области музейного дела. Образовательная и просветительская деятельность центра охватит широкий круг учащихся школ и студентов вузов, научных и музейных работников, наконец, жителей и гостей республики — всех посетителей экспозиции экспериментального полигона. «Археопарк — это вся территория Болгарского городища, — отметил Айрат Ситдилов, — но с локальным концентрированным выражением в одном месте, где происходит взаимодействие экспериментальных лабораторий, текущих раскопок и научных исследований». Иными словами, туристы получают возможность не только познакомиться с экспозицией Музея болгарской цивилизации и походить по древнему городищу, но и увидеть непосредственно археологические раскопки, последние научные находки.

Государственный Советник Республики Татарстан, Председатель Попечительского совета Республиканского фонда «Возрождение» Минтимер Шаймиев в своём выступлении отметил: «И в Свияжске, и в Болгаре выполнен значительный объём реставрационных работ, и теперь археология становится самым важным и ответ-

ственным направлением. Важно и то, что теперь мы по Болгару имеем рекомендации консультативной миссии ИКОМОС. Как вы знаете, в ходе миссии в целом дана положительная оценка комплексу мероприятий и методов по сохранению археологических памятников древнего Болгара. Отмечен программный и системный подход к проведению работ». Как подчеркнул Минтимер Шаймиев, специалистами ИКОМОС была отмечена ценность неразрушающих методов исследования, которые, благодаря учёным Казанского университета, применялись в Болгаре.

Такие методы уже привели к получению большого объёма новой информации и позволили осуществить стратегический выбор новых местоположений для раскопок. Консультативная миссия сделала вывод, что земляные работы и археологические исследования соответствуют принятым на международном уровне стандартам археологических раскопок. При этом представители ИКОМОС рекомендовали разработать долгосрочную стратегию раскопок, которая должна предусматривать стратегию неповреждающего сохранения территорий как резервов для будущего исследования и сохранения археологической целостности объекта в целом. «Исходя из этого, предложенное археологами и поддержанное Республиканским фондом «Возрождение» новое направление представляет большой интерес, — сказал госссоветник РТ. — Создание экспериментальной археологической лаборатории и археологического музея под открытым небом, так называемого археологического парка, будет привлекательно как для туристов, так и для специалистов». Создание археологического парка в Болгаре позволит обеспечить необходимые условия для большего раскрытия историко-культурного потенциала этого комплекса и, по мнению Минтимера Шаймиева, даст возможность использовать на полную мощность ресурсы созданного в Болгаре Международного центра археологических исследований.

Свои идеи и предложения по проекту также высказали председатель Российского национального комитета всемирного культурного и природного наследия при Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, президент Российского национального комитета ИКОМОС Игорь Маковецкий, министр культуры РТ Айрат Сибатуллин, председатель Государственного комитета по туризму РТ Сергей Иванов, вице-президент Академии наук РТ, директор Института истории им. Ш. Марджани Рафаэль Хакимов, директор Института истории, востоковедения и международных отношений К (П) ФУ Рамиль

Хайрутдинов, помощник Президента РТ по социальным вопросам, исполнительный директор Фонда «Возрождение» Татьяна Ларионова, заместитель генерального директора ГУП «Татинвестгражданпроект» Андрей Морозов. В ходе обсуждения члены экспертного совета одобрили проект центра в целом.

«Время подошло, и мы сейчас должны заняться привлечением туристического потока, — подчеркнул Государственный советник РТ, председатель Попечительского Совета Республиканского фонда возрождения памятников истории и культуры РТ Минтимер Шаймиев. — За 2013 год Болгар посетили 192 тысяч человек, Свяжск — 108 тысяч, сообщает пресс-служба Президента РТ. Тысячи людей собираются на мероприятия, которые проводят традиционно в Болгаре и Свяжске».

Свою положительную роль в деле возрождения памятников истории и культуры, по мнению Государственного Советника РТ, сыграло и постановление Кабинета Министров РТ о популяризации культурно-исторического наследия. Минтимер Шаймиев в своём выступлении особо обратил внимание участников заседания, что проект создания в Болгаре археологического парка является пока единственным в России.

На заседании также выступили директор государственного историко-архитектурного и художественного музея «Остров-град Свяжск» Артём Силкин и генеральный директор Елабужского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника Гульзада Руденко. Председатель Государственного комитета по туризму РТ Сергей Иванов доложил, что «за последние годы Болгар и Свяжск показывают самый большой прирост туристического потока среди достопримечательностей республики». По его словам, с 2010 года организованный туристический поток в Болгар вырос в 3,8 раза, в Свяжск — почти в 11 раз. Глава комитета по туризму также высказал предложения по привлечению туристов в древний город и остров-град. «В первую очередь мы будем разрабатывать бренды для наших туристских центров, — отметил он. — Начиная с этого года мы планируем позиционировать Болгар и Свяжск на крупнейших международных туристских выставках в Китае, Великобритании, а в дальнейшем — в Германии, Турции, Испании, Израиле и странах арабского мира». Для зарубежных и российских журналистов и туроператоров будут проводиться ежегодно специализированные, рекламные, информационные пресс-туры. Особое внимание, по словам докладчика, будет уделено продвижению Болгара и Свяжска в Интернете. Работу по продвижению также планируется построить и через полномочные представительства Татарстана в российских регионах и за рубежом.

Говоря о проблемах, которые необходимо решить в сфере развития туристической инфраструктуры и создания благоприятных условий для туристов, глава Госкомитета по туризму РТ подчеркнул, что необходимо расширить парковочные зоны для автомобилей, создать условия для приёма речных судов, развивать рекреационные возможности для отдыха и развлечений. Для привлечения туристов в Болгар и Свяжск Сергей Иванов предложил также проводить там религиозные обряды, такие как венчание, никах, имянаречение и другие.

Большую роль предлагается отвести развитию событийного туризма. На этот год запланирован целый ряд таких мероприятий. Одно из них — Изге Болгар жыены, на который традиционно собираются тысячи паломников не только из Татарстана и соседних республик, но и стран дальнего зарубежья. Как сообщил Минтимер Шаймиев, планируется, что в этом году жыен пройдёт 14 июня.

Сергей Тимофеев

ЖУРНАЛ «АРГАМАК» КАК ФЛАГМАН СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературный журнал «Аргамак. Татарстан» № 1 (14) 2013

Открывая этот хорошо изданный, хорошо оформленный журнал, прежде всего обращаешь внимание на то, что в его редколлегию входят представители разных творческих союзов, из разных городов, что и становится предпосылкой высокого уровня опубликованных материалов. Печатаются в «Аргамак» не только писатели из Татарстана, но со всей России. Москва, Петербург, Елабуга, Воронеж, Самара — далеко не полная литературная география этого номера. Хотел бы обратить внимание уважаемых господ литераторов из Саратова, желающих «изолироваться» в своих изданиях от писателей других регионов: «Аргамак» — это ещё один пример хорошего нестоличного журнала, который печатает не только местных авторов из Набережных Челнов, а представляет всю Россию, современную её литературу, литературный процесс и самых значимых его творцов. У них есть чему поучиться — и в плане художественного уровня, и в плане умения объединяться.

Номер открывается рассказом о самых значимых событиях Фонда возрождения памятников истории и культуры Республики Татарстан за 2012 год, о поэтическом фестивале имени Лобачевского в Казани и о многом другом.

Представляют интерес публикации читательских писем, причём из самых разных городов — Волгограда, Новокуйбышевска, Красноярска, Воркуты, Москвы, и даже из разных стран — США, Германии, Италии. Неравнодушное прочтение словно бы перебрасывает «мостик» от одного номера к другому.

Нестандартны и названия рубрик: «Музы русской поэзии», «Витязи русской поэзии» и др. Впрочем, это разделение по гендерному признаку никак не сказывается на качестве материалов. В номере — прекрасные стихи Светланы Голубевой, Дины Садыковой, Андрея Фролова, Алексея Борычева.

Через весь номер связующей нитью проходит тема сохранения Литературного института имени Горького, в 2012 году признанного Министерством образования и науки «неэффективным». В журнале помещены архивные фотографии Николая Старшинова и Семёна Шуртакова, Юрия Казакова, Юлии Друниной, Виктора Астафьева, Николая Рубцова, Владимира Соколова, Евгения Евтушенко; фотографии с литинститутских семинаров 60–80-х годов, современные фото (из архива Литинститута). Эта же тема заявлена в анонсе главного редактора Николая Алешкова, ей же посвящена беседа писателя С. А. Грачёва с Б. Н. Тарасовым, ректором Литературного института, заслуженным деятелем РФ, доктором филологических наук, писателем. Основная мысль ректора заключается в том, что «творческое образование является национальным достоянием... и одной из наших национальных ценностей...»

Высокий уровень творческого образования и его ценность подтверждают и публикации выпускников Литинститута (для них в номере выделена специальная рубрика «Тверской бульвар, 25»). Очень сильная проза и стихи: лирическая, исповедальная повесть Айдары Сахибзадинова «Магический кристалл», лирические, похожие на стихи прозаические миниатюры Ольги Кузьмичёвой-Дробышевской, песенные, хрестоматий-

ные, объединённые темой Родины стихи Константина Скворцова, стихи Магомеда Ахмедова («Небесный Дагестан»): «Синие песни синих небес!/Разве я смог бы жить без вас?/Гляну на небо — там горы и лес,/Там, в облаках, мой второй Кавказ». «Петербургская поэма» Геннадия Морозова опровергает миф о том, что поэмы сейчас не актуальны, это вымирающий жанр и никто их теперь не в состоянии написать профессионально.

Кроме того, представлена в журнале публицистика, актуальная не только для жителей Татарстана, но и написанная в острой, сатирической манере, например, статья Вячеслава Лютого.

Чувство Родины, любовь к жизни, позитивное отношение к окружающему миру объединяют художественное пространство «Аргамак». У журнала чётко выдержанное патриотическое направление.

Направленность журнала прочитывается по эпиграфу: «Поэзия — это отнюдь не частное дело (...) поэзия даже не столько литература, сколько один из видов служения России, поле духовной брани за неё» (Диана Кан). Как выяснилось в дальнейшем, каждый номер журнала имеет свой эпиграф, подчёркивающий тематическую и общественную направленность.

Один из самых ярких материалов — «Заметки», как их называет автор (а на самом деле — полновесный очерк) Дианы Кан о Юрии Кузнецове. Всё, что пишет Диана Кан, близко и знакомо, написано с душой, с любовью — к поэзии и к тем людям, которые помогли поэтессе на творческих путях.

Много внимания уделено и творчеству молодых поэтов. И они действительно стоят того. Об этом говорит статья Геннадия Красникова, доцента Литературного института им. А. М. Горького «Четыре пути — четыре надежды». Эти четыре надежды — Наталья Иванова, Дарья Ильгова, Снежана Холодова, Роман Ненашев. Из четырёх надежд — Роман Ненашев, по мнению Красникова, продолжает линию Давида Самойлова и Владимира Соколова.

Присутствует и краткий профессиональный и неравнодушный разбор авторских полётов (рубрика «Издано в России»). Это обзоры литературно-художественных журналов, альманахов и книг, вышедших за последнее время в России, доброжелательные и объективные одновременно.

Украшением журнала является цветная вкладка, на которой представлены работы известных художников, рядом публикуются статьи искусствоведов.

Стоит отметить и профессиональное оформление журнала художницей Ольгой Беловой-Недовизий. Она тонко чувствует дух и своеобразие каждого проиллюстрированного ею произведения и в то же время сохраняет неповторимый авторский стиль.

Журнал «Волга» № 1 (2) за 2014 год, г. Саратов

ОТВЕТ ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА «ВОЛГА» Е.С. ДАНИЛОВОЙ

Уважаемая Елизавета Сергеевна!

Сердечно благодарю за добрый отзыв «Журнал «Аргамак» как флагман современной литературы», опубликованный в номере 1 (2) за 2014 год в «Волге». Это первый серьёзный отклик в российских изданиях за все 18 выпусков «Аргамак» (5 лет существования). Конечно, мы нуждаемся в такой поддержке, воспринимаем её как аванс на будущее. Кто, если не мы (провинциальные журналы), будем интересоваться делами друг друга?

Оценка «Аргамак» вашим журналом многим литературным снобам, особенно из Москвы и Петербурга, может показаться завышенной. Может, они и правы, но... уже давно даже некоторыми столичными критиками замечено преимущество того, что издаётся в российских регионах, перед столичными «толстяками». Они продолжают грызться между собой по устаревшим идеологическим предпочтениям: «заединчики» воюют с «либералами», «Наш современник» с журналом «Знамя». А литературный процесс, который как бы сам по себе идёт на огромных российских пространствах, говорит о том, что можно любые идеологические, стилистические дискуссии проводить и на одной издательской площадке, не разрывая творческий потенциал писательского сообщества на куски. Это ни к чему хорошему не приводит. Единный Союз писателей давно и бессмысленно распался на «парад суверенитетов».

Такие региональные журналы, как красноярский «День и ночь», саратовская «Волга», воронежский «Подъём», волгоградский «Отчий край», оренбургский «Гостиный двор» публикуют на своих страницах авторов «хороших и разных», порой полярных по своим убеждениям и пристрастиям. На таких же позициях стоит и «Аргамак». Наша общая политика не разъединяет, а объединяет литературное сообщество. Жёсткий принцип должен быть только один — качество текста.

Кстати говоря, серьёзные навыки редакторской работы я начал получать именно в саратовской «Волге». Это было в начале 80-х годов прошлого столетия, когда я заканчивал Литературный институт им. А. М. Горького и попросился к вам на практику. Около месяца работал литконсультантом в отделе поэзии под руководством высокоуважаемого мною Владимира Ивановича Пыrkова. Всегда буду благодарен ему за добрые уроки профессионализма, а также за то, что позднее в вашем журнале была опубликована моя первая поэма «Орловское кольцо» (к сожалению, не помню, какой год и какой номер).

Не сомневаюсь, что нам с Вами и в довольно неопределённом будущем (в современном литературном процессе в России трудно что-либо загадывать более чем на год-два) необходимо поддерживать друг друга, сотрудничать и дружить.

Спасибо!

Николай Алешков

НУЖНО ЛИ ИЗДАВАТЬ АВТОРОВ ИЗ ДРУГИХ РЕГИОНОВ ЗА СЧЁТ ТАТАРСТАНСКОГО БЮДЖЕТА?

В интервью, опубликованном в газете «Республика Татарстан» 24 апреля 2014 года в связи с торжественными мероприятиями, посвящёнными 80-летию Союза писателей Татарстана, председателю правления этой творческой организации Рафису Курбанову корреспондентом Александрой Дашиной был задан следующий вопрос:

— **Сегодня в Татарстане, по сути, два союза писателей (я имею в виду также Татарстанское отделение Союза российских писателей). Ваше отношение к этому? Есть ли у вас совместные проекты с другими писательскими организациями, российскими и зарубежными?**

И вот что сказал Рафис Харисович:

— **Писатели, думаю, вправе быть членами любого союза, а также создавать новые. Меня смущает только то, что татарстанские члены Союза российских писателей одновременно стремятся внедриться в наш союз. Так, руководитель челнинского отделения СРП Николай Алешков (член и нашего союза)**

за счёт татарстанского бюджета издаёт журнал «Аргамак», где печатаются в основном произведения писателей других российских регионов, местные же — изредка и от случая к случаю. А руководитель нашей секции русской литературы и перевода Лилия Газизова, являясь одновременно членом Союза российских писателей, занимается в основном организацией мероприятий СРП. А где системная работа по организации переводов татарских авторов на русский и другие языки? Где фестивали имени Рустема Кутуя, Диаса Валеева, Геннадия Паушкина? Мы рады и всегда готовы к сотрудничеству с Союзом российских писателей, но на основе взаимопользных договорённостей.

ОТВЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН Р.Х. КУРБАНОВУ

Уважаемый Рафис Харисович!

Не могу не ответить Вам, ибо Вы подвергли сомнению издание журнала «Аргамак. Татарстан» — дело, которому я служу последние пять лет. В частности, меня удивило и озадачило Ваше мнение о том, что, оказываясь, я в числе других «татарстанских членов Союза российских писателей» стремлюсь внедриться в СП Татарстана, вероятно, для того, чтобы вместе с Лилией Газизовой создать там «пятую колонну».

Во-первых, Лилия Газизова в настоящее время не имеет никакого отношения к журналу «Аргамак». У нас разные литературные пристрастия. Во-вторых, она сотрудница Вашего аппарата. И выяснение с ней отношений не в кабинете Союза писателей, а на страницах главной республиканской газеты выглядит смешно и снижает Ваш рейтинг как руководителя.

К Вашему сведению, я был принят в Союз писателей СССР в 1984 году, кажется, раньше, чем туда же были приняты и Вы. И принимал нас с Вами в те далёкие советские годы Союз писателей ТАССР, входивший в единый и неделимый Союз писателей СССР как республиканский филиал. Зачем забывать историю? Я никогда не выходил из Союза писателей Татарстана, дважды избирался членом его правления, и мне абсолютно незачем в него внедряться. Хорошо, что Вы согласны с мнением о праве писателя «быть членом любого союза». Это позволяет нынешнее законодательство, таковы сегодняшние реалии, поскольку «единый и неделимый» распался не на один десяток творческих союзов, демонстрируя «парад суверенитетов».

Казалось бы, спорить не о чем. Тем не менее, постараюсь объяснить, ради чего в 1999 году я вместе в группой товарищей открыл в Набережных Челнах Татарстанское (а не челнинское, как почему-то трактуете Вы) отделение Общероссийской общественной организации «Союз российских писателей» и получил на него государственную регистрацию. Вслед за этим была открыта примкнувшая к нам Казанская городская организация СРП под руководством ныне покойного Виля Салаховича Мустафина (сейчас его заменяет драматург, прозаик, театральный деятель, заместитель главного редактора журнала «Аргамак. Татарстан» Александр Воронин).

К тому времени (к 1999 году) приём в Союз писателей Татарстана русских авторов был резко ограничен, как, впрочем, замедлен он и сегодня. Вы говорите в интервью: «Сейчас в нашем союзе состоят 330 писателей...» Немалая цифра. И я разделяю Вашу тревогу, что «210 из них — люди пенсионного возраста». Но почему никто ни разу не задумался, что русских писателей в Союзе писателей Татарстана почти в десять раз меньше, чем татар? Русских-то вроде живёт в Татарстане никак не меньше 40 или 45 процентов. И почему, например, Государственная премия РТ имени Габдуллы

Тукая присуждается только татарским писателям? Что, писатели-фронтовики Тихон Журавлёв и Геннадий Паушкин (ныне покойные) или поэт Николай Беляев, один из лучших переводчиков татарской поэзии на русский язык (ныне живущий), не заслужили её? А Рустем Кутуй, писатель мирового масштаба, не был вознаграждён этой премией только потому, что писал на русском языке?

В моих вопросах ищите и ответ — ради чего мы затеяли создание ещё одной писательской организации в Татарстане. Сегодня в нашем отделении Союза российских писателей 53 человека. У некоторых из них документы на приём в СП Татарстана пролежали от пяти до десяти лет, но так и остались без ответа. Не графоманы ли они, как можете предположить Вы, судя по Вашему же интервью? Тут надо решать поимённо, у кого графоманов больше, но я надеюсь, что до этого не дойдёт.

Да, некоторые члены СРП состоят и в Союзе писателей Татарстана. Но Вы вроде понимаете, что это не запрещено. Мало того — процесс-то обоюдный. Некоторые члены СП Татарстана являются одновременно членами Союза писателей России, а некоторые — членами международного ПЕН-центра. Да и весь Союз писателей, которым Вы сегодня руководите, входит, если я не ошибаюсь, в Международное сообщество писательских союзов и в Международный Литфонд, которыми в Москве руководят Иван Иванович Переверзин и Станислав Юрьевич Куняев. И мы, члены СРП, туда входим. Получается, что все в одном котле варимся, надеясь на перемены к лучшему. Так откуда же у Вас стремление разделить литературное сообщество на своих и чужих, откуда двойные стандарты: кому-то что-то можно, кому-то нельзя?

Может быть, Вы боретесь за национальные приоритеты? Тогда более честным было бы стремление преобразовать Союз писателей Татарстана в Союз татарских писателей. Вот Вы обмолвились в интервью, что писатели вправе создавать новые союзы. Флаг в руки, как говорится...

Лично я не столь радикален в сложнейших межнациональных отношениях, и поэтому предпочитаю, чтобы остался в целостности и сохранности Союз писателей Татарстана. Отдаю себе отчёт, что для русских писателей возможностей реализовать себя в России больше (во всяком случае — пока), что татарский писатель может работать и развиваться только в своей языковой среде, в своих национальных обычаях и традициях, что другой родины у него нет, что несколько миллионов татар, живущих в других регионах, тянутся душой и сердцем к Казани, к Татарстану. Всё это несомненно следует учитывать. Но я прошу учесть и то, что Татарстан с рождения и моя родина, ставшая родиной для всего населения республики. В моих родных Набережных Челнах, например, сегодня живёт более полумиллиона человек. Они представляют более 80 национальностей, они создавали на берегу Камы современный мегаполис, съехавшись со всех концов огромной страны под названием Советский Союз.

Все они, между прочим, общаются между собой на русском языке. В нашей республике два государственных языка: татарский и русский. Я считаю, что это справедливо при устройстве федеральных отношений. Вот и крымско-татарский язык стал государственным на нашем возвращённом в Россию черноморском полуострове. Это же общий праздник!

Нельзя забывать и того, что русский язык, имеющий международный статус, остаётся языком межнационального общения на всём постсоветском пространстве. Отсюда проистекает и мой ответ на Ваше сетование о татарстанском бюджете: нужно ли за его счёт публиковать в «Аргамак» произведения писателей из других российских регионов, а я бы продолжил — также из ближнего и дальнего зарубежья.

На мой взгляд, нужно и даже необходимо. Во-первых, Татарстан никуда не ушёл и не собирается уходить из общероссийского налогового поля, а налоги, как известно,

платят все граждане России, мы с Вами в том числе. Вы накануне юбилея СП выпустили на татарском языке две замечательные книги нетатарстанских авторов: повести Чингиза Айтматова и стихи Расула Гамзатова. Я этому радуюсь вместе с Вами, а Вы недовольны, что «Аргамак» печатает русских авторов из других регионов. Как же так? Деятельность возглавляемого Вами Союза финансируется из того же татарстанского бюджета, не так ли?

Журнал «Аргамак. Татарстан» изначально задумывался не местечковым (челнинским или татарстанским), а общероссийским изданием. Эту идею поддержали и первый президент Татарстана Минтимер Шарипович Шаймиев, благословивший журнал в добрый путь, и наши учредители из ОАО «Татмедиа», что значительно расширило возможности редакции регулярно рассказывать о достижениях Татарстана, о его культуре и искусстве не только внутри республики, но и на пространствах от Калининграда до Владивостока. Я горжусь, например, что имя главного редактора «Аргамака» внесено в четвёртый том книги благодетелей, участвующих в возрождении национальных святынь: государственного музея-заповедника Болгар, где был принят ислам, и православного острова-града Свяжск. Я считаю этот проект, взлелеянный и выстраданный Государственным советником М. Ш. Шаймиевым, событием планетарного масштаба.

Вы утверждаете, Рафис Харисович, что в «Аргамак» печатаются «в основном произведения писателей других российских регионов, местные же — изредка и от случая к случаю». Если бы Вы просмотрели (я уж не говорю — проанализировали) все девятнадцать выпусков журнала, периодичность которого один раз в три месяца, то убедились бы, что это не так. В каждом номере находится место для авторов Татарстана: и членов и не членов Союза, и татар, и русских, и представителей других национальностей. Чтобы это стало очевидным, я обещаю Вам в следующем, двадцатом, номере «Аргамака» опубликовать полный список наших авторов. Кроме того, две цветные вклейки каждого номера отдаются авторам фотовернисажей из Татарстана и татарстанским художникам — с материалами, рассказывающими о них.

И, конечно, мы с удовольствием публикуем талантливые произведения своих коллег со всей России, а также из зарубежья. Главная наша ставка — на качественный текст и его художественную убедительность. Кстати, никакого приоритета у членов Союза российских писателей при этом нет. Только однажды мы позволили себе целевой выпуск их материалов. Ну и что? Накануне у нас был целевой выпуск под рубрикой «Писатели Татарстана». А ещё были два целевых выпуска с произведениями выпускников и нынешних студентов Литературного института имени А. М. Горького, в котором, как известно, учились многие татарстанцы. В чём-то благодаря и этим публикациям в Литинституте возрождается, слава Богу, кафедра художественного перевода. Вполне возможно, что один из семинаров переводчиков будет с татарского языка.

Надеюсь, что вектор нашего дальнейшего участия в современном литературном процессе останется консолидирующим, объединяющим, не делящим писателей на своих и чужих. Только при таком подходе можно дать читателю качественный продукт — экологически чистую духовную пищу...

Мне трудно поверить, Рафис Харисович, и в Ваши слова о том, что Вы «рады и всегда готовы к сотрудничеству с Союзом российских писателей, но на основе взаимовыгодных договорённостей». Неделя за три до празднования 80-летия СП Татарстана Вы обещали для «Аргамака» статью на эту тему — дескать, она уже написана на татарском языке, и Вы распорядитесь, чтобы её перевела на русский Лилия Газизова и прислала нам. Вашей статьи я так и не дождался. Лилия Рифкатовна по телефо-

ну сказала, что никаких распоряжений на этот счёт от Вас не получала. Материалы к юбилею Союза писателей Татарстана мы публикуем в номере, который Вы держите в руках. К сожалению, пришлось обойтись без Вашей статьи.

А на самом юбилее, который замечательно прошёл в фешенебельном комплексе «Корстон», всем были вручены подарочные пакеты, в которых кроме футболок и бейсболок было немало только что изданных книг, журналов и буклетов. Здорово! Меня (и не только меня) неприятно поразило одно: почему в этих книгах, журналах и буклетах нет ни одной строчки на русском? Откуда такое пренебрежение к одному из государственных языков Татарстана и ко всем тем, кто пишет на нём?

*Николай Алешков,
председатель Татарстанского отделения
Общероссийской общественной организации
«Союз российских писателей»*

ВСПОМНИЛА, ПРОЧИТАВ «АРГАМАК»...

Хороший у вас журнал, аргамаковцы! Особенно меня порадовали воспоминания о мензелинском театре Марины Май, дочери моей коллеги по сцене, заслуженной артистки Татарстана Фанисы Салиховны Зайнутдиновой, опубликованные в № 1 (14) за 2013 год под заголовком «Запоздалое признание».

Мне тоже многое помнится из актёрской жизни, хотя я до сих пор, несмотря на возраст, не покидаю сцену родного мензелинского театра. Хочу несколько добрых слов замолвить о Рафаэле Усманове, который в своё время недолго проработал в нашем театре, но мы его не забыли, поскольку он своим упорством, терпением, трудолюбием положительно повлиял на всю труппу. Помню, с каким энтузиазмом он включился в работу по созданию нового спектакля о незнакомой для нас жизни древних народов Средней Азии — с головой погрузился в тему, завалил нас историческими материалами, заставил поверить, что мы сможем сделать хороший спектакль. Главный режиссёр М. Мостафин поверил в творческие возможности Рафаэля, доверил постановку ему. И был успех. Успех сопутствовал также другому спектаклю с участием Рафаэля — «Мин солдат хатыны» («Я жена солдата»).

Впрочем, люди в провинциальном национальном театре познаются не только в спектаклях. В частности, репетировать нам доводилось только в периоды бездорожья, а всё остальное время уходило на гастроли по районам, сёлам и деревням. Однажды в марте взяли с собой на гастроли только что выписавшегося из больницы Рафаэля. К концу месяца резко потеплело. А нам предстоит переправа через реку Ик. Мост уже залит водой, рабочие собираются его демонтировать. Куда деваться? Возвращаться назад восвояси? Но нас ведь ждут зрители! Спектакль должен состояться в любую погоду! Мы растерялись. Но мужики решили, что успеем переправиться...

На середине моста двигатель заглох. В автобусе — тишина, обычно предшествующая панике. Рабочие с берега кинули нам трос, чтобы закрепить его на фаркоп. Но кто полезет в холодную весеннюю воду?

Пока судили-рядили, Рафаэль разделся и, оставшись в нижнем белье, собрался ринуться в паводок. К счастью, тем временем сзади огромная вахтовая машина вытолкнула нас на берег. Но намерение Рафаэля спасти людей ценой собственной жизни потрясло тогда всех.

Он всегда находил в себе силы не прогибаться под обстоятельства, не изменять своим принципам, помнить о вере предков. В семидесятые годы прошлого столетия

все мы были безбожниками, а Рафаэль совершал молитвы не только в столовых и ресторанах после еды, но и всегда, когда велит Коран. Мне сейчас стыдно, что мы ругали его за это. Помню — мужики за соседними столиками переставали материться, стоило лишь Рафаэлю поднять ладони к Аллаху, а потом к лицу.

Ныне Рафаэль Усманов приближается к семидесятилетию. Кроме двух собственных сыновей он вместе с супругой Рамзиёй воспитывал вплоть до совершеннолетия двух сыновей троюродного брата, погибшего в результате несчастного случая. А родные дети радуют Рафаэля и Рамзию спортивными победами, являясь призёрами российских и международных соревнований по каратэ.

Думается, что так жить, так вести себя и должен истинный мусульманин. Совсем не случайно Рафаэль Усманов является в Набережных Челнах представителем Верховного муфтия России Талгата Таджутдина. Да принесёт ему Аллах здоровья на долгие годы, да поможет ему Всевышний преодолеть любые житейские трудности!

Илюса Бадриева, народная артистка Республики Татарстан

Уважаемый и дорогой Николай Петрович!

16 февраля презентовала Ваш замечательный журнал и подарила присланные Вами журналы двум библиотекам — городской Горно-Алтайской и библиотеке Майминского района. Сказала, что в одном из номеров есть подборка Ваших стихов.

Мне легко было говорить о журнале, потому что читаются номера на одном дыхании: отличные поэтические подборки, добротная проза. Особенно меня тронул реквием Михаила Чванова «Серебристые облака» — предельно откровенная исповедь совестливого человека, которая ещё раз заставляет задуматься над тем, что надо спешить делать добро...

Очень понравилось повествование Ольги Кузьмичёвой-Дробышевой о Вере Хамидуллиной: получился живой, искренний, светлый рассказ о светлом человеке. После того, как Вера издала детскую книжку со стихами моей мамы, у меня к ней тоже особое — тёплое — отношение: такие красочные книги может издавать только гармоничный, умеющий видеть красоту жизни человек.

Порадовалась стихам Михаила Анищенко (быстро Вы отреагировали на наш разговор!).

Ну, и, конечно, спасибо за публикацию моих картин в номере 3 (16). Это первое широкое представление моих работ в цвете. Я очень рада!

Лилия Юсупова, г. Горноалтайск, Алтай

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

СЕРГЕЙ МАЛЫШЕВ

ИЗ АХМЕДА АДИЛЯ

РОДИНА МОЯ

В родной стороне и в морозы и в зной
Кипит в роднике ледяная водица.
Она и целебней, и слаще любой, –
И сколько ни пью, не могу я напиться.

Бежит ручеёк тот, негромко звеня,
Но чудную силу имеет такую,
Что с каждым глотком наполняет меня
Весёлая удаля борцов сабантуйя.

Готов своё сердце я людям отдать –
Любовью оно к ним горит негасимой.
Хотите – во мгле оно будет сиять,
А нужно – согреет в суровые зимы.

В огромную Волгу бежит ручеёк,
Великой реки он становится частью...
Сказать бы я много о Родине мог,
Да разве словами расскажешь о счастье!

ПОЭТ

Не поднимая головы всю ночь,
Из камыша рогожу и корзины
Плетёт он вдохновенно. И ему
Одна подруга – тусклая лампада.

И лишь когда, вздымая полог тьмы,
Лучистым светом ласковое солнце
Сквозь изумрудное стекло небес
На землю полусонную прольётся,

Он отрывается от спорого труда,
Восторженно глядит и удивлённо –

И кажется ему весь мир тогда
Из золотого камыша сплетённым.

ИЗ РАМИСА АЙМЕТА МОЛНИЯ

Для молнии земной закон не писан.
Вода с небес струится, шелестя.
В ночи удар о звёздный камень склизкий,
И вылетают огненные брызги
Из-под копыта скакуна-дождя!

Огонь летучий яро подсекает
Под корень шелестящие струи.
О, Вечность!..
Все небесные скрижали
Истёрлись, и узнаем мы едва ли,
О, молния, лета твои!

ПРОБУЖДЕНИЕ

Собачий вой...
Закутавшись в глухую,
Слепую тьму, спит город, нелюдим.
По всем живым читая отходную,
Проходит ночь по сонным мостовым.

Собачий вой –
Лишь ночь тому свидетель, –
Царапнув, сердце разбудил не зря.
Случится что-то жуткое на свете –
До срока начинается заря...

Собачий вой?
(Храни меня, Создатель!
Пусть будет он знамением добра!)
Бездомный стих, мой стих покой утратил,
Приюта ищет, рыщет до утра.

Луна от страха – бледности молочной,
И звёздный свод испуганно притих.
Душа томится...
Жду в тиши полночной,
Не постучит ли в дверь бездомный стих?..

Не спи же, сердце, встречи жди упорно!
Мысль возвращается, до звёзд домчась...

Не мой ли стих дворнягой подзаборной
Скулит и воет в неурочный час?..

* * *

Тропинка зазмеилась между нами,
С твоей косою схожая тропа.
Я одинок. Беззвучными шагами
Тревожной тенью движется судьба.

Я одинок. Мне спутницею стала
И льнёт к моим коленям череда.
Ищу свой путь, как ищет неустанно
Ручьёв неугомонная вода.

Течение дум...
Ручьи воспоминаний...
В бороздках память. В звёздном забытьи
Вращается земля. На диске мироздания
Вновь пишется история любви.

Вращается земля...
И к нам, по кругу,
Быть может, счастье возвратится вновь.
Не мы одни –
переживает муку
Весь мир: ведь в нём утрачена любовь...

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ ЛЕТА

Уже... прошло!
За горизонтом птица –
Зеленокрылая душа моя парит.
Я не умру, нет, не умру –
Лишь раствориться,
Отполыхать мне в разноцветье предстоит.

Я не умру, нет, не умру –
А лишь растаю.
Исчезну в шелесте печальном, листвяном.
Сольюсь в высоких небесах
С гусиной стаей,
Её согрею на прощание теплом.

Я у-хо-жу!
Плывёт в подлунной охладелой
Моё дыхание туманом...
Ухожу...
Что остаётся мне?

На сцене опустелой
Осенним ветром я, безумствуя, пляшу.

Пляшу самозабвенно.
Грудь – нараспашку!
Едва заметна боль ожогов огневых.
Смотрите, это я!
Не сделайте промашку,
Не спутайте с дождём последних слёз моих.

ИЗ КЛАРЫ БУЛАТОВОЙ

* * *

В час вечерний иду среди новых домов...
Знаю лишь – это он, твой квартал городской.
Где же ты в этом скопище стен и углов?
На каком этаже? И в квартире какой?

С вертикалей лучистые звёзды-глаза –
Сотни глаз всех цветов – наблюдают за мной...
На следов синеву, и кружась, и скользя,
Мотыльки снеговые ложатся каймой.

Чья фигура тот ласковый застила свет?
Тени чьей промелькнуло на шторе пятно?
Может, здесь ты живёшь, а быть может, и нет.
И сейчас я смотрю на чужое окно.

Если всё-таки тут, то неведомый знак
Укажи, всколыхни всё моё существо...
До тебя мне, возможно, – один только шаг,
Но в какую же сторону сделать его?

Как найти этот дом, отыскать в нём подъезд,
Угадать твой звонок, чтоб нажать на него?
Знаю только одно: ты живёшь где-то здесь...
У тебя бы спросить, у тебя самого...

ИЗ ШАУКАТА ГАЛИЕВА

ОБНОВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Не знал я, что так по тебе тосковал,
Охваченный радостью новых дорог,
Пока не ступил на знакомый вокзал,
Пока не почувствовал в горле комок.

Казань моя! Словно впервые тебя
Увидел, — и я восхищаюсь тобой!
Мне кажется даже, что жил, не любя
Свой город, с которым я связан судьбой.

Да что приключилось со мною в пути?
Привычное — вдруг оказалось родным.
И как хорошо, улыбаясь, идти
По улицам древним и юным твоим.

И нет мне дороги на свете милей,
Чем эта — среди пешеходов твоих
Вдоль ландышей вставших легко фонарей
Над зеркалом чёрным ночных мостовых.

Хотя и не думал о вас вдалеке,
Но были повсюду вы в сердце моём —
И башня наклонная Сююмбике,
И волны Казанки под белым Кремлём.

На старые стены приятно взглянуть,
И свежесть речную мне сладко вдыхать...
Наверное, стоит отправиться в путь,
Чтоб счастье любви обновлённой узнать.

ЮНЯЯ

Солнечный зайчик, —
Весёлый, простой, —
Ты не стараешься нравиться:
Юность беспечная движет тобой, —
С ней, непоседой, не справиться.

То рассмеёшься, а то запоёшь —
В каждом порыве пригожая.
В чём твоя прелесть — никак не поймёшь,
Ты — словно утро хорошее!

* * *

Как много света на земле!
Согретой прелью пахнет горько,
Уже оттаяли пригорки
И корни ожили в тепле.

И с удивлением на свет
Трава — как маленький ребёнок
Глядит, не разберёт спросонок:
Она проснулась — или нет?

ИЗ РКАИЛА ЗАЙДУЛЛЫ

* * *

Марселю Галиеву

Скользят над Иком тени в поздний час.
И что за птица голос подаёт?
Как будто тьмой урёма опилась,
И вот её, пресыщенную, рвёт.

Блистая сталью, всадники летят.
Какие к нам прорвались времена?
Стучат копыта, словно гулкий град.
Плывёт куда-то бледная луна.

Охота та же, битва та же – да!
Но мы не те уже... А где же те,
Крылатые, которых Чатыр-тау
Зовёт к своей вершине, к высоте?

Раскаты грома слышатся вдали.
Мы перед будущим окажемся чисты.
Доносами трусливыми легли,
К земле прижались карлики-кусты.

И грянет гром. Пусть в молнию уйдёт
Всё то, что накопело на душе.
Пускай гроза осенняя встряхнёт
Певца надежд, угаснувших уже.

Проходит всё. Но слёзы проливать
Всё так же будут ивы у реки.
Словами, что хотели мы сказать,
У норок встанут столбиком сурки.

НА РОДИМОЙ СТОРОНЕ

На родимой стороне ветер и вода иные,
Свет зари такой дарован нам и только нам.
Корни наши сплетены тесно, как литые,
Никогда узора их не понять врагам.

На родимой стороне ветер и вода иные:
Я журчанье серебристых родников вдыхал, –
Как у нас вдыхают травы, словно бы живые,
Если тёплый шелест платья рядом пробежал.

На родимой стороне ветер и вода иные.
Дни и ночи вперемешку шествуют сюда.
Кто-то молится на звёзды, звёзды неземные,
А у нас всегда спаситель — наша лебеда.

На родимой стороне ветер и вода другие...
На сердце печали след глубоко пролёг!
Что ж ты, девушка-судьба, брови дорогие
Насурьмила тёмной пылью из дому дорог?

На родимой стороне ветер и вода другие,
И трава нежнее там, и земля сама...
Коротки весенние ночи молодые
И длинна суровая русская зима.

ИЗ ИЛЬСИЯР ИКСАНОВОЙ

ВОРОВКА

Ночи свои у себя самой научилась красть,
Чтобы тебе дарить их в бреду бессонном.
Ах, эти ноченьки-ночки — такая сласть!
Только вот схожи дни мои с тихим стоном.

Годы у жизни своей ворую, а трачу куда?
Всё отдаю тебе, до последней секунды-крошки.
Горше полыни украденные года,
И перепутаны в жизни пути-дорожки.

Сердце моё у житейских забот для тебя краду
Снова и снова, словно не помня того, что было.
Ох, и болит ретивое, попав в беду!
Как до тебя докричаться, скажи, мой милый?

Чувства твои ко мне иссякли, глаза пусты.
Ты из любви другой для меня укради хоть малость!
— Разве я вор какой? — отвечаешь ты.
... А меня обокрал. Веры в людей не осталось.

* * *

Я вновь пришла к источникам кристальным,
К полянам изумрудно-золотым —
Вернулась к моим радостям печальным
И к самым светлым праздникам моим.

Я возвратилась — и душа крылата,
А чувства майской яблони свежей.

Здесь даже грусть легка и розовата –
На тихой, милой родине моей.

Здесь с широко раскрытыми глазами
Всем сказкам верит худенький птенец.
Здесь каждый день наполнен чудесами...
К самой себе вернулась наконец.

Я – ЖЕНЩИНА

Облаком по небу плыть я могу,
Каплей упасть на цветок луговой.
Сохнет душа у тебя? Помогу, –
Буду я тёплой водой дождевой.

Чья холодами побита весна?
Слышишь, развею угрюмую грусть, –
Стану травой, что по-детски нежна,
Юным листочком из почки явлюсь.

Для горизонта я – алый рассвет,
В плод обращусь благодатного дня...
Мной восхититесь вы: «Что за поэт!»
Женщина я.
В этом сила моя.

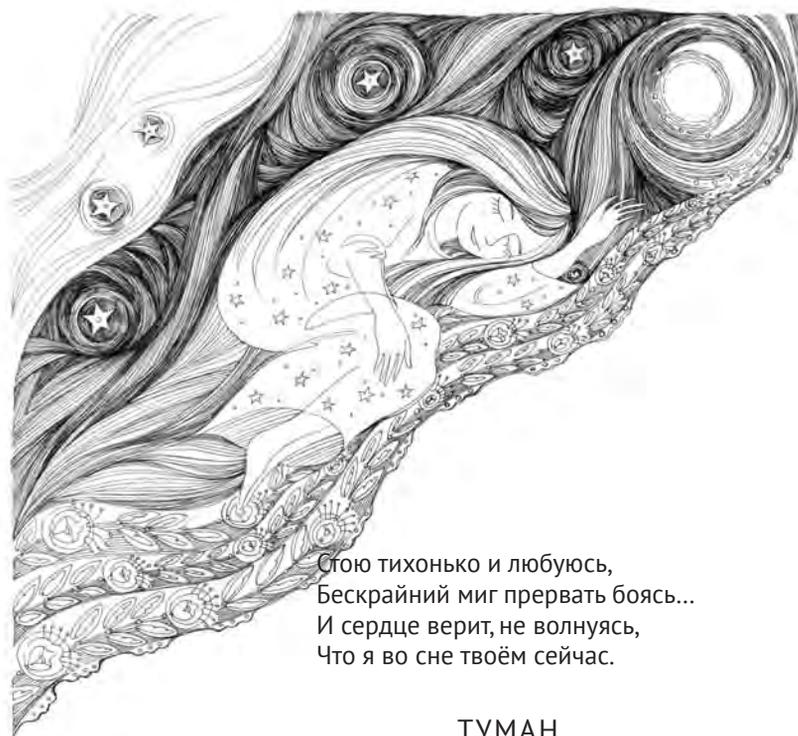
ИЗ РОБЕРТА МИННУЛЛИНА

БЕСКРАЙНИЙ МИГ

Скользит легчайшее мгновенье,
Заря тишайшая светла...
Ты сладко спишь, поджав колени,
Клубочек нежного тепла.

Скользит легчайшая минута,
Плывёт тишайший в мире час...
Котёнок, спящий так уютно,
Тебя погладить бы сейчас.

Твоё дыханье незаметно,
Румянцем тронута щека...
Хотел бы этот час рассветный
Продлить на лёгкие века.

Стою тихонько и люблюсь,
Бескрайний миг прервать боясь...
И сердце верит, не волнуясь,
Что я во сне твоём сейчас.

ТУМАН

Так вот что с вечера томило,—
Вчера предчувствовал его...
Заполнил мир, заполонил он,
Туман,— и больше ничего.

Кругом безмолвие глухое,
Кругом туман, туман густой,—
Перед глазами — белой мглой,
И в мыслях — вязкой пустотой.

Я сквозь податливую стену
Иду, а выхода всё нет.
И понимаю постепенно,
Что он надолго, этот бред.

И всё же рвусь, не прорываясь,—
До струек пота на спине.
За сердце я уже хватаюсь,
Я задыхаюсь... Плохо мне...

Кого зову, изнемогая,
Объятый душной этой мглой?
Куда я выйду?
Я не знаю...
Кругом туман, туман сплошной.

НОЧНОЕ МОРЕ

Ночное море и безбрежно,
И тихо, словно озерцо.
Луна высвечивает нежно
Твоё счастливое лицо.

Объяты ласковой водою,
В ней, как дельфины, мы с тобой.
Нас во Вселенной только двое –
Вселенной древности златой.

И нет конца минуте этой,
И смех беспечный не затих
В ночи, где нам хватает света,
Хватает моря на двоих.

ИЗ ГАЗИНУРА МУРАТА

ВОЗРАСТ ИСЫ

Желают многих лет друзья
Мне раз в году.
Вступил в опасный возраст я
И встречи жду.

Ведь тридцать три из века в век
Сулят беду.
Всё ближе чёрный человек –
Покорно жду.

Не уклониться и навряд
Себя сберечь.
В испуге ангелы летят
С поникших плеч.

Коварство с ложью вместо них
Сидят теперь.
Мир-лицемер по-злomu лих,
Как хитрый зверь.

И прямо в грудь вливает яд
Поклёп-змея.
– Всё будет чудно, – говорят
Мои друзья.

Бездумно в тридцать три не жить
Уже ни дня.
Всё будет чудно – как не быть? –
Но без меня.

Другим, когда берёт тоска,
Нужны ли мы?..
И тянется ко мне рука –
Чернее тьмы.

ИЗ НАЖИБЫ САФИНОЙ КОГДА МНЕ СКАЖУТ...

Когда мне скажут, мол, тебе негоже
Его любить,
Душе смятённой, с океаном схожей,
Неужто стыть?

А если скажут: безрассудной страсти
Не стоит он,
Любовь ответит: кто изведаль счастье,
Им опьянён.

Понять ли чувство? Силюсь, право слово,
Да не дано.
Должно быть, разум – жалкая полова,
Любовь – зерно.

А если скажут мне: оставь надежду,
Не любит он,
Мне будет саван будничной одеждой,
А речью – стон.

Но и тогда тебя любить я стану,
Как и сейчас...
Моей душе – седому океану –
Истечь из глаз.

ИНОГО НЕ ДАНО

Заплесневела неба синева,
Пейзаж его и жалок, и суров.
Устала я – держу едва-едва
На веках злую тяжесть облаков.

Таится в них не снега белизна,
Густеет в неподвижном море тьма.
Их горечью душа омрачена,
В ней вспыхивает молнией зима.

Терплю я, стиснув зубы, видит Бог,
Клубам тяжёлым воли не даю.
Ты темнотою душу обволокл,
Не пощадил ты светлую мою!

Рука тепла – и тёплый дождь идёт,
Ладони лёд он обожжёт пургой.
Лишь для тебя приветливый восход,
А мне же боль и смурый непокой.

Но стать печалям песней суждено,
Иной судьбы поэту не дано.

ИЗ РЕНАТА ХАРИСА СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

«В Хорасане есть такие двери...»

С. Есенин

«Что ж в Казани не был ты, желанный?
В наши двери что ж не постучал?» –
Всю-то жизнь душа томится странно:
Словно звал, а ты – не отвечал...

Петли на дверях у нас из меди,
Обходились прежде без замков –
И скрипел металл, пришельца встретив,
Понадёжней нынешних звонков.

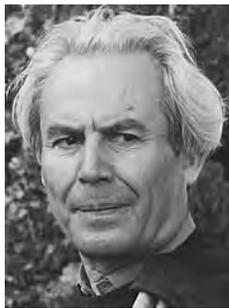
Для тебя бы сладко спели двери,
И тебе навстречу бы тогда
Выбежала, выпорхнула пери, –
Девушки в Казани хоть куда!

Без чадры туманной Хорасана,
Свежи, как весною небеса,
Наши пери вовсе не жеманны –
Взглядом поцелуешь их глаза.

Что в стихах знакомых всё ищу я?
Да землячку, как ей там не быть?..
Только в наших пери силу чую –
Ту, что может пламень растопить.

Выбрал бы денёк-другой свободный,
На дела махнул бы ты рукой...
И незванный гость у нас почётный,
Если он поэт нам дорогой!

БОСИКОМ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА

(глава из книги «Горький опыт»)

**«... Это нужно для того, чтобы
человечество весело расставалось
со своим прошлым».**

К. Маркс

* * *

Отец был историком по образованию и по мышлению. И эта мысль К. Маркса иногда звучала в нашем доме: будь то разговор об исторических событиях или личностях, или даже о бытовых ситуациях и людях обыкновенных, или о происшествиях нашей личной жизни, которые когда-то казались ужасными, а теперь, по прошествии времени, всё выглядело иначе — смешнее и светлее. Одним словом, на мой взгляд, эта мысль содержит в себе глубокую мудрость, вполне применимую в нашей повседневной жизни.

Однако не для каждого события XX века есть соразмерная разуму временная дистанция, после прохождения которой можно «весело расстаться» с этой темой. Меня ввергают в глубокое недоумение комедии, например, о Гитлере. Мне не смешно. Ещё более трагическая тема — сталинские репрессии, о которых, надеюсь, никому не придёт в голову шутить.

Вот почему мне так сложно писать об отце. Несмотря на вполне благополучный исход его жизни — народный писатель, лауреат Государственной премии, один из самых любимых в народе писателей (даже сейчас, спустя почти два десятка лет после смерти), любимый преподаватель студентов Казанского университета и т.д., я не могу повествовать о нём с лёгким сердцем и с улыбкой на лице. Тень сталинской эпохи омрачает жизнь и судьбу моего отца. Но многим ли хочется читать про несчастья и невзгоды прошедших времён?..

Разумеется, я не воспринимала отца трагично, когда была маленькая или юная. Напротив, я была упряма, а отец был очень жёсткий, так что воспитательный процесс в нашей семье шёл беспрестанно,

и я частенько злилась на него и плакала от обиды. Мне казалось, что он слишком суров ко мне, мне не хватало ласки (хотя сейчас я бы не смогла представить отца сюсюкающим со мной или с кем бы то ни было). Ласковых слов и объятий у нас в семье не было. Мы обнимались только на прощание, когда кто-то уезжал, и при встрече после разлуки. (Замечу к слову, что семья у нас была дружная и мы любили и уважали друг друга.) Какие вечерние разговоры за столом мы вели, какие темы обсуждали, как много мы знали и узнавали, какой рассказчик был отец, да и мама (дочка большого писателя!) очень занятные вещи могла выдавать из истории своей семьи, да и страны (рождённая в середине 30-х, испытала на себе все прелести городской жизни военных лет – отсутствие дров, очереди за хлебной пайкой, толкотню базара со спекулянтами и воровством, и многое другое...).

Понимание трагизма судьбы отца пришло ко мне вместе с взрослением, когда я начала более-менее адекватно понимать суть исторических событий XX века в нашей стране.

О, сам он умел рассказывать о своём прошлом с юмором, так что мы порой смеялись до упаду. Трагические эпизоды его жизни, в большом количестве рассыпанные по его произведениям, публицистике, мемуарам, когда-то звучали в нашем доме в форме устных рассказов, в которых драматизм и смешное шли рука об руку. Возможно, так ему было легче касаться незаживающих ран на своём сердце.

И ещё одно свойство его как писателя и человека – он никогда не приукрашивал себя, не пытался выставить себя рыцарем без страха и упрёка, не боялся показаться смешным или нелепым в ущерб правде. Особенно ярко это проявилось в его произведениях мемуарного характера, в частности, в книге «Горький опыт» (1993). Со страниц его книг и воспоминаний предстаёт личность автора – человека, много пережившего и много понявшего в этой жизни, страдающего и сострадающего, способного простить человеческие слабости и ошибки, но не прощающего подлость, предательство, и не простившего системе гибель отца и несчастья семьи, а также свои мытарства и злоключения последующей жизни, в 70-е годы, когда тень системы продолжала преследовать его.

Пережитое, горький опыт – тяжёлая ноша, но без него не было бы того писателя Мухаммета Магдеева, которого знает и любит татарский читатель, и почти не знает читатель русский. Но, может быть, и здесь однажды всё переменится... А расставаться с прошлым, может, не всегда и нужно?..

Гаухар Хасанова

* * *

Был месяц март... Март сорок восьмого года. Над полями, покрытыми обильным снегом, сияло солнце, март нынче выдался очень солнечный. В домах на соломенных подстилках игриво скакали козлята, родившиеся в этом году раньше положенного срока, за сараями на кучах синеющего снега выстраивались гуси, и гусаки звонко гоготали, вытянув длинные шеи к ярко-голубому мартовскому небу. Если долго находиться на воздухе, глаза начинало слепить от сияющего снега, веки ломило, а войдётся в дом – и ничего не видно. Старики говорили: глаза «остались на улице».

В этом году март целиком состоял из солнца.

Был воскресный день – наполненный весенним шумом, звучащим откуда-то из небесной сини, день и радостный, и грустный, и тревожный одновременно.

Ещё с вечера Бикташев каждому персонально сообщил: в воскресенье в десять часов педсовет, всем, у кого есть две ноги, явка обязательна, – сказал он, – никаких причин для пропуска быть не может.

В воскресные дни школа всегда выглядит сиротливо, коридоры и классы погружаются в печальную тишину. Так было и сегодня: три десятка учителей не смогли заполнить эту гулкую пустоту — атмосфера какой-то заброшенности и обездоленности заполняла всё вокруг. В большие окна учительской щедро вливалось солнце, сидеть в комнате совсем не хотелось, а хотелось, выставив окно прямо с рамой, выбраться на гладь снежного моря и шагать в одиночестве бескрайним полем по направлению к солнцу, к югу.

Ещё до начала педсовета в учительскую вошёл директор с шахматной доской в руках, его сопровождал мужчина средних лет с кожаным портфелем на двух замках. Мужчина был одет в гимнастёрку, на ногах белые фетровые валенки с окантовкой из красной кожи. Он с улыбкой поздоровался, а после того, как директор представил его присутствующим, скромненько устроился возле Т-образного стола прямо сбоку от директора.

Фамилия новоприбывшего начиналась на букву «И», и среди учителей пополз шепоток. Среди них одна, более смелая, городская девушка, протянула ему какую-то записку. Человек с портфелем прочитал её и с улыбкой ответил:

— Нет, вовсе нет.

Начался педсовет. Оказалось, что от имени школьного коллектива кто-то накатал жалобу в обком. Будто бы директор школы забирает себе весь урожай, то есть поедает картофель, морковь, лук, выращенные на школьном опытном участке. Да и биография директора, оказывается, не столь кристально чистая. И вообще, говоря в целом, в составе школьного коллектива слишком много тех, чьё право работать учителем весьма сомнительно...

Начались выступления, завязался спор. Вступили в перепалку директор с завучем. Мартовское солнце уже склонилось к горизонту, женщин донимал голод, мужчины перебивали его курением — благо, дважды объявлялся перерыв...

Когда педсовет закончился, солнечные лучи уже погасли, — оказалось, что заседали ровно восемь часов.

Фамилия представителя обкома начиналась с той же буквы, что и фамилия одного писателя, и учительница литературы передавала ему записку с вопросом: не родственники ли они?

Представитель пробыл в школе три дня и три ночи. Днём он сидел на уроках, читал протоколы, проверял планы, а с десяти до двенадцати ночи по одному вызывал учителей в кабинет директора и вёл с ними долгие беседы.

На четвёртый день снова провели собрание, уже по результатам проверки, оно было короче, но все поняли, что свои основные выводы представитель не огласил. Через неделю из РОНО и райкома пришли ошеломляющие вести: заключительный акт оказался хуже некуда. Припомнили всё: и то, что директор ещё в тридцатые годы развёлся с женой; что завуч был сыном кряшенского попа и сменил имя и фамилию, женившись на девушке-татарке (правда, он участвовал в Отечественной войне и потерял там руку); что учительница математики и учительница русского языка лишены городской прописки, а у одной ещё и мужа в тридцать седьмом расстреляли; что одна из двух молоденьких учительниц начальных классов оказалась из купеческого рода, а у второй отец — сын муллы; что у пионервожатого (важнейший идеологический фронт!) отец арестован в тридцать седьмом как враг народа; что в кустовом объединении (то есть в начальных школах, подчинённых этой средней школе) работают двое, побывавшие в немецком плену, и так далее, и так далее...

Школа замерла в ожидании неминуемого жертвоприношения.

К лету коллектив был расформирован, бывшие военнопленные уволены с работы, остальные распределены по разным школам района.

Таковы были итоги «карательной экспедиции», которую провёл в солнечном марте сорок восьмого года улыбчивый дядечка с портфелем...

Прошли годы. И однажды, спустя двадцать пять лет, я вдруг встречаю на кафедре того самого типа в гимнастёрке, который когда-то в ночном кабинете учинил мне — юному пионервожатому — жестокий и коварный допрос. Я просто онемел. Та же улыбка, те же глаза, причёска, лишь фигурой несколько осевший и погрузневший, и в движениях более сдержан. Он похвастался, что когда-то ему подарили ценную вещицу, будто бы найденную во время раскопок у стен Казанского кремля. И теперь по тексту надписи, сделанной арабской вязью на этом предмете, он собирается защищать кандидатскую диссертацию. Чтобы пенсия была больше. От этого человека и сейчас пахло тридцать седьмым годом...

Впрочем, память о тридцать седьмом, сорок восьмом годах напоминает о себе на каждом шагу. Наверно, её хватит ещё на сто лет. Особенно живуча эта память в высших учебных заведениях. В 1947 году я с трудом смог поступить в институт. Увидев мою фамилию, меня обязательно спрашивали:

— Ты не в родственных отношениях с бывшим наркомом финансов Магдеевым?

Или:

— Ты случайно не родственник искусствоведа Макарима Магдеева?

Эти вопросы мне задавали на вступительных экзаменах, прежде чем поставить оценку. А один солидный мужчина (экзаменатор по географии) сказал:

— *Ну и плохая же фамилия, надо её сменить.*

Только после пятьдесят шестого года я узнал: и нарком финансов, и искусствовед были жертвами тридцать седьмого года — «врагами народа».

Впрочем, в этом вопросе я то и дело совершаю открытия. Но в этом и состоит суть истории, она и называется историей именно потому, что открывает людям глаза. История — это горький опыт человечества.

Осенью 1946 года в училище появился новый преподаватель истории. Мы были уже на третьем курсе, а история, которую мы изучали, называлась «Краткий курс». Была такая книга — история ВКП (б), которую надиктовал сам Сталин. Каждый год в начале осени все активы — райком, райпо, школы, райздрав, правления колхозов, партком железной дороги и т.п. организации включали «Краткий курс» в план политической учёбы и начинали изучать его, делать конспекты, в начале весны погрязали в четвёртой главе и... на этом занятия заканчивались. Активисты, с грехом пополам умевшие читать и писать, добирались до четвёртой главы, наталкивались на слова «Гегель», «диалектический материализм», «монизм», «идеализм», «метафизика» и изумлённо застывали: ну и голова у этого Сталина! Ты глянь, чего только он не знает!.. «Кратким курсом» Сталин учил людей думать одинаково — именно так, как думал он сам. Но Сталин не упомянул одну мысль Гегеля. А дядюшка Гегель, между тем, говорил так: «Когда все люди думают одинаково, значит, никто не думает».

Наш новый учитель начал вдалбливать нам то же самое: мы ругали Троцкого, Зиновьева, Рыкова, Каменева. Нахваливали героизм органов ОГПУ-НКВД в процессе чистки партии от врагов народа; мы по сорок-пятьдесят раз за урок произносили «Иосиф Виссарионович Сталин». Один шустрый паренёк как-то на уроке подсчитал: трёхэтажное имя было упомянуто сорок семь раз. Правда, парень тот был очень голоден, а голодный чего ни скажет или ни напишет...

Так мы и критиковали троцкистов всю зиму. Бранили их, сравнивали Сталина с Антеем (см. на последней странице «Краткого курса») и, вконец измученные, в начале лета сдали экзамен.

Через сорок один год я вычитал в романе Ибрагима Салахова, что в известные годы в Казанском ОГПУ-НКВД работал крайне безжалостный палач, настоящее чудовище и кровопийца Гарайша Бикчантаев *. Услышав его имя, заключённые каменели от ужаса. А потом понадобилось замести следы, и этого палача куда-то спровадили.

Тот наш историк и был, оказывается, Бикчантаевым.

Вот кто нас учил! И кто же мог из нас получиться?..

Когда мы сдавали экзамен по «Краткому курсу», над училищем не на шутку разыгрался меч «отца народов». Поговаривали, что один из преподавателей — человек грубый и невежественный, Бог весть как попавший в училище, — написал донос в органы НКВД. Результат не заставил себя ждать: в течение лета исчезли трое наших преподавателей. А ведь это уже было лето 1947 года. Лето мирной жизни. И кого забрали? Учителя педагогики, крещена Константина Афанасьевича Ибаева ** — очень порядочного и интеллигентного человека. Поводом стало то, что Ибаев когда-то был кадетом. Учителя русского языка и литературы, старого журналиста, критика, автора учебников Халима Искандерова — за то, что он, сын муллы, дружил с Галимджаном Ибрагимовым. Исчез Ахат Кариев — учитель физики, прошедший через горнило войны. Он был старшим братом поэта Анаса Кариева, а сам Анас Кариев преподавал у нас татарскую литературу. Не простили того, что Ахат абый побывал в плену.

Вот такие люди были вырваны из нашей жизни. Мы окончили училище, разошлись по разным школам, встречаясь время от времени, поминали недобрым словом того доносчика. Его имя я не могу назвать, поскольку не имею документальных доказательств его подлого поступка, я лишь пишу о том, что слышал от товарищей. Однако некое условное имя я всё-таки вынужден ему дать. Потому что в тетрадке одного из нас (наверно, это была тетрадь по немецкому языку?) в те дни обнаружилась частушка, посвящённая ему, которая пользовалась у нас большой популярностью и старательно переписывалась друг у друга. Эта песенка звучала примерно так:

*Аллер шолер хабен дас
Гильмуш лысый, словно таз;
Аллер гейен хинаус —
В рот Гильмуша вьедет воз.*

Помнится, этот текст случайно попал в руки самого героя песенки, и в соседнем классе (где он был классным руководителем) устроили обыск, отобрав все учебники и тетради. А там обнаружили такие жемчужины народного творчества! И как тут станешь утверждать, что народ наш жил исключительно в состоянии вечного страха. Насколько я слышал, в тех тетрадях нашлись и такие стихи.

*Спасибо Ленину —
Доили две коровы;
Проклятье Сталину —
Оставил нас с козой.*

Или: «Сталинская влач — көненә бер умач» (Сталинская власть — раз в день за-тируха). Ещё: «Коли нет козы — кулак; коли не в тюрьме — дурак». Ещё:

* Бикчантаев Гарайша Давлетшиевич (р. 1902, Зеленодольский р-н, д. Айдарово), татарин, член ВКП(б), начальник отделения НКВД ТАССР. Арестован 26.11.1937. Осужден 29.09.1938 Военной коллегией Верховного суда СССР. Обвинение по ст. 58-8, 58-11. Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 22.02.1940. [Из Книги памяти Республики Татарстан]. — Г.Х.

** Ибаев Константин Афанасьевич. Родился в 1893 г., Казанская обл., Рыбно-Слободский р-н, с. Уреево-Челны; татарин; учитель школы. Проживал: г. Зеленодольск. Арестован 29 декабря 1948 г. Приговорён: Особое Совещание МГБ СССР 6 апреля 1949 г., обв.: по ст. 58-10 ч. 2 («дискредитация националистической политики партии, правительства, пятилеток»). Приговор: 10 лет ИТЛ. Реабилитирован в марте 1956 г. [Из Книги памяти Республики Татарстан]. — Г.Х.

*Наша деревенская мечеть
Имеет сложенный из камня минарет;
И в затирухе нашей только лебеда —
А что поделать — сталинские времена.*

Или:

*Продай лошадь, избавься от коровы,
Кути себе козу;
И будет молоко, и мясо на продажу...*

Говорят, что негодяй Гильмуш авторство всех этих крамольных частушек и приписал своим жертвам...

Надо полагать, в 1947 году уже не так рьяно расстреливали. И однажды (кажется, в 1954) наши репрессированные учителя вернулись. К. А. Ибаеву для выхода на пенсию понадобились какие-то справки, и он приехал в Арск. Рассказывали, что, придя в училище, он сказал:

— Пришлось со станции подниматься окольными тропинками. Боялся, что ненаароком встречу того подлеца, придушу его сгоряча и снова сяду в тюрьму...

Насколько я знаю, все три жертвы жестокого наговора недолго прожили на воле. Возраст у них был не юный, да и кто не знает, что сталинский лагерь это вам не Артек? Я, к сожалению, так и не смог повидаться ни с одним из них. Но негодяя, сломавшего им жизнь, я встретил.

Это было в середине шестидесятых годов. Мы ждали автобус, который курсировал от железнодорожной станции до Арска. В те времена автобусы были маленькие, с одной дверью спереди. И вот один такой переполненный до отказа автобус подъехал к станции. Остановился, дверь открылась, внутри уже столпились на выход женщины с детьми, старушки, да и снаружи набралось довольно много народу, с нетерпением ожидающего посадки. Началась давка. И в этот момент — я даже глазам своим не сразу поверил, — раскидывая очередь массивным животом, к узкой двери ринулся тот самый доносчик, которому на вид теперь было чуть больше шестидесяти. Из автобуса ещё никто не успел выйти, но толстобрюхий, давя женщин и детей, рвался внутрь. Кто-то из толпы пытался удержать его за шкурку, кто-то тянул за штаны, ему кричали в лицо бранные, оскорбительные слова, но он своё сделал: проутюжив детей и женщин, ворвался внутрь и грузно плюхнулся на сиденье возле окна. Автобус аж присел.

А я пошёл в Арск пешком. Да, педагог Ибаев был прав. С таким типом лучше не встречаться. Мне было жаль Арск и его знаменитое училище. Какие замечательные люди там раньше работали...

*Прекрасные луга, где ты гулял, счастливый,
Теперь, увы, достались невежественным псам.*

Турецкий поэт Кемальбек

В высших учебных заведениях довольно часто встречаются дети жертв культа личности: как правило, это учёные. На нашей кафедре, состоящей из десяти человек, их трое, а на факультете около десятка. Но иногда встречается другой вариант. Например, такой.

Зима. Вечереет. Коридоры университета заполнены студентами. Разгар зимней сессии. Лестницы пестрят брошенными конспектами, учебниками, методичками. Коридоры гудят. Я устал, утомился окончательно. В группе двадцать четыре студента. А в ведомости пока проставлено всего лишь одиннадцать оценок. Сажу и без воодушевления слушаю очередной ответ. На лицо глаза не поднимаю, потому что

знаю: если по определённом предмету стоит пятёрка, значит студент способный. Экзаменатор по тому предмету — строгая женщина. А строгая женщина — доцент она или профессор — к красивым девушкам бывает очень требовательной. Самая справедливая оценка в зачётке у красивой девушки — та, что поставлена преподавателем-женщиной.

Вот подседа очередная студентка. Я раскрываю зачётку, изучаю фото. Сфотографировалась в конце десятого класса — в глазах ещё сквозит детскость. Явно из деревни. Правда, сейчас, на втором курсе, она уже довольно сильно изменилась и лицом, и одеждой. Откуда же ты, наверно, из Башкортостана? Ребята, приехавшие оттуда, обычно меняются быстрее других. Но эта наша, местная девушка... Ба, так она из Арского района... Давай, землячка, давай, старайся. На пятёрку чтобы... Из какой ты школы? Ага, вот здесь написано. Я эту деревню хорошо знаю. В этой школе у меня есть знакомые. Так, а её фамилия? Да-а, в нашей деревне работал один с такой фамилией. Не родственница ли она ему? Ба, а вот и имя отца, оно мне знакомо... Стоп! Стоп! Уф-ф-ф... Я, кажется, даже застонал. Девушка, между тем, не замечая ничего, продолжала рассказывать.

«Около 1910-х годов в творчестве Тукая начинают усиливаться оптимистические ноты. События, происходящие в стране...» В моей голове шумело, уши заложило. Сидевшая передо мной девушка была дочерью человека, по чьему доносу в 1937 году расстреляли моего отца. О, Господи, помоги! Господи, дай силы быть справедливым к этой девочке... Рассказывай, сестрёнка, рассказывай, да так, чтобы на пятёрку... Голова трещала, воздуха не хватало. «Когда умер друг Тукая Хусаин Ямашев...» Смотри-ка, ты же точная копия своей матери. Твоя мать в тот год была такой же, как ты, — красивой, молодой, с бровями вразлёт и с толстыми косами. Она была очень жизнерадостной. Но её муж оказался подлецом. Он ведь не только моего отца... он потом ещё нескольких уничтожил. А ты рассказывай, сестрёнка. Помоги мне быть справедливым. Иначе я потом всю жизнь буду мучиться...

Дополнительных вопросов я задавать не стал и поставил пять.

Слегка удивлённая тем, что избавилась от меня без единого дополнительного вопроса, девушка вышла. На душе было тяжело.

Милая девушка! Я слышал о тебе: ты вышла замуж и у тебя прекрасная семья, ты работаешь в какой-то школе. Я не назвал здесь твоё имя — причина очевидна. Дети родителей не выбирают; если ты узнала себя, напиши мне письмо. Я ведь не держу на тебя зла...

А вот фамилию другой студентки я назову полностью. Как-то меня пригласили поработать «почасовиком» в пединституте. Хотя я и знал, что у почасовика зарплата — «ноль целых...», согласился с радостью. Читать лекции в институте, в котором ты когда-то учился, это такая гордость, такое счастье. На свою первую лекцию пришёл с лёгким сердцем — я же преподаватель университета, а его авторитет известен. Университетские лекторы бывают немного капризны и высокомерны, зайдя в аудиторию, они не проверяют список присутствующих, как в пединституте, не мелочатся с расспросами вроде: «почему Гульсина сегодня не пришла?», не превращают лекцию в обыкновенный урок в сельской школе. Они заходят в аудиторию с деловым видом, становятся к кафедре и, не обращая внимания на студентов, начинают повествовать в академическом стиле: «...Карл Маркс в предисловии к своему гениальному труду «К критике политической экономии»...» Эх, сколько величия, гонора, пафоса, бравады!..

Я намеревался действовать примерно так же и — ... был обескуражен. Оказывается, в пединституте не лектора слушают, а болтают между собой. Читая лекции в уни-

верситете на протяжении четверти века, я ни разу с этим не сталкивался. Что с тобой, до чего же ты дошла, альма матер?.. Зато мы!.. Как мы слушали лекции! Лекции профессора Рифгата Тагирова, тогдашних доцентов (сейчас некоторые из тех, что живы, уже профессора) М. Ременникова, Евгения Ивановича Устюжанина (великий учёный!), Николая Петровича Мунькова, Юзефа Геннадиевича Трунского, Григория Наумовича Вульфсона, Аркадия Семёновича Шофмана... А каков был Бушмакин?! Интеллигент старой закалки. Во всём его облике, поведении ощущалось влияние и воспитание Парижа, Сорбонны, Санкт-Петербурга. Он преподавал нам историю средних веков. Мы впитывали лекции своих преподавателей не только мозгом, но каждой клеточкой своего тела — так пустыня Каракум, измученная жаждой, впитывает благодатный дождь.

Итак, смотрю — никто меня не слушает. По всему видать — что-то надо делать. И тут мне в голову пришла мысль. Мы не используем мозг в должной мере: если дать ему сильную нагрузку, он всегда работает в правильном направлении. Я предложил:

— Давайте знакомиться. Вы, наверно, понаслышке знаете меня... А теперь вы по очереди сообщите мне информацию по трём пунктам. Район, школа, имя-фамилия. Я хочу знать, с каким контингентом я работаю.

Студентам идея понравилась.

- Сабинский район, Икшурминская школа...
- Сабинский район, школа села Завод-Нырты...
- Пермский край, Сарашская школа...
- Арский район, Сизинская средняя школа...

Постой, постой! Стоп! В этой школе я работал. Фамилия? Хасанова. Ваше имя? (Она сказала, но я уже забыл.) Из какой деревни? Из Сикертани. Ах... Это родина моего отца. И Галиаскара Камала. Деревня, в которой я сам учился, а потом полгода преподавал русский язык и литературу. Ваше отчество?

— Зуфаровна...

И перед моими глазами предстал кабинет с дощатыми стенами и в нём — офицер МГБ в фуражке с высокой тульей. И ещё вспомнился Зуфар абый — сын образованного муллы-мишарина Хасана хазрета, — умный, спокойный юноша, преследуемый несправедливостями, не проживший на этом свете ни единого дня в удовольствии и радости, нещадно битый жизнью юноша с руками, испачканными в древесной смоле. Теперь передо мной стояла красивая, стройная дочь жертвы МГБ. Очнувшись, я сказал:

— Когда-то я знал отца этой студентки, золотой был человек.

В горле у меня застрял комок, на глаза навернулись слёзы...

В этой вечно перешёптывающейся аудитории я пытался «работать» неделю, а потом бросил. А, к черту! Знания нужно давать тем, кто хочет знать... Сестрёнка! Где ты сейчас, висит ли у тебя дома большой портрет отца, если ты замужем и у тебя есть дети, рассказываешь ли ты им о дедушке? Мы же с тобой «собратья». Как знать, может, ты выросла в годы «оттепели», и тебе не предлагали сменить фамилию.

А мне — предлагали. И — не хочу обманывать читателей — у меня, молодого парня, такая мысль даже возникала. В душе. А что? Может, если поменять фамилию, станешь равноправным, как все остальные. Например, взята фамилия Гайнутдинов. Или Хисамутдинов. Или Минсабилов. Или Кулгалиев. А что? Может, так будет спокойнее?.. В 1953 году на Балтфлоте, когда я оканчивал курсы младших офицеров, фамилия припёрла меня к стенке. Впрочем, даже раньше. Когда умер отец народов, в газетах опубликовали приказ об амнистии, подписанный новым «президентом»

Ворошиловым. Но там ещё ничего не было сказано о 58-й статье. Я написал письмо Ворошилову с вопросом относительно этой статьи. И начал ждать ответа. Система МГБ оставалась в силе, и Лаврентий Павлович Берия ещё находился на своём посту. И вот, пока я ждал ответа, меня неожиданно вызвали в «особый отдел» и, повесив на стену белую простыню, сфотографировали анфас и профиль. Разумеется, ничего не объяснив. Через несколько дней экстренно организовали комсомольское собрание в отделении нашей воинской части. По приказу свыше. Я был секретарём комсомольской организации. Смотрю — на командире части лица нет. Откопав какие-то служебные недочёты, меня срочно освободили от секретарской должности. Затем вывели из состава редколлегии. Оказывается, командир части не был знаком с моим «личным делом». Говорят, он сказал тогда замполиту:

— Вот кого пригрели. А ты — шляпа. Это твоя сфера. Что, если мы сейчас оба вылетим? Ведь товарищ работает с секретными документами и секретной аппаратурой...

Через несколько дней меня снова вызвали в «особый отдел». Перед этим мне отдали приказ в точно назначенное время быть на определённой аллее под каштаном. Я пришёл, встал. Через дорогу высилось двух- или трёхэтажное красивое белое здание, построенное в средневековом стиле. Военные называли его по-разному: кто «Белым домом», кто «Смершем» («Смерть шпионам!»), кто просто «контрразведкой» и, произнося эти слова, передёргивались и оглядывались по сторонам.

Итак, стою я под каштаном. Вокруг пусто, ни души. Вот тихо приоткрылась высокая дверь с медной ручкой, оттуда вышел бледный низкорослый мичман с каким-то «кабинетным» лицом и, оглядевшись по сторонам, осторожно кивнул мне. Я зашагал к нему. Он провёл меня внутрь. Там нас встретил ещё один мичман. По мраморной лестнице гуськом мы поднялись на второй этаж — один шёл впереди, второй сзади. Запомнилось, что под ногами скрипел паркет и стены в коридорах были совершенно пустыми. Меня завели в большой кабинет с такими же пустыми стенами. Там стоял полированный стол в виде буквы «Т». Во главе его сидел офицер очень высокого ранга. Мне указали место сбоку, один из мичманов вышел, второй сел напротив...

В нашей деревне есть такой обычай: когда в дом заходит гость или сосед, ему тут же подадут стул, набросив на сиденье лучший тюфячок-подстилку. Садясь, гость обязательно немного отодвигает стул к двери, хотя бы на три-четыре сантиметра, но отодвигает. Это — знак уважения к хозяевам в ответ на их уважение.

В кабинете контрразведки я невольно попытался сделать то же самое. Однако мне тут же в очень резкой форме сделали замечание. Вернув стул в прежнее положение, я застыл. Осторожно, одними глазами осмотрелся: совершенно пустой стол. Три стены из четырёх пустые, на четвёртой напротив меня висит портрет Дзержинского. Нависла тяжёлая тишина. Хозяин кабинета выдвинул ящик стола, посмотрел вниз, но ничего доставать не стал. Через некоторое время хриловатым — таким же «кабинетным» — голосом спросил:

- Это ты написал письмо Ворошилову?
- Так точно!
- Хочешь знать о судьбе отца?
- Так точно!
- Твой отец был расстрелян в начале 1938 года.
- ... Можно задать вопрос?
- Да, можно.
- Разрешите узнать: за что расстрелян?
- За контрреволюционную деятельность.

Снова повисла тяжёлая тишина. Я опустил голову. Ящик стола закрылся. Подняв голову, я посмотрел в лицо офицеру.

— Я учусь на курсах младших офицеров. Дадут ли мне звание?

— Вряд ли вам дадут звание офицера флота.

— Дайте мне какой-нибудь совет. Я хочу получить звание. Если я его получу, меня отправят в запас. Мне хочется вернуться домой и окончить институт...

— *Вы можете сменить фамилию...*

Я обрадовался: ну конечно, я завтра же сменю фамилию. И меня пустят на экзамен. Говорят, что он будет через месяц. Затем мне дадут звание младшего лейтенанта запаса и отправят домой — доучиваться в институте. Вот оно, счастье!.. Только какую фамилию взять? Хайруллин? Галимуллин? Загидуллин?..

Два мичмана проводили меня до самой улицы, утопающей в сени каштанов.

Покинув пределы опасного здания, я задумчиво зашагал по тротуару, укрытому густой листвой, и вдруг перед моими глазами предстал отец. Мне даже почудилось, что я слышу его голос. Я словно видел его измученное, чуть сгорбившееся тело на кривоватых ногах. Глухим голосом он сказал:

— Эх, сынок, сынок, и ты меня предал?..

Я словно очнулся. На душе сразу стало легче. И захотелось крикнуть:

— Нет, отец, нет! Если я предам твоё имя, мне не жить на этой земле!..

Через несколько лет чиновники из КГБ выдали мне ложную справку, в которой говорилось, что мой отец умер в 1942 году от паралича сердца. Спустя ещё несколько лет, когда я уже работал в университете, я познакомился с такими же обездоленными детьми «врагов народа» и узнал одну странную вещь: у нас у всех отцы умерли в 1942 году от паралича сердца. Как это возможно?.. Но мы уже сами всё вычислили. Простая статистика для того, чтобы обмануть нас и иностранные государства. 1942 год — это война. Значит, жертвы колымских, магаданских, якутских, карагандинских лагерей тоже были причислены к жертвам войны.

Статистика, составленная из смертей, могил, человеческих костей. Подлая, мерзкая статистика...

Сотрудникам государственной безопасности 30–40-х годов — каннибалам XX века — моё проклятие. Чиновникам, лжецам, трусливым карьеристам застойных лет, тем, кто с тоской вспоминает о Сталине, — моя ненависть.

Горький опыт питает мои мысли. И я, пожалуй, имею на это право.

Перевод Гаухар Хасановой

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ

*памяти выдающегося татарского поэта Хасана Туфана и его жены,
актрисы Луизы Салиасгаровой*

1.

Жена ждала поэта
пятнадцать горьких лет.
По злобному навету
был осуждён поэт.
— Приговорён к расстрелу!
Помилваньё? Вздор!
Пришьём бумагу к делу,
и кончен разговор...
И разбудили утром,
и вывели во двор.
Поэт с печалью мудрой
смотрел на них в упор,
пока не повернули
его лицом к стене.
Он не дождался пули.
Но в мёртвой тишине
залп оглушил поэта.
И снова тишина...
Уж не с того ли света
о берег бьёт волна?
Но нет. Под кручей — Волга,
а по щеке — слеза.
Он после залпа долго
не мог открыть глаза.
Открыл, когда услышал:
— Ну, что стоишь, как пень?
Помилван ты свыше.
Живи, пока не лень!
Вразвалочку стояли
стрелки у стен тюрьмы.

— Зачем же вы стреляли?
— Да пошутили мы...

2.

Жена ждала поэта
пятнадцать горьких лет.
Пропал в Сибири где-то
её Туфана след.
Сгноить его в могиле
доносчик не сумел.
Неволей заменили
невинному расстрел.
К нему бы прислониться —
и горе не беда.
Она за ним, как птица,
летела бы всегда.
Как трудно жить в Казани —
Туфана рядом нет!
И скользкими глазами
доносчик смотрит вслед.
И утешаться нечем.
Превозмогая боль,
ей надо каждый вечер
играть на сцене роль,
в которой нету места
для боли и невзгод.
От сладенького теста
уже тошнит народ.
Спектакли и премьеры.
А в них одно и то ж:
восторги вместо веры

и вместо правды ложь.
И нет Туфана рядом.
И горько понимать,
что он в тюрьму упрятан,
как не умевший лгать.

3.

Жена ждала поэта
пятнадцать горьких лет.
На письма нет ответа.
Летят посылки вслед.
«Здоров ли ты, мой милый?
Ответь же, не молчи!
Едва ль прибавят силы
казённые харчи!
В Казани вновь базары —
осенняя пора.
Душистый мёд задаром
купила я вчера.
Гуся купила тоже —
будь сыт, любимый мой!
И валенки, похоже,
нужны тебе зимой...»
Ей денег не хватало —
она сдавала кровь.
Сильней и крепче стала
в беде её любовь.
Поэта в злую стужу
согрела, как могла.
Была женою мужу,
надеждою была...
И будут верить в чудо
поэты вновь и вновь,
рифмуются покуда
в веках «любовь» и «кровь».
Ведь этой рифмы пылкой
точнее в мире нет!..

Но ни одной посылки
не получил поэт.

4.

Жена ждала поэта
пятнадцать горьких лет...
Встречает вновь рассветы
в Казани наш поэт.
Живёт среди народа —
ни в чём не виноват!
И лишь тебе, свобода,
как будто бы не рад...
Он холм нашёл могильный,
на нём — одна трава.
— Я б снова стал двужилым,
была бы ты жива.
Ты крови не жалела,
пытаясь мне помочь.
Но я, как видишь, целый,
а ты навеки в ночь
ушла, того не зная,
что все твои харчи
присвоили, родная,
охранники — сычи.
Мой донор бескорыстный!
Твой дар — в моей крови.
Сильнее всяких истин
свет истинной любви.
Её у нас подонкам
вовсе не украсть.
Я передам потомкам
твою любовь и страсть...

Худой, ссутулив плечи,
седой, как облака,
поэт уходит в вечность.
Дорога далека.

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ЛЕНА ШАКИРЗЯНОВА

В ПОРУ ОСЕНИ

КНИГА СЕРДЦА

– Всё пишешь? – говорят друзья, –
Мол, понапрасну не усердствуй...
Не для томов стараюсь я,
Пишу лишь по веленью сердца.

– Всё пишешь? – говорят, а я
Читаю по складам, как в детстве,
Всё, что внесла душа моя
Своей рукою в книгу сердца.

Перевод Вены Валеевой

ДЕВИЧЬЯ ПЕСНЯ

Смотрим с солнцем друг на друга,
Смотрим и смеёмся.
Отчего и почему –
Сами разберёмся...

В синий вечер ходим к речке,
Речка тихо льётся.
То на воду, то на месяц
Смотрим и смеёмся.
Отчего и почему? –
Сами разберёмся.

Перевод Вены Валеевой

КОГДА МЕНЯ МАМА ЕЩЁ И НЕ ЗНАЛА...

Когда меня мама ещё и не знала,
Я ветром вишнёвым к ней в сад прилетала,
И в вёдра лилась родниковой водою,
И песнею новой в душе замирала.

Когда меня мама ещё и не знала,
 Я маминым летом и осенью стала,
 Потом обернулась зимой и весною,
 И мамой самой, что любви ожидала...

Когда меня мама ещё и не знала,
 Я к ней жеребёнком во сне прибегала,
 А может, я снилась ей дальней звездой,
 И робким бутонном, и яблоком алым...

Перевод Алека Баязенца

ПЛАТЬИЦА

Вспоминаю с грустью
 Праздничные платьица.
 Шила мама: пусть, мол,
 Всё у дочки ладится...
 Низ у платья – в сборочку,
 По краям – оборочки.
 И подружке, как и мне,
 Платьице с иголочки!..
 И в горошек, и в цветах,
 С пояском да в пуговках...
 Спляшем, – и мелькнёт в глазах:
 «Девоньки, что куколки!..»
 На майдан бежим скорей,
 В круг весёлый входим.
 Всё азартней и смелей
 Танец свой выводим.
 В сабантуй да без обнов –
 Словно без участия.
 Дорог сердцу пары слов
 Свет: «Носи на счастье!»
 Вспоминаю до сих пор я
 Мамины те платьица
 И везу гостинцев ворох
 Маме: пусть всё ладится...

Перевод Розы Кожевниковой

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Я нежно, бережно ступаю
 На первый снег.
 Шаги свои пересчитаю
 И каждый след.

Знакомый так, но позабытый
 Как во сне...

Важнее нынче всех событий –
Первый снег.

Ступаю, словно преступаю
Святой запрет:
Боясь, как будто оскверню
Белейший цвет.
Так робко, будто божью тайну
Страшась раскрыть...

Ах, нежный снежный
Цвет белейший,
Невинный цвет.
Земли ещё не знаешь грешной,
Наивный снег.

О вечной тайне звёзды шепчут
Нездешних нег..
С ладони капнул тёплый жемчуг
В холодный снег...

*Перевод Венеры Валеевой
и Лены Шакирзяновой*

* * *

Ах, ты в гейзеры влюблён,
В эти пламенные воды...
Но ведь я сама навроде
Затаённого огня –
Временами из меня
Вырываются наружу –
Ты их сразу обнаружишь –
Огненные струи чувств,
Я их удержать боюсь...
Ах, ты в гейзеры влюблён,
В эти пламенные воды...

Перевод Фаяза Фаизова

НОВОГОДНЕЕ

Здесь, на плече тепло твоей
Руки – мужской и нежной...
Мне хочется прижаться к ней
И плакать безутешно...

Шум новогодний сник уже
И в хвое затерялся...
А прошлый год в душе моей
Теплом руки остался.

Перевод Сергея Малышева

ПОСЛЕ ДОЛГОЙ РАЗЛУКИ

Какое счастье ждало впереди...
И кто же думал, что когда-нибудь
Мы будем вспоминать с тоской в груди
Не вместе пройденный по жизни путь...

Какое счастье ждало впереди...
Скитанья долго разлучали нас.
Во тьме за веткой ветка вслед летит
В очаг, зажжённый нынче в поздний час...

Какая нас не разлучала нить?
Иль это начиналось в ту весну,
Когда хотели мы соединить
Две песни, очень разные, в одну?..

Перевод Фаяза Фаизова

ИЩУ РОДНИК

Я за водой спустилась к роднику.
Но где же он? Неужто замолчал?!
Здесь только грусть бежит по желобку,
Здесь тополя укутаны в печаль.

И некуда глядеться небесам,
И вёдер, что дорогой песни пели,
Весёлые умолкли голоса,
И коромысла краски побледнели.

Я по горам ищу родник другой –
Как без воды домой мне возвращаться?
По вёдрам, полным влаги ключевой,
Уже успели плечи стосковаться.

Или на ключ такой я набреду,
Чтоб жажду мог любую утолить.
Иль песню я волшебную найду,
Чтоб мой родник сумел заговорить.

Перевод Бориса Вайнера

ВЁСНЫ

Ваши вёсны ещё и бурлят, и смеются,
Наши – плакать уже научились давно.
Ваши чувства рекой полноводною льются.
Нам такое не каждой весной дано.

Лёд любой ваши вёсны ещё сокрушает,
 В наших — встал он застылой постылой горой.
 Бой часов вам свидания миг приближает,
 Ну а наши — с ленцой и не ходят порой.

Ваши вёсны летят к вам ручьями с откоса,
 Возвращаются наши окольным путём.
 Счастье ищет вас, дверь открывает без спроса,
 Мы же молим о нём, без конца его ждём.

Ваши вёсны, спеша к вам, с пути не собьются,
 Наши могут забыть про счастливые дни...
 Ваши вёсны пока ещё только смеются,
 Наши плакать умеют. И плачут они...

*Перевод Лилии Газизовой
 и Сергея Малышева*

ФИЛОСОФИЯ БРЕННОГО МИРА

Жизнь! Да разве ты любви достойна?
 Вероломства различив черты,
 Лжём себе: «загадочная»... Только —
 Грязная предательница ты!

Начинаем умирать с рожденья, —
 Так за что обманщицу любить?
 Чуть душа соединится с телом,
 Тут же Азраил — чтоб разлучить.

Мук прибежище любить извольте...
 Жизнь сама — сплошной самообман.
 Что за блажь: дарует Землю вроде,
 Но уход с неё заране дан?

Нам дано лишь гостем оставаться?..
 Кто же пригласил? Что за игра?!
 Почему так трудно возвращаться
 В Вечный дом, когда идти пора?..

*Перевод Лилии Газизовой
 и Сергея Малышева*

ЧИТАЯ «ПАМЯТКУ» ТУКАЯ

Кусают, жалят, нападают,
 Кровь ненасытные сосут.
 Стараюсь, если донимают,
 Не отвечать, — да где уж тут?..

Скорбь драгоценна и глубинна, —
 Пустышкам, недоступна им.

На мною взятую вершину
Подняться не дано таким.

Им чёрным белое назвать бы,
А чёрное для них бело.
На мне бы саван вместо платья
Им видеть... Но не повезло.

Мой дух сломать? Тщета какая!
Я только крепну день за днём...
Читая «Памятку» Тукая,
Опять ищу спасенья в нём.

И словно пламень я глотаю,
И вновь огнём душа полна,
Что полыхает, обжигая...
Как терпит, тонкая, она?

Перевод Лилии Газизовой

В ПОРУ ОСЕНИ ВХОДЯ...

Кончен праздник. Меркнут блёстки...
Не вернуть беспечных дней.
Я стою на перекрёстке
Ясной осени моей.

Кто прошёл тропюю росной,
Вздумал счастье обрести.
Провожают меня вёсны,
Но доколь нам по пути?!

Той порой всё было ясно –
Не смиряли сутки бег.
Чернотой ночь прекрасна,
Белизной прекрасен снег.

Но не вызнать цену песни,
Коль слова падут во мгле.
Оттого ль, что в небе тесно,
Ивы клонятся к земле?..

И приходит постиженье
Старых истин прописных:
Без брожения и сраженья
Будет твой бездушен стих.

Каждый год – в своём наряде,
С каждым мигом – мир новей.

У осин – в манящем взгляде –
Отблеск праздничных огней.

Заберу всех вёсен тайны,
В пору осени входя,
Зреет в семени случайном
Песнь – насыщенный мой судья...

И, собрав пригоршни ягод,
Я шагну, минуя страх.
Ну и что – пока не сладок
Вкус калины на губах...

В сердце трепет тех мелодий,
От которых я пьяна...
Осень – время плодородья –
Соком зрелости полна...

Перевод Алека Баязенца

РАМИЛЬ САРЧИН

ИГЛОЮ ТОНКОЮ ДУШИ...

Стихи Лены Шакирзяновой — прямой слепок её переживаний. Так сказать, «стенография» сердца:

— Всё пишешь? — говорят друзья, —
мол, понапрасну не усердствуй...
Не для томов стараюсь я,
пишу лишь по веленью сердца.

— Всё пишешь? — говорят, а я
читаю по складам, как в детстве,
всё, что внесла душа моя
своей рукою в книгу сердца.

Чувство и только чувство владеет пером Шакирзяновой, «огненные струи чувств» составляют содержание её произведений. «По чувству» порой даже озаглавлено стихотворение, хотя, казалось бы, оно о другом:

О, что же за беда, Всевышний?!
Ты красотою наделил меня, —
Теперь коварство, словно тень, неслышно
За мною ходит среди бела дня...

Речь здесь о красоте и коварстве, а заглавие произведения — «Печаль», стало быть, поэтическая цель — в выражении чувства, ими вызванного. Всё остальное важно только с точки зрения чувства. Но чувство в стихах Шакирзяновой — предмет не только выражения, но и изображения. К примеру, «Песнь цветка»:

Не слышен увяданья стон...
Но чудом оживаю вновь.
В который раз раскрыт бутон,
А в чаше лепестков — любовь.
Но ветер с тучами, видать,
Договорились меж собой:
Льёт с неба, словно из ведра.
Объят стихией дождевой

Вокруг меня глухой простор.
Насквозь продрогнет мой бутон.
И не раскинет, нет, никто
Над ним спасительный шатёр.
Как не однажды и в былом
Ты не услышал песнь цветка,
Но солнца вечное тепло
Живёт в корнях моих пока...

Здесь не просто выражается чувство любви, а разворачивается целый её сюжет — драматургический по исполнению. Становится это возможным благодаря так называемой объективации чувства — когда оно опредмечивается в реалиях внешней действительности. Чаще всего даётся через пейзажные образы — излюбленный, к слову, приём народно-песенной лирики, с которой у Лены Шакирзяновой обнаруживаются естественные связи. Вот и одно из стихотворений она называет «по-фольклорному» — «Девичья песня»:

Смотрим с солнцем друг на друга,
смотрим и смеёмся.
Отчего и почему —
сами разберёмся...

В синий вечер ходим к речке,
речка тихо льётся.
То на воду, то на месяц
смотрим и смеёмся.
Отчего и почему? —
сами разберёмся.

Природному образу приписывается собственное переживание. Не в процессе традиционного, привычного олицетворения, когда реалия пейзажа просто оживляется или очеловечивается. Здесь она становится наравне с лирическим героем, начинает с ним взаимодействовать: солнце включается в сюжет отношений с лирической героиней, истоком и основой которого является переживание поэта.

Чувство в поэтическом мире Лены Шакирзяновой столь значимо, что становится в нём творческим, эстетическим принципом. Оно рождает творчество, новый мир, живущий по законам этого самого чувства.

Вот пядьца — растяну на них
я полотно надежд моих,
тревог, и чаяний, и грёз,
морозов зимних, вешних гроз.

Иглою тонкою души
я розы вышью, к нити нить
и к шёлку шёлк расположив.
Узоры шёлком — на шелку,
и с неба радугу-дугу
переберу: вот алый цвет,

не маков цвет,
 вот нежный тон — на том бутон,
 зелёный, синий, голубой
 и жёлтый — выбирай любой.
 На пяльцах тон и цвет, игра,
 А в пяльцах — тонкая игла.
 Узоры шью, я розы шью —
 надежды, радость, веру шлю
 из переполненной души,
 шлю сокровенные мечты.
 Я вышиваю вам цветы...

Поэзию Лена Шакирзянова, таким образом, приравнивает к процессу вышивания узоров на материи — творчеству сугубо женскому и декоративно-прикладному по своей сути. Исходя из значений слов (*декоративный* — живописный, красочно-нарядный, служащий для украшения; *прикладной* — имеющий практическое значение), мы можем судить и о смысле и назначении поэтического творчества. По мысли поэтессы, его основные функции — художественно-эстетическая (создание прекрасного) и утилитарная (создание полезного). Одно без отрыва от другого. Прекрасным является полотно, которое вышивается из «тревог, чаяний, грёз, надежд, радости, веры», то есть из всего того, что составляет движения души. И вышивается это полотно *иглою же тонкою души*. То есть душа — и материал, и орудие-средство, и продукт — самопорождающаяся субстанция. И в этом её свойстве самопорождения великая практическая значимость, «полезность», «утилитарность»: полезно ведь то, что пригодно для жизни, что помогает жить. Так, безо всяких умствований, по-женски, чуть ли не по-детски (вспомним «Книгу сердца», которую поэт «читает по складам»), непосредственно и мудро раскрыта истина жизни и творчества.

«Цветы души» вышивать — в этом и состоит суть поэтического *рукодела*: именно так, стародавним, а потому не утратившим высоты словом следует обозначить *дело* поэта, не утратившего своей высоты и в нашей современности. Дело лишь в том, удастся ли каждому стихотворцу, как Лене Шакирзяновой, найти «песню волшебную», чтобы «родник сумел заговорить» («Ищу родник», пер. Б. Вайнера). «Родник» этот — душа, чувство — исток всего, что ни есть в мире. И это — *естественно*, ибо душа, чувство являются в стихах поэтессы главными свидетельствами бытия человека: ведь просто «словам не поверят: свидетелей нет» («Жалоба», пер. С. Малышева и Л. Газизовой).

Чувство позволяет преодолевать границы времён, даже «смертно-жизненных» пространств:

Когда меня мама ещё и не знала,
 Я ветром вишнёвым к ней в сад прилетала,
 И в вёдра лилась родниковой водою,
 И песнею новой в душе замирала.

Когда меня мама ещё и не знала,
 Я маминым летом и осенью стала,
 Потом обернулась зимой и весной,
 И мамой самой, что любви ожидала...

Когда меня мама ещё и не знала,
 Я к ней жеребёнком во снах прибегала,

А может, я снилась ей дальней звездой,
И робким бутонем, и яблоком алым...

Эти строки перекликаются с главной идеей творчества Рената Хариса — о перерождении, перевоплощении, о «вновь возвращённом» к жизни. В конечном счёте, так утверждается мысль о «неуничтожимости жизненной материи» (В. И. Хазан).

В этом контексте следует рассматривать мотив материнства, связанного с идеей родства, мотив вечной вписанности в вечное же мироздание. В стихотворении «Платьица» с матерью связывается ощущение лада жизни, её миропорядка. Причём выражена эта мысль тепло, со свойственной только женщине привычно-простой, будничной, разговорно-бытовой интонацией, художественно мотивированной пафосом воспеания прозы жизни, бытовых, земных радостей:

Вспоминаю с грустью
Праздничные платица.
Шила мама: пусть, мол,
Всё у дочки ладится...
Низ у платья — в сборочку,
По краям — оборочки.
И подружке, как и мне,
Платице с иголки!..
И в горошек, и в цветах,
С пояском да в пуговках...
Спляшем, — и мелькнёт в глазах:
«Девоньки, что куколки!..
На майдан бежим скорей,
В круг весёлый входим.
Всё азартней и смелей
Танец свой выводим.
В сабантуй да без обнов —
Словно без участия.
Дорог сердцу пары слов
Свет: «Носи на счастье!»
Вспоминаю до сих пор я
Мамины те платица
И везу гостинцев ворох —
Маме: пусть всё ладится...

А других, неземных радостей человеку на земле вроде бы и не дано. Но не поэту. Возьмём, к примеру, явление первого снега. У Лены Шакирзяновой он столь небесный, сколь и земной, потому что полон света и тепла человеческой души. Я особо остановился на этом образе, ибо у поэтессы он напрямую соотнесён с человеком: «...снег, он словно человек... // Он тает неизбежно» (Пер. С. Мальшева). Может быть, оттого и одно из самых лучших творений автора — об этом удивительном, радостно-печальном, природном событии:

Я нежно, бережно ступаю
на первый снег.
Шаги свои пересчитаю
и каждый след.

Знакомый так, но позабытый,
как во сне...
Важнее нынче всех событий
первый снег.

Ступаю, словно преступаю
святой запрет:
Боясь, как будто оскверняю
белейший цвет.

Так робко, будто Божью тайну
страшась раскрыть...
Ах, нежный снежный
цвет белейший,
невинный цвет.

Земли ещё не знаешь грешной,
наивный снег.

О вечной тайне звёзды шепчут
нездешних нег...
С ладони капнул тёплый жемчуг
в холодный снег...

В моей памяти, в связи с высокой поэтичностью этих строк, возникают «Первый снег» Николая Рубцова и «Идут белые снеги...» Евгения Евтушенко. С первым понятно: оно близко тематически. Евтушенковское же возносит душу от земли в небо. Интересное, кстати, явление: если долго смотреть на снег, особенно быстро падающий, начинает казаться, что он падает не с неба на землю, а наоборот — словно устремлён ввысь. При чтении стихов Евтушенко и Шакирзяновой испытываешь то же. Что-то есть в этом всё-таки. Ведь не случайно в другом стихотворении Рубцова, в ином контексте, конечно, но обозначен этот мотив взлёта: «...по дорогам меж полей, // Как стаи белых голубей, // Взлетает снег из-под саней...»

Стихи Лены Шакирзяновой о первом снеге созвучны её весенним стихам. Весна — это пора души, её праздника. Одно из стихотворений поэтессы так и называется — «Вёсны» (пер. С. Малышева и Л. Газизовой). Оно — о молодости и старости (точнее — зрелости) души, а в целом — вообще о человеческой жизни:

Ваши вёсны ещё и бурлят, и смеются,
Наши — плакать уже научились давно.
Ваши чувства рекой полноводною льются,
Нам такое не каждой весной дано.

Лёд любой ваши вёсны ещё сокрушают,
В наших — встал он застылой постылой горой.
Бой часов вам свидания миг приближает,
Ну а наши — с лентой и не ходят порой.

Ваши вёсны летят к вам ручьями с откоса,
Возвращаются наши окольным путём.

Счастье ищет вас, дверь открывает без спроса,
Мы же молим о нём, без конца его ждём.

Ваши вёсны, спеша к вам, с пути не собьются,
Наши могут забыть про счастливые дни...
Ваши вёсны пока ещё только смеются,
Наши плакать умеют. И плачут они...

Облечённое в форму лирического признания (это превалирующая форма самовыражения Лены Шакирзяновой) и организованное посредством «сквозного» композиционного принципа антитезы, призванного передать необратимость происходящего, стихотворение с неподдельно тонкой, проникновенной лиричностью выражает мысль о естественном ходе человеческой жизни.

«Вёсны» — философское стихотворение. Но поэтическое в лирике Шакирзяновой не отяжеляется голый, отвлечённой мыслью даже в стихах, казалось бы, об умозрительном, о вечных основах бытия. Чувством, мгновенной сменой ощущений, переживаний, импрессионистичностью обусловлена краткость многих стихов Лены Шакирзяновой: «Ах, ты в гейзеры влюблён...», «Новогоднее», «Моя земля, её ветра...» и др. «С каждым мигом — мир новей...» — пишет она в стихотворении («В пору осени входя...», пер. А. Баязенца). И человек с каждым восприятием этого мира, с каждым переживанием — тоже. Так чувство включается в процесс вечного обновления мира.

Лена Шакирзянова — лирик философский. Но её философия — это «философия бренного мира» (так озаглавлено одно из стихотворений). Поэтесса не размышляет о чём-то общем, как того требует вроде бы философский предмет по своему определению. Бытийные вопросы ставятся и решаются опять-таки «по-женски», буднично и речь о них ведётся так же, как говорится о самых обыденных вещах. Естественность поэтической интонации у Шакирзяновой обуславливается естеством самой жизни и человеческой природы.

Поэтический слог татарской поэзии преимущественно романтический, высокий. Нынешней — тоже. На этом фоне разговорно-будничная манера поэтической речи Лены Шакирзяновой выглядит очень своеобразно, о чём сама она как-то отметила в стихотворении «Плагиятору»: «Мой в поэзии полёт, // Голос, что не так поёт, // Как другие голоса...» (пер. Л. Газизовой и Л. Шакирзяновой). Даже глубочайшие поэтические прозрения у неё даны так «запросто», как, пожалуй, свойственно, лишь фольклорной да разговорной речи: «Оттого ль, что в небе тесно, // Ивы клонятся к земле?..» («В пору осени входя...», пер. А. Баязенца).

Наличие своего поэтического голоса — явный знак мастерства и своеобразия, связанного в случае с Леной Шакирзяновой с главным пафосом её творчества — утверждением того, что «Я — есть». Не без определённой доли эгоцентризма, как в одноимённом стихотворении «Я — есть»: «Открытью нынче поразила я — // Что и без вас Живу — не существую» (пер. С. Малышева и Л. Газизовой). И с позиции обиженной женщины эти строки вполне понятны... По большей же части, утверждая в мире собственное Я, поэтесса утверждает вместе с этим весь мир, вписанный в её книгу сердца. В то же время строки этой книги, свет и тепло души, как дыхание, неизбежно остаются «на стёклах вечности» (О. Мандельштам).

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ

В архиве моего отца, известного татарского писателя Рафаила Тухватуллина, особое место занимает переписка с коллегами-фронтовиками: Махмутом Хусаином, Саматом Шакиром, Хисамом Камалом. Это поколение, узнавшее тяготы и ужасы войны в 18-ти, 19-тилетнем возрасте. Они рано повзрослели, в боях получили тяжёлые ранения, а Хисам Камал и Рафаил Тухватуллин стали инвалидами войны. Оба воевали в артиллерии связистами, оба свой последний бой приняли при освобождении Прибалтики, оба лежали в госпитале в Латвии.

Прочитав в архиве отца удивительно добрые письма Хисама Камала, мне захотелось больше узнать о нём. Он, будучи инвалидом войны, смог стать народным писателем Татарстана, лауреатом Тукаевской премии, а ныне о нём стали как-то забывать. Узнав через Союз писателей адрес и телефон, я позвонил и представился сыном Рафаила Тухватуллина. Трубку взяла Роза апа. Она сказала, что Хисам абый уже больше года прикован к постели, состояние у него тяжёлое. Я спросил, не мог бы Хисам абый рассказать о дружбе с моим папой. Роза апа передала трубку Хисаму абый, и он согласился рассказать, а Роза апа согласилась записать его воспоминания. Через месяц я заехал к ним домой, предварительно попросив разрешение по телефону.

Дверь открыла Роза апа — невысокая бабушка с тихим добрым голосом. Роза апа уже не может выходить на улицу, у неё повреждена спина, но она по-прежнему продолжает ухаживать за своим прикованным к постели мужем. Хисам абый лежал в постели, он очень приветливо разговаривал со мной. И всё время разглядывал меня, его глаза и кончики губ светились доброй улыбкой. Я понял, что он разглядывает во мне моего отца, своего друга-фронтовика. Супруги решили сфотографировать их. Я рассказал им о нашей семье, о последних годах жизни папы, показал фотографии, в том числе и фотографию 1956 года, на которой изображены молодые Хисам Камал, Рафаил Тухватуллин, Гумар Баширов. Также я показал газеты с недавно опубликованными рассказами папы. Вдруг Роза апа из соседней комнаты

вынесла стопку книг Хисама Камала и сказала, что они дарят эти книги мне. Я был поражён, ведь писателям трудно подарить даже одну свою книгу, а тут они дарят 15 книг, хотя видят меня впервые в жизни. И Хисам абый дрожащей рукой написал автограф. Потом на кухне Роза апа сказала, что Хисам слишком скромный человек. В своё время Гариф Ахунов сказал: «Хисам, давай я напишу про тебя». Но Хисам абый не разрешил. Роза апа думала, что он сам собирается написать о себе. Не написал. И Роза апа рассказала мне историю жизни его деда, отца и самого Хисама Камала. Она, прожившая с ним 54 непростых года, стойко переносившая все тяготы, переживает, что из-за излишней скромности читатели мало знают о нём, народном писателе Татарстана...

Дед Хисама Камала, живший в Кам-Исмагилово, с пятью детьми пошёл в услужение к русскому барину, поместье которого находилось в деревне Микулин Бугульминского уезда. Отец Хисама Камала Нуретдин помнил, как жена барина при первой встрече вынесла им на тарелке куски хлеба на угощение. Дед работал у барина кучером. Барин был земским начальником, у него было большое хозяйство, много лошадей, коров, свиней, домашней птицы, и барин доверил Нуретдину вести хозяйство. В подвалах усадьбы даже было организовано производство мороженого. Сам барин уезжал в командировки, часто играл в карты, однажды выиграл тройку лошадей.

Нуретдин, будущий отец Хисама Камала, подружился с сыном барина, они вместе играли, вместе проводили время. Когда пришло время отдавать сына барина в школу, тот заявил, что без Нуретдина учиться не пойдёт. Так они и учились вместе в церковно-приходской школе. Обучение было на русском языке, поэтому Нуретдин хорошо выучил русский язык.

Когда сёстры Нуретдина выросли, дед снова переехал с семьёй в Кам-Исмагилово и выдал их там замуж. Барин хорошо заплатил деду за добросовестную работу, дал ему трёх коров, лошадь. Когда в деревню приезжали гости, всегда в качестве переводчика звали Нуретдина, который мог хорошо разговаривать и писать по-русски. Когда Нуретдин вырос, его забрали в царскую армию. Он служил под Киевом, сначала кавалеристом, потом, когда прибавил в весе, его перевели в артиллерию. Во время службы видел царя Николая II.

Нуретдин участвовал в 1-й мировой войне, получил Георгиевский крест за то, что в бою смог меткой стрельбой уничтожить много солдат противника. Перед революцией после 11 лет службы он был демобилизован и вернулся в Кам-Исмагилово, женился. Жила семья в небольшом каменном доме с двумя окнами, построенном отцом Нуретдина. К тому времени сёстры уже были замужем и жили отдельно.

У самого Нуретдина было пятеро детей. В 1926 году родился Хисам. Когда началась коллективизация, Нуретдин долго не вступал в колхоз. Летом он занимался изготовлением колёс для телег, а также самих телег и саней. У него были простые самодельные станки для обработки дерева, и даже токарный станок для обточки ступиц колёс, в котором вращательное движение деревянной заготовке придавалось навитым на заготовку кожаным ремнём, в котором при нажатии ногой на педаль ремень передвигался вниз и вращал заготовку в одну сторону, а при отпуске педали ремень двигался вверх за счёт пружины и заготовка вращалась в другую сторону. Зимой он плёл лапти, а также торбы для посева зерна. Но прокормить многочисленную семью было очень трудно.

Детство в 30-е годы было тяжёлым. Когда Нуретдина забрали на железную дорогу работать кочегаром, маленькому Хисаму приходилось ходить по окрестным деревням и просить милостыню. Весной, когда снег на холмах таял и стекал вниз сплош-

ным потоком, перекрывая дорогу, взрослые перекидывали маленького Хисама через поток с ледяной водой на другой берег, чтобы он мог идти собирать милостыню, не промокнув. Когда Хисам подрос, он начал работать в колхозе конюхом. А в начале войны по разнарядке был направлен на заготовку дров для паровозов, где претерпел немало лишений в зимнее время, ведь хорошей тёплой одежды не было, а на ногах были лапти.

В 1943-м году семнадцатилетнего Хисама забрали в армию. Воевал Хисам, как уже говорилось выше, в артиллерии. В первых же боях получил ранение в ногу. После лечения в госпитале снова попал на фронт. В боях за освобождение Прибалтики вновь был тяжело ранен в другую ногу. В госпитале в Латвии перенёс ампутацию. Через некоторое время началась гангрена, ему ещё раз ампутировали ногу. Вновь началась гангрена, в третий раз ногу отрезали под корень. Рана долго не заживала, туда заталкивали бинты. Чтобы облегчить боли, Хисаму кололи морфий. Но, чтобы не было привыкания, через некоторое время прекратили колоть. Хисам от боли кричал, требовал морфий. Тогда русская восемнадцатилетняя медсестра по имени Ася заворачивала его, своего ровесника, в одеяло, выносила во двор госпиталя и клала в телегу с сеном. Там, на свежем воздухе Хисам успокаивался. Когда рана подзажила, его отправили в Казанский госпиталь, где он долечивался. В госпиталях он пролежал полтора года. К этому времени война кончилась. Всё время держать в госпитале его не могли. Ему сказали: езжай в Бугульму учиться, там в педучилище один раз в день кормят. Ехать домой лишним ртом в это голодное время Хисам не хотел. И на костылях уехал на поезде в Бугульму. Так Хисам Камалов четыре года проучился в Бугульме. Потом поехал в Казань поступать в педагогический институт. Уже в это время он начал писать стихи. Во время учёбы в институте он активно посещал литературный кружок при редакции газеты «Молодой сталинец» (ныне газета «Молодёжь Татарстана»). Его первые стихи напечатаны на страницах этой газеты. Потом он начал печататься в журнале «Казан утлары» и в других периодических изданиях. А в 1955 году увидела свет первая книга молодого поэта «Снова в строю». На следующий год вышел сборник стихов «Вишнёвая гора».

Ильдар Юзеев, народный поэт Татарстана, ныне покойный, так вспоминал о Хисаме Камале: «Почему-то он сторонился общения с людьми. Мы, пришедшие в институт со школьной парты, шумим, смеёмся, а он сидит, читает книгу, обхватив голову руками, не обращая внимания ни на что. О его сложной биографии, тяжёлых годах мы узнали позже... Но он не рассказывал об этом. Если даже очень попросишь, он только отмахивался: «Ну о чём там рассказывать?» — и продолжал идти, склонив вниз голову. И, наконец, рассказал. И не только нам, но и многочисленным читателям — языком стихов».

На гонорары от первых книг Хисам решил построить деревянный дом для родителей, братьев и сестёр в Кам-Исмагилово. Вместе с отцом Нуретдином Хисам, сидя на земле, пилил двуручной пилой лес. Первую партию из 30-ти брёвен у них украли. После этого они стали охранять по ночам заготовленные брёвна. Сагди абый, младший брат Хисама Камала, вспоминает, как было страшно оставаться одному ночью в тёмном лесу, как он зарывался в кучу из веток и листьев. Но дом построили, и он до сих пор сохранился, там сейчас живёт сестра Хисама Камала. А старый каменный домик служит клетью.

Роза апа Камалова вспоминает:

«Я окончила в 1952 году исторический факультет Казанского педагогического института. Хисам в этом же институте окончил факультет татарского языка и литературы. Хисам учился в одной группе с моей сестрой Резедой и Ильдаром Юзее-

вым. И после окончания института Хисам вместе с Ильдаром продолжали приходить к нам. Так мы и начали встречаться. А в январе 1959 года поженились. Вот уже 54 года живём вместе. Вырастили двух сыновей. Старший Зуфар окончил КАИ, его двое сыновей тоже окончили КАИ. Младший наш сын Айдар окончил радио-физический факультет КГУ. Его дочка, окончив Московский институт, уехала в Америку и там вышла замуж. Сейчас растит двух детей и продолжает учёбу в Америке».

После окончания института Хисам Камалов начинает работать в Татарском книжном издательстве. Ему пришлось много жить на съёмных квартирах, порой он оставался ночевать в кабинете на работе. Через несколько лет ему дали комнату в двухкомнатной квартире на улице Островского. Оттуда добирался пешком до работы на костылях. Благо, улица Баумана находилась недалеко, да и садиться на общественный транспорт инвалиду было затруднительно. Вторую комнату в этой квартире дали Ильдару Юзееву. К ним в гости часто приходили друзья: Гариф Ахунов, Рафаил Тухватуллин и др. В Таткнигоиздате Хисам Камал работал 13 лет, издал первые книги многих молодых писателей и поэтов (Альберт Хасанов, Айдар Халим, Фаил Шафигуллин, Роберт Батулла).

В семидесятые годы начали строить КамАЗ, и Хисам Камал поспешил туда. Там он знакомился с людьми, с руководителями, со стройкой. В отличие от некоторых не требовал себе машину, а, опираясь на костыли, исходил вдоль и поперёк гигантскую стройку. Эти впечатления отразились в поэме «Улыбки судьбы» и в сборнике стихов, посвящённых судьбам строителей КамАЗа и Нового города, их чувствам и мыслям, горестям и радостям.

Хисам Камал издал много книг. Он стойко перенёс жизненные тяготы, добился больших творческих высот. И всегда рядом с ним была любящая, заботливая жена, муза — Роза апа. Когда я шёл к ним в гости, то ожидал чувства сострадания, жалости. Но когда уходил, у меня были совсем другие чувства — прежде всего, душевной теплоты, которая исходила от них, а также чувство восхищения сильными, красивыми, очень скромными и гордыми людьми. И ещё я почувствовал, как они уважают моего отца — Рафаила Тухватуллина.

Недавно в издательстве «Рухият» ОАО Татнефть вышла книга «Минем жаным китапларымда» («Моя душа в моих книгах»), куда вошли автобиографические произведения Рафаила Тухватуллина, а также его письма, дневниковые записи. Впервые была опубликована и последняя повесть отца «Кызыл туры» («Красно-гнедая лошадь»), в которой есть любопытный персонаж — Сиразетдин бабай, кавалер Георгиевских крестов, во время Первой мировой войны служивший в кавалерии, мастер на все руки, отказавшийся вступать в колхоз. Я понял, что отец Хисама Камала был прототипом героя этой повести, ведь Рафаил Тухватуллин был и ночевал в Кам-Исмагилово в 1960-м году и долго беседовал с Нуретдином бабаем, осматривал его мастерскую. В конце повести есть такой эпизод: главный герой Габделнур приходит навестить Сиразетдина бабая, узнаёт, что он умер, и вдова Сиразетдина бабая, старушка Бадяр, дарит Габделнuru часть инструментов мужа. Мне очень захотелось увидеть дом, который построили Хисам Камал с отцом и братом, увидеть описанную мастерскую. В прошлом году я побывал в Кам-Исмагилово, желание моё исполнилось. Старшая сестра Хисама Камала Зубаржат апа (ей уже за 90 лет) вспомнила, как Рафаил Тухватуллин с Адипом Маликовым приходили к ним в гости и ночевали у них. На прощание она подарила мне часть инструментов Нуретдина бабая. Так эпизод из повести, написанной более двадцати лет назад, повторился наяву. Один из этих инструментов я подарил музею истории литературного движения в городе Альметьевске им. Гарифа Ахунова.

МЕЖДУ СВЕТОМ И ТЬМОЙ

С начала прошлого года в музеях Казани проводятся литературные встречи, посвящённые историям любви, жизни и творчества известных татарских писателей, в которых принимают участие члены клуба «Династия» — дети и внуки писателей. Организатор этих встреч — Альбина Абсалямова, директор музея истории татарской литературы, внучка Абдурахмана Абсалямова, автор романа-бестселлера советской эпохи «Белые цветы». На прошедших ранее встречах уже рассказывались истории жизни и любви Фатиха Карима, Мирсая Амира, Туфана Миннуллина, Абдурахмана Абсалямова, Афзала Шамова, Гарифа Ахунова, Рафаила Тухватуллина, Фаниса Яруллина, Хисама Камала. Я стараюсь приезжать на эти мероприятия из Альметьевска и участвовать в них, рассказывая о своём отце, о его друзьях, показываю многочисленные архивные материалы. Часто на эти встречи приходит телевидение ТНВ с последующим показом сюжетов в передаче «Татарлар».

В конце минувшего года в музее имени Габдуллы Тукая состоялась очередная встреча из цикла «Писатель и его Муза», посвящённая истории любви, жизни и творчества писателя Наби Даули. Дочь писателя, Гульфия Набиевна Давлетшина, работающая старшим научным сотрудником музея Горького, познакомила собравшихся с пронзительной историей жизни своего отца, в которой было место и подвигу, и предательству, и забвению, и воскрешению. Во время рассказа были продемонстрированы многочисленные семейные фотографии, отрывки из документальных фильмов о нём. Присутствовала на вечере и внучка писателя Алина.

Во время выступления исполнялись песни на стихи Наби Даули Эмилем Залялетдиновым, народным артистом РТ, заслуженным артистом РФ, и певицей Раушанийей Зигангировой. Дали возможность выступить и мне, я сказал о своих детских впечатлениях, когда в семилетнем возрасте прочитал книгу Наби Даули «Между жизнью и смертью» из отцовской библиотеки, а также показал найденные в отцовском архиве две фотографии, на которых Наби Даули запечатлён с альметьевскими писателями Гарифом и Шахидой Ахуновыми, Рафаилом Тухватуллиным, Адипом Маликовым,

Сажидой Сулеймановой, Гамилом Афзалом. Накануне вечером удалось эти старые фотографии хорошо отреставрировать, и я подарил их Гульфии Набиевне. Она в ответ подарила мне книгу «Между жизнью и смертью», изданную в 2010-м году.

Когда Гульфия Набиевна была маленькой девочкой, она часто ходила на выступления вместе с отцом. И вот пришла её пора рассказать о биографии замечательного писателя, драматурга, героя-антифашиста.

Он родился 1 июня 1910 года в деревне Милявша Алькеевского района Татарии. Мать его умерла в 1917 году, отец в 1919. В 9 лет мальчик остался сиротой и пополнил ряды беспризорников, которые тысячами бродили по дорогам России во время Гражданской войны. В 1922 году его забирают в детский дом, который находился в Сталинграде. Пребывает он в детдоме до конца 1926 года. После выхода поступает в художественный техникум, но не заканчивает его. Об этом периоде жизни рассказано в повести «Не могу не сказать». Он уезжает на Донбасс и поступает работать на сталелитейный завод, где плавит сталь. Но творческая натура взяла своё, и, уйдя с завода, он поступает редактором в газету «Пролетарий» в том же городе. В 1933 году был призван в ряды Красной Армии, прослужил на Дальнем Востоке до 1935 года.

После возвращения из армии он приехал в Казань и устроился на работу в газету «Яшь Сталинчы». У Наби Даули, молодого поэта, один за другим выходят сборники стихов под названиями «Счастье», «Алый цветок», «Думы», «Сорок стихов». С 1939 года он член Союза писателей. По словам писателя А. Юнусова, «Н. Даули — самый талантливый молодой писатель и самый талантливый молодой журналист» (Из материалов архива ЦГАПД). Кажется, что судьба улыбается ему: любимая работа, популярность среди населения, женитьба, рождение дочери. Но наступает суровый 1941 год.

24 июня 1941 года Наби Даули одним из первых татарских писателей уходит на фронт. 13 августа 1941 года он попадает в плен к фашистам под городом Орша. Через 20 дней плена делает попытку к побегу. Этот эпизод ярко описан в книге «Между жизнью и смертью». Полуголодный, оборванный и грязный заходит в тёплый уютный дом, хозяином которого оказался немецкий староста. Беглеца накормили, обогрели, а потом... сдали фрицам. После побега его жестоко избили и отправили в тюрьму, в город Борисов, что находится в Белоруссии. После войны в 1960 году Н. Даули был приглашён туда на перезахоронение советских военнопленных. В немецких лагерях Белоруссии он находился до 1942 года, а затем был направлен вместе с другими военнопленными в Германию, в лагерь смерти Бухенвальд-Дора.

С 1942 по 1945 года Наби Даули был военнопленным на территории Германии. 10 апреля 1945 года Н. Даули и двое его товарищей (Маковецкий и Жадан) сбегают. Они прячутся на соломенной крыше одного из немецких домов. 13 апреля 1945 года они были освобождены войсками американской армии.

В ноябре 1945 — возвращение в Казань. Что же ожидало солдата на Родине? Казань встретила его молчанием. Наби Даули после возвращения из плена был лишён работы, жилья, внимания товарищей и семьи. Его произведения не печатались и не издавались. Более 10 лет он скитался по чужим углам и работал то укладчиком трамвайных путей, то грузчиком в каком-нибудь магазине. Только устроится на работу, и как только узнают, что он был в плену, тут же увольняют. Ему было не на что купить еду, одежду. У него распался первый брак. В 1954-м году, после смерти Сталина, Наби Даули пошёл в обком партии и сказал: лучше посадите меня в тюрьму, там хоть кормят. Только после этой встречи ему дали должность охранника, разрешили жить и работать на даче писателей «Лебяжье». Более четырёх лет он писал там свою знаменитую книгу «Между жизнью и смертью». В 1957 году она вышла в свет.

Это произведение пользовалось огромной популярностью среди населения. Затем писатель издал продолжение под названием «Разрушенный бастион». В это же время Наби Даули познакомился со своей будущей женой Надией, которая стала ему верной подругой и помощницей до конца жизни. Вскоре родилась дочь Гульфия.

Наби Даули издал более 20 произведений. Среди них пьесы для детей, рассказы, стихотворения. Такие книги, как «Песня о счастье», «Вундеркинд», «Полёт на Луну», «Дорога в жизнь», публицистический сборник «Необходимо сказать», рассказы о животных «Меченый волк» были востребованы читателями. Их автор был и великолепным оратором, притягивал своей энергией, волей и сильным голосом большое количество слушателей. Недаром Иракий Андронников, лермонтовед, а также один из ведущих пушкинистов, часто приглашал Н. Даули на пушкинские дни в Михайловское.

К сожалению, этот незаурядный человек умер с горечью на сердце. Тень фашистских лагерей окутывала его личность до последней минуты жизни. И только в 1990 году, через полгода после его смерти семья получила документ о полной реабилитации писателя Наби Даули. Также через полгода после смерти семья получила медаль «Участнику антифашистской освободительной борьбы» за подпольную работу в лагере смерти Бухенвальд.

В 2010 году была переиздана повесть «Между жизнью и смертью», был поставлен документальный фильм из серии «Мои соотечественники» под названием «Я смотрю тебе в глаза», был проведён юбилейный творческий вечер в театре имени Карима Тинчурина. Недавно в честь Наби Даули названа одна из улиц Казани в районе «Солнечный».

На памятном вечере, который прошёл в тёплой атмосфере, были многочисленные вопросы. В частности: «Получила ли семья Наби Даули компенсацию от Германии за то, что он был узником Бухенвальда?» Гульфия ответила вопросом: «А что, разве такие компенсации положены?» Был также вопрос: «Общаетесь ли с дочерью от первого брака отца», Гульфия ответила: «Конечно общаемся, мы с ней дружим».

Совсем недавно Гульфия Набиевна выложила на фейсбуке фотографию своего отца с родственниками в Бельгии. На мои расспросы она рассказала, что родной брат её матери после войны, после плена остался в Бельгии, там женился, родились двое детей. И в 1969-м году Наби Даули с женой Надией побывали у них в гостях. На мои дальнейшие расспросы Гульфия Набиевна написала:

«Мой дядя, его звали Шаукат, всю свою жизнь проплакал в Бельгии от тоски по Родине и по матери. И вот в 90-е годы он приехал к нам в Казань на 10 дней, а затем через год умер в Бельгии».

Вот такие две судьбы. Чем не сюжет для отдельной повести? Сюжет трагический, но в то же время светлый — нравственной чистотой своих героев.

В ГОСТЯХ У НУРСИИ

В 2006 году Фанис Яруллин написал поэму «Нурсия», посвящённую своей жене. Начинается поэма следующими строками: «В небе летят две птицы, впереди у них много вёсен и холодных зим. Не поломают ли им крылья ветры, не опалят ли их огненные молнии? Посмотришь, с виду — простые птицы, но как высок их полёт!»

В прошлом году в альметьевских газетах были опубликованы мои материалы о переписке Фаниса Яруллина и моего отца Рафаила Тухватуллина. Я позвонил Нурсие апа и попросил разрешения зайти к ней, чтобы передать газеты. Она обрадовалась.

Подходя к дому, где жил народный поэт Татарстана, лауреат премий им. Г. Тукая и М. Джалиля Фанис Яруллин, я обратил внимание, что на доме напротив висит мемориальная доска с именем композитора Фарита Яруллина. Мемориальной доски с именем Фаниса Яруллина пока нет. Когда заходил в подъезд и поднимался на второй этаж, невольно подумал, как же тяжело было Нурсие апа и её племяннице Савие выносить на руках Фаниса Яруллина, чтобы вывезти его на дачу или в родную деревню Кызыл яр. Ни пандуса, ни лифта в доме нет.

Нурсия апа оказалась художавой пожилой женщиной с доброй улыбкой и большими глазами, с уставшим, немного строгим, одновременно светлым взглядом и тихим мягким голосом. Она очень приветливо встретила меня и пригласила в комнату, где лежал, работал, принимал многочисленных гостей, отвечал на телефонные звонки Фанис Яруллин. Она сказала, что всегда покупала книги Рафаила Тухватуллина и приносила Фанису Яруллину, и он с удовольствием их читал.

Первое, что бросилось в глаза — на стене возле кровати висит большой ковёр, на котором закреплены вышитые платочки. Эти платочки вышивали своими руками девушки и дарили Фанису абый. Нурсия апа с некоторой ревностью рассказала, что Фанис абый очень любил девушек и радовался, когда они приходили. Он даже полусутя ей говорил: «Ты иди-ка на кухню, приготовь чай», а сам обнимал пришедших к ней девушек.

Ещё я обратил внимание на большое зеркало, закреплённое на противоположной стене под таким углом, чтобы Фанис абый видел уголок двора. Получалось как окошко во внешний мир. Эту трёхкомнатную квартиру с высокими потолками в центре Казани им дали после посещения министра культуры Зили Валеевой.

Видел я и подставку, на которой Фанис абый лёжа писал свои произведения.

Я попросил Нурсию апа рассказать об истории их семьи. Нурсия апа вначале замкнулась, а через некоторое время воскликнула: «Я же любила Фаниса, Рустам!» В 1962 году Нурсия работала бетонщицей в бригаде. Работа была тяжёлой, заработок маленький. Вечером училась в вечерней школе. Молодой Фанис в это время лежал в больнице в Казани и к нему приходили преподавать учителя этой же вечерней школы рабочей молодёжи. И учительница Виктория Михайловна Зайцева ругала девушек в школе: «Вот вы не стараетесь, а в больнице лежит парень, который учится на одни пятёрки, берите с него пример». Однажды Виктория Михайловна заболела и попала в ту же больницу. Нурсия решила посетить учительницу, а заодно и взглянуть на Фаниса. Она подговорила подругу по бригаде, и они пошли. Купили два огурца как гостинец учительнице. Когда пришли в больницу, оказалось, что к Фанису большая очередь, и дежурная ругалась — отбоя от посетителей нет. Нурсия в тот день посетила учительницу, а к Фанису не попала. Но ей стало интересно, что за парень там лежит, к которому такой интерес посетителей. И вскоре с подругой опять пошла в больницу. Опять много посетителей, дежурная не пускает, тем более без халата, а свободных

дежурных халатов нет. Но тут вышел молодой парень по имени Зиннур из Чистополя, который оказался соседом Фаниса по палате. Он их по очереди тайком провёл в палату к Фанису, завернув их в простыню вместо халата. Так они и познакомились...

Нурсия апа ненадолго примолкла, а затем начала разговаривать на другую тему, пока я не спросил, что же было дальше. Дальше Нурсия сказала, что они шутили и смеялись...

Журналист и писатель Марс Шабаев так писал о них в журнале «Казан утлары» в 1998 году: «Отдельно надо рассказать об ангеле и подруге жизни Нурсие. И у Нурсии каждый день, каждая ночь требуют такого же героизма, большого сердца, как и у Фаниса.

Как я уже говорил, возле Фаниса было много молодёжи и особенно — девушек. Среди них — Нурсия. Худощавая, подвижная красивая девушка... Стройная девушка. Почти каждый раз, когда я приходил к Фанису, видел возле него Нурсию. Они уже могли объясняться взглядами... Привыкнув друг к другу, объяснившись в любви, Нурсия несколько лет жила возле Фаниса. Эти годы были годами испытаний для обоих...

О свадьбе Фаниса и Нурсии сообщила газета «Молодёжь Татарстана». Там же была напечатана их красивая фотография. И вот Нурсия всё время рядом с Фанисом. Она стала равной Фанису по силе духа и силе воли. Судьба не ошиблась, соединив их вместе. Нурсия — вдохновение Фаниса. Если бы её не было, достиг бы писатель Фанис Яруллин таких высот в литературе? Нурсия, эта худенькая девушка, вывела Фаниса из тесной комнаты в широкий мир. Она выучилась и получила водительские права. И машину приобрели. Появилась возможность ездить в родную деревню, к друзьям-знакомым. И сад-огород взяли, домик построили. Фанис может теперь отдыхать и писать в своём саду. На основе впечатлений от приобретения машины Фанис написал смешную комедию «Вон идёт автомобиль», её с удовольствием смотрят зрители. Спасибо тебе за самоотверженность и преданность, Нурсия!»

Привыкнув ко мне, как к собеседнику, Нурсия апа сама рассказала несколько интересных подробностей и историй совместной жизни с Фанисом.

Как-то в гости к Яруллиным пришли четыре девушки — студентки, будущие журналистки. Нурсия апа поставила в духовку большой бляш, а на столе были колбаса, хлеб и т.п. Разговор получился очень интересным, пили чай, ели колбасу, смеялись, шутили. Потом девушки ушли. И только потом Яруллины вспомнили про бляш в духовке. Позвонили девушкам, уговорили их прийти снова, и на следующий день ели бляш, опять разговаривали, смеялись, шутили. Нурсия апа говорит, что Фанис любил есть только свежеприготовленную пищу, вчерашнюю еду ел только тогда, когда не было времени или возможности сварить обед, а также хорошо разбирался в выпечке. Даже когда приезжали в гости к родственникам в деревню, полушутя ворчал: «Две коровы держите, а масло в тесто пожалели».

Чтобы возить Фаниса на дачу или в деревню к родственникам, Нурсия апа выучилась водить автомобиль, выносила его из дома на руках. Но водить машину она не любила. Позже её племянница Савия тоже получила водительские права, а ей нравилось быть за рулём. И если они были втроём и Нурсия апа по привычке садилась за руль, то Фанис абый прогонял её на заднее сиденье — дескать, ты машину не любишь, у Савии лучше получается. Нурсия апа с удовольствием подчинялась.

Фанис абый переживал, что доставляет любимой Нурсие столько испытаний и страданий. Приведу несколько выдержек из его дневниковых записей, опубликованных в журнале «Казан утлары»:

«...Когда не было телефона в квартире, я чуть не погиб, оставшись 3–4 раза в подобной ситуации. Один раз, когда мы жили на ул. Волгоградской, на плите осталась ка-

стрялю с варившимся супом. Нурсия пошла то ли за молоком, то ли за маслом. А в советское время за всем были очереди, и она забыла о супе. Когда она вернулась, вся квартира в дыму, я лежу на полу. Весь ободранный, окровавленный. Будто грудью закрыл вражескую амбразуру. Нурсия сразу подняла меня, положила на кровать и заплакала. В другой раз я скатился с кровати и дополз до кухни. Рядом со мной постоянно лежала длинная палка, которой я включал телевизор, вот этой палкой я и сбил с плиты дымящуюся кастрюлю. Никому не могу позвонить, телефона нет. Мы 15 лет мучились без телефона. Если бы я тогда погиб, задохнувшись в дыму, Нурсию обвинили бы. Ладно ещё в то время не было пультов дистанционного управления телевизорами. Длинная палка – советский «пульт» – спасла меня от смерти.

27 декабря 1984 г. У Нурсии тоже проблемы со здоровьем, на днях она заплакала от боли в ногах... И у неё после хождения пешком начинаются боли в почках. Бандаж уже носит. Ей постоянно приходится носить тяжести, меня ведь по частям не поднимешь. Вон телевизор понесла на ремонт, назад надо принести.

29 января 1985 г. Нурсия сегодня пошла в больницу. И она постоянно прибалывает. То позвоночник болит, то ноги. Про почки и не говорю...

1 февраля. Нурсии дали направление лечь в больницу. Сказали, как бы не выявилась язва желудка... Позвонил родственнику Баяну, чтобы сообщили маме. Когда придет, кто её привезёт? Что я буду делать, если Нурсия серьёзно заболеет? Бог знает. За мной ведь просто посторонний человек ухаживать не может...

8 февраля. С разных сторон бьёт судьба. Не приближается ли финиш? Ладно, если финиш не будет мучительным. Нурсия почти каждый день звонит из больницы. У неё в больнице поднялось давление, и нервы сильно расшатались. Ей сказали, что боли в желудке тоже от нервов. Конечно, у неё нервы не в порядке, она сильно переживает за каждые мелкие неурядицы в моей жизни.

12 марта. Нурсия всё ещё в больнице. Очень тоскую. Выйдет ли живой? Пишу повесть «Разбойник». Довольно хорошо пишется. За дневник братья времени нет. Пришлось несколько дней проболеть.

25 марта. 21 марта Нурсия выписалась из больницы. 19 марта закончил повесть. Нурсия начала печатать на машинке. Завтра мама уезжает. Дни стоят красивые.

10.05.1994 г. В последнее время у Нурсии состояние не очень хорошее. Жалуются на боли в позвоночнике. Меня поднимает с трудом. До этого не жаловалась, что ей тяжело меня поднимать. И работы у неё много. Сад, машина, я, и вдобавок к этому вся домашняя работа. Плюс надо напечатать на машинке мои произведения, отнести их в редакции, в издательства, и вдобавок ко всему она переживает за судьбу каждого моего произведения даже больше меня. Вот и стареем. И ей в этом году будет 55 лет. Какая у неё будет пенсия? И об этом беспокоится. Дело не только в деньгах, она ведь всё время на посту. Ей нет отдыха ни днём, ни ночью. Я уж не говорю о праздниках. В праздники ей угощать многочисленных гостей, потом уборка в квартире. В таком режиме никто не смог бы работать. Только Нурсия выдерживает, она одна на этом свете.

22 августа 2001 г. Эта бессонница мучает меня и в Бавлах. И в десять ложимся, и в двенадцать, всё равно в половине четвёртого просыпаюсь. И когда был здоровым, со сном были проблемы. До двенадцати часов бегал за девушками. Придя домой, сразу не мог уснуть, долго ворочался. Мне говорили: «Наверное, днём удаётся поспать». Но днём я буду спать, наверное, только после смерти. И в Армии я тоже плохо спал. Этой своей бессонницей я мучаю Нурсию. Если бы я мог тихонько лежать без сна, она бы так не мучилась. Меня ведь надо постоянно переворачивать с одного бока на другой. Кроме этого, как проснусь, меня надо умыть, накормить, напоить...

25 августа 2009 г. Нурсия с 18-го августа лежит в больнице. Жаловалась на боли в животе. Врач запретил ей поднимать тяжести. Все врачи запрещают ей поднимать тяжести. Как не будет поднимать? Вместе со мной она ведь несёт на себе весь наш мир. Сердце, почки, желудок, вены, корочка — весь организм у неё не в порядке. Бог даёт ей жизнь только для того, чтобы ухаживать за мной. Видимо, Бог взвалил на неё меня как жизненный долг.

28 октября 2009 г. Нурсия в больнице, без неё в доме не хватает света, теплоты. На душе пустота. Хотя и Савия хорошо ухаживает за мной. За долгую жизнь любовь, наверное, проходит, но есть другие чувства, связывающие людей. Мы им ещё и названия не придумали. Мы говорим «привыкание», «совместные горести». Но только они не заменяют слово «любовь».

В поэме «Нурсия» Фанис абый пишет:

«Сколько стихов я тебе посвятил, в мыслях тысячи раз облетел землю, но не нашёл слов, чтобы рассказать о богатстве твоей души. Сколько я ни старался, не помещается в стихах твоя душа. Даже сейчас я ищу слова, чтобы сказать тебе о своей любви».

Я попросил Нурсию апа показать инвалидную коляску Фаниса абый. Мы прошли в соседнюю комнату. Возле окна в кадках росли два больших комнатных цветка. Нурсия апа, погладив руками их листья, сказала, что когда Фаниса не стало, цветы начали засыхать. Она и удобряла, и землю меняла, всё равно листья желтеют.

В поэме «Нурсия» есть строчки:

«Если наша любовь будет огнём, огонь будет гореть вечно. Если наша любовь будет цветком, цветок никогда не завянет». Любовь к своему Фанису в сердце Нурсии апа не погасла и не увяла.

Рядом с цветками на кожаном кресле стоит прислонённый к спинке большой фотопортрет Фаниса Яруллина, на котором улыбающийся поэт проводит рукой по своим волосам. Проходя мимо портрета, Нурсия апа провела ладонью по волосам Фаниса абый на портрете. «Вот так каждый день глажу Фаниса по волосам, не знаю, может, и нельзя. Я тоскую по нему». Меня очень тронул этот эпизод и я попросил разрешения сфотографировать её. Она ещё раз провела рукой по волосам Фаниса. Всю свою взрослую жизнь Нурсия апа посвятила мужу, помогала ему в творчестве, хлопотала по редакциям и по издательствам, часто приходила в слезах. Сейчас у неё повреждён позвоночник, язва желудка от частых нервных переживаний и много других болячек, она много времени проводит в больницах и поликлиниках. И очень скучает по своему Фанису, занимается организацией его юбилейного вечера.

Заканчивается поэма «Нурсия» следующими строками:

«Ты давно превратилась в песни. Ты памятник, сложенный из песен...»

Когда я ещё раз пришёл к ней в гости, Нурсия апа сказала, что в Бавлах собираются поставить памятник Фанису Яруллину, и что ей принесли на согласование эскизы. На эскизах Фанис и Нурсия вместе. Они всю жизнь были вместе, и в памяти народа останутся вместе, как пример жизненной стойкости, любви, верности, силы человеческого духа.

ГУЛЬЗАДА РУДЕНКО

ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА... Много это или мало? По меркам истории срок, безусловно, небольшой. Но случается так, что время словно сгущается, вбирая в себя такое множество событий, судеб и встреч, которых в иную пору хватило бы на целое столетие. Именно такой отсчёт начался для Елабуги после создания в 1989 году государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. А самый бурный период его развития оказался неразрывно связан и в значительной мере обусловлен приходом на пост руководителя Г. Р. Руденко. Беседа с ней прольёт свет на многие, в том числе и мало кому известные страницы истории Елабужского государственного музея-заповедника.

— **Гулзาดา Ракиповна, начнём с того, что Елабуга не была для Вас неведомой точкой на карте страны.**

— Конечно. Я прожила здесь семь лет, когда училась в старших классах, а затем — в педагогическом институте. Но как-то так получилось, что в городском пространстве я особо не растворялась, живя жизнью школы и института. Наиболее памятные места, оставшиеся с той поры, это — городской каток на площади Ленина, склон улицы Набережной, где сейчас расположен Вечный огонь. Там мы катались на санках и лыжах. И, конечно же, улица Казанская, носившая тогда имя Карла Маркса, по которой мы совершали неизменный променад, особенно в выходные дни. Потом я уехала в Набережные Челны, но в Елабуге мы бывали еженедельно на воскресных семейных обедах у родителей. Естественно, каждый раз проезжали мимо исторической части. Выглядела она довольно неприглядно и как-то всё это меня не привлекало.

— **Тем более удивительно, что Вы решили возглавить музей-заповедник. Как же это произошло?**

— Была осень 2002 года. В то время я, оставив должность начальника управления культуры Набережных Челнов, работала генеральным директором туристической компании. Когда мне позвонили и сказали, что приглашают на встречу с главой администрации Елабуги Ильшатом Рафкатовичем Гафуровым, я просто поехала послушать, что это такое — музей-заповедник. Наш разговор продолжился 40 минут. Он

сказал, что хочет в корне изменить имидж и роль музея-заповедника в жизни города, навести порядок в исторической части, сделать Елабугу привлекательной для туристов. Мне очень понравилась эта перспектива, тем более, что, образно выражаясь, передо мною была целина, которую предстояло поднять. Но главное, пожалуй, было то, что мне захотелось с этим человеком работать. Я ведь тоже незадолго до этого входила в состав управленцев мэрии Набережных Челнов, и мне было с кем сравнить Ильшата Рафкатовича. И, повторяю, мне захотелось поработать с таким креативным, творческим и интересным человеком. Я дала согласие, доверившись своей интуиции, и она меня не подвела. Семь лет нашей совместной, дружной, напряжённой работы я сейчас вспоминаю, как песню.

— **И всё же Вы были человеком далёким от музейной сферы. Что помогло так быстро адаптироваться, ведь, насколько я помню, открытие Художественного салона — первого, созданного по Вашей инициативе объекта, произошло буквально через несколько месяцев после назначения.**

— Во-первых, я сама заядлый турист. Я объездила много городов и стран. И мне всегда было это интересно. А обязательным спутником туризма является сувенир. Так возникла идея создания Художественного салона. Во-вторых, я ездила на большое количество российских совещаний (в республике они проводились редко). Первое время нигде не выступала, просто слушала и смотрела, словом, училась у коллег-музейщиков. И, наконец, очень помогло в новой работе то, что я оказалась в числе первых менеджеров в культуре нашей страны. С 1991 по 1999 годы я возглавляла в Набережных Челнах городской культурный центр «Эврика», который несколько лет был на полном хозрасчёте. Мы сами зарабатывали на зарплату, на коммунальные услуги, на развитие. Я ложилась спать и вставала с мыслями о том, как заработать деньги. Здесь оказалось то же самое, потому что было скудное финансирование и не менее скудные музейные объекты, требующие принципиально иного решения.

Когда после первого разговора с главой мы поехали посмотреть, что имеется в арсенале музея-заповедника, у меня сложилось очень тягостное впечатление, особенно от Культурного центра Марины Цветаевой, который я назвала «убожеством». Поэтому после открытия Художественного салона необходимо было браться за Культурный центр. Первые полгода я не могла подступить к Цветаевой. Пыталась понять её стихи, читала многие другие произведения, но чувствовала, что она меня не пускает. И тогда я стала читать о ней: книги Ирмы Кудровой, других биографов и исследователей. Я поняла Цветаеву как женщину, как человека: её сущность, характер. Когда я стала говорить о ней со знанием дела, тогда она меня пустила. 29 декабря 2003 года мы открыли Литературный музей Марины Ивановны Цветаевой, сделав капитальный ремонт здания и создав великолепную экспозицию, для которой были закуплены мемориальные вещи и прижизненные издания поэта.

— **«Скудное финансирование» и открытие, по сути, в первый же год Вашей работы таких объектов, как Художественный салон и Литературный музей, как-то не очень вяжутся между собой.**

— За каждым из них стоит своя история. Художественный салон был первым и единственным объектом, на который я просила денег у Ильшата Рафкатовича. И, кстати сказать, именно должностная и финансовая независимость позволила нам чувствовать друг в друге партнёров, что было, на мой взгляд, самым важным в наших отношениях. А что касается Литературного музея, то деньги на него были выделены из Федеральной целевой программы «Культура России». Ещё во время нашего первого разговора, зная, что многие обвиняют Елабугу в смерти Цветаевой, Ильшат

Рафкатович сказал: «А я хочу, чтобы в Елабугу приезжали к Марине Цветаевой. Давай мы это сделаем».

Когда открывали Литературный музей, он не знал, что там внутри. Ему очень понравилось, и он задал вопрос: «Гульзада Ракиповна, скажи, пожалуйста, ты за всё рассчиталась?» Я ответила, что необходимо ещё переделать кровлю, но эту работу мне обещали выполнить в долг знакомые челнинские строители. Тогда он сказал: «В долг не надо. Сколько это стоит?» Я назвала сумму — сто десять тысяч рублей. Он промолчал, а 31 декабря позвонил и сказал: «Дай счёт, куда отправить сто тысяч на кровлю».

Очень важным моментом в нашей деятельности было то, что Елабуга входила в разнообразные федеральные программы. Я вспоминаю, как Ильшат Рафкатович всем нам говорил, начиная со своих замов: «Нечего делать в Елабуге, езжайте в Москву, ищите деньги». Вместе с руководителями городских служб, его заместителями мы готовили в 2004, 2005 и 2006 годах огромное количество документов на создание мемориальных комплексов Шишкина, Цветаевой, Дуровой, Бехтерева. Эти великие соотечественники, чьи имена связаны с Елабугой, дали нам возможность получить федеральные деньги, на которые были созданы новые музеи и проведены реэкспозиции в уже существующих, обустроены Шишкинские пруды, приведено в порядок Троицкое кладбище...

— **Когда Вас пригласили на работу в Елабугу, тогда уже шла речь о праздновании 1000-летия города?**

— Во время нашего первого разговора Ильшат Рафкатович об этом не упоминал. Но он, по-видимому, давно вынашивал эту идею и не раз говорил о ней первому президенту республики Минтимеру Шариповичу Шаймиеву. А потом уже мы вместе с руководством города, учёными нашего университета ездили на заседание Академии наук Республики Татарстан, где был вынесен окончательный вердикт о 1000-летней

истории Елабуги. Затем была установлена дата празднования — 2007 год. И началась мощная подготовка. В первую очередь нас поддержали Минтимер Шарипович Шаймиев и Рустам Нургалиевич Миннеханов, который был тогда премьер-министром и лично возглавлял оргкомитет по подготовке к 1000-летию Елабуги.

Он приезжал и осматривал все объекты, принятые республикой на финансирование с тем, чтобы достойно отпраздновать эту дату. Среди них был краеведческий комплекс, куда входили Музей истории города, Музей-театр «Трактир» и Интерактивные мастерские. Помню, когда Рустам Нургалиевич впервые приехал туда в феврале 2007 года, там, как говорится, конь не валялся. Он спросил: «Чего ты хочешь?» Я ответила: «Денег хочу, дайте денег». Он сказал: «Ты не успеешь». Я возразила: «Успею». Деньги поступили только в мае, а открывать комплекс надо было уже в августе. И тут снова помог Ильшат Рафкатович. Он предоставил фирме, которая занималась строительными работами, кредит в семь миллионов рублей.

Надо сказать, что сама я, бывая в других городах, не любила ходить по краеведческим музеям и музеям истории, потому что везде было абсолютно одно и то же. Я называю это классикой жанра: гимнастёрка красноармейца, который устанавливал на этой территории советскую власть, и бивень мамонта. И я, конечно, хотела избежать подобных вещей. В результате появилась идея создания ананьинского жилища, раздела археологии, большого макета исторической части города и многого другого. То, что экспозиция получилась необычной и интересной, свидетельствуют многочисленные отзывы наших коллег-музейщиков — главных экспертов в этой области. Большой популярностью среди туристов и гостей Елабуги пользуются Музей-театр «Трактир», в котором мы постарались воссоздать обстановку и кухню подобного заведения купеческого города XIX века, а также Интерактивные мастерские, где любой посетитель может не только приобрести понравившийся ему сувенир с елабужской символикой, но и получить мастер-класс по лозоплетению, росписи по дереву, гончарному делу и другим видам декоративно-прикладного искусства.

— **Ваше отношение к Культурному центру Марины Цветаевой понятно. Но в своё время и его открытие было значимым событием в жизни города, поскольку наконец-то появилось место, куда могли прийти почитатели Марины Цветаевой, приезжавшие порой очень издалека. А вот как Вам удалось заполнить частный дом, в котором в 1941 году жила Цветаева с сыном Георгием и где летом 2005 года был открыт музей?**

— Последнюю хозяйку этого дома тётю Аню Полтанову я очень хорошо знала, потому что у неё на квартире несколько лет жили мои лучшие институтские подруги — Люда и Рая. И как только я пришла в музей-заповедник, в числе первых посетила её. Мы обнялись, долго разговаривали. И я ей сказала: «Тётя Ань, надо дом-то продавать. Давайте уж мы вам поменяем его на квартиру». Она ответила: «Подожди пока. Немножко подожди». Видимо, она что-то предчувствовала... Где-то через год у неё погиб сын. Тётя Аня пришла ко мне и сказала: «Гуля, покупай квартиру». Я тут же помчалась к Ильшату Рафкатовичу и мы подготовили на имя Рустама Нургалиевича Минниханова два письма. Одно на сумму пятьсот тысяч рублей, второе — на миллион двести тысяч. Он подписал последнее. На эти деньги мы купили квартиру и открыли Дом памяти Марины Цветаевой, воссоздав в нём ту обстановку, которая была при жизни поэта.

Вместе с Домом памяти был открыт ещё один объект музея-заповедника — Библиотека Серебряного века, которая стала центром русской культуры не только для Елабуги и Закамья. Сюда приезжают поэты и писатели из Набережных Челнов, Казани, Москвы, Санкт-Петербурга и других городов страны.

А вот признанным центром интерактивных программ музея-заповедника с русскими забавами, подвижными играми, походным костром, катанием на лошадях является наш Музей-усадьба Надежды Андреевны Дуровой. К слову сказать, 17 предметов, включающих старинную мебель, были в начале девяностых годов временно переданы в экспозицию музея-усадьбы из одного санкт-петербургского музея. И как раз вскоре после моего прихода они затребовали вернуть свои экспонаты назад. Мы остались практически ни с чем. И вновь на выручку пришла Федеральная целевая программа «Культура России».

— Это тогда в экспозиции появилась восковая фигура Надежды Дуровой, облачённая в уланский мундир?

— Да, но только её нам подарил Ильшат Рафкатович Гафуров. Вначале мы поместили восковую фигуру в военном зале. А потом я предложила установить её возле входа, чтобы она как бы встречала гостей. Сказано — сделано. Прошло несколько дней и вот однажды утром сотрудники музея обнаружили, что на втором этаже, по видимому, ночью, упал со стены массивный портрет Дуровой, где она изображена с Георгиевским крестом. Причём и гвоздь, и верёвка, на которых он держался, остались в целости и сохранности. Портрет подняли, повесили на место. Прошло ещё какое-то время. Был рабочий день, сотрудники сидели на первом этаже в своих кабинетах, как вдруг услышали наверху страшный грохот. Это снова упал портрет. И опять ничего не оборвалось. Более того, от обоих ударов не повредилась даже гипсовая лепнина, украшавшая багет. Мы все в полном недоумении, ничего не можем понять. Опять водружаем его на место. И тогда директор музея-усадьбы Фаида Хакимовна Валитова говорит: «Гульзада Ракиповна, мне кажется, Надежде Андреевне не нравится, что мы перенесли её вниз». И я с ней согласилась. Мы вернули восковую фигуру на прежнее место. Портрет больше никогда не падал.

— Одним из четырёх названных Вами знаменитостей, чья память была увековечена в музеях Елабуги, оказался наш земляк Владимир Михайлович Бехтерев. Как это произошло?

— После строительства новых современных стационаров стоял в запустении возведённый ещё до революции больничный комплекс, куда входило несколько деревянных зданий. И возникла необходимость их убрать. В то же время не раз заходил разговор о создании музея Бехтерева. И тогда появилась мысль оставить один из больничных корпусов, тем более, что стены, прослужившие более ста лет, оказались на удивление крепкими. Ильшат Рафкатович тут же дал задание на его ремонт и реконструкцию. Какой будет внутренняя планировка и отделка решали, естественно, мы. В январе 2007 года нам было передано готовое здание, а в июне мы уже открыли в нём новую экспозицию. Правда, она не была целиком посвящена Бехтереву. Концепция получилась значительно шире. Мы создали Музей уездной медицины имени Владимира Михайловича Бехтерева, в одном из залов которого расположен его рабочий кабинет. На открытии музея присутствовали потомки учёного, в том числе его правнук, директор Института мозга человека Святослав Всеволодович Медведев.

Вообще это можно назвать авантюрой: не имея ни одного предмета по медицинскому профилю, открыть музей площадью в 300 квадратных метров — да ещё в такие короткие сроки! Но в жизни я много раз убеждалась, особенно в Елабуге: если это Богу угодно, нужное, благородное дело, всегда рядом появятся люди и целые организации, которые придут на помощь. В создании Музея уездной медицины неоценимую поддержку нам оказали работники и ветераны Елабужской центральной районной больницы, Казанский медицинский институт и просто обычные горожане.

— **Символом 1000-летия Елабуги стала древняя башня болгарского городища. В преддверии празднования она несколько месяцев стояла в лесах, да и вокруг неё многое изменилось.**

— Елабужское городище — это наша гордость, но было время, когда возникли серьёзные опасения за судьбу башни: устоит ли она на крутом высоком склоне, который вплотную приблизился к её основанию.

Первая официальная бумага, которую я получила в новой должности, было предупреждение в адрес директора музея-заповедника о том, что один миллион двести тысяч рублей, выделенных по линии Федеральной целевой программы «Культура России» на работы по укреплению склона городища, потрачены не по назначению. Я была в шоке, стала разбираться. Оказалось, что прежнее руководство заключило договор и оплатило изыскательские работы и проектную документацию. 120 тысяч было потрачено на проведение семинара и каких-то других мероприятий музея-заповедника. Словом, оставалось всего 200 тысяч рублей, а к укреплению склона ещё не приступали. И вот первым делом для того, чтобы нас не внесли в чёрный список, я дала слово, что мы заработаем деньги и компенсируем 120 тысяч рублей, которые были истрачены не по назначению. Затем я стала изучать проект и увидела, что на него нет ни одного экспертного заключения.

Согласно имеющейся документации в склон ниже башни должны были пробурить восьмиметровые штифты, на них закрепить соты из металлической арматуры, в которые затем укладывалась земля. Далее предстояло высадить траву.

Склон, на котором стоит башня, состоит полностью из известняка. А он, насколько мне было известно, имеет такое свойство: если в одном месте появилась трещина, то она начинает расходиться. И вот я задала вопрос автору проекта: «Скажите, пожалуйста, эта ваша конструкция вместе с башней не рухнет вниз?» Он честно ответил: «Не знаю». Такой же ответ я получила от заместителя главы по строительству. И тогда я стала обращаться в экспертные организации в Набережных Челнах и в Казани. Никто не согласился подписаться под этим проектом.

А деньги-то уже ушли. И тогда я стала искать другой вариант, который, во-первых, позволил бы увеличить расстояние между башней и склоном и, во-вторых, укрепить сам склон. На оставшиеся деньги мы выполнили эти работы.

Саму башню мы отреставрировали, также получив средства из ФЦП «Культура России». И, как оказалось, очень своевременно это сделали, потому что в некоторых местах она могла разрушиться в любой момент. Но оставалась ещё охранный территория самого городища площадью в 4,1 гектара. В шестидесятые годы, когда в город пришли нефтяники, они сильно здесь похозяйничали, организовав добычу щебня и оставив после себя огромные котлованы. Их нужно было засыпать, и я обращалась по этому поводу в объединение «Татнефть», просила, чтобы помогли материалами и транспортом. Но нефтяники отказали. И тогда за два года до тысячелетия Ильшат Рафкатович собрал руководителей промкомзоны во главе с Равилем Хамматовичем Зариповым, который возглавлял в то время производственное объединение ЕлАЗ. Объяснил, что нужно привести в порядок охранную территорию городища, и они без лишних дебатов сказали: «Да, мы это сделаем». Работа была выполнена огромная: засыпана большая часть котлованов; восстановлены земляные валы, служившие оборонительными укреплениями древней крепости. Благодаря этому был закрыт проезд к башне на машинах, а для пешеходов сделана специальная дорожка, начинавшаяся от деревянных сторожевых ворот с элементами частогокола.

— **Музеи, городище при всей их значимости не могли существенно повлиять на облик исторической части города, которая на рубеже тысячелетий была местами в неприглядном состоянии.**

— Да, чтобы придать Елабуге красивый и ухоженный вид, необходимо было отремонтировать фасады. Между тем часть зданий, в том числе памятников, объектов культурного наследия были бесхозными и ветшали на глазах.

Тогда в первую очередь городскими властями была срочно организована их продажа частным владельцам или же каким-то предприятиям, иногда буквально за копейки, с единственным условием — отреставрировать фасады. Надо сказать, что охотников находилось не слишком много. Я помню, как при мне Ильшат Рафкатович убеждал руководство Татфондбанка (которое просило выделить землю под строительство) выкупить одно из самых красивых зданий, в котором в начале XX века размещалось Елабужское отделение Русского торгово-промышленного банка.

Позднее, когда его открывали, было сказано, что на те деньги, которые были истрачены на капитальный ремонт и реставрацию этого здания, можно было бы построить два новых банка.

Очень удачной, на мой взгляд, оказалась наша идея создать так называемое историческое ядро, состоящее из четырёх кварталов, включающих улицы Большую Покровскую, Спасскую, Казанскую и Гассара. Здесь был выполнен наиболее основательный ремонт фасадов, выложена тротуарная плитка, установлены фонари. И это место стало самым красивым и презентабельным на территории охранной зоны музея-заповедника. Помню, в начале девяностых годов я была в одном историческом городе Германии. Прогуливаясь по его улицам, я видела дома, построенные в 1520, 1526 годах. Они выглядели так, словно их только вчера перед моим приходом покрасили. И я подумала: «Хожу как будто среди театральных декораций». А вскоре после празднования тысячелетия Елабуги мой заместитель Танзиля Ильсуровна Агишина шла по улице Казанской. Перед нею прогуливались две туристки. И одна другой сказала: «У меня такое ощущение, что я иду мимо театральных декораций». Для меня это было очень высокой оценкой, потому что я хорошо помнила, как замечательно и комфортно чувствовала себя в Германии.

Я глубоко в этом убеждена и всегда говорю, что реставрация объектов культурного наследия является базой для развития туризма. В случае с Елабугой мощным стимулом к этому послужила, конечно, подготовка к празднованию тысячелетия города. Для сравнения приведу всего лишь две цифры: если в 2002 году Елабугу посетило 15 тысяч туристов, то в 2013 их уже было 168 тысяч.

— Всё это произошло у нас на глазах и кажется тем более поразительным, что, когда было официально объявлено о намерениях превратить Елабугу в привлекательный туристический центр, многие восприняли это не более чем утопию и откровенно смеялись над ней.

— И не удивительно. Когда я пришла сюда на работу, билеты в музеи стоили три рубля, тогда как, извиняюсь за грубое сравнение, вход в придорожные туалеты был пять рублей. По Елабуге, минуя музей-заповедник, беспрепятственно разъезжали автобусы туристических компаний Казани, Ижевска, Нижнекамска, Набережных Челнов, в которых сопровождавшие их экскурсоводы рассказывали небылицы про историю нашего города.

Где-то через полгода Ильшат Рафкатович попросил меня выступить на совещании руководителей и рассказать о перспективах развития туризма. Мой доклад с его комментариями продолжался часа полтора. Когда я села, он говорит: «Гульзада Ракиповна, а гостиницы, а кафе, а рестораны...» И что-то там ещё. Я скромно так ответила: «Ильшат Рафкатович, это не наша прерогатива». И тогда он сказал: «Власть не дают, власть берут». То есть, нам был дан зелёный свет для того, чтобы серьёзно заниматься развитием туризма.

По нашей инициативе было подготовлено постановление главы администрации, согласно которому все иногородние туристические автобусы могли ездить по охранной территории музея-заповедника только с приобретённым у нас разовым пропуском и в сопровождении нашего экскурсовода. Нарушителям грозил штраф и в этом отношении сотрудники ГИБДД активно нам помогали. На меня посыпались жалобы в Министерство культуры, но там с полным пониманием отнеслись к подобному решению. Потом, конечно, те дамы, которые писали жалобы, приезжали ко мне, извинялись и говорили, что мы абсолютно правы. Ещё одно постановление главы позволило существенно ограничить движение по улице Казанской.

Мы создали в составе музея-заповедника информационный центр «Елабуга», который занимался всеми вопросами, связанными с приёмом туристов: экскурсионным обслуживанием, проживанием, питанием, обеспечением транспортом. Он же заключает договора с многочисленными туристическими компаниями. О нас уже говорят как о профессионалах в этой области. Мы включены в федеральный реестр туроператоров, а в прошлом году были приняты в Ассоциацию туроператоров России, на сайте которой теперь размещены наши рекламные материалы.

Мы не жалеем денег на то, чтобы рекламировать Елабугу. Постоянно выпускаем новые буклеты, выезжаем на региональные, российские и международные туристические выставки. Создали свой сайт (elabuga.com), который считается одним из лучших музейных сайтов не только в Татарстане, но и в России. В самом городе для удобства туристов установлено много навигационных и информационных щитов.

Если лет десять тому назад Елабуга была мало кому известна, то сейчас о ней знают многие. Сюда всё чаще едут не только организованные группы, но и одиночные туристы, семьи.

Мне бы очень хотелось, чтобы в Елабугу больше приезжали жители соседних Набережных Челнов, где, несмотря на огромный густонаселённый город, нет ни одной зоны отдыха, подобной Шишкинским прудам, Елабужскому городищу с площадью Тысячелетия, откуда открывается невероятно красивый вид на реки, озёра, леса и луга. Да взять ту же улицу Казанскую с летними кафе, которые пользуются огромной популярностью у жителей и гостей города.

— **Летом немало туристов плывёт в Елабугу на теплоходах, и это тоже произошло вскоре после Вашего появления в музее-заповеднике.**

— Когда-то в городе была пристань, но потом её убрали. Туристические теплоходы приплывали в соседний Нижнекамск, там их принимала фирма «Сафар», усаживала в автобусы и везла в Елабугу. Они осматривали музей Шишкина и отправлялись обратно. Вот и весь водный туризм!

В феврале 2003 года кто-то мне сказал, что Агентство речного и морского пароходства проводит совещание по речным круизам. А у нас же ничего нет! Но я поехала на это совещание. Сижу, слушаю, подала записку, что хочу выступить. Мне дали слово и я рассказала о Елабуге. Присутствующих моё выступление заинтересовало и они сказали, что хотели бы сделать остановку в нашем историческом городе. Тогда я заявила, что у нас будет дебаркадер. На меня посыпалась масса вопросов: какого года? какой модификации? Ответить на них я не могла, поскольку даже не знала, что такое дебаркадер, просто услышала это слово на совещании. И я только повторила: «Вы знаете, он будет. Приезжайте, ставьте ваши теплоходы». Я тогда была не в курсе, что мы уже опоздали, так как окончательное расписание движения речных судов утверждается в декабре.

Вернувшись с совещания, я пришла к Ильшату Рафкатовичу и обо всём ему рассказала. Он поручил руководителю предприятия по благоустройству города найти

и выкупить дебаркадер. Затем оказалось, что установить его на месте прежней пристани не позволяет дно. Подыскали новое место, лучше прежнего: возле Танаевского леса рядом с недавно созданным пляжем. Срочно вызвали специалистов из Перми, которые проверили дно Камы на соответствие техническим нормам. И таким образом, не будучи включены в расписание, не имея никаких предварительных договорённостей, мы приняли в тот год восемь первых туристических теплоходов. В прошлом году их было 152.

— **Елабуга неизменно производит сильное впечатление на туристов. Причём не только из глубинки страны, но и из Москвы, Санкт-Петербурга. Их поражает обилие в небольшом городе музеев и памятников, привлекают живописные окрестности, тишина и уют старой Елабуги, застроенной красивыми купеческими особняками и деревянными домиками с резными наличниками. Но, прежде всего, конечно, ещё до приезда в город, их притягивают имена, самыми известными из которых являются Иван Иванович Шишкин и Марина Ивановна Цветаева. Художник и Поэт. И, наверное, не случайно, что поэты и художники являются всегда дорогими и желанными гостями музея-заповедника.**

— Конечно. Поэтов и писателей часто можно увидеть на творческих встречах, фестивалях, презентациях новых книг в Библиотеке Серебряного века. А также на Международных Цветаевских чтениях, которые каждые два года организует наш музей-заповедник. Стало уже традицией именно на чтениях вручать награды победителям Литературной премии имени Марины Цветаевой, в одной из номинаций которой определяется лучший поэтический сборник современного автора.

История наших художественных проектов, которые обрели международный уровень, начинается с 2006 года, так что нынче мы будем проводить уже девятый симпозиум по современной живописи. Кроме того, отдельные проекты были посвящены интарсии, лубку, экслибрису, мейл-арту. Мы собрали большую коллекцию произведений художников России, ближнего и дальнего зарубежья. Каждый год она пополняется новыми живописными полотнами, графическими листами. И наша мечта — создать музей современного искусства, где можно было бы экспонировать эти работы различных авторов, техник и направлений.

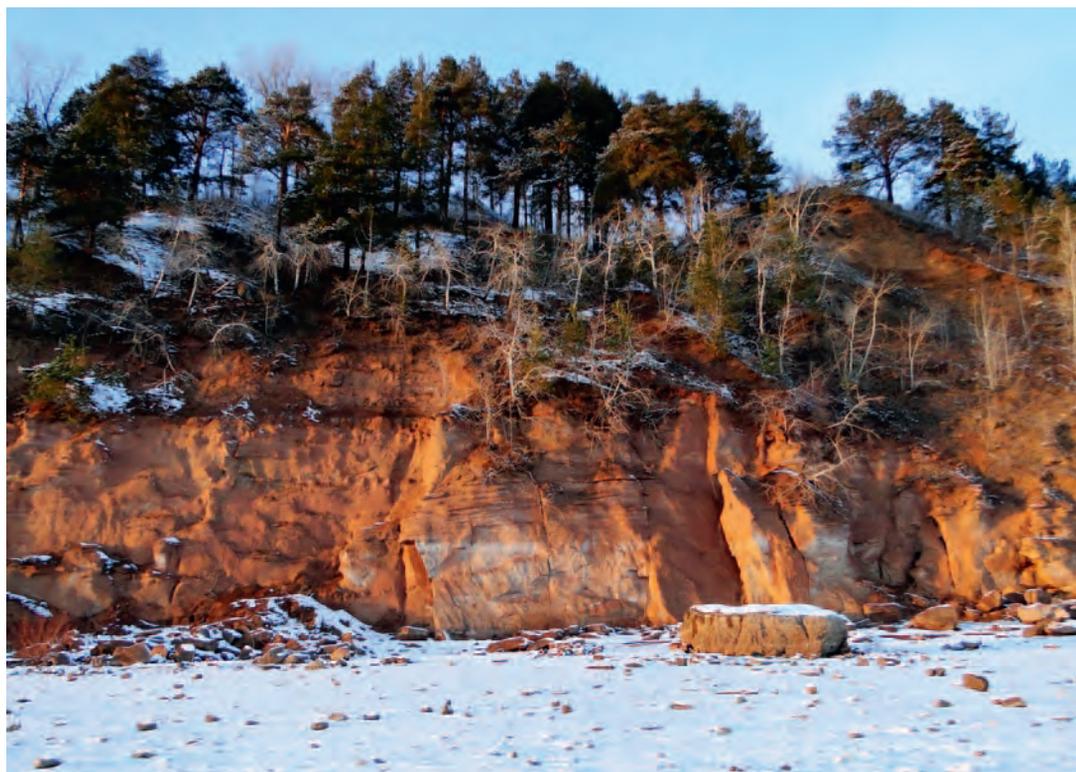
— **Вас можно назвать генератором идей. Но в отличие от тех, кто их только рождает, вы умеете воплощать их в жизнь. Одним из наиболее ярких тому примеров является Спасская ярмарка, возрождённая в 2008 году, которая проходит в течение трёх дней одновременно с фестивалем колокольного звона.**

— У меня была информация, что в конце XIX века на Спасской ярмарке в Елабуге было представлено 89 городов Российской империи. Я сказала себе, что меньше у нас быть не должно. И вот в прошлом году эта цифра достигла 136-ти, а ярмарку посетило более 100 тысяч человек. Мы сознательно сделали акцент на продаже изделий народных промыслов, ремёсел и декоративно-прикладного искусства, оказывая тем самым поддержку мастерам. В то же время это настолько красивые, самобытные и красочные товары, что по ярмарке можно ходить часами, любуясь и выбирая приглянувшиеся вещи. Выступления артистов, акробатов, звонарей, множество аттракционов, летних кафе — всё это превращает ярмарку в незабываемый праздник, который ждут и на который приезжают порой очень издалека. В прошлом году впервые на подъездах к Елабуге со стороны Казани и Набережных Челнов стояли автомобильные пробки. Это тоже своеобразный показатель популярности.

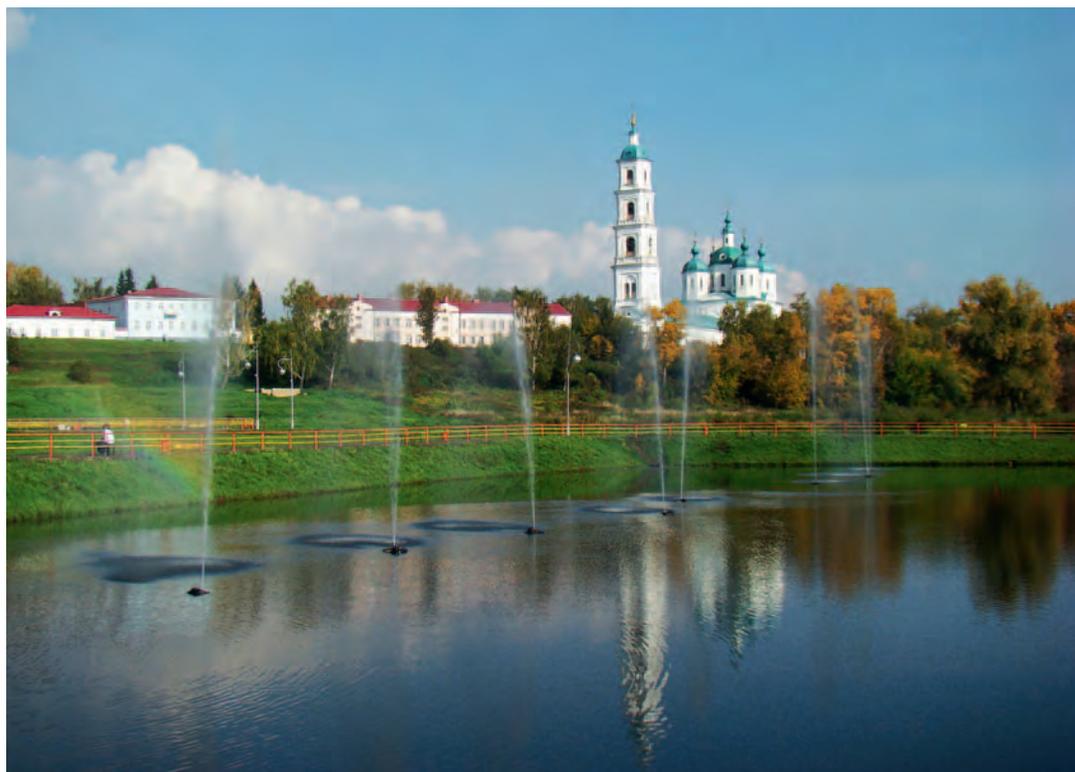
Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА

— **Музей-заповедник является государственным бюджетным учреждением. Общеизвестно, что он представлял собой в прежнее время. Финансирование выделялось, что называется, от сих до сих. А вы, можно сказать, горы ворочаете.**

— Но сейчас и возможностей стало значительно больше. Кроме бюджетного финансирования существуют целевые программы, гранты. Кроме того, мы зарабатываем сами. Я очень благодарна руководителям Министерства культуры Республики Татарстан за то, что никогда не били по рукам за наши инициативы, будь то создание новых музеев, на которые при многолетней оптимизации нашей отрасли приходилось выделять дополнительные штаты, или же — организация различных проектов, куда нам не запрещали тратить заработанные средства.

В настоящее время основная их часть — Международные Цветаевские чтения, республиканский конкурс юного художника «Я рисую как Шишкин», Международный симпозиум по современной живописи и другие — финансируются уже Министерством культуры Татарстана.

Гранты также помогают реализовывать какие-то интересные идеи. Например, благодаря гранту президента РФ на исследование генеалогического древа рода Шишкиных, два наших сотрудника в целях установления контактов и поиска потомков художника ездили в Сербию и Финляндию. В результате на генеалогическом древе появилось девять новых имён. А некоторые из тех, кто был найден во время поездки в Хельсинки, побывали в 2012 году в Елабуге на Балу потомков. Так кратко назвали мы это грандиозное событие, которое вместе с приёмом и проводами гостей продолжалось в течение шести дней. Причём одновременно нам приходилось заниматься проведением Спасской ярмарки и Фестиваля колокольного звона.

Бал потомков был из ряда тех самых идей, финансирование которых никто не планировал. На авось мы с нынешним главой Геннадием Егоровичем Емельяновым отправили письмо на имя президента РТ Рустама Нургалиевича Минниханова. Я не знала, как он отнесётся к нашей затее. Но когда через три дня в адрес фонда «Культурное наследие Елабуги» поступил миллион рублей, я поняла: всё у нас получится. Одного миллиона, конечно, не хватало. И тогда я обратилась к известным елабужским предпринимателям Леониду Барышеву и Вадиму Махееву с просьбой разместить наших гостей (а ожидали 135 человек) в гостиничном комплексе «Белая дача», обеспечить их завтраками и устроить в последний вечер приём в развлекательном центре «Манхеттен». Мы договорились, что 50 процентов стоимости им будет оплачено, а остальные расходы они возьмут на себя. На таких же условиях согласились кормить потомков именитых елабужан и почётных гостей обедами и ужинами владельцы елабужских кафе и ресторанов. И, наконец, полмиллиона из своих личных средств выделил уроженец Елабуги, президент группы компаний «Альпари» Глеб Петров.

Это были поистине незабываемые дни. По улицам города ходили потомки славных родов: Шишкиных, Дуровых, Бехтеревых, известных елабужских купцов, которые приехали из Франции, Финляндии, Украины, Москвы, Санкт-Петербурга, других городов. Каждый из них смог привесить листочек со своим именем на Древе потомков, открытым в присутствии президента Татарстана в Александровском саду.

Я не помню, кто из потомков мне это сказал на торжественном приёме в мраморном зале Дворца культуры, но меня до слёз тронули его слова: «Вы даже не представляете себе, что Вы для нас сделали! Вам стоило родиться только для того, чтобы провести этот Бал потомков!»

— **За последние пять лет Елабужский музей-заповедник был удостоен нескольких престижных наград на российском уровне, а в 2010 году он вошёл в число 25 лучших музеев Европейского музейного форума.**

— Нас, конечно, радует такое признание, но больше всего радует то, что мы сумели помочь елабужанам осознать ценность культурного достояния города. И видим, насколько бережнее и аккуратнее они стали к нему относиться. Но самая главная наша гордость — это дети. Уже тысячи елабужских школьников прошли через музейные занятия, душой прикоснувшись к своим истокам, истории, великим именам. Даже ради этого стоит жить и работать.

Дети — очень чуткий барометр. Как-то недавно я встретила с коллегой, директором одного из музеев, который приезжал в Елабугу вместе со своим коллективом и собственными детьми. И он мне рассказал такую историю. «После поездки в Елабугу мы сидели с семьёй за обеденным столом, и один из детей сказал: «Папа, надо серьёзно подумать, где мы будем жить дальше». Я ответил: «Не понял. О чём ты вообще?» — «Ну вот, я думаю, где мы дальше будем жить: в Елабуге или Лондоне?»

— **За время работы в музее-заповеднике что явилось для Вас самым дорогим, выношенным и рождённым в муках?**

— Всё! Потому что абсолютно всё я пропускаю через своё сердце.

КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ

РЕНАТ ХАРИС

ЛЕРМОНТОВ

*Тенгинского пехотного полка поручик
Михаил Юрьев Лермонтов, 27 лет, убит
на дуэли 15 июля, погребение нето не было.*

*Запись в метрической книге Пятигорской
Скорбященской церкви за 1841 г., часть 3, № 35*

Быть праведным поэту не с руки.
Безгрешен он? Пустые разговоры!
Замахивался он на бугорки,
но от удара сотрясались горы,
тряслась земля,
шатался царский трон,
соскакивали ржавчина и накипь...
Материальным взглядом метил он
всех тех, кто бросил в Пушкина свой камень!
Поэта грех — наличие чистоты,
наличие чести и отличие мнений,
но гения от светской клеветы
обезопасить может только гений.
От имени святого счистил грязь!..
Заслуженно он терпит наказание:

поэта погребают не чинясь,
поэт-бретёр не стоит отпеванья!
Пусть дуэлянт огнём горит в аду!
Сгорает он,
но высшей волей рока, –
став углём,
превращается в звезду,
став жертвой,
превращается в пророка!

МЕСТО ДУЭЛИ

Хоть сердцем я и рвался в облака,
но не взошёл на гребень
к высям вечным,
ведь камни у подножья Машука
меня назвать могли бы
бессердечным.
Здесь у подножья
брезжит слабый свет,
и ближе звёзды с траурного места:
площадка эта, где убит поэт,
н а д м и р н е й,
чем вершина Эвереста.

Отсюда мир открыт во все концы.
Сюда, с лучистым звёздным ветром споря,
земные бури – чёрные гонцы –
несут людскую боль и вести горя.

Сквозь линзу – свыше века толщиной –
я вижу, как,
недужное любовью,
поэта сердце бьётся предо мной.
И кровь его с моей смешалась кровью.

Пою о вечном обращенье дней.
Но там, где пал поэт,
не зная смерти,
тьнь и моя среди других теней
упала на святые камни эти...

БЕШТАУ

Пять белых шапок на прощанье
оставил на главах твоих...
Бештау, дай мне обещанье
вовеки не надеть других.

Как аксакал, ведя по праву
речь от лица земли родной,
ты каждого рассвета славу
приветствуй снятием одной.

С другой своей вершины шапку
в честь ветра тёплого снимай
за то, что снежных бурь охапку
не бросил на цветущий край.

А если снять захочешь третью –
в честь соловья сними её:
враждует песнь его со смертью
и прославляет бытиё.

Почти четвёртой в небосводе
за то вечернюю Луну,
что Землю при любой невзгоде
не бросит в космосе одну.

А пятую без промедленья
я – сквозь простор –
прошу опять,
отметив жертвенность мгновенья,
в миг смерти Лермонтова
снять!

Перевёл с татарского Равиль Бухараев

ВАЛЕРИЙ СУХОВ

ЗЕМНАЯ ГОРЕЧЬ

Не узнать его в лихом рубаке
Со смертельным холодом в очах.
В красной канаусовой рубахе
И в косматой бурке на плечах.

А в хрящах заросшего ущелья
Клокотал реки гортанный крик.
В ярости кипя, на «голос мщенья»
По камням срывался Валерик!

Рукопашный в ледяной купели
Эхом отзывался по горам!
«Резались жестоко» и хрипели:
«Господи, спаси!», «Аллах акбар!»

Дождь хлестал и выл протяжно ветер.
Пенилось кровавое вино.
Небо заглянуло в реку смерти –
В ужасе отпрянуло оно...

Досыта свинца тогда хлебнули.
Но невидимым покровом крыл
От кинжала и чеченской пули
Охранил архангел Михаил.

СТЕПЬ

*А моя мать – степь широкая.
М. Ю. Лермонтов*

У татарника – медовый запах,
Но роднее горькая полынь.
Не перестает о сыне плакать
Зноем горя выжженная синь.

«Странная любовь» – любовь до боли.
И не всем дано её понять.
Только степь ему была, как мать.
И о ней он тосковал в неволе.

Так полынь клонилась под копыта,
Что касался конь её едва.
Всё, что душу мучило – забыто.
Исцеляла горькая трава.

Перед смертью родину он вспомнит
У горы Машук, в чужом краю
И полынь степная тихо склонит
Над поэтом голову свою.

Слёзы на седых её ресницах
Отразили сумрак грозовой...

Вновь навстречу буре всадник мчится,
Напоённый горечью земной!

ИСХОД

И в небесах я вижу Бога.

М.Ю. Лермонтов

Огромной огненной купелью
Кипел полночный небосвод.
Поэт не спал перед дуэлью –
Предчувствовал её исход.

Свеча погасла на рассвете.
Растаял пепел без следа.
И что писал он перед смертью,
Мы не узнаем никогда.

Какие строки родились
Под чёрным дулом пистолета?
На сердце кровью запеклись
Последние стихи поэта...

Судьбе доверился он слепо.
И роковой замкнулся круг.
Упав на землю, обнял небо
Раскинутым изломом рук.

Открылась звёздная дорога
К вершине тверди голубой.
И в миг последний образ Бога
Поэт увидел над собой!

ДОЖДЬ В ТАРХАНАХ

И снова дождь пошёл в Тарханах,
Окутав дымкой степь кругом.
Так плавно с колокольни храма
Волною наплывает звон.

Поэта в церкви отпевают.
Дрожат молитвенно уста.
И оживают, оживают
Глаза распятого Христа...

Июльский дождь идёт в Тарханах.
Июльский благодатный дождь.
Земли залечивая раны,
Шумя, как молодая рожь.

И вспомнится лиловый ливень
У проклятой горы Машук.
Да! Трудно выбрать смерть «счастливей».
От пули. Молодым. Без мук.

Да! Лучше умереть на взлёте,
Чем на излёте умирать...
И вырвалась душа из плоти,
Чтобы обнять, тоскуя, мать.

Летающую над чёрной бездной
Её – архангел Михаил
Всем воинством своим небесным
От злого демона хранил...

Шумит под дождиком осока.
И тихо дремлет старый пруд.
А надо, в сущности, немного.
На миг остановиться тут.

Услышать благовест рассвета
И вдруг увидеть рай земной.
Мятежная душа поэта
В нём светлый обрела покой.

СОЛОВЬИ

Есть загадка у песенной силы,
И её нельзя разгадать.
Соловиный язык России
Может только поэт понять.

И весной на рассвете рано,
От росы охмелев до зари,
Только так в родимых Тарханах
Могут русские петь соловьи!..

В звёздном небе ликуют трели
На немислимой высоте,
Чтобы души в ответ звенели,
Улыбалась звезда звезде.

Сердце снова забыться хочет.
Окунуться – хотя б во сне,
В синеву соловьиной ночи
И в черёмухи горький снег.

Нет! Последняя песня не спета.
Потому от зари до зари

Над свинцовой купелью поэта
Так безумствуют соловьи!

РОДИЛИСЬ ПОЭТЫ В ОКТЯБРЕ

Родились поэты в октябре.
Ночью – Лермонтов, Есенин – на заре.

Золотой метелью Русь заносит
Ясная и пасмурная осень.

Расстелился голубой туман
От приокских далей до Тархан.

В тучи обращает облака
Демона гнетущая тоска.

Ветер закрутил кленовый лист.
От земли до неба путь кремнист.

И из века переходит в век
Тень поэта – Чёрный человек.

На рассвете, как Голгофа сер,
Силуэт Машук и – «Англетер»,

Где на взлёте обрывает жизни
«Странная любовь» – любовь к Отчизне...

Русская душа жива, пока
В ней поёт тарханская тоска,

Песней константиновская грусть,
Как рубаху, разрывает грудь!

ОГОНЬ РЯБИНЫ

Нет поэта без родины.

С. Есенин

Без родины – поэта нет.
Родного не понять чужому.
Так в сумерках заветный свет
Вдруг обожжёт тоской по дому.

Тогда по-волчьи впору выть
Сухому перекасти-полю,

То вспомнив, что нельзя забыть,
Бродяжью проклиная долю.

Поэта русского судьба –
Врасти корнями в край родимый.
Где материнская изба
Хранит в окне огонь рябины,

Когда печально старый клён
Клин провожает журавлиный.
А ветер колокольный звон
Разносит, как напев былинный.

А за Окой такой простор,
Что сердце не захочет рая.
И вспыхнув здесь, души костёр
Горит, как Русь, не угасая.

ТЕНЬ ПОЭТА

Кто же поэту перерезал вены?
И чей сапог опоры выбил из-под ног?
Молчат забрызганные кровью стены.
Как кляп, закушен языка комок.
В окно пробился синий свет рассвета.
На землю падал белый-белый снег.
А на стене качалась тень поэта...
И улыбался Чёрный человек!

УДАВКА ЕСЕНИНА

«Гой ты, Русь моя!» Выть твоя горем засеяна.
Глотку волка сдавила капканом тоска.
На торги выставляют удавку Есенина.
Обнищала душа – и пошла с молотка.

И продать, и купить можно всё в идеале.
«Смерть Поэта», как нефть, подскочила в цене.
В разорённой стране есть «Страна Негодяев»,
Где калифом на час бизнесмен на коне.

А народу осталась одна лишь отрада.
Как на дыбе, он вздёрнут на телеигле.
Прёт на нерест её голубая отрава.
Открестясь от чертей, плачет ангел во мгле.

Если в Бога не веришь, молиться нелепо.
В каждом мальчике Чёрный живёт человек.

Задыхаясь, ногтями царапаем небо,
И на землю извѣсткою сыпется снег.

Не согреет рябина, огарком сгорая.
Пляшет ветер, а дьявол играет в дуду.
Лучше в петлю. Не надо за доллары рая.
«До свидания, друг мой! До встречи в аду».

ПАМЯТИ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Всю ночь идёт допрос с пристрастьем.
«Шьют дело». Пухнет толстый том.
У этого – в пенсне – из пасти
Живым не вырвался никто.

«Что на тебе? Поэта маска!
Улыбочку свою утри.
Смотри – кулацкая закваска
Заколобродила внутри.

Ах! Жеребёнок – сосунок,
Ты захотел казацкой воли?»
Почётный чёрный «воронок»
Остановился в чистом поле.

Располосована рубашка...
«Да! Был я парень ножевой», –
Разбитым ртом смеялся Пашка,
Тряхнув кудрявой головой.

В упор всадили в грудь поэта
Пять пуль – свинцовый гонорар.
Налилось соком бабье лето.
Был классовой борьбы разгар.

ЯЗЫЧНИЦА

*И ничего не надобно отныне
Новопреставленной боярыне Марине.
М. Цветаева*

За нрав строптивый, непреклонность и гордыню
Господь не миловал «боярыню» Марину.

Язык язычницы рябины рыж.
«Ты, ведьма, на костре дотла сгоришь!»

На эшафот взошла в сенях дощатых.
«Благодарю и не прошу пощады».

Лицо землисто от родной землицы.
Поэты, в сущности, – самоубийцы!

Им скалятся могил гнилые пасти.
Ведь смерть всегда подыгрывает власти.

Горька витии русского судьбина.
Рябиной на юру горит Марина,

Чтоб мы не сбились с верного пути.
На кладбище её нам не найти.

Рукой подать до неба от земли.
На крыльях душу возносили журавли.

А петлю захлестнутую плоть
Развеял пеплом по ветру Господь.

УБИВАЛИ РУССКОГО ПОЭТА

*Не в брёвнах, а в рёбрах
Церковь моя.
В. Шаламов*

Убивали русского поэта
Водкой, нищетой и злым наветом.

Ждали его пуля и петля.
И колымская железная земля.

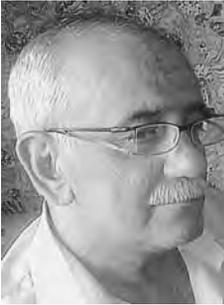
Пасынком родной своей страны
Встал он у бревенчатой стены.

А за ним – родимая изба.
И у них единая судьба.

Рёбрами – не брёвнами хранит
Родина невидимый родник.

Серебром незримого колодца
Песня над убийцами смеётся.

МУШМУЛА

рассказ

Мой отец совсем молодым парнем сошёл с ума. Но я плохо знаю, с чего началась его болезнь: я тогда был мал и немного запомнил.

От других, от близких людей мне с детства известны расхожие домыслы о причинах отцовского недуга — их несколько: во-первых, отец, будучи в армии, сорвался с дерева — полетел вниз головой, повредил шейные позвонки, сколько-то пролежал в госпитале и вскоре его комиссовали. Так вот: между тем, как отец досрочно демобилизовался, и тем, как он заболел, — семь лет времени — тогда-то и родились мы — четверо детей. Два мальчика и две девочки, или, вернее, сперва мальчик — это я, стало быть, после две мои сестрицы и, наконец, братец. Пятый, последний ребёнок в семье, девочка — появилась гораздо позже, когда отец уже болел.

Вторая причина, вследствие которой отец мог тронуться умом, банальная драка в сельском клубе перед началом кинофильма. И это странно: взрослые на моей родине обычно никогда не дерутся. Единственная пощёчина, как хладнокровное желание оскорбить — изредка случается, но чтоб кто-то дрался с шумом-визгом, до крови — нет, такого практически не бывает. Однако именно это произошло тогда, и отца за судили на два года, но отсидел он половину — скостили срок.

Ещё в досужих разговорах мелькала некая таинственная лезгинка, то ли девушка, то ли молодая женщина, говорят, весьма красивая, но неприступная, взбалмошная, отец вроде как-то видел её и всё не мог забыть.

И множество мелких причин, наверное, таилось в семье, в истории рода, вероятнее всего, ещё и в том, как много и хорошо отец работал, а иные, не работая, разводя демагогию, жили лучше — да, и тогда, к сожалению, это было сплошь и рядом, и честолюбием отец страдал, без сомнения, поскольку весной, летом и осенью, во всякую погоду, днём и ночью, говорят, пропадал в поле, не слезая с трактора, с комбайна, трудился с азартом, со страстью, без усталости и по тем временам, считай, что бесплатно, за одни голые палочки — за трудодни, словом, во всю мою жизнь окружающие твердили, что, мол, отец был работающ, добр, открыт, щедр, но несдержан, вспылчив — крут норовом. И всё это, а возможно и многое другое, непоправимым образом сказало на его психике.

Своего детства до того, как заболел отец, почти не помню. Вот разве только сквозь туманец времени проступающее: отец вернулся с базара с огромным арбузом, ски-

нул лёгкий белый пиджак, голубенькую сорочку снял, белую сетчатую майку и долго умывался во дворе. Мать поливала из ковшика, лила ему на шею, на плечи, на спину, отец шумливо, громко смеясь, отфыркиваясь, разбрызгивая воду, отмывал своё крепкое мускулистое тело, после тщательно, насухо вытерся полотенцем, водрузил арбуз на стол и сверкающим на солнце ножом распластал его. И всё, пожалуй, далее и без того слабое видение вовсе размывается.

Вообще, кажется, первое моё воспоминанье о мире таково: отец купил мне трёхколёсный велосипед и учил кататься на залитой солнцем веранде. Я катался на веранде, где меж половицами образовались щели в палец шириной — доски рассохлись, и колёса часто застревали в этих щелях, и я вытаскивал велосипед — снова катался. Хорошо помню своё старание, своё счастливое пыхтение. Отца же в самой картине не помню, он был где-то рядом, я это знаю, просто облика, лица его не могу вспомнить. Но мне почему-то важно, очень важно его бесплотное, точно тень, присутствие в картине.

Этот дом с верандой строил и не достроил мой дед. Он погиб на фронте в 1941 году. За год до того деда арестовали — он был колхозным бригадиром и не отобрал у многолетней крестьянки, шедшей с тока, литровую бутылку с зерном. На него донесли и посадили. И прямо из тюрьмы он попал на фронт. моему отцу тогда было около десяти. Моей матери — тоже. Её отец так же погиб. А их дедов убило на другой большой войне — на первой мировой. Отец же мой заболел, на всю жизнь угодил в лечебницу, когда мне было чуть больше шести. Выходит, весь двадцатый век мой род обходился без мужиков.

Известно, что моя мать с младшим братцем на руках ездила в тюрьму к отцу на свидание. Они переночевали там. Но я не знаю, как всё это было, как проходила эта встреча, в какой обстановке, спали в ту ночь или до утра проговорили. А главное — отчего-то не хочется уточнять у матери. Нет такого желанья.

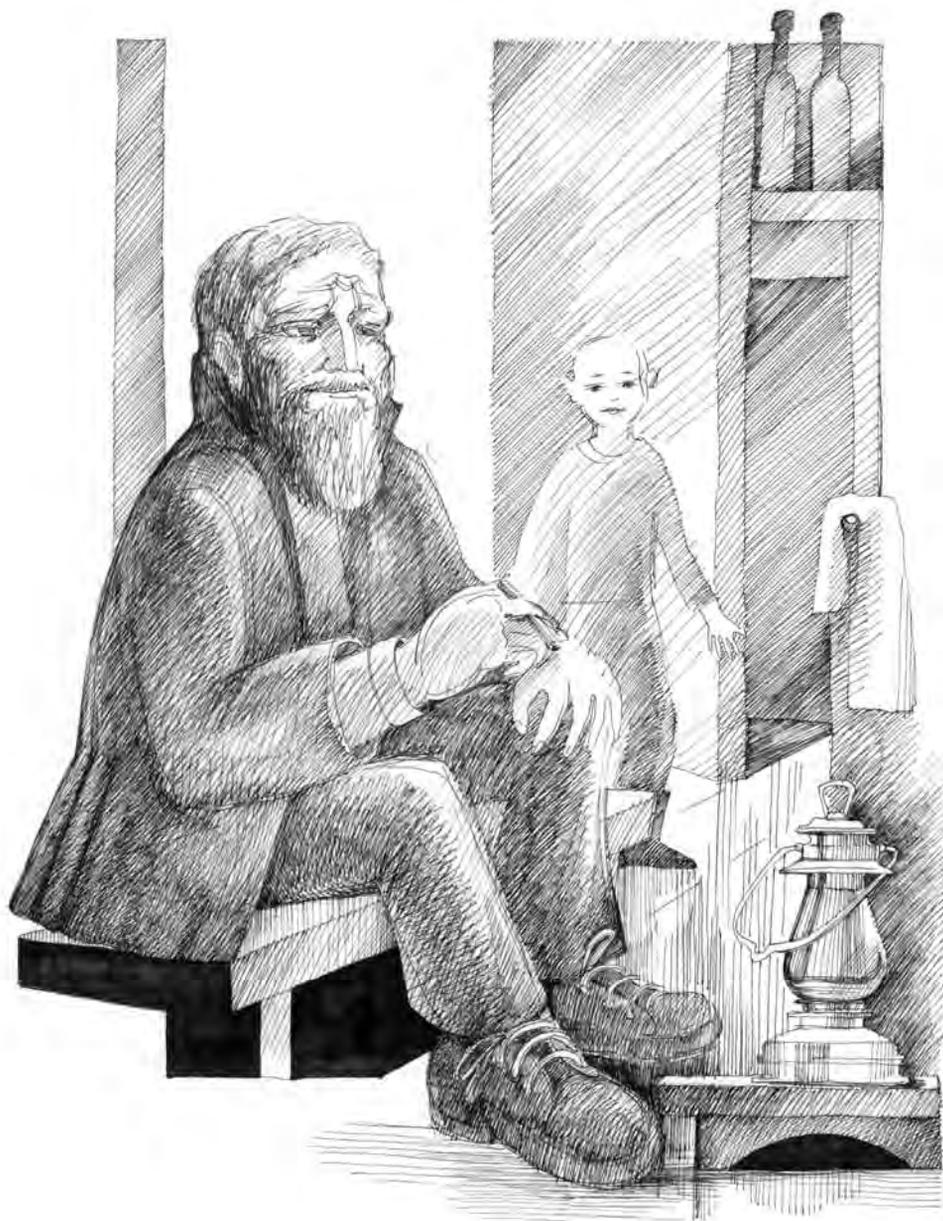
Имеется фотография тех лет. На тусклой пожелтевшей карточке запечатлены мать и четверо детей. Я рядом с матерью стою, сестрёнки перед нами, а братик — совсем младенец, не больше года — сидит впереди всех и плачет, искривив физиономию. Отца, судя по всему, уже посадили. Ради чего, во имя какой цели в столь нелёгкую для семьи пору сделан снимок, никто не может сказать. Даже мать толком не помнит. Она молода на карточке, в красивом платье.

— В крепдешиновом платье, — всегда уточняет мать, — цвета молодой крапивы.

Я не могу вспомнить это платье, но мои пальцы, щека и нос, кажется, сохранили ощущение тёплой, нежной шершавости материала. В этом же платье, надо полагать, мать была с отцом в клубе в тот злосчастный вечер, поскольку бабушка в пылу частых легковесных перепалок упрекала её, непременно помянув платье.

— Ты виновата, ты!.. — кричала она матери. — Вырядилась, бесстыжая, в крепдешиновое платье и пошла в кино!..

Отец освободился из заключения, и вскоре заметили, что рассудок его помутился. Сам он, конечно, не верил, что тяжело болен. Он заговаривался, беседуя с самим собой, и часто стали вылетать у него похабные словечки. Он их произносил, не замечая, и если говорили ему, что так нельзя, что стыдно выслушивать всю ту грязь, что он походя льёт на людей, отец, бывало, искренне удивлялся. И замолкал надолго. Или

уходил из дома — притом его не интересовало: утро, день, ночь — в любой момент мог уйти, никому не сказавшись, блуждать по полям, по лесам, а вернуться через несколько дней. А то выходил в сад возле дома, садился на гладко спиленный пенёк и сидел часами, целиком погрузившись в себя. Только изредка на его лице играла неясная улыбка, он чему-то там радовался. Либо так же долго торчал у речки и, неотрывно глядя на журчащий поток, лопотал что-то запутанное, невнятное.

— Не трогай меня, — обычно говорил он, если в такие минуты его о чём-то спрашивали. — Э-э, да не трогай ты меня.

И в этой своей просьбе походил на малого ребёнка. А если чуть повышали голос на него, он вздрагивал и, прикрывая лицо руками, сжимался всем телом, точно ожидая удара. Что поразительно — даже моего окрика пугался.

А иногда казался вполне вменяемым: с аппетитом съедал всё, что ему давали, отвечал на вопросы, улыбался, о чём-то справлялся. Но настроение его было переменчиво — от ничтожной малости он приходил в ярость, кричал, топал ногами, замахивался кулаком. Помнится кровавая сцена — отец чем-то запустил в мать и разбил ей голову. Она тихо плачет, обеими руками взявшись за лицо. Капает кровь. А отец раздражённо что-то бормочет, и всё ходит, ходит из угла в угол. В другой раз, случилось, после скандала он стоял прямо, крепко сцепив руки за спиной и с таким выражением лица, точно, глядя на него, все должны были понимать, что он незаслуженно обижен, оскорблён.

Словом, изо дня в день отец становился всё более непредсказуемым и, к сожалению, очень скоро угодил в лечебницу. И моя мать в двадцать шесть лет осталась без мужа. Да с четырьмя детьми на руках. А времена стояли скудные, бедные, и, как водится, нашлись доброжелатели, предлагавшие матери устроить детей в детдом — не всех четверых, конечно, предлагали троить сдать, а с одним младшим выйти замуж. Не помню уж, кто конкретно такое советовал — и это хорошо, что не помню — зло, значит, не так живуче, но согласись тогда мать, я с сёстрами вырос бы в казённом учреждении, а брат — в семье, но в семье чужой, чуждой...

В моём воображении существует нечто вроде притчи — не знаю, правда, то ли я выдумал её и сам поверил в свою выдумку, то ли приснилась она мне, то ли наяву, в реальной жизни наблюдал, не могу в точности определить, только долгие годы ясно видится мне живая картина: кошка окотилась, прошло несколько дней, и бабушка собрала котят в передник, пошла разносить по соседям, а когда она, раздав их, вернулась ко двору, поднялась на веранду, кошка подкралась, запрыгнула ей на спину и заорала дико, притом вместе с ней ужасно завопила и бабушка, и все мы выбежали на веранду и застали невероятное: бабушка, согнувшись, упёрлась руками о перила и кричала, точно ополоумев, что-то невнятное, а кошка вцепилась когтями ей в спину и, ощерив розовую пасть, визжала страшным, почти человеческим голосом; все засуетились, зашумели, желая спугнуть, согнать её, но тотчас же убедились, что это невозможно, что она впиалась намертво и, едва подступали ближе, казалось, ещё глубже запускала когти, причиняя бабушке невыносимую боль; потом, помнится, кто-то догадался и выкрикнул, что нужно вернуть котят, что иначе она не поддастся, и я опрометью кинулся по соседям, и скоро, когда принёс первого из четверых её котят, кошка мягко соскочила на пол, подхватила зубами пушистый комочек и большими прыжками взлетела по лестнице на чердак...

Но я не о матери своей рассказываю и вообще не о тяготах тогдашней жизни. Я намерен набросать портрет отца, точнее, его отсутствие — как бы заштрихованная пустота моего детства. Я сызмала считал себя обделённым, страдал от комплекса безотцовщины: у всех детей вокруг были отцы, и я страшно переживал, и часто не потому, что рос без отца, а потому, что он вроде бы есть, но болен оскорбительной для детского сознания болезнью, находится в психлечебнице — и, как мне тогда казалось, это намного хуже, чем если бы его не было вовсе. Один мой приятель безмерно хвастал своим безобразным, колченогим, с двумя костылями, злым, жестоким отцом. А я молчал, стыдясь даже заикнуться о своём отце, точно его никогда и не было у меня — так я вёл себя, совершенно не задумываясь, хорошо или дурно поступаю.

А приятель, кичившийся своим ничёмным отцом, в сущности, бахвалился буквально всем. К примеру, он расстёгивал штаны, оголял зад и показывал кровавые ссадины на ягодицах, хвастаясь, что он целый день катался на неосёдланной лошади. Он вообще всё всегда показывал, и обязательно следовало посмотреть на то, что он показывал, иначе он думал, что ты не веришь ему. Приятель этот в дальнейшем довольно много огорчений доставлял мне. Всего на полгода он был младше, но считалось, что я взрослый, а он ещё ребёнок. При всём своём хвастливом норове, он никогда и ни за что не отвечал и, поскольку всюду таскался за мной, за все свои и его проступки приходилось отдуваться мне. Он как бы находился у меня на моральном иждивении. Его не замечали.

— Что ж это ты?— обычно говорили мне, если он влипал в какую-то передрагу.— Как же ты допустил? Как ты позволил ему?

Я начинал выкручиваться, оправдываясь, и, главное, оправдывая и его, боялся, как бы он не подумал, что я предаю его. И так он привык к зависимости от меня, к тому, как я поведу себя в той или иной ситуации, что, казалось, и вправду чувствовал себя несмышлёнышем, нуждающемся в постоянной моей защите. Каким-то роковым образом во всех своих несчастьях он оказывался вместе со мной на протяжении всего детства, всей юности. Так вышло, что и в армии мы служили в одной части, в одном даже взводе, спали рядышком на верхних ярусах казённых коек.

Иногда мне кажется, что, как я того ни желай, едва ли смог бы избавиться от его неотвязного присутствия в своей жизни. Без меня он не мог быть самим собой. Без меня он страшно скучал, не зная, куда себя деть, целыми днями пропадал на грязном, затянутом липучей ряской озерце неподалёку от дома: гибким ореховым прутом лениво стегал лягушек. А со мной заметно веселел — становился прытким и предприимчивым. Гораздо позже, повзрослев, я стал замечать, что таких людей очень много на свете и что им намного легче живётся, и что они с готовной радостью отдают себя во власть и под опеку другим.

С этим-то приятелем однажды мы увели из колхозной конюшни толстобрюхую чубарую кобылу, как после оказалось, жеребую на последнем месяце. Взнуздали её кручёным ореховым хлыстом, подогнали к ограде, вдвоём уселись на гладкой широкой спине и поскакали куда глаза глядят, возбуждённо гикая и оголтело нахлёстывая бедное животное по раздутым бокам. Но бежала она плохо, тяжело, прямо из последних сил, часто спотыкалась, а то и вовсе останавливалась.

Неизвестно, что бы с ней стало, возможно, загнали б бедняжку до преждевременного ожеребления, не выскочи нам навстречу председатель на красном своём скакуне. Завидя его, мы кубарем скатились с кобылы, но он с хода спешился и, в два прыжка догнав моего приятеля, стал избивать его, охаживая плёткой. А меня не тронул, за мной даже не погнался — пожалел, видно, безотцовщину, и я разозлился, что-то такое смекнув, как бы ослеп от яркой ненависти.

— Ну, что, что?! Ну что, сволочь, бей!— кричал я со слезами на глазах и наступал на него. — Не боюсь я тебя, бей, бей!..

А он грустно смотрел мне в лицо и, казалось, понимал, что во мне происходит, отчего я ещё пуще распался.

— Мать твою так!..— орал в беспамятстве. — Вшивую клячу жалко?!.. Да, твою мать?!..

— Не спеши, — возражал председатель с ухмылкой. — Подожди, пока женилка вырастет. А то не понравиться моей матери...

Когда вернулись домой, приятель мой, издали завидев отца своего, пустился в такой постыдный рёв — хоть уши затыкай.

— Что ж это ты?— скакнув на костылях, подступил его отец ко мне. — Как ты мог — ты же взрослый парень? Этот-то ладно, а ты-то о чём думал? Да и как вы посмели вдвоём на жеребую кобылу?..

Я что-то невразумительное промычал. Я был удивлён: откуда так скоро стало известно о происшедшем? А он смерил меня презлющими глазами, смачно сплюнул и повернулся к сыну и приятель мой загодя повалился наземь и забился в истерике, по-щенячьи поскуливая да тыча в мою сторону пальцем:

— Это он виноват, он! Он подстрекал увести кобылу! И председателя он натравил на меня! Его-то он не избил, его-то не избил!..

Не сходя с места, он своё получил, то есть отец сурово выпорол его. А меня так потрясло его наглое враньё, что ни слова не вымолвил в своё оправдание. Кобылу мы угнали безо всякого уговора, само собой всё вышло, играючи. «Ах ты гад, предатель!— возмутился я молча. — Трус и предатель!..» Впрочем, он частенько бывал таким, и я был бы прав, стократ прав, перестав с ним водиться, но я всегда был доверчив и незлопамятен, и этим многие пользовались. Пользовался и он. Говорят, теперь он живёт где-то в деревне в одной из южных российских областей. Скотником на молочной ферме работает и сильно пьёт, говорят, совсем опустился, на человека не похож.

Впервые я с бабушкой поехал в город навещать отца. Как ни странно, однако, не запомнил ни посещение отца, ни его обличья, ни самой лечебницы, наверно, так был ослеплён, оглушён большим городом, обилием разномастных, гудящих, чадящих автомобилей, железным скрежетом трамвайных колёс и шумными толпами людей. Помнится, что бабушка купила мне ботинки на барахолке, старые, ношенные ботинки за пятьдесят копеек — значительное, видимо, событие для детской души, если так ясно, чётко отпечаталось в памяти.

Тогда же, сдаётся, город изумил меня чудным зрелищем: сперва с сыном хозяйки, у которой мы остановились, с моим сверстником, долго куда-то шли узкими, кривыми, запутанными улочками, шли быстро, торопясь, я еле поспевал за ним и, наконец, зайдя в какой-то дом, оказались в полутёмной комнате, где мерцал тусклый голубоватый свет и где малой кучкой сидели такие же, как и мы, ребята, и все, как один, смотрели в одну сторону, в дальний угол просторной комнаты, откуда исходило приглушённое смутное бормотанье. Но поначалу я никак не мог разобраться, что происходит, растерянно вертел головой, озирался, пока мой спутник не показал тебе, куда следует смотреть, и я различил какое-то движение — и поразился: там мальчик катался верхом на огромной белой птице!

Птица плавно скользила по тёмной глади, а мальчик, обеими руками взявшись за красиво изогнутую птичью шею, чинно сидел на её спине. Признаться, я не сразу сообразил, что это за чудо такое, а позже, гораздо позже понял, что то был первый в моей жизни телевизор с крохотным экраном, перед которым ставили дополнительную линзу с жидкостью внутри для увеличения изображения. И смотрели мы тогда, скорее всего, мультфильм.

Как-то забрали отца из лечебницы — проверить, как он дома, среди близких, себя поведёт — кажется, это входило в курс лечения. Однако, как ни пичкали его лекарствами, что ни предпринимали, лучше не становилось. Возили его даже за сотни километров к известной прорицательнице. А то купили молодого барашка, создали родню, соседей и зарезали его, принесли в жертву во имя выздоровления отца. Но всё напрасно. В самый спокойный период, в лучшем случае, он целыми днями лежал, подложив руки под голову и глядя в потолок, ни на что не реагируя.

Или с утра его одевали аккуратно — с трудом, с уговорами, просьбами, с тычками одевали, и он ходил по дому, по двору, и всегда под присмотром, кто-то из близких обязательно находился поблизости, и он широкими, размашистыми шагами разгуливал, ни на кого не обращая внимания, с пустыми глазами, с острым подбородком, отчаянно худой, пиджак болтался на нём как на вешалке, всё расхаживал и что-то бормотал про себя вполголоса, о чём-то рассуждал с недовольством, как бы вёл вечный раздражённый диалог с кем-то.

А сходяв по нужде, неизменно забывал застегнуть ширинку, и как-то в прорехе отцовских брюк я увидел вяло болтающееся причинное место, отчего страшно смутился и, сорвавшись в истерику, стал кричать взрослым, что мне не нужен такой отец, что, если немедля не отправят его обратно в больницу, то сам сбегу из дома. И, сколь ни спрашивали, как ни допытывались, что он мне сделал, чем обидел, я не признавался, ничего не объяснял от стыда, скрыв заодно и нечаянно мною подслушанное, как ближайшая наша соседка, утихомирявая расшалившихся своих детей, пугала, страшила их моим отцом, его именем, — что могло быть оскорбительнее!..

И потому я был неумолим, с топаньем ног, со слезами на глазах, я настаивал на своём. Да и всем остальным приходилось нелегко. Все вконец устали, извелись с отцом. Его состояние изо дня в день становилось всё хуже и хуже. Даже посторонние люди, недолго побыв с ним, уходили удручённые, растерянные, а то и напуганные, бледные — суетливой торопшой.

Взять хотя бы сельского брадобрёя, бывалого, в общем-то, человека, которого каждую неделю приглашали домой брить отца, потому что сам отец не способен был бриться, руки его постоянно тряслись, впрочем, он уже и не знал, не понимал, для чего это нужно бриться, ко всему этому, кажется, взрослые ещё и остерегались, попросту боялись, как бы чего он не натворил, получив в неверные руки бритву. Так вот в одну из суббот, когда брадобрёй, побрив отца, собрался удалиться, попросили его слегка облегчить и мою давно не стриженную голову. Он без слов усадил меня на табуретку, обмотал вокруг шеи белую накидку и начал ловко стрекотать ножницами, но в какой-то момент я дико вскрикнул, всех в доме всполошив, — оказалось, мастер от волнения отстриг мне кусочек уха.

И очень скоро отца снова отвезли в лечебницу.

Но перед тем меж моими бабушками произошла ссора. Сейчас уже неважно — из-за чего. Они вообще часто ругались, и тогда, в детстве, мне казалось, что они терпеть не могут одна другую, исходят ненавистью, выясняя отношения. Но теперь, спустя десятилетия, мысленно взглядываясь в те далёкие годы, ясно вижу и понимаю, что, хоть и препирались, жили в вечных склоках бабушки, не только вражды, ненависти, но и особой неприязни между ними не было. Обе они простой бабьей ревностью питались — ею были живы.

Да и что им было делить?

Обеим досталось от жизни сполна. Лишь характеры у них были разные, а судьбы, заботы, тревоги, боль и горечь, всё-всё, вплоть до мелочей, совершенно одинаковые. У обеих мужья — мои деды, значит, как известно, погибли на фронте, и оба в один год — в самом начале войны. У обеих остались на руках дети: у одной — три сына, у другой — пять дочерей. И обе хорошо знали, сколько тягот каждой пришлось вынести, поднимая детей.

— Твой отец у моего отца батраком был! — бывало, в сердцах выкрикивала одна из моих бабушек. Но это ровным счётом ничего не значило, обе создавали, что всё это давно устарело, утратило смысл, тем более что родителей обеих убили в годы

первой большой войны. Однако всё равно одна моя бабушка чрезмерно гордилась своими предками, многое из той незапамятной давности помнила и с удовольствием рассказывала, другая же о своём прошлом вовсе не вспоминала, так же, как одна долгими зимними вечерами развлекала нас, внуков, сказками, другая сказок не знала и всегда говорила исключительно о насущном, необходимом в повседневной жизни, хотя её молодость была не менее насыщена событиями и впечатлениями. Скажем, совсем недавно я узнал, как много претерпела эта вроде скрытная моя бабушка до замужества, до того, как вышла за твоего деда. Как уже сказано, в первую мировую войну были убиты её мать с отцом, а её, осиротевшую в неполные семь лет, подобрали чужие люди и увезли в далёкую горную деревню. После, спустя годы, вернувшись из плена, её разыскал родной дядя, брат отца, и в двенадцать лет выдал замуж за вполне взрослого парня. А она, испугавшись, сбежала, удрала от него в брачную ночь.

— Ой, я испугалась этого мужчину, — говорят, сказала она, — он меня руками трогал.

Потом, через несколько лет, вторично выдали её замуж, но со вторым замужеством тоже ничего путного не вышло: муж вскоре после свадьбы скончался от какой-то болезни. А мой дед — получается — был третьим её мужем, и родила она ему подряд пять дочерей.

Бабушек помню только старушками. Но что изумительно: одна до глубокой старости хвасталась своими руками, тем, какие они у неё маленькие и красивые, а вторая не обращала ни малейшего внимания на свою внешность, будучи и лицом, и всем обликом намного приглядней соперницы. Обе бабушки до страсти любили пить чай. Обе часто плакали, утирая глаза уголками чёрных косынок, но всегда втихую друг от друга, каждая в одиночку, находясь же вместе, обычно не позволяли себе слабости.

Когда, окончив школу, я уезжал из села учиться, одна бабушка говорила:

— Ты там, внук, быстрее устройся на работу и помогай своей матери, белого света не видела она, знай.

А вторая как бы со знанием дела советовала-напутствовала:

— Смотри, внук, в городе женщины крашенные, сплошь под штукатуркой, не поймёшь, где молодая, где старая, гляди, не обманись...

Такие они были — мои бабушки. Теперь давно обе умерли. И меня иногда странные мысли посещают в часы одинокого ночного бдения. Мысли о смерти. О смерти вообще. Как раздумаюсь, что вот был человек и его уже нет. А я ведь хорошо знал его, знал и любил каждый жест, движение, голос, улыбку, поступки, привычки, всё-всё знал и знаю. А его — нет! Что может быть страшнее?!

К тому времени, когда мы остались без отца, две мои тётки уже были замужем. Две — пока дома. С весны и по осень они работали в поле, работали изо всех сил, от зари до зари, обгорая на солнце. А по вечерам, ночами, при лунном свете, их сочные молодые голоса раздавались в нашем огороде, в саду, в хлеву, на чердаке, в подвале, всюду они успевали, весёлые, неуёмные, крепкие, рукастые, не зная ни минуты покоя, всячески помогали старшей сестре поднимать осиротевших детей.

Дядя же мои были в отлучке. Старший на казахстанской целине пропадал, а младший, отслужив армию, устроился в далёком северном городе шофёром. А времени тянулись полуголодные, люди всё ещё не оправившиеся от более десяти лет назад прошедшей войны, самой большой и разорительной из всех, какие были.

Многим жилось нелегко, а нам и вовсе приходилось туго без мужчины в доме. Семья не вылезала из нужды, хотя все дружно трудились. Собирали орехи. Низали табак. Косили сено. Рубили дрова, хворост. Починяли ограду. Копали, полива-

ли, пололи огород. Делали всё и все — кому что по силам — никто не отлынивал от повседневных забот. Мать. Четверо детей. Две бабушки. Тётки. Сообща перемогали бесконечные невзгоды.

Особо старался я, подбадриваемый взрослыми. Обо мне сплошь твердили: причина в доме. Говорили: совсем малец, а какой молодец — всё время в работе. К примеру, всех умиляло моё участие в сенокосе. У меня была литовка маленькая, лёгкая, с коротеньким черенком. Ею я косил. Все смотрели на меня и восхищённо цокали языками. Мать никак не могла нахвалиться: мой сынок, говорила, мой первенец, мой помощник, моя опора, свет моих глаз. Слова эти нравились мне, втайне я радовался им, но вслух грубил матери: опять завела, мол, от людей стыдно.

Жарким летним днём мы с мамой собирали колоски в недавно сжатом поле, когда неожиданно налетел влажный, резко пахнущий пылью ветер. Минуту позже небо затянулось тьмою, тяжёлые, набрякшие синевой тучи нависли над головой. Стало душно, совсем нечем дышать. Зарокотал гром, раскатываясь дробно и зловеще, лохмы туч разорвало молнией, и мы заспешили, спасаясь от неминуемого ливня, к одинокому дубу посреди огромного поля. Босыми ногами бежали по жутко колкой стерне, и по темени уже шлёпали частые холодные капли, бежали и бежали, как вдруг откуда-то сбоку, появившись с края поля, какой-то человек начал что-то кричать, размахивая руками, сперва было слышно сплошное: о-о-о — э-э-э!.. потом всё яснее, внятно: стой-ой-те-е!.. стой-ой-те-э!.. — и мы остановились, и в этот миг так страшно загрохотало, и такой высверк молнии ослепил нас, что от ужаса мы пригнулись к земле, и громадный дуб шагах в пятидесяти от того места, где мы замерли, мгновенно загорелся, задымил..

А после, много позже, я впервые в жизни поцеловал девушку, хоронясь в глубоком, объёмистом, просторном дупле искорёженного молнией дерева. И теперь это дерево, этот дуб вековой, считай, навечно остался на одном из недоступных лоскутков безжалостно разодранной, так легко сгнувшейся, призрачной, как детский сон, страны, некогда бывшей во всех своих безмерных пределах кровным отечеством.

В сентябре жизнь в нашем селе теряла свой привычный лад. В сентябре добрые люди становились нервными, злыми, а злые, наоборот, напускали на себя личину спокойствия и благопристойности. Мужчины рыскали по селу обросшими дикой щетиной — не могли выкроить пять-десять минут и побриться, а у женщин копилось грязное бельё, кисло, оставленное на октябрь; дети из иных семей не ходили в школу, и учителя ничего с этим не могли поделать: такая взбалмошная, страдная, горячая пора. Люди завтракали, обедали и ужинали всухомятку и почти на ходу, не желая тратить время на такие пустяки. В сентябре решалось: выдаст отец свою помолвленную дочь замуж этой осенью или отложит на другой год; поставит сын надгробный камень на могиле матери, отца ли или повременит.

Многое, многое зависело от сентября, самого желанного и самого проклятого месяца года. А всё дело в том, что село утопало в ореховых садах, в незапамятные времена посаженных предками сельчан. Сады, конечно, давно были государственные, то есть колхоз или совхоз ежегодно спускали план на каждый ореховый куст, но люди никак не хотели с этим смириться: всё норовили побольше урожая припрятать, закопать в землю — захоронить на время или тайком переправляли к родне в город, в другой ли район — это уж кто как умел. И всяк старался, проявляя смекалку да расторопность — дело понятное, не картошку пустяшную приворовывали, а орехи, считай, что золото: спустя месячишко наезжали спекулянты и всё, сколь ни есть, оп-

том забирали. А семейка средней руки, бывало, и план выполняла, и себе полтонны орехов оставляла.

Всё это так, можно бы, конечно, и без воровства обойтись, но добро-то не бесхозное — кто же позволит тебе за счёт государства наживаться?.. Нет, всё делалось, чтобы не расхищалась народная собственность. Из района на месяц командировались в село уполномоченные по сбору урожая, наряды милиции и всякая прочая власть.

Днём эти люди на служебных машинах носились по садам, из бригады в бригаду, а вечером съезжались к совхозным или колхозным амбарам, где принимали собранный за день урожай. И что тут начиналось: шум, гам, крики, угрозы, обиды, проклятья, просьбы, мольба, лай собак, хриплые возгласы весовщиков, солидные голоса уполномоченных — всё перемешивалось и становилось похожим на какое-то дикое сборище. Так повторялось изо дня в день в течение трёх недель.

Но этого оказывалось мало, часть урожая всё же куда-то исчезала. И на исходе месяца власти решались на крайнюю меру: начинали обыскивать дома. Всё организовывалось, конечно, по закону. Прокурор подписывал санкции, уполномоченные ещё раз предупреждали людей, чтоб добром вынесли припрятанные орехи, потом уж наряды милиции обшаривали усадьбу за усадьбой — где находили орехи, где нет, но страху на детей и женщин напускали, плач и визг повисали в воздухе. И случалось, какой-нибудь бедолага не выдерживал, с дубинкой в руках загораживал ворота, желая не допустить чужих людей до укромного уголка своего дома, но с таким умником расправлялись легко: скрутив руки, отправляли куда следует — и, по меньшей мере, пятнадцать суток ему было обеспечено. Словом, в сентябре село роилось от страстей!..

Как-то всей семьёй собирали орехи. На соседнем участке орехового сада другая семья также собирала орехи. Там девочка в красном платьице, вся ухоженная и красивая, с чёрными, как спелая ежевика, глазами. Иногда она украдкой взглядывает в мою сторону. Изредка я украдкой взглядываю на неё. К девочке я ни за что не подошёл бы близко — наблюдал за ней только издали. Ясное дело — девочка мне нравится.

Но ещё больше мне нравится её мать. От неё всегда пахнет духами, волосы у неё густые и чёрные, а глаза — голубые: такое редкое сочетание. А на отца даже взглянуть страшно — так он хорош: неизменно чисто выбритый, одет тоже чисто и аккуратно, по-городскому, да и работал он не в селе, каждое утро его куда-то увозила легковая машина, а вечером привозила обратно. Чудно, но вряд ли я тогда знал, кто больше мне нравится: дочь, мать или отец. Все трое были желанны и милы. Необычайная для тех лет удинская семья: молодой муж, молодая жена, здоровые и состоятельные люди — и всего один ребёнок: эта девочка. Невидаль, да и только.

Мать девочки подзывает меня к себе, но я делаю вид, что не слышу её. Она зовёт ещё и ещё. Зовёт голосом — как теперь понимаю — счастливой в замужестве женщины, но меня что-то не устраивает в её тоне, я понарошку мурлычу какую-то мелодию и, не поднимая головы, собираю орехи. Она всё кличет меня, и подходит вплотную к межевой канавке, и мне ничего не остаётся, как перестать мурлыкать и как бы нехотя, с явной ленцой идти к ней. Она угощает меня персиком — одаривает таким большим и пушистым, как жёлтый цыплёнок, персиком с румяным бочком.

— У моих сирот, — с грустью говорит моя мать, — даже персики мелкие растут. Были такие же крупные, что и у вас, но как Бог за что-то прогневался на нас, всё мелкие пошли, всё мелкие..

Я смотрю женщине в лицо, в её добрые голубые глаза, которые с таким игривым прищуром, что дух захватывает, и мне хочется сказать ей что-то очень приятное, но не могу — так всё напряжено во мне. Я молчу, точно набрал в рот воды, и женщина, по-девчачьи пожав плечами, с улыбкой касается ладошкой моей щеки и поворачивается, уходит к своим, и так уходит, такой походкой, что я гляжу ей вслед, замерев в непонятной растерянности.

— Не смотри на них так, милый, не смотри! — вдруг кричит моя мать громко и с весёлым задором. — Всё равно они дочь за тебя не выдадут! Мы им не ровня. Не смотри!..

Не зная, куда деться от смущения, быстренько нагибаюсь: одной рукой спешно собираю орехи, а другой так крепко сжимаю персик, что на моё запястье прохладной струйкой брызжет сок.

По отношению к этой семье у меня тайна. Бывало, в сумерки, в тот час, когда начинают снова летучие мыши, я забирался на каштановое дерево, устраивался тишком на толстой ветке и наблюдал за тем, как они втроём садились за стол на веранде и, мирно беседуя, ужинали. Потом долго молча сумерничали. Отец усаживался на перила веранды, в его пальцах дымила папироса. А мать с дочерью оставались за столом и смотрели на отца. Все трое легко и непринуждённо молчали — и от картины этой на меня веяло какой-то дивной отрадой. Я завидовал, наверное, ладной семейной жизни и мог часами любоваться чужим счастьем.

Когда-то это было очень большое семейство. В тридцатые годы у них в доме случилось огромное несчастье: арестовали мужчин, и те, кто арестовывал, то ли, отправив арестованных, остались там гулять, то ли после, спустя время, вернулись, неизвестно, но вели себя, говорят, недостойно: выпивали, чванились, приставали к женщинам. А одна из них — опять же неясно — не то женщина молодая, не то девушка воспротивилась, да так рьяно, что тем пришлось несколько раз стрельнуть, дырки от тех пуль до сих пор зияют на дощатом потолке, словом, силой взяли её — обесчестили. Так говорят люди. Хотя и сегодня нельзя с точностью сказать, над кем именно надругались, над которой из множества женщин этого дома.

Лично я знал только одну из тех женщин. Будучи малым ребёнком, в начале шестидесятых, на чьей-то свадьбе я видел, как она — совсем старая, как мне тогда казалось — заметила на груди односельчанина выколотый портрет усатого вождя и, страшно побледнев, вскочила с места и пересела на другой конец стола. А тот, на чьей груди красовался портрет, вдрызг пьяный, войдя в раж, стал дурашливо и громко крыть вождя матом, бухая лапищами по своей груди, и бедная женщина со страху полезла под свадебный стол. И люди вокруг не знали, то ли смеяться, то ли плакать, так дико и нелепо всё это выглядело.

У нас была небольшая, неказистая коровёнка с малым выменем, которая, хоть и доилась дважды в день, но молока давала немного, и мать всю неделю, отрывая от детей, сэкономила его, а в субботу вечером сбивала масло, чтоб наутро вынести на базар, продать и на вырученные денежки купить чай, сахар. Масла получалось всего каких-то полкило и, поскольку в те годы в селе не водились холодильники, хранилось оно до воскресного утра в кастрюле с холодной водой.

Но однажды стряслась беда: ночью кошка опрокинула крышку кастрюли и слопала масло. Надо ли говорить, что это был жестокий удар для семьи, и мальчишка-дошколёнок, старший среди детей, считай, ослепший от обиды и злости, в яростном помутнении поймал прожорливую кошку, поднёс к ясеновой колоде и, взмахнув топориком, отсёк ей лапку. Теперь без малого полсотни лет минуло с той поры, но как представляю, какую страшную расправу учинил над невинной, в общем-то, тварью, от пят до темени покрываюсь липкой испариной.

Однако не о сложном детстве речь. Нет. Речь об отце, которого, в сущности, я не знал. Он где-то там вдали, но он есть. Ночь езды на поезде — и его можно увидеть. Даже потрогать руками. Пусть с заблудшей душой, без памяти о былом, без тепла узнавания. Но — есть! есть! есть! Боже, с каким тихим отчаянием подчас хотелось,

нестерпимо, до горько-сладких горючих слёз хотелось просто прижаться к отцу и зажмуриться от затаённого счастья!..

Такая странная, двойкая безотцовщина, пожалуй, самая горестная, безутешно саднящая, она ни на что не похожа, ни с чем не сравнима.

Я до сих пор остро, вживе ощущаю боль тех лет. Ею всю жизнь невольно поверял свои поступки. Оттуда же во мне болезненное чувство семейственности. Я и поныне не могу, к примеру, обедать или ужинать в одиночестве. Для меня это мука невыносимая. Потому что тогда, в детстве, как бы тяжёл ни был день, за стол садились всей семьёй, и если удавалось досыта наесться немудрёной каши из обдирной пшеницы, то в глазах нашей матери набухали слёзы радости. А по вечерам долго пили чай, бывало, без сахара, без заварки, подкрашивая кипятком айвовой корой, допоздна сидели за самоваром...

Всё же то были хорошие времена. В садах и полях частенько звучали песни, и доверчивые, непринуждённые посиделки случались, и безобидные скоротечные перебранки, но главное — люди сплошь открытые, добрые, чуткие. Вообще я заметил, что в те годы, чем больше было бедных, тем дружнее, внимательнее друг к другу жили. Помнится, в селе была грузовая машина, вся такая расхлябанная, утлая, без тормозов, без сигнала, без стёкол, шофёр обычно издали, завидев впереди людей, начинал хлопать ладонью по дверце кабины и, вытаращив глаза, дурным голосом орал:

— Посторонись, без сигнала и без тормозов! Посторонись!..

А если предстояло остановиться — тем же тоном командовал:

— Кинь чего под колесо!.. Быстрее кинь!..

И кто-то бегом догонял, подкладывал под еле катящееся колесо подвернувшийся камень.

Этот-то человек всякий раз, выйдя из машины, если я оказывался поблизости, подзывал меня и, порывшись в карманах, одаривал рублём, говоря неизменное:

— Сынок, твой отец — да поможет ему Бог — был отличным парнем!

А ведь никем он нам не приходился — ни роднёй, ни близким соседом. И не потому ли, что вокруг находились такие люди, не потому ли иногда с таким упоением, с такой слезливой ностальгией вспоминается скудная красота невозвратно ушедшей жизни? Какое горе и какое счастье носить в себе прошлое!..

Я вообще никогда не слышал, чтобы кто-нибудь в селе помянул отца недобром, напротив, о нём говорили только хорошее и часто ставили мне в пример. Даже домашние, те же мои бабушки, в самые тяжкие, невыносимо горькие дни хвалили отца. Что хвалила отцова мать — понятно: он был ей сын. Но и вторая бабушка при всём своём непростом характере и норовистости тоже очень уважительно и с благодарностью отзывалась о зяте. Прямо ни одного худого слова не произносила, хотя вспыльчивая и острая на язык, обычно никого не щадила. Кто знает, быть может, отец и вправду отличался чем-то таким особенным. Меж тем он ведь был обыкновенным хлеборобом — на тракторе работал, на комбайне в каком-то таинственном и значительном месте под названьем ЭМ-ТЭ-ЭС. Долгие годы я не понимал смысл этих диковинных звуков.

Но будет враньём, если скажу, что кругом жили одни добрые люди. Хватало и злых, жестоких. Никогда не забуду, как кто-то из соседей зверски ранил нашу корову топором — буквально кус мяса отслоил от бедра. До сих пор перед глазами жуткая картина: бедную корову накрепко привязали к дереву посреди двора, мать цыганской

иглой зашивает промытую марганцовкой рану, корова взмокла от боли, глаза её истекают слезами, она крупно вздрагивает и нетерпеливо переступает, жалобно взмыкивая, когда мать, страдальчески кривя губы, протыкает её плоть громадной иглой.

Мать сосредоточенно творит своё дело и молчит, слишком тяжело, напряжённо молчит, и это невыносимо. Прямо невтерпёж. Лучше б заплакала, лучше б заголосила, изливая проклятья, как бывало всегда, когда её сильно огорчали, лучше б выхватила хворостину да отстегала меня, исполосовала как следует, потому что именно я, заигравшись накануне вечером, не встретил корову с пастбища и она всю ночь где-то пропадала и не иначе как отравила чей-то огород, и потому так не по-людски обошлись с ней. Всё лучше этого тягостного молчания.

— Разве посмел бы кто учинить такое с нашей кормилицей, — наконец сказала мать надломлено, — будь твой отец здоров. Что ж, на лежачего всякая шавка может задрать ногу. Ничего не поделаешь. Только одного прошу от Бога, ежели он видит наши муки, пусть найдет на головы плохих людей кару похлеще нашей!..

Последние слова мать произнесла громко и отчётливо, точно наверняка знала, для кого они предназначаются, но я вдобавок услышал в её голосе нечто такое, что не выдержал и, таясь от матери, молча, без звука заплакал. Лишь слёзы покатались по щекам.

Иногда я думаю, что иные из соседей попросту нам завидовали. Да и было за что, вероятно, если учесть, что в каждой окрестной семье отец и мать здоровые, а жили люди хуже нашего. Нас спасала пенсия, которую в ту пору стали выплачивать за больного отца, и то, что против нашей семьи не так свирепствовала советская власть. Жалели. Не все и не во всём, понятно, но жалели, делали поблажки при сборе налогов, при распределении делян на сенокосе, при назначении плана на орехи. Пройдёт время, я пойду в школу, где мне ежегодно станут выдавать одежду, обувь. И мне, и сёстрам. Что опять же вызовет жгучую, но явно несправедливую зависть некоторых соседей, поскольку семья по-прежнему не вылезала из нужды. Честно признаюсь, не знаю, как сёстры, но я искренне мучился, получая помощь от школы. Я стеснялся, что я не как все...

А мой двоюродный дядька, живший в городе и часто навещавший отца в больнице, всерьёз полагал, что, коль власти платят человеку за недуг пенсию, то следовало бы забрать его из лечебницы и содержать дома. А как это сделать — об этом он, пожалуй, не заботился. Он просто говорил, изредка наезжая в село на побывку, что это наш долг — ухаживать за больным. Кто бы спорил, ясное дело, что ответственности за участь отца с нас никто не снимал, однако, забрав отца домой, в лучшем случае, всем семейством должны были ублажать только его прихоти. Носиться только с ним.

А как мы жили бы — как и на что, денно и ночью занятые отцом, в это дядька не вникал. Он без особых раздумий советовал забрать отца, ибо сам жил один и проводил свои дни легко и весело, работая в городе таксистом. Так всегда и со всеми: проще всего раздавать советы. Правда, справедливости ради следует заметить, что дядька этот частенько и добрым, и заботливым, и щедрым бывал, но то были разовые, единичные случаи. У нас же болезнь отца — пожизненная ноша. Кем бы мы стали, какими выросли бы, заведи отца на всю жизнь домой и бесконечно мыкайся с ним?..

Снег шёл всю ночь. Шёл неслышно и густо, и к утру выпал в таком непривычном обилии, таким нетронутым, чистейшим слоем лежал, что дух захватывало. Наскоро позавтракав, мы, дети, шумливой гурьбой взорвав настоящую за ночь тишь, высыпаем во двор в снежки поиграть, снеговика слепить, просто порезвиться... потом,

помнится, всласть наигравшись, набарахтавшись в мягко похрустывающем, легко сминающемся девственном покрове, раскрасневшиеся от счастливой усталости, мокрые, расхристанные, забегаем в уют и тепло родного дома, где весело потрескивает печка, забегаем и останавливаемся в мгновенной оторопи: матери дома нет, а на столе, покрытом белой скатертью, прямо посередине, на белой же тарелочке, красуется крупный, коричневый в светлую крапинку плод мушмулы, отдающий изнутри темью спелой мякоти, неизвестно как оказавшийся на семейном столе.

Стало быть, стоим мы тесной кучкой, загнанно дышим и каждый из нас, наверное, готов ринуться, схватить этот удивительный плод, что чуть больше грецкого ореха, схватить и съесть, но мы стоим в неловком оцепененье, никто не решается шагнуть вперёд, потому что мушмула одна и её не разделишь даже на две дольки, мал и хрупок он, плод этот желанный, рушится от малейшего прикосновения, только один кто-нибудь может взять его и отправить в рот, а нас, к сожалению, к счастью ли, четверо, и что делать, как поступить, не знаем, и так в тяжком напряжении проходит минута, и все мы, видимо, всяк про себя смирившись, разбредаемся по дому. А одинокая мушмула навечно остаётся островком чистоты и чуткости в моей с годами изрядно захламливаемой памяти.

Мельница — не ветряная, не водяная, обычная мельница с дизельным движком, шумная, грохочущая на всё село, с высокой крышей и без потолка, с грубыми, изпод топора, голыми матицами, белыми от мучной пыли, впрочем, как всё и вся под этой крышей, кроме тучных голубей и вездесущих воробьёв, облепивших матицы. По верхним углам висят в палец толщиной паутины, мохнатые, тяжёлые, мерно раскачиваются. Отчаянно гудит круг жерновов, вращается, руша, перемалывая зерно, и сеется, беспрестанно сеется по желобку мука, мягкая, нежная, почти что горячая духмяная мука, которую я ссыпаю в мешок зеркально отполированным ковшом. И тут же мельник, тщедушный человек, сутулый, медлительный, с вечной сопелькой под носом, не поймёшь, старый иль молодой, такой весь белый, словно нарочно вывалян в муке, и кажется, нет на свете существа безобиднее и беззащитнее. С этим-то человеком, вернее, в том числе и с ним, мой отец подрался в сельском клубе перед началом кинофильма.

Ну а та красивая лезгинка, некогда понравившаяся отцу, была из потомственного рода пастухов. Много шума наделала эта семья впоследствии — прямо в легенду превратилась. Но обо всём по порядку.

Пастух был стар. Сыновья его — тоже пастухи — так же были стары. Никто не знал, сколько лет пастуху, как и не знали, сколько сыновьям его. Просто видели, что все трое — отец и сыновья — почтенные, старые люди. Более того, когда они в огромных бараньих папах и с пастушьими посохами в руках стояли рядом, нельзя было понять, кто из них старше. Да и никого это всерьёз не интересовало. Круглый год они имели дело с овцами, а им, божьим тварям, возраст пастухов был ни к чему. Как и начальству, впрочем. Главное, зимой пастухи оберегали овец от холода, голода, а весной, не мешкая, гнали стада в горы, на яйлах — летние пастбища. Так было всегда, и всех это устраивало.

И за долгие десятилетия в жизни пастуха мало что менялось: сперва у него рождались дети, потом внуки, потом и правнуки, и все эти люди с малых лет трудились наравне с взрослыми, и потому считалось, что старый пастух — богатый человек, что в банке у него неслыханно большая сумма, в чём, собственно, ничего удивительно — пастухам особо некуда было тратить деньги. Так что вполне можно допустить, что пастух был доволен своей жизнью, районные власти, наверное, тоже были до-

вольны, поскольку поголовье овец из года в год всё увеличивалось — словом, казалось, все кругом всем довольны.

Но вот странно: старый пастух как-то поссорился с властью и ни с кем-нибудь — с секретарём райкома. Власть есть власть, конечно. Власть уважали, власти боялись, всячески угождали. Но всегда, в самые суровые времена, оказывается, находились люди, что жили несколько по-другому. Как выяснилось, пастух был из таких, и у него пошла распря с первым лицом в районе. Опять же, кто знает, что там у них произошло, то есть из-за чего и каким образом секретарь задел пастуха, что тот не на шутку оскорбился, говорят, даже был разгневан, чего никогда прежде за ним не замечали. И что ни день навещался к секретарю в кабинет, упорно чего-то добиваясь. Однако, сдаётся, напрасно старался, впустую тратил время и нервы. К тому ж вскоре секретарь стал откровенно избегать его, случалось, подолгу томил в приёмной, а однажды взял и с шумом выставил за дверь и помощнице, секретарше своей, строго-настрого велел: больше не впускать настырного старика!..

И зря, конечно. Не следовало так глумиться над человеком, чья жизнь прошла в вольных пастушьих просторах, в целомудренном отдалении от скверны людских отношений. Во всяком случае, зная всё дальнейшее, можно смело сказать, что секретарь поступил весьма опрометчиво, выгнав старика. Будь он чуть разборчивее в людях, может быть, не отважился бы на такое. Но он не отличался особой сметливостью, увы, и пастух с поруганной гордостью, мрачный от обиды, молча удалился, унося в себе тихо кипевшую, сдерживаемую ярость.

Правда, не прошло и трёх часов, как вернулся вместе с сыновьями. Стало быть, трое почтенных стариков, поджарые, лёгкие, как осенние листья, в бараньих папах и с неизменными посохами в руках медленно, зловеще-безмолвным шествием поднялись по лестнице на второй этаж и, без единого слова отпихнув загородившую им дорогу секретаршу, бесшумно ступили в кабинет, бережно прислонили свои посохи к стене возле двери.

Секретарь, почуяв неладное, встрепенулся, привычно протягивая сановитую руку к телефону, но отец-пастух обронил какой-то глухой, гортанный звук, и сыновья-пастухи с лёгкостью тени метнулись вперёд и, навалившись на секретаря, подмяли, прижали его к креслу, а отец-пастух подошёл и бесстрастно, с холодным презрением, смачно плюнул секретарю в лицо, потом достал из кармана старинную складную бритву, в обиходе называемую опасной, неспешно раскрыл её и, слегка наклонившись, одним коротким, почти неуловимым движением отхватил тому ухо и ничтожным комочком шлёпнул на пол.

Длилось недолго это ужасное зрелище, разыгравшееся в сонной, квёлой тишине летнего полдня и на глазах помертвевшей в дверях секретарши.

Вслед за тем пастухи, оставив обезумевшего секретаря, бившегося окровавленной головой о столешницу, спокойно разобрали свои посохи и так же медленно и беззвучно, как и поднимались по лестнице, спустились вниз и разошлись в разные стороны: отец пошёл сдаваться в милицию, сыновья отправились в горы к своим овцам. Дальше, как задумал старик, так и сложилось: сам сел в тюрьму, а сыновей, пустив в ход многолетние сбережения, выручил.

Под конец остаётся повторить, что никто понятия не имел, по какой причине случился раздор. Не выяснило это и следствие. На суде пастухи также не сознались. Секретарь тоже скрыл истину. Толки среди людей гуляли всякие, кстати, о том числе и о ней, о своенравной красавице, но все они были легковесные, необидительные.

Да и без того было ясно: секретарь мог позволить себе всё, что взбредёт в голову. Такие уж были времена. Между прочим, после суда он куда-то исчез, и о нём почти

ничего не было слышно, разве только, что от партийной деятельности его навсегда отлучили, что, впрочем, понятно: кому нужен изувеченный, одноухий, обесчещенный секретарь?..

В те годы в селе ещё не было электричества. Только-только вкапывали столбы, тянули провода, вырубая просеки в лесах. Дома освещались керосиновыми лампами. За керосином обычно ходила бабушка. Изредка и меня с собой брала. Отдельная лавка, где торговали керосином, почему-то была без окон, внутри сумрачно, свет падал лишь из раскрытых настежь дверей. Керосин темно поблёскивал в огромном чане, врытом в землю вровень с полом. Лавочник, человек преклонного возраста с жёстким, угрюмым, замкнутым лицом, сидел на низкой скамье по-над самым чаном с вечно тлеющей папиросой в зубах.

Обыкновенно бабушка запросто, не чинясь, крикливо отчитывала его, толкуя, как малому ребёнку, что недалёк тот день, когда он своим проклятым куревом спалит всю лавку. Он ничего не возражал. Он молча ухмылялся, не вынимая изо рта папиросу, и легко, привычно нагибаясь, зачерпывал керосин громадной кружкой.

Не знаю почему, но мне нравилась эта лавка. Нравился запах керосина. Нравился и керосинщик. А чем приглянулся мне этот невзрачный молчун — в ту пору я не смог бы объяснить. Зато много позже, изрядно повзрослев, я убедился, что керосинщик — весьма милый, душевный человек, тонкий ценитель весёлых розыгрышей и редкий хлебосол. А уж совсем недавно выяснилось: отца моего — разумеется, до болезни — тоже тянуло к керосинщику. Ещё с ранней молодости он на равных общался, шутил, острил, подтрунивал над старым лавочником.

А тот нисколько не обижался, напротив, всячески привечал его. Рассказывают, будто как-то у керосинщика околела собака, а отец с дружками собрались, и забавы ради пошли на поминки. Верно, им хотелось хорошенько выпить. Повеселиться. Пришли они, стало быть, к керосинщику, постучали в ворота. Хозяин вышел им навстречу, и отец с дружками стали с притворно скорбными лицами жать ему руку, и он сразу смекнул, в чём дело, хриплым прокуренным голосом крикнул в сторону дома:

— Эй, жена, засучивай рукава — встречай гостей: родня покойного пса пожаловала.

Все расхохотались и весёлым скопом поднялись на веранду старого керосинщика.

Бабушка рассказывает о дедушке, погибшем на фронте задолго до моего рождения, и странная, явно никогда не виденная мною картина оживает пред моими детскими глазами. Я слышу тягучий скрип арбы, запряжённой парой охристо-пегих волов, как бы вживе вижу деда, молодого, полного сил мужика, сидящего, свесив ноги, на передке арбы. Дед малость оторопело оглядывается по сторонам, смотрит на тяжко гружённые снегом ореховые кусты, на отдельные разломанные ветки и сокрушённо качает головой. Накануне шёл большой снег, валил густо и непривычно долго для наших мест, а ночью вдарил такой мороз, что с резким сухим звуком трескались деревья и, кажется, замёрзли все дрозды и теперь, наутро, частыми чёрными комочками лежали на ослепительно белой глади.

У барсучьего оврага дед остановил волов, соскочил в глубокий и хрусткий снег, неспешно скрутил сигарку и, шагнув к краю оврага, приподнял шапку и поприветствовал мастеров, те, здоровенные бородатые молокане, не прерывая работы, весело закивали, пыхая густыми клубами пара. Они огромной продольной пилой — один вверху на козлах, другой внизу — распиливали каштановое бревно на половицы. Раз-

меренно и мощно водили пилой вниз и вверх, пила вязко и зычно визжала, брызгая на снежную бель ярко-рыжие опилки.

Дед долго стоял недвижно и озабоченно курил, наверное, думая о затеянной им постройке нового дома. Скоро и пильщики один за другим, оскальзываясь, цепляясь за ветки лещины, выбрались из оврага, поздоровались с дедом за руку и деловито закурили. Трое крупных, крепких мужиков замерли среди сверкающих чистых снегов, с жадностью и как-то прощально вслушивались в хрупкое беззвучье зимнего утра, точно предчувствовали, что не далее как через полгода разразится страшнейшая во всей истории человечества война — и все трое бесследно сгинут в самом её начале.

Другой мой дед, также погибший на фронте, которого я, конечно, не видел, но почему-то уверен, что так оно и было: мой дед на войне как-то схватился врукопашную с дюжим, как и сам, немцем; обхватили, значит, друг друга, уцепились ручищами и тягаются насмерть, но никак не одолеет ни он немца, ни немец его, а поблизости никого, кто б на подмогу пришёл, свои то ли ушли вперёд, то ли побило всех, не поймёшь, словом, он один на один с фашистом, а силы на исходе, сил почти не осталось, и немцу, судя по всему, нелегко, зелёные выпученные глаза прямо осатанели, в общем, как немца, так и деда такой страх обуял, что не знают, как быть, что делать, только шумно дышат, пыхтят, возятся, тяжело, немощно перебирая ногами, но что это? — вдруг немец издаёт какой-то хлюпающий звук горлом и, дёрнувшись всем телом, расслабляется, навзрыд заплакав, кривя окровавленные распухшие губы, дед тоже на стыд и срам свой всхлипывает — и между ними происходит что-то неслыханное, происходит нечто большее, чем война, ненависть, смерть, какое-то чудо пронзает их на пределе отчаяния, на грани полного телесного изнеможения, и они, оттолкнувшись друг от друга, расходятся и, не оглядываясь, пошатываясь от бессилия, вздрагивая плечами, ковыляют каждый в свою сторону.

За нашим домом росла огромная чёрная ольха, от комля обросшая жёстким тёмно-зелёным мхом. На эту ольху ещё моим прадедом была пущена виноградная лоза. В годы моего детства эта старая, мускулистая, могучая лоза, причудливо извиваясь, вскарабкалась до самой верхушки высоченного дерева. Как-то под вечер, играя топориком, я нечаянно или, сдаётся, скорее из детского любопытства слегка повредил лозу. Из надреза тотчас хлынул, непрерывной струйкой потёк сок, и я растерялся, не зная, как остановить обильную течь.

Я кинулся на чердак, нашёл там какую-то ветошь, торопливо и основательно, в несколько слоёв обмотал вокруг раны и крепко перетянул жгутом. Но куда там. Тряпка моментально потемнела, промокла, и сок заструился вновь. Я впал в нешуточное отчаяние.

Поразмыслив, я быстро, боясь, как бы меня не застали взрослые, воровато озираясь, спустился в овраг, вскопал и замесил жёлтую глину и стал облеплять, обмазывать ею тряпичную повязку. И провозился эдак вплоть до темноты, после тщательно умылся, отправился домой и непривычно рано лёг спать, и ночью частенько просыпался с тревожным беспокойством. А наутро, едва разлепив глаза, бросился к ольхе и увидел, глину мою размыло, — лоза истекала пуще прежнего!..

Вот беда-то. Если домашние обнаружат, что я натворил, трёпки не миновать. Да и лоза навряд ли выживет, вся изойдёт соком и засохнет. Жалко. Обидно. Нужно обязательно исправить свою оплошность. Делать нечего, я подстерёг, когда все покинули дом, стащил из сундука увесистый ком пчелиного воска и снова начал колдовать на месте своего преступления.

Однако опять ничего путного не вышло, и так в течение многих и многих дней, что я ни делал, как ни старался, всё без толку, лоза неумолимо истекала, гибла, и я страдал, весь измучился от сознания собственного бессилия. Теперь уж давно запомнил, через сколько времени конкретно надрез на лозе зарубцевался. Но ещё долго, очень долго мне снился, неотвязно снился один и тот же сон, в котором я отчаянно и безуспешно бился, желая спасти жизнь старой лозы, потом, откуда ни возьмись, появлялся мой здоровый, мой умелый, мой всё могущий отец и каким-то чудным образом в одночасье останавливал течь...

А вот издали мерцает слабый свет неожиданной радости: приехал мой младший дядя с молодой женой. Дядя ни на кого из знакомых мне людей не похож, он очень высок, густоволос, всегда серъезен, красиво, даже щеголевато одет, говорит мало и негромко, но я, кажется, без слов, с одного взгляда его понимаю, и он, кажется, понимает меня. Я безоговорочно влюблён в дядю, всюду таскаюсь за ним, чутко ловлю каждый его жест, каждое слово, движенье.

И жена его чудненькая, вроде крупная, тяжеловатая, но ловкая, быстрая и простая, без умолку о чём-то болтает и смеётся, всё смеётся и болтает. И всем, всем в доме нравится, хотя ни я, ни мать моя, ни бабушки, никто-никто, кроме дяди, толком её не понимает, поскольку она русская и говорит на своём языке. Иногда она обнимает меня и горячо и порывисто прижимает к себе и шепчет что-то ласковое, душевное, фиалковое — так запало в воображение, и я с предслезным напряжением вслушиваюсь в чистые, певучие звуки её голоса, вслушиваюсь, и от натуги вникнуть в их смысл такая жгучая досада разбирает, что впору хоть плачь, но домашние дружно и весело успокаивают, мол, не унывай, парень, на другой год пойдёшь в школу — и запросто выучишься лопотать по-русски, и я с нетерпением подсчитываю дни, недели, месяцы, томлюсь в ожидании спасительной школьной поры!..

А дядя с женой между тем навсегда остаются в селе, так они, во всяком случае, говорят, и это здорово, все безмерно рады, счастливы, наконец-то в доме будет мужчина, опора и защита от всех житейских бед.

Но в селе они прожили всего несколько месяцев, и я мало что запомнил из той совместной жизни. В памяти возникает только то, как дядя рубил дрова, и всё, пожалуй, словно он всё время, изо дня в день лишь тем и занимался, что без конца рубил, пилил, колол дрова, а я всё крутился подле, то складывал в штабеля расколотые поленья, то с гордостью держался за один конец двуручной пилы, то просто играл близости, увлечённо катался верхом на палочке, не спуская восхищённых глаз с дяди.

Так прошло совсем немного, и я заметил, что по вечерам, бывало, дядя ссорился с женой. Всего я, конечно, не понимал, но видел, что они подолгу о чём-то спорят и никак не могут прийти к согласию. Дядя говорил тихо, спокойно и уверенно, жена его, напротив, слишком взволнованно, возбуждённо, и речь её была сплошь истыкана восклицаниями.

— Дура я, дура! — произносила она незнакомые мне тогда слова и замирала со слезами на глазах. Потом снова: — Дура я, дура!..

Скоро наступила-таки развязка. Стоял сумрачный, промозглый южный зимний день. Дядя рубил дрова в лесочке за околицей села, ожесточённо орудовал топором, наверное, желая заново стать сельчанином, утвердиться в своей изначальной крестьянской сути.

А жена его в это время, не дождавшись мужа, вырядилась и пошла в кино. В нашем селе и поныне женщина одна в клуб не ходит, обязательно с кем-нибудь из близких мужчин, а тогда, в те далёкие годы, даже вообразить такое было немислимо, и она

знала об этом, однако всё же пошла, и дядя, вернувшись вечером домой, страшно разозлился. Был прямо вне себя от злости. Сидел возле жарко натопленной жестяной печки, на которой жарились каштаны и, хлётко постреливая, лопались; сидел, сгорбив спину, глядя себе в ноги, и напряжённо, сдавленно молчал. Время от времени, не поднимая головы, шумно вздыхал и ждал.

До сих пор зримо, картинно вижу, как жена его вошла в дом, и как он медленно встал, молча подошёл и влепил ей звонкую пощёчину. У меня похолодело внутри, а она только ойкнула и в момент, когда любая на её месте обиделась бы, шагнула вперёд и чмокнула, поцеловала мужа в щёку.

Но он не смягчился, грубо взял её за руку и повлёк за собой в спальную комнату, и всю ночь они там выясняли отношения. Утром она вышла с синяком под глазом и грустная-грустная. Бесшумно расхаживая по комнатам, начала собирать свои вещи, ввергнув весь дом в траурное уныние, и днём позже уехала, не внимая ничьим уговорам. А дядя всем на удивление повеселел и вёл себя так, будто совсем без горечи расстался с женой.

— Женюсь на своей, на местной, девчонке, — говорил он с улыбкой. — И всё будет хорошо.

Но это были всего лишь слова. Он ведь хлебнул беспечной городской жизни, когда нужно отвечать только за себя. А тут такая орава с надеждой смотрела на него. Скорее всего, осознав это, сперва он заметно сник, заскучал, а через какой-то месяц вообще испугался, струсил, не иначе и как-то суетно, почти воровато, пряча глаза, молчком сорвался вслед за женой, чем обрёк меня на столь глубокие детские страдания, что, кажется, я и сегодня не в силах простить его. Я всё понимаю, у него была своя собственная судьба, своя мера ответственности перед жизнью, знаю, что он не мог остаться, наконец, если по-настоящему любил жену, но всё же, всё же...

Дядя уехал весной. А летом получили письмо из лечебницы: врачи просили, не мешкая, навестить больного. Бабушка спешно собралась, поехала и привезла отца домой.

— Он поправляется, — не очень уверенно объяснила она. — Так доктора сказали. Теперь за ним нужен уход. И хорошее питание.

Стояла страдная пора, забота теснила заботу, но за отцом ухаживали, как только могли. Ему и кровать на веранде на свежем воздухе поставили, и отдельный стол для удобства возле кровати, и старались угодить во всём, залезая в долги, кормили и полили так, точно каждый день был праздник. И гости часто приходили — бывшие его друзья-приятели, родня всякая, соседи.

Правда, он никого не узнавал, хотя и кивал, согласно качал головой, не проявляя никакого интереса, когда называли имена гостей. Не узнавал, совершенно не замечал он, впрочем, и самых близких людей, в том числе и нас, детей, постоянно пребывая в каком-то вялом, отчуждённом беспамятстве. Но вёл себя тихо, спокойно, намного лучше, терпимее, чем прежде, если спрашивали о чём-то, кратко, вскользь и неохотно, явно отделяясь, отвечал, а так всё больше молчал, часами лежал на кровати или рассеянно бродил по двору, не выходя за ограду.

За всё лето ни разу не покинул пределы подворья. Даже не пытался. Бестолково шастая взад-вперёд на крохотном пространстве, равном комнатному, случалось, внезапно замирал на месте и, с шалым блеском пустых глаз глядя вдаль, надолго увязал в глубоком, непостижимом, загадочном раздумье. Лишь изредка, встрепенувшись, удивлённо и оторопело оглядывался по сторонам, будто не зная, не понимая, где находится и как сюда попал.

Речи же о том, чтобы как-то отвлечь его, занять чем-то по хозяйству, по дому, не могло быть и в помине, он не то что напрочь отвык от всяческого труда, казалось, никогда и не слышал ни о чём подобном. Кто знает, что в нём творилось, должно быть, исподволь что-то серьёзное наikipало, наikipало — и вот, спустя около четырёх месяцев, выплеснулось через край, затопив все надежды на исцеление.

Другими словами: в одно погожее осеннее утро отец как бы очнулся ото сна, оживился чрезвычайно, заметался с озабоченным видом и, подобрав увесистую палку, деловито толкнул калитку и, ни единым словом не обмолвясь, куда собрался, никого не слушая, от всех сердито, угрожающе отмахиваясь палкой, решительно удалился прочь. Конечно, все в семье не на шутку встревожились, застигнутые врасплох такой выходкой и, созвав на подмогу бывших отцовых друзей, пустились на поиски.

Часом позже обнаружили его на шоссе в пяти километрах от села, вернее, он сам помахал палкой, голосуя, тормозя попутную машину, из которой, однако, вышли друзья и с трудом уговорили его вернуться домой. Он долго артачился, упрямо отнекивался, хотел немедля, не откладывая, уехать в город, засветло добраться до больницы. Но друзья терпеливо убеждали, что сперва следует договориться с подходящим транспортом, дескать, сам рассуди, не ближний ведь путь, не всякий поедет, наконец, что они твёрдо, клятвенно обещают сегодня же отвезти его, и он согласился.

Потом с нетерпением дожидался этой минуты, нервничал, маршируя по веранде, не садясь за стол, не желая ни есть, ни пить, всё курил, ходил и то и дело справлялся, скоро ли подадут машину, и всё бормотал, что ему надоело здесь, в неволе, в тюрьме, скорее бы на свободу, к себе, к своим, да, там его дом, там все близкие, там хорошо, туда, туда, туда, больше он ничего не хочет, твердил он, а когда привезли его в лечебницу, говорят, обрадовался, как мальчишка, вмиг смешался с больными, счастливый, и успокоился.

С тех пор прошло много лет. Даже десятилетий. Но отчётливо помнится: в тот вечер, когда отца увезли, я впервые в открытую, не таясь, плакал, сидя за семейным столом, и никто меня не утешал, потому что, глядя на меня, тихо плакали и все остальные.

ЗЛАТА

рассказ

— Мне было полгода, когда отец убил маму.

Девушка была полна достоинства: гранёные черты — высокий лоб, прямой нос, выпуклый подбородок, который принято называть «волевым». Губы — резко очерченные, своенравные. Надменные стрелки бровей.

— Приревновал? — Иван думал, что если мать была похожа на дочь, то можно сойти с ума от ревности.

— Обкурился. Им было по восемнадцать.

В Чуфут-Кале они кружили с запрокинутыми головами в рукотворной пещере. Сколько труда надо подложить, чтобы выскрести у скалы нутро?! Стены до сих пор хранили сантиметр за сантиметром словно бы выгрызенные ложбинки. Чтобы прокормиться, человек тратил усилий с напёрсток в сравнении с непомерным трудом на то, чтобы защититься, остаться в живых, спрятаться, укрыться от врага. Или же наоборот, поймав его, засадить в каменный мешок и сделать рабом.

— Мой отец отсидел двенадцать лет, — рассказывала Злата. — Когда он вернулся, мне было двенадцать. А ему — всего тридцать. Мне он таким старым показался! Мне было двенадцать, и я начала танцевать в стриптизе.

— В двенадцать?!

— Я выглядела почти так же, как сейчас. Худее только. Я танцами занималась. Танцами и рисованием: костюмы, которые ты видел у нас — по моим эскизам. Меня пригласили выступать: я не понимала, куда я попала, я думала, что стала артисткой.

По обе стороны распадка, в отвесных скалах, словно чижинные норы, зияли глазки монашеских келий. Какое чудо тысячелетия назад помогало беглым византийским монахам вырубать в камне эти жилища: не птицы же они, чтобы висеть в воздухе? Страх? Да нет, эти знали только Божий страх, потому и уходили в далёкие земли, спасая веру.

К наскальному Храму, сооружённому тогда же, вёл долгий каменный подъём.

— Мне было полгода, а мне кажется, что я всё помню. Как отец зашёл, как мама испугалась. Как он бил её ножом. А я лежала в коляске. Может, так кажется, потому что взрослые потом об этом много говорили. Хотя никого из них в комнате тогда не было. А была только я одна.

Как она несла себя: с ума сойти можно! Ни одного лишнего движения, ни радости, ни горя — признак «белой косточки».

— Отец хотел меня забрать, когда вернулся, — они восходили по каменной дорожке. — Или помогать, говорит, буду. Я его не пустила. На порог не пустила. Увидела, что

на него похожа. Мне и раньше говорили, что похожа. Но мне не хотелось, хотелось на мать быть похожей. Увидела, что на него — было мне двенадцать лет, — и как отсекала. Не приходи, говорю, больше.

— А если бы не на него? — удивился Иван.

— Ещё хуже было бы...

Около притвора горбоносый православный монах с густой чёрной бородой — словно вчера из Византии — объяснял прихожанам-туристам, почему в долине происходят столкновения с татарами мусульманами: выходило из-за того, из-за чего люди дрались всю жизнь — из-за земли.

— И что, ты отца так больше и не видела?

— Нет.

— И ничего не знаешь про него?

— Почему? Знаю. Он недалеко живёт, в Старом Крыму.

— Это же по пути. Мы проезжали.

Злата кивнула.

— Женился, ребёнок у него. Мальчик. Звонил недавно мне. Говорит, бабушка умерла — его мама, приезжай. От неё дом остался, по завещанию часть принадлежит мне.

Он смотрел вопросительно.

— Что я его, резать буду? — чуть пожала она плечом. — Там же люди живут.

— Можно взять деньгами.

— Не хочу. Ничего от них не хочу.

Сумрак стоял в Храме, двигались полутени. В туго повязанном белом платке Злата стала похожа на древнюю воительницу или греческую богиню — Фемиду, богиню правосудия.

Арбузы, надрезанные для пробы, дыни виселись горами, пестрели лотки с яблоками, клубникой, помидорами и прочей зеленью.

«Старый Крым» — оповещал знак у дороги. Поцелуев невольно посмотрел на Златку, как она? Изваяние.

— Вот здесь он живёт, — кивнула Злата вглубь пересекающей улицы, — в конце, третий дом от реки.

Иван резко свернул к обочине.

— Там река?

— Пруд.

— Заедем?

— На пруд? Он грязный.

— К отцу.

— Зачем?

— Ты же всё равно о нём думаешь. И думать будешь.

— Тебе это зачем?

— Не могу, когда женщина со мной думает о другом. Даже об отце.

Она улыбнулась.

— Не из-за наследства. Я бы хотела задать один вопрос. Только один вопрос.

Миновала встречная машина, и руль податливо стал набирать левые круги.

Рослый молодой мужчина заливал фундамент пристройки к дому: он в одиночку размешивал лопатой раствор из цемента и щебёнки и спешно заполнял им ёмкости опалубки, приращённой к стене.

Обнажённый по пояс, мускулистый, с выгоревшими русыми длинными волосами, налегающими на уши, работник, скорее, был похож на актёра, игравшего принцев. Но по тому, как человек внешне не придавал значения, не замечал остановившейся напротив его дома машины с тонированными стёклами, из которой не выходят, а явно наблюдают за ним люди, как при этом настрожённо собрался и следил боковым зрением, можно было определить в нём бывшего «сидельца».

— Вперёд, — повёл головой Поцелуев.

Злата набрала грудью воздух, улыбаясь. Теперь она не скрывала волнения.

Мужчина распрямылся, лишь в первое мгновение глаза его пробежали по двум приближающимся людям. В следующее — он смотрел только на дочь.

Если фигурой он выглядел молодо — на свои тридцать семь лет, то лицо было почти старческим: с глубокими морщинами на лбу.

Отец впустил дочь, мельком глянул на Ивана, на машину, на раствор, который в считанные минуты мог «застыть» и превратиться в камень. Опередил Злату, шагнул к двери дома, передумал, повёл на летнюю терраску в саду.

Хозяин принёс закуску. Ваня выставил выпивку — без бутылки он обычно в дороге не отправлялся.

Златка долила себе в стакан до того уровня, который был у отца. Понужнула одним хлопком, по-мужски.

— Как ты? — вопрос отца относился ко всей её жизни.

— Нормально, — пожал плечом дочь.

— Работаеть где?

— Танцую.

Отец продолжительно кивнул. Помолчали. Хозяин снова посмотрел на машину, на Ивана, хотел что-то спросить, не стал.

— Мне журнал с тобой принесли! — вскочил он.

Руки отца подрагивали: он не знал, как к этому относиться, — на титульной обложке была фотография дочери — со спины, вполоборота, с чёрными полосками стринг ниже пояса. «Мисс Эротика», — гласила крупная надпись. На развороте журнала также размещалась эта фотография, но уже маленькая, среди десятка других. Текст сообщал, что в течение года проводился конкурс читательских симпатий, и вот победительница определена: ею стала Злата Залевская из Феодосии!

— Мне говорили, — едва глянула Злата. — Письма стали приходить. Сама я не видела.

Иван снова налил отцу и дочери — ей меньше. Златка опять дополнила стакан.

— Дом от матери остался. Избушка. Продать думаем. Тебе — четвёртая часть, — посмотрел отец.

— Ты зачем маму убил? — заострила взгляд дочь.

Они сидели друг против друга, два, словно точёных, профиля. «Шляхтичи», — подумал Ваня.

Отец молчал долго. Медленно опуская голову. Лоб ещё круче забуровился морщинами.

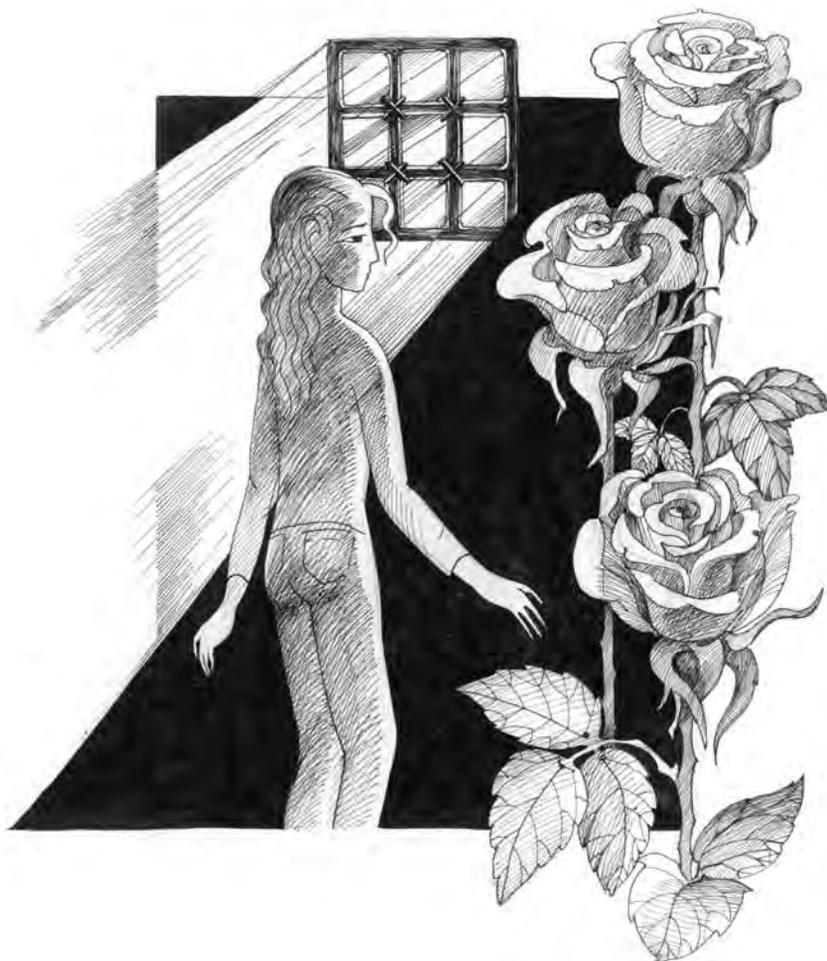
— Так мне легче, — тихо поднял он глаза.

— И не жалеешь?!

— Так мне легче, — твёрже повторил он.

Женщина, молодая, полная, с тяжёлой сумкой в руке, отворяла калитку. Внимательно смотрела в сторону терраски. Мальчик лет пяти, опередив мать, побежал по тропинке.

— Папа, мы машинку купили! — протягивал он игрушку.

Остановился в застенчивости, наткнувшись на взгляд строгой «тёти».

— Иди сюда, познакомься... — отец осёкся, не зная как назвать, как представить дочь — сестру мальчика.

— Пошли, — будто жена, кивнула девушка Ивану.

Резко поднялась.

— Я понимаю, что я тебе должен! Но я нищий! Я бы тебе весь дом отдал, но там не я решаю, там дети сестры.

— Не надо мне ничего от тебя! От вас ничего не надо! Ему так легче! А ты думал, как мне?! Мне легче?! Я росла, маму твою не видала! Где она была?! Бабушка нашлась! Перед Богом она откупиться захотела! Не надо! Я сама заработаю!

— Заработаешь! — потряс журналом отец.

— Заработаю, — вырвала Злата журнал.

Хлопнула калиткой. Хлопнула дверцей машины. Исчезла за непроницаемыми стёклами.

Иван пожал руку мужику, мол, ничего, перемелется, мука будет, жизнь.

Журнал с фотографией обнажённой Златы лежал на заднем сиденьи.

Она долго смотрела вперёд. Она положила ему голову на плечо: неожиданно мягко, приютившись, как маленькая обиженная девочка. Он был для неё отцом в эти мгновения. И она — дочерью. Но он не был отцом. Он был чужим мужчиной, мужем, которого хотелось ощущать родным.

Злата потянула его в горы, над морем: машину они оставили внизу. Раскинулся морской простор, яхта, чуть накрываясь, держала курс вдоль берега, полоски пляжей было видно с маленькими человечками.

— Здесь я лишилась девственности, — вела его по своей жизни Злата. — Мне было четырнадцать лет. А ему двадцать два. Он был очень красивый лицом, но невысокий ростом. Выглядел моложе. Он и сказал мне, что ему восемнадцать. А я прибавила, сказала, что мне семнадцать: я так и выглядела, на семнадцать. Он стал звать меня замуж. Тогда я ему сказала, что мне четырнадцать. Он так испугался! Так меня ругал! Мы с ним остались хорошими друзьями.

— Почему ты всегда говоришь о прошлом?

— О чём ты хочешь, чтобы я говорила?

— Говори о чём хочешь, мне интересно. Просто когда человек живёт прошлым, ему трудно зажить настоящим.

— Я не живу прошлым. Я люблю танцевать. Я танцую. У меня был муж. Ну, не совсем муж: гражданский брак.

— Муж? Когда ж ты успела?

— Он был из крымских татар, милиционер. Он поставил условие: брось стриптиз. А я не хочу — мне это нравится.

— Танцевать? Или обнажаться?

Она подумала:

— И то и то. Это такое чувство. Это совсем не то, что я голая, продаю. Ты даже не понял, когда мы сняли с себя всё. Муж бил меня ногами. Я сказала ему, что из танцев не уйду. Больше мне ничего не интересно.

Камень лежал вокруг с редкими прогалинами жидкой травы. Девушка смотрела чуть искоса. Он должен был стать её первым мужчиной. И она должна была стать девственницей, отдавшей ему себя.

Ева, которую Бог дал человеку, должна была быть именно такой. Спадающие волосы, развёрнутые плечи, прямая, чуть прогнутая спина, гладкие полушария ягодиц, всё ровно в меру, хищно и складно скроено, напоено силой. «Фжи-их», — прокатилась волна прибоа.

Она была очень сильной, она привыкла летать, кружиться вокруг шеста. Она заставила море ходить волнами от края до края. Она вымещала обиду, лечила боль, она хотела быть любимой.

И была холодна. Была почти бесчувственна. Потому что хотела быть с ним, хотела быть с тем, первым, с другим, жажда быть нужной, но она, будучи и с тем, первым, и с ним, и с другим, ещё не была ни с кем. Была ли она в себе? С собой? Или эта прекрасная телесная оболочка жила автономно, отдельно от души, оставшейся там, где ей было двенадцать лет?

— Итальянец, — Злата показывала фотографии, приподнявшись на локте. Рельефная, волнистая линия, начинающаяся с широкого плеча, перекатывающаяся в узкую, словно перехваченную невидимым обручем талию, и вновь круто вздымающаяся к бёдрам, словно вышла из-под резца мастера.

— А это предприниматель, из Киева.

— Это же Воровский? — узнал Ваня пожилого актёра на небрежно брошенном снимке.

— Пишет, что я ему напомнила его первую любовь.

— Молодец, не стареет!

Вдруг её голос совершенно изменился, наполнившись почтительной серьёзностью:

— А это — из тюрем, — держала она отдельно сложенную пачку.

Тюрьма ли, куда отправили папу и о которой постоянно вспоминали вокруг, жила в ней с детских лет? Или то сердобольное бабье чувство, которое на Руси извечно вело жён за ссыльными мужьями в Сибирь, на каторгу?

От последнего снимка — Злата протянула его, не в силах сама оторваться — дышнуло холодом, подземным, знакомым, стылым. В чёрной робе, с номером на груди, с развилкой шрамов на бритой голове, с фотографии смотрел несомненный красавец: питанный, сильный, суровый.

— Лет десять — срок? — предположил Иван.

— Четырнадцать. Двенадцать отсидел.

— Двенадцать? — Ваня повторил число, которое из уст Златки звучало как магическое.

— Двенадцать.

— Убийство?

— Грабежи и убийства.

— Хороший жених.

— И мне он понравился, — чуть смущённо сказала она.

Ваня вздохнул.

— Он пишет, что выйдет и начнёт новую жизнь. Будет работать, учиться.

— Ты к нему ездила?

— Собираюсь, — она забрала снимок. — У меня был муж, милиционер, он меня ногами избивал. Я его не боялась. Я смеялась над ним. А этот, только на фотку гляну, жуть берёт, — возбуждённо проговорила она.

Он рассмеялся:

— Вот ведь что женщине надо!

Мысленно он видел: девочка в белых колготках поднимала ножку перед зеркалом в танцевальной студии. Какой же удивительной ей виделась жизнь впереди?!

Утробно щёлкнул ключ, с перестуком открылся засов. Тяжело подалась вперёд массивная литая дверь.

Сколько раз, в детстве, Злате мерещилось, как приедет к отцу. Так же, на свидание. Незаметно, в рукаве, пронесёт с собой нож, маленький, перочинный. И когда они останутся вдвоём — она видела в кино, как заключённый и гость остаются вдвоём, — вытащит нож и ударит отца прямо в сердце. За маму. За бабушку, которую стала звать мамой.

Злата переступила порог тюремной камеры — комнаты свиданий.

Он стоял, её избранник, такой, каким рисовала она мужчину, когда училась в художественной школе, в двенадцать лет: нависал скалой, затмевал пространство широкими плечами:

— Не верил, что ты приедешь, — над крутым подбородком проплыла застенчивая улыбка.

— Я обещала.

Он повернулся к охраннику в военной одежде, протянул деньги, много:

— Коньяку, шампанского, шоколад, закуски разной. И цветы. Цветы найди! — распорядился заключённый, будто перед ним был официант.

— Остаться можешь? — глаза его по обе стороны тонкой, чуть расплющенной переносицы смотрели с надеждой. Добрые глаза.

— Здесь? — удивилась она.

— Ну, не совсем. До завтра, дня на два. Есть помещение для близких родственников.

— Для близких?

— Для жён, матерей.

— А ты где будешь?

Он помолчал.

— С тобой.

— Так можно?

— Договорюсь, — положил он руку на карман.

— Я на день отпросилась. Я ведь танцую.

— Позвоню ребятам, договорятся.

Теперь подумала она:

— Я сама договорюсь.

Вновь щёлкали замки. Двигались, как заводные, вооружённые конвоиры. Стучали, уходили в свои оковы, за спинами, по другую сторону запирающихся дверей, тяжёлые засовы.

Замкнутое пространство. Решётка на окне. Страх, промелькнувший, острый: а как не выпустят отсюда? — скатился от плеч по локоткам, застыл ледяными каплями в кончиках пальцев. Он положил на её плечо руку — сильную, стальную, способную раздробить кости в порошок, мягко, бережно коснулся. И посмотрел — как ребёнок, потерявший маму.

Она узнала мужчину в четырнадцать лет. С той поры мужчин в её жизни было немало. Она знала радость, похожую на ту, которую несла со сцены, когда танцевала, обнажаясь, и видела устремлённые, воспаляющиеся глаза.

Она никогда не знала мужчины, танцующего для неё. Таяли льдинки на кончиках пальцев, растворялись, жгли. Растворялись железные полозья, так долго сковывавшие её тело, мешавшие всей её жизни. Она превращалась в желе, тёплое, разливающееся. Становилась ласковым, желанным для зноим истомлённого пловца морем.

Старая железная кровать отыграла свою африканскую, со звуками тамтамов, мелодию.

— Выйдешь за меня? — прозвучало в вящей тишине.

— Выйду.

— Мне ещё два года.

— Я подожду.

Мужчина вздохнул, сладко, с надеждой. Вздохнула и она: будущее удивительно прояснялось.

Жениха привезли в ЗАГС в наручниках, но на время церемонии «браслеты» сняли. Свидетелями были конвоиры. А через два месяца Рому освободили.

Теперь её планы касательно доли в доставшемся от бабушки наследстве изменились. Ехали втроём. Друг Ваня вёл машину, руки его были заняты, а муж, убийца и грабитель Рома смотрел ему в затылок, зная о прежних отношениях своей жены с мужчиной за рулём.

— Ты в Москве там, — заговорил Рома, — не слышал: «Бои без правил»?

Как почти все уважающие себя бывшие «зеки», Рома не блатовал, хорошо владел «гражданским» языком и даже бравировал чистым хорошим голосом.

— Слышал. По телевизору видел, — ответил Иван.

— Не знаешь, сколько им платят?

Ваня поглядел из-за плеча на парня: боец тот был, может быть, и несокрушимый.

— Не думаю, что много. Смотря с чем сравнивать.

Дом продали за двадцать тысяч гривен: Златке причиталось — пять. Конечно, это тоже деньги, но когда говорилось «наследство», то казалось, что речь идёт не о тысяче долларов.

— Сейчас на побережье цены упали, — словно оправдывался отец. — А у нас — половина улицы продаётся, все в России работают!

— За кредит расплатиться не хватит, — посмотрела Злата на мужа.

Рома тоже посмотрел: внимательно проследил за рукой тестя, спрятавшего остальные три четверти выручки за дом во внутренний карман. И отец Златы дрогнул: он, убийца по любви, жил семейной трудовой жизнью, и теперь не мог сладить со страхом, накопленным за лагерные годы, перед убийцами по охоте.

Застолье пошло с размахом:

— Мир, доченька, мир, прости меня, — забирала отца, ещё молодого человека, стариковская слеза. — Кто у тебя, кроме бабушки? Только я. Жизнь — штука долгая.

Странно: Ваня привык думать, что жизнь — коротка. А здесь, для человека, убившего любимую женщину и треть жизни проведшего в заключении, она долга, будто его тюремный срок не кончался.

Дочь по-мужски протягивала руку. Слезы не роняла.

Хлебный нож лежал посреди стола. Ваня видел, как наточенное лезвие притягивает взгляд Ромы. Налил всем по стаканам. Взял нож, нарезав хлеба, убрал оружие подальше с глаз.

Жали крепко друг другу руки и зять с тестем. В прошлом — все хлебнули горького. Вместе — оно легче, если, конечно, всё по-людски, по-хорошему.

Рома был немногословен, кивал с пониманием, располагая к себе участием.

Молодым постелили в новой пристройке, а Ване — в смежной комнате.

В ночной тиши хорошо различались звуки шуршания одежды, сбившегося дыхания, взаимного движения тел: стенка была из «оргалита» — одно название, что стенка. У Вани даже под ложечкой засосало — так вдруг стало досадно, что Златка не с ним.

— Валить надо твоего тятю, — будто треснула сухая ветвь, прозвучал мужской голос.

— Зачем? — чувствовалось, как женщина отстранилась от мужчины.

— Ты же хотела за маму отомстить?

— Хотела.

— Бабки возьмём: они твои.

Сопенье в тишине. Одинокое, долгое.

— Я документы подписывала у нотариуса. Нас тут все видели! — женщина взывала к здравомыслию.

— Ма-аленькая, я всё разложи-ил, — хищника распяляла скорая добычка. — Кар-тёжник всегда всё сечёт. Москаль твой хлеб резал. Пальцы на ноже его-о!..

— И что?

— Он с России. Его искать не будут.

Она молчала. Продолжительно молчала.

— Он уезжать не собирался.

— Море большое. Он же на море приехал? — Рома нетерпеливо хихикнул, уверенный в своём хитроумном плане. — Тачка наша!

— Машина российская.

— Номера перебьют.

Иван прислушивался, ожидая, что она начнёт отговаривать мужа, защищая его, такого внимательного друга, привёзшего их сюда. Молчание сменилось новым слышимым движением, шорохом ткани.

— Давай так, лёжа, — раздался сдавленный женский шёпот.

— С-стой, как с-стоиш-шь.

— Ну, больно, больно мне так!

— Потерпи.

— Привык на ягодыцы возбуждаться! Сколько в тюрьме мальчиков перепортил?! — и она страдала этой женской привычкой: в самый неподходящий момент вывести мужчину из себя.

Густой шлепок. Падение тела.

— Ещё раз такое скажешь, — говорил Рома иным, сдержанным веским тоном, — убью.

Скрипнула половица. Наступила тишина. Никаких противоречий. Только дыхание.

Ваня думал. Он заприметил у ворот лопату, и теперь решал: сходить, взять и сходу уделать этого Рому. Или разумней спокойно выйти, открыть ворота во дворе, сесть в машину и поминай, как звали.

На воротах, с внутренней стороны, висел замок: хозяин, зная, позаботился о сохранности его машины, запер двор. Ваня постоял, кинув руки на штакетины забора, посмотрел на звёзды. Вечно его тянет влезть в какую-нибудь мусть, и зачем всё это ему надо?! Уйти, оставив машину, в баре где-нибудь посидеть до утра, вернуться и как раз узнать, чем тут всё закончится? Или разбудить хозяина: предупредить человека. Заодно ворота откроет?

— Замучил, — рядом закуривала Злата.

Лопата стояла у забора, по левую руку: ухо надо было держать начеку.

— Не выбежит тебя искать? — предупредил он девушку.

— Нет. Удовлетворение получил, теперь до утра будет храпеть.

— Зато секс с ним особенный, — провоцировал Ваня. — Вам же нравится, когда страшно? Экстремальный секс!

— На весь век, по-моему, отбил охоту ко всякому сексу.

— Ты же говорила, там, в тюрьме, это было необыкновенно!

— Там было. Там он был человек. А здесь — хуже зверя. Что ему надо: заложить стакан, кого-нибудь избить — в компанию друзей приведёшь, обязательно или обворует кого-нибудь, или изобьёт. По улице идёшь с ним, видит человека, тот по телефону звонит хорошему или деньги достал, всё, у него ноздри раздуваться начинают. И не остановишь — бесполезно останавливать.

Иван это знал: некоторым нужна тюрьма, монастырь или жизнь под секирой, чтобы они были людьми. Также иным женщинам нужны оковы, висящая на стене камча, грозящая в каждый миг пройти по спине, опасность биения камнями, строгие нравы и суровый моральный суд — иначе они себе не будут рады. А возведи рамки, устранивающие личный выбор, и отличный работник, служака — исполнитель.

Она курила, смотрела во тьму, рассказывала: освобождала душу.

Поцелуев слушал. Поражаясь тому, насколько в человеке много животной природы. Кобели в своре собак на помойке крутятся вокруг сучки: один сполз, а другой уже вскакивает! А у философского Достоевского во всех романах мужики до сумасшествия выются вокруг женщины — не на тех дрожжах, что ли? И в нём вместо должного чувства брезгливости к женщине, в которую только что сбросил свою слизь какой-то

тупоголовый бык Рома, начинало всё внутри подрагивать, звенеть. И вдыхаемый воздух наполнялся вибрацией: феромоны, батенька, феромоны!

— Он же картёжник, что он, картами не может заработать? — был по возможности спокоен Иван.

— С кем здесь играть? Одна нищета.

— Ну, не знаю. Сколько приезжих... Да и здесь богатеньких-то!..

— К ним его не допустят, — Златка вдруг резко подалась к нему, посмотрела с надеждой: — Вот если бы с тобой, на пару? Вот пошло бы?!

Он ответил изумлённым взглядом, усмехнувшись.

Усмехнулась и она, понимая.

Они замерли, глядя друг на друга.

У Ивана была великолепная реакция: некогда в заключении он зарабатывал деньги простой игрой на скорость и ловкость.

Поцелуев не успел даже шелохнуться — обнаружил себя под воротами. От удара горел висок.

Роман мог бы забить его кулаками и ногами. Но «боец без правил» стоял над ним с ножом.

— Бабло, ксиву, ключи от мотора, — теперь он был блатным.

У Вани появилась возможность подняться, он лез в один карман, вставая на колени, рылся в другом, распрямляя ногу. Отдавал, оттягивая время, что требовали. Понимал — выбора нет. Нож, при любом исходе, Рома пустит в ход. Лопата стояла, прислонённая к штакетине. Не успеть!

— Не у меня, мне не надо крови! — отец Златы влетел между ними. Он уже не боялся, был зол. — Ты знаешь, он мой гость, здесь я за него отвечаю.

— И ты знаешь. Я не проститутка, — показывал Рома нож в руке. — Не он — тогда ты.

— Тогда я, — встала перед мужем Злата.

— Отойди, уйди, дура! — завопил Рома, — завалю же!!!

— Всё равно жизни не видала.

Как же спокойна и прекрасна она была!

Ваня успел заметить, как дрогнул парень, тряся ножом, как забило в нём сомнение. Лопата поднималась долго. Описывала полукруг. Уже, казалось, за эти растянувшиеся мгновения можно двадцать раз его достать ножом, ударить. Лопата стала опускаться и... рассекла воздух. Он точно видел, что не попал. Но Рома лежал на земле. Навзничь. Пена, словно выпаренная соль, выступала вокруг рта. Стальное тело сотрясали судороги. Златка склонялась над ним. Держала плечи, раздвигала тесно сжатые челюсти.

— С ним случается, — поясняла она. — Припадки.

«Все пребывают в вымышленном мире, — склонялся помочь и Ваня. — Какие ему бои без правил?!»

Отлежавшись, Рома поехал навестить друзей. Златке позвонили на следующий день: опять требовались деньги, иначе условно-досрочному освобождению суженого придёт конец: его взяли с поличным прямо в поезде.

— Пусть сидит, — решила теперь Злата. — Мне так легче.

Она повторила один в один слова своего отца, убившего жену: «Мне так легче».

СЕРГЕЙ ДЫРИН

ПОДАРОК

рассказ

Николай Степанович был крепкий старик лет семидесяти, с белыми, как молоко, волосами, сутулый, с худыми жилистыми руками. Жил он в добротном пятистеннике, который сам построил после войны, со своей женой, бабушкой Настасьей, маленькой, сухонькой, но ещё не очень седой старухой. Летом лицо и руки бабушки Настасьи обгорали на солнце, поэтому старуха старалась сидеть дома.

Дети их уже давно имели свои семьи и жили отдельно. Старики чувствовали себя в большой избе неуютно, и частенько, когда пили чай, старуха вздыхала: «А ведь какая семья была...» Старик при этих словах тоже вздыхал и говорил: «Что ж, не век детям при родителях-то жить...», а когда был не в духе, молчал.

Детей у стариков было четверо. Дочь Мария жила в их же деревне и работала продавцом в сельмаге. Она была в деревне человеком авторитетным, чем старики очень гордились. Сын Василий жил в райцентре, в пяти километрах от деревни и работал шофёром в автохозяйстве или, как говорил старик, в автороте и часто приезжал к родителям. Жили они на виду у стариков и те за них уже не беспокоились. Средняя дочь Валя после института уехала на Кавказ и вышла там замуж за кабардинца. Старик часто повторял его национальность, но слово было длинное и непривычное, и старуха его так и не запомнила. Да ей это было и не нужно: она знала, что зять мужик непьющий, работающий и Валентину очень любит. Младшая дочь Галина пять лет назад вышла замуж за художника и уехала на Украину, в далёкий город Ужгород, о котором старуха прежде и не слышала. Старик же с гордостью любил повторять, что он воевал в тех местах. Приезжали они редко, и об их жизни старики узнавали только по письмам. Николай Степанович до пенсии работал счетоводом в колхозе и считался среди стариков очень грамотным. Он выписывал газету «Красная звезда» и часто разговаривал с приезжавшим сыном Николаем о неведомой старухе политике.

Старуха же ни читать, ни писать не умела и только, когда приходило письмо, смотрела на него и говорила ласково: «Валина рука...» Когда почтальонка приносила письмо, она звала мужа, а если старик уходил в этот день в лес или ещё куда, бежала в сельмаг к дочери Марии. Старик в таких случаях обижался, что прочитали без него. Но виду не показывал, а степенно доставал очки из кожаного футляра, садился на табурет и начинал читать вслух. Бабушка Настасья сидела рядом и радовалась, что слушает второй раз. Прочитав письмо, старик тут же садился писать ответ, который тоже читал для старухи.

Писали дочери часто, но бывало, что и задерживались с ответом. В такое время бабушка Настасья охала и сокрушалась: «не случилось ли чего...» Старик сердился на

неё и говорил: «ничего у них не случилось, не пишут некогда, значит». Но сердился он, похоже, для виду, потому что и сам в такие дни долго ворочался в постели и тоже вздыхал.

Недавно младшая дочь Галина написала, что приедет в гости с мужем Степаном и сыном Максимкой, и поэтому в тот день старик пошёл их встречать на автобусную остановку. Но они не приехали, и поэтому, когда на следующий день старик снова стал собираться, бабка Настасья отговорила его, сказав, что мимо избы они всё равно, дескать, не пройдут. Галина с мужем приехали только через два дня с большими чемоданами и сумками. Когда старики перецеловали Галину, зятя Степана и большеголовного внучонка Максимку, Степан, высоченный украинец с вислыми усами, прогрохотал:

— А то, мамо, подарок вам от нас.

Он взял коробку и вынул оттуда блестящий самовар. Старики стали его рассматривать, а дочь Галина сказала, что углей для этого самовара не нужно, а работает он на электричестве.

Потом, когда пришли сын Василий и дочь Мария со своими семьями, Галина научила мать включать самовар. Все сидели за столом, Галина не по-здешнему смешно растягивая и округляя слова, расспрашивала о родне и подружках, а Максимка, вволю помучив кота, тихонько выбежал на улицу. Мать видела в окно, как он уже рассуждает о чём-то с местными сверстниками. Вскоре с улицы донёсся дружный рёв, а вскоре прибежал запыхавшийся Максимка. В ответ на строгий вопрос матери он хитро улыбался и прошептал ей на ухо: «мамо, я их побил...»

Однако конспирация его не помогла, мать тут же разгласила это известие и начала его ругать, угрожая неминуемой карой со стороны обиженных. А старик, уже довольно весёлый от привезённой зятем горилки, смеялся и говорил зятю:

— Бойкий парень растёт, да и не в кого тихим-то быть, мы, Андриановы, все бойки, да и ты мужик крепкий, хороший парень растёт, не даст себя в обиду.

Погостив несколько дней, дочь с зятем уехали, и старики снова остались одни. По вечерам они пили чай, и бабка Настасья хвалилась соседкам зятевым подарком. Старухи-соседки оглядывали самовар, удивлялись: «чего не придумают!» Но тут же с мстительной завистью спрашивали: «А не хуже чай-то в таком самоваре?»

Бабка Настасья шумно возмущалась и усаживала их пить чай. Выпив по чашке, старухи делали заключение, что чай получается такой же, а вскипятить его легче. Старики торжествовали.

В тот день бабка Настасья пошла на речку полоскать белье, а старик остался дома. Он прочитал газету «Красная звезда», немного потолкался без дела по избе, а потом включил самовар и вышел во двор. Когда вернулся, в избе сильно пахло палёным, а от самовара поднимался бурый дымок. Старик выдернул шнур из розетки и открыл крышку — воды в самоваре не было: то ли выкипела, то ли не было вовсе, а он по-стариковски забыл посмотреть. Тут он вспомнил строгий наказ зятя не включать самовар без воды, а то он сгорит. «Ах, батюшки, — подумал старик, — сгорел ведь самовар-то, беда-то какая...» В панике он принёс зачем-то воды, вылил её в горячий самовар, она закипела и обдала его паром. «Горе-то какое, а Настасья не знает...» — мелькнула мысль.

Бабка Настасья уже кончала полоскать, когда прибежал старик.

— Чего это ты? — удивлённо и встревожено спросила она.

Старик запыхался от быстрой ходьбы, лицо у него было растерянное и виноватое.

— Мать, самовар ведь у нас сгорел...

Губы у старухи чуть дрогнули, она поправила рукой платок и тихо сказала:

— Ну, тык что ж теперь сделашь...

Она выжала последнюю тряпку и бросила её в таз. Старик взял его, хотя носить таз с бельём в деревне мужику считалось зазорно, и они тихонько пошли домой.

ОБИДА

рассказ

Федьке Ершову шёл семнадцатый год, и он учился в девятом классе. Отец его, низенький, коренастый мужик с жидкими волосами и широким сморщенным лицом уже лет двадцать работал лесничим и жил в лесу. Федька был похож на отца: тоже низенький, светловолосый и широколицый.

Учился Федька в соседней деревне километрах в трёх от дома. Он часто не оставался в интернате, а приходил домой, не боясь волков и буранов. Сейчас у него были зимние каникулы, и он всё время жил дома. Лес Федька знал и никогда его не боялся. Выросший в лесу, Федька дичился людей и обижался на насмешки одноклассников, часто вспыхивая до бешенства. Одноклассники его побаивались, поэтому друзей у Федьки не было. Отец в последнее время всё чаще уезжал в деревню и возвращался оттуда пьяный. Приезжая домой, он буянил и страшно ругался, а когда протрезвлялся, то вечно ворчал и жаловался на жизнь. Федька держался от отца подальше и никогда с ним без дела не разговаривал. Мать у Федьки была тихой и молчаливой, и он рано научился на неё кричать, как отец, и часто с ней ругался. Поэтому лучше всего он чувствовал себя в лесу, где никого не было.

Зимой он целыми днями ходил по лесу на широких охотничьих лыжах, а когда отец купил снегоход, часто катался на нём. Дома у отца было несколько ружей, и лет с четырнадцати Федька мог брать любые из них без спроса. Был у них и военный карабин, который где-то тайком достал отец. Федьке карабин очень нравился, но отец боялся, что его кто-нибудь увидит, и Федька брал его редко.

В тот день Федька сидел на снегоходе у края оврага и курил. Курить он научился ещё два года назад. Вдоль оврага проходил лыжный след, и по нему навстречу Федьке шли незнакомый высокий парень в чёрном спортивном свитере и синей шапочке и красивая стройная девчонка в оранжевой куртке. Сказать по правде, Федьке понравились и этот высокий парень, и особенно эта городская девчонка с румяными от мороза щеками и длинными ресницами. Но он не уважал и не мог уважать их лёгкой одежды, их узеньких городских лыж на ботинках, бесполезных там, где нет протоптанной лыжни, их неуверенную походку. Он не мог уважать этих чужих для леса людей, он не понимал, зачем они сюда пришли, что им здесь надо. Это его лес!

Когда они проходили мимо, парень смутился от откровенно презрительного Федькиного взгляда (при этом Федька ещё и смачно сплюнул), осмотрел его замасленный ватник и драную шапку, а немного отойдя, сказал нарочно громко:

— Ты посмотри, Наташа, лапотная деревенщина к технике приучается. Так сказать, стирание граней...

Секунду Федька соображал, что это сказали про него, а когда понял, бешено сузил глаза, рванул газ и направил снегоход на парня. Парень и девушка ошалело попрыгали в овраг и забарахтались там, а Федька развернул снегоход на полном ходу, и, подняв облако снежной пыли, умчался прочь. Он чувствовал, как помутнели вокруг деревья и снег, уже начало темнеть, а у него в глазах всё стояло крепкоскулое лицо того парня и его насмешка.

Дома Фёдка накричал на мать, отказался от ужина и лёг спать голодным. Проснувшись утром, он сразу вспомнил всё, что случилось вчера, и пожалел, что не было ружья.

Прощать Фёдка не умел.

Мать, увидев, что он с утра уже оделся и возится со снегоходом, проворчала:

— Куды опять настпропалился, ирод? Вон мужик-то говорил по радиову, метель, грит, будет в Среднем Поволжье, а ну как мотор заглохнет, загинешь в лесу-то...

Фёдка промолчал и только сверкнул на неё своими злыми волчьими глазами. Мать боялась этих глаз и никогда не решалась в них взглянуть.

Три дня мотался Фёдка по лесу, надеясь встретить своего обидчика. Он кружил около деревни, но туда не въезжал. Фёдка знал, что там, среди людей парень оказался бы сильнее его, а в лесу среди занесённых снегом деревьев Фёдка чувствовал себя уверенно. И чем дальше он был в лесу, тем упрямее сжимались его губы, и дикая испепеляющая разум злорада сменялась холодной уверенностью, что он найдёт того парня в чёрном свитере и посмеётся над ним.

Он встретил их на четвёртый день, когда вышел на опушку на охотничьих лыжах с карабином за спиной. Были они ещё довольно далеко, но он сразу узнал чёрный свитер и оранжевую куртку. Шли они на лыжах, и Фёдка быстро сообразил, что ему нужно делать. Лыжня, по которой шли парень с девушкой, вела к озеру, окружённому со всех сторон густым молодым сосняком, и через пятнадцать минут Фёдка уже лежал в сосняке, сняв лыжи, и ждал. Лыжня выходила из сосняка, проходила через всё озеро и снова скрывалась в лесу. Фёдка лежал метрах в ста пятидесяти от неё. Снаружи его абсолютно не было видно, закрывали густые сосновые ветки.

Парень появился первым, они вышли из леса и пошли по озеру. Когда они проходили мимо него, Фёдка злорадно ухмыльнулся, снял карабин, дёрнул затвор и выстрелил метрах в пяти перед парнем. Выстрел у карабина хлёткий, пуля, если выстрелить вдоль земли, идёт с противным свистом, поднимая снежные фонтанчики. Парочка вздрогнула и остановилась, пытаясь что-то понять. Фёдка выстрелил ещё раз уже метрах в двух перед парнем. Он видел, как побелели и перекошились от страха их лица. Разворачиваться и бежать обратно им было некогда, и выход у них был только один: свернуть с лыжни и бежать по глубокому снегу к берегу, против которого лежал Фёдка, чтобы скрыться там среди сосняка. До берега было метров десять, не больше. И когда после третьего выстрела они свернули с лыжни и неуклюже побежали по рыхлому снегу, Фёдка ещё раз ухмыльнулся, теперь уже удовлетворённо и уже собрался было подняться, чтобы идти домой. Но тут он заметил, что парень не только не прикрывает собой девчонку, пропустив её вперёд, как на его месте сделал бы он, Фёдка, а идёт с ней вровень и даже немного обгоняет её. Фёдке вдруг стало страшно обидно за красивую девчонку, которую не могут защитить. Туманящая разум злорада, как и в тот день, проггла его насквозь. Фёдка прицелился в чёрное пятно свитера и нажал курок.

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

ЛЮБВИ СВЕЧЕНЬЕ ЗОЛОТОЕ

* * *

Дешёвые духи.
Дешёвый самогон.
Животный жар души,
Умноженный на лето.
Простые облака
Плывут со всех сторон,
Их нечем причесать,
Как гриву у поэта.

Сижу себе в глуши
Да трубочку курю.
В моей Книге судеб
Уже не все страницы.
Кто на сигарки рвал,
Того я не виню.
А то, что я свиреп, —
Об этом врут девицы.

Заблудшая оса
Присела на листок.
Не этого боюсь,
Что вытопчет глаголы.
А просто, всяк сверчок
Обязан знать шесток.
Оса должна летать,
Должны скакать монголы.

Что должен делать я?
Россию прославлять.
Россию прославлять
Её холмы и доли.

Что должен делать я?
 Россию защищать
 От пушек и ракет –
 Скачите к нам, монголы.

* * *

*Какие красивые дети...
 Анатолий Передреев*

Какие красивые дети!
 Они и должны быть такими.
 Они убегают в поэты
 И слава витает над ними.

И смотрит Господь Милосердный
 Под сводами русского храма.
 Где бич Божий – колокол медный,
 Защита ребёнку от Хама.

Всё правда... Но Дух Отрицания
 Выходит уже на дорогу:
 – Купите Иуды лобзания –
 Людскому нужны они роду.

Купите, купите, купите!
 А не на что – душу продайте...
 Вот Зло мировое – смотрите,
 И то, что не знаете – знайте.

* * *

Время выпало внуку поэта родиться,
 Невзирая на строй, на политику, лица...

Первый день, а он что-то мудрит о своём.
 Мы в губастике этом себя узнаём!

Прокричал на весь мир, на секунду забылся,
 Потому что не верилось – взял и родился?

Грудь терзая у матери ангельским ртом,
 Он не знает, что будет – сейчас, я – потом.

Внуку я отдаю города и деревни,
 И великий язык – в мире есть ли напевней?

И от моря до моря людей океан.
 И рассвет, и закат, и зенит, и туман.

И космический атом, затерянный в штольнях.
Шашку в ножнах, посева пшеничные — в зёрнах.

Ум и разум с талантом, чтоб дыры латать
У Державы, которую будут кусать.

Но врагов я пока оставляю себе,
Ведь не зря же у деда разряд по борьбе.

* * *

Рощи выбежали к насыпи
Рельс послушать перезвон.
Словно золотые россыпи
Света — с четырёх сторон.

Ранней осени ущербность
Красит листья в жёлтый цвет.
«Эту чахленькую местность»
Русский описал поэт.

Сколько бы его другие
Не пытались обогнать.
Их цветочки полевые
Будут за ноги держать.

ВНУКУ ИГОРЁШЕ

Не обижайте малышей,
Они воркуют, словно птицы.
Их ангелоподобны лица
В лучах цветных карандашей.

Откроет небо створ зари,
Тепло, просыпав из авоськи.
Слова взлетят, как снегири,
От лая беззаботной моськи.

Не обижайте Игорька
За то, что Игорьку не спится.
Уж колесом без ободка
Светило катится на спицах.

Он ещё дитяtko, дитя.
Любви сеченье золотое.
Он отвечает вам, шутя,
На замечание любое.

Ну, а пока он слишком мал –
Хотя растёт невероятно!
Но как непостижим Байкал –
Речь ангелов нам непонятна.

ЛЕСОПИЛКА

Целовались мы за лесопилкой
В прошлом веке на закате дня.
Твоя шея с тоненькою жилкой
Безрассудным сделала меня.

А потом мы воду из колодца
Пили, оглушённо хохоча!
В прошлом веке догорало солнце
С треском, как бенгальская свеча.

Если б я тебя любил, к примеру,
Сразу б потускнели наши дни.
Не вздыхай – я женщинам не верю,
Потому что женщины они.

ПОПУТЧИЦА

Из купе, как из палаты,
Вышла, очи накреняя.
Как на мужа в день зарплаты,
Посмотрела на меня.

Пусть ножонки худоваты,
Хрупок зад и рот широк,
Грудь и волосы из ваты,
И умишка с ногтей.

Из одежды – только шорты
С абажурной бахромой,
Слабый родничок аорты
Освежает сердце в зной.

Здрасьте, остренькие плечи
И колени, как ножи,
Может, жить мне станет легче
Под блестящим солнцем лжи.

ДЕРЕВНЯ

Заросла лопухом и крапивой,
Не найти ни окон, ни дверей.

Замутились нечистою силой
Озерки, где таскал карасей.

То, что брошено – не безобразно.
Значит, я этот вид заслужил.
Потому что бездумно и праздно
Я отцовскую жизнь доносил.

Покаянная ночь бесконечная,
За свечой догорает свеча...
Лишь поэзия – стерва сердечная,
Из-за левого смотрит плеча.

ЖЕНСКИЙ СОН

Люблю смотреть на женские тела,
А баб природа-мать не подвела!

Где дышит под мужской рукой глубоко
Бегущая меж двух грудей дорога.

Смотри, по склону женского холма
В тартарары стекает вся молва.

Почти не помня слов, прошепчут губы;
– Одних любовь хранит – других погубит!

Откуда этот дар любви берётся?
Но вот заря, и в самом центре – солнце!

Проснулась женщина и вот уже поёт,
Подставив поцелуям сладкий рот.

* * *

Задела, как бы невзначай,
В потоке мутного вокзала,
Сказала: «Здравствуй и прощай!»
И в междометиях пропала.

Я сразу тот узнал вокзал,
Как пульс на собственном запястье,
И посреди вокзала встал,
Как вкопанный по уши в счастье.

В душе виденье пронеслось,
Сквозь жар и запах сеновала,
Сердца захлёбывались врозь,
Луна лучами трепыхала.

Я ничего не говорил,
Ты ничего не говорила,
Я никого не разлюбил,
Ты никого не разлюбила.

МОЛОДИЛЬНЫЕ ЯБЛОКИ

По России бреду,
В облаках, как кораблики,
В монастырском саду –
Молодильные яблоки.

А вокруг купола:
Родина безответная,
Ты меня не ждала...
Ах ты, деточка бедная!

Как монетку на зуб,
Плод попробую пресный.
Среди тысячи труб
Глас услышу небесный.

А ведь дума была –
В келье скрыться навеки,
Но куснул, – убыла
Эта страсть в человеке.

Не печаль, не тоска, –
Тёплый ветер равнины,
Прошумит от виска
До небесной Пустыни.

Там ведь тоже сады.
На заре у криницы
Там мне встретишься ты,
Где не пуганы птицы.

Да не село ещё
Солнце, куполом брезжит.
Тот, кто знает про всё,
На земле нас задержит.

Справедливый, как жизнь,
Поступая, как надо,
Бросит яблоко вниз
Из Господнего сада.

МОСТ

На мосту стоял с тобой
И смотрел на воду.
Так бы мог стоять любой
В тёплую погоду.

А сегодня ветер дул,
Вверх волну бросая...
Я тебя к себе пригнул,
Как бы защищая.

С той поры, как ты да я...
Минула неделя.
Мимо скачет по делам
На печи Емеля.

Он кричит: – Что, подвезти?
Вы уж посинели!
– Ты меня не отпусти...
Шепчешь еле-еле.

Я затылок почешу,
Торопясь с ответом:
– Я тебя не отпущу
Ни зимой, ни летом.

Пролетело тридцать лет
И ещё три года.
Почему от слова «Нет»
Портится погода?

* * *

Сердце радостно забилося
В тесной клетке костяной.
Будто бы освободилось
Вместе из тюрьмы со мной.

Пульс наполнен. Слава Богу!
Есть волнение крови.
Молодцу пора в дорогу,
Чтоб погибнуть от любви.

КАЧЕЛИ

Качели нашей юности взлетели,
Чтоб в небесах остаться навсегда.

И мы с тобой не то чтоб не успели,
А просто не пришла ещё пора.

Но память возвращается, качаясь,
Как маятник, летящий мимо глаз.
Я каждый раз за свет любви цепляюсь
И вслед смотрю, и думаю о нас.

* * *

Говори со мной попроще,
По-простому говори,
Словно птицы в дальней роще,
Задыхаясь от любви.

Словно матушка с младенцем,
Медсестра со стариком,
Говори, как если б с сердцем
Говорила ты тайком.

Мне ведь лишнего не надо,
Пусть по-русски льётся речь,
Словно ручеёк вдоль сада,
Сада райского сиречь.

ЛЕТО

На улице гора, а за горой
Откроется равнины панорама.
Летит река подковой голубой,
Даже стрела и та летит не прямо.

А дальше поле, а за полем – лес,
А за лесами снова даль без края.
Не помню, с бабы или с печки слез,
Невыносимо мышцами играя.

Отринул двери, обломал крыльцо
И со всего разлёта прыгнул в реку.
Из носа лодки вырвалось кольцо,
Когда она рванулась к человеку.

Я вышел и столкнулся с лопухом,
Упал на холм – на солнышке погреться.
В окошко кто-то женским кулачком
Стучит, стучит, как между ребёр сердце.

ПОСТОЯНСТВО

Я в юности, одну тебя ценя,
Спросил: «Согласна, выйти за меня?..»
А ты в ответ, весёлая такая,
Всё хохотала, зубками сверкая.

Прошло полвека. У твоих ворот
Я вновь спросил, бельмом в глазу сверкая,
А ты в ответ, весёлая такая,
Хохочешь, распахнув беззубый рот.

ОДИНОЧЕСТВО

Последние сожгу дрова
И чайник вскипячу.
Последние скажу слова
И потушу свечу.

Я должен быть один, как перст,
Чтоб слышать Божий Глас!
Когда горит огонь сердец –
Не отвлекайте нас.

Последние сожгу дрова,
Дверь за собой запру.
Мы ночью постучались в рай
И разошлись... к утру.

РАЗЛУКА

Вот и вымолвил несколько слов,
Вот и вся запоздалая плата,
Лёгкой верой гонима куда-то,
Ты становишься меньше зрачков.

Пусть мой ангел тебя сохранит
В небесах, на воде и на суше,
Воздух, что из-под крыльев свистит,
Может быть, твои слезы осушит.

ЛЮБОВЬ

Любовь – опасное занятие,
Когда змеёй сползает платье,
Являя пару стройных ног.
И тёмных, в то же время светел,
С седьмых небес слетевший ветер,
И яко уголь – любовный слог.

Опомнись! – но глуха природа,
Мы стали кладкой небосвода,
Плывёт косметика с лица...
Твои глаза полужакрыты,
Друг к другу мы с тобой прибиты
Тяжёлым молотом Творца!

Качнулся лепесток в Эдеме,
Цифирь сменилась в теореме,
Пронзил Отчизну женский крик...
И я открыл глаза... и вздрогнул!
И вновь закрыл, и не отторгнул
Обезображенный твой лик.

* * *

Не таи вселенскую печаль,
Не мути очей слезой невольной,
Знаю, что терять друг друга жаль,
Но зорить чужие гнёзда больно!

Потому-то Бог меня простит
И укроет русская долина,
Но душа, как осенью рябина,
Заживо у ног твоих сгорит.

ВАСИЛИЙ ДВОРЦОВ

БАЯН-БУЯН ПЕРМЯЦКИЙ

мысли по поводу творчества Игоря Тюленева

Кто сегодня из живущих русской литературой не знает поэта-пермяка Игоря Тюленева? Все знают. И не просто знают, но и в обязательном к нему отношении — либо любят, либо терпеть не могут. Это отношение не зависит ни от расстояния до объекта отношений, ни от долготы знакомства, ни от плотности общения с ним. Потому что это отношение не к конкретному человеку, а к общественному явлению. Или даже природному. Зевсопододобный внешне, Игорь и внутренне громокипящий, бурлящий бражным восторгом живой плоти. Потому даже в свои лунеседы шестьдесят он моложав, и, кажется, что останется таковым ещё на шестьдесят, ибо такую бродящую и бродячую натуру нельзя помещать в меха ветхие.

Я живу, как страна наугад.
И не ведаю слово — запрет.
Достоевским я не ужат,
А разобран, как велосипед.

Вправо катится колесо,
Как отеческий алфавит...
Слева сердце — ему хорошо!
В богатырской груди лежит.

Ну, а ежели лук смастерить,
А потом натянуть тетиву?
Можно в небо глагол запустить,
Рукавицу иль булаву.

С неба сыплется виноград,
Значит, в куцах райский обед.
Ставит свечку Тюленев-брат!
Смотрит в небо Тюленев-поэт!

Эта вот неразделимость брата-поэта, как буюна-баяна в русской неужатости — когда человек не точно знает, то ли ему свечку поставить, то ли запустить в небо рукавицей — а как настрой пойдёт! — зачастую мешают рассматривать Игоря Тюленева

именно как поэта, как стихотворца. Так точно невозможно читать Дениса Давыдова без — от одного только имени всплывающего перед глазами портрета склонного к полноте усатого гусара в белых лосинах и при сабле. Вот и Игорь своей мажорностью в причёске, в национально-гражданском и поэтическом патриотизме равно впечатляющ, что и мешает читать его книги «вслепую», читая только «что» и «как», без примешательства личности автора.

Я, как солдат, побрился шилом.
На мне тельняшка, как броня.
Свет током пробежал по жилам
В просторы русские маня.

И я пошёл за ним по миру,
Взял ускользящую нить...
Сорвал с музейной полки лиру,
Чтоб женщин с песнями любить!

Сначала был для всех хороший.
Потом я стал для всех плохой!
С такой-то знаменитой ношей?
С такой-то лирой, Боже мой!..

Может ли такой человек не вторгаться в самую гущу событий, пропускать мимо себя бури, пожары, бунты и наводнения, может ли проспять энтузиазм БАМа, распад СССР, расстрел Парламента, сдачу Русского Кавказа или расползание гельмановской мерзости? Говорить в лицо, говорить во весь голос о том, что восхищает или корбит, что, по его искреннему убеждению, навсегда хорошо или навсегда плохо — кредо Тюленева, и потому его либо любят, либо не терпят. А ему комфортно в этом предельно контрастном мире, да по-другому он просто и не смог бы двигаться по жизни, он просто ослеп бы в переливах полутонов и рефлексов, увяз-утонул бы в податливости, в несопротивляемости материала. Ведь «...я рос в тайге, а там тайга-закон! И если ты слабак, то могут слопать». И потому:

Потому что мне стыдно за сирых и бедных,
За доверчивых, чистых, наивных, простых.
Не сдаётся поэт, он обязан быть вредным.
Костылём в глотку дурня вбивать русский стих!

Таков он, вредный пермяк Игорь Тюленев, что мимо не пройдёшь, не забудешь — «Нам Кама вместо Иордана». Однако же, а не есть ли в этой неразбираемости баяна и буяна некая искусность, некая игра? Конечно! Только игра эта чистосердечная. Ему нравится нравиться, иначе не стал бы поэтом. Да, может быть, слишком мажорным, слишком размашистым, много внешним. Но кто знает с Игорем достаточное количество лет, тому нетрудно перейти эту буйность, преодолеть внешнюю бравадность, чтобы разглядеть истинную природу его творчества. И любому опыту подсказывает: под звонкой кимвальной брутальностью всегда прячется некогда кем-то или чем-то пораненная нежность. Шишкастая царапающая корка панциря — оболочка, под которой смертная незащищённость.

Какой сегодня в окнах звездопад!
Сбежим от домочадцев на веранду?
Ты видишь, тучка миллион наград
С груди срывает космоса-гиганта!

Набросим плед и в креслах поплывём,
Качаясь в самом центре мироздания...
Мы никуда отсюда не уйдём,
Божественное чувствуя дыханье.

И где тут гусар, склонный к полноте и при сабле? А далее и совсем небоевого-небуянное, внуку:

Не обижайте малышей,
Они воркуют, словно птицы.
Их ангелоподобны лица
В лучах цветных карандашей.

Туленевская замajorная тайна — его раннее сиротство. *Мать, мама, матушка моя...*

... Под сенью русского креста
Навеки скованы уста.
Ты не прочтёшь моё посланье,
Я не услышу голос твой,
Ушла ты в землю молодой,
Оставив небесам рыданье.

Слишком рано Игорю пришлось осознавать свою крайность в роде. Рано пришлось отстаивать себя, отстаивать своих, отстаивать собой. Тут-то и стали потребны упёртость и нахрапистость, отсюда появился прячущий слезинку вызывающий сощур, и быстрее мысли кулак.

В родительском доме
Не жить мне и дня.
В родительском доме
Чужая родня.
Чужие портреты
Висят на стене.
Чужие заветы
Бормочут во сне.
Чужие с чужими
Твердят о чужом.
И страшно мне с ними
Быть в доме своём.

Страшно — слово-ключ. Да как же было мальчишке в противоестественной его незащищённости не загреметь, не загромыхать, не завредничать? Да что б ни у кого из *чужих* и мысли не мелькнуло, что ему *страшно*. Зато много позже, когда уже вся Россия оказалась родительским домом, заполненным чужими заветами, когда сиро-

тами осознали себя все по-русски *доверчивые, чистые, наивные, простые*, когда наступило *вселенское сиротство*, и, ох, поплыли по русской литературе сладострастные плачи и причитания, засуетились старческие истерики, затряслись немощные проклятия и обиды. Пропало, всё как-то разом пропало: и деревня, и космос, да и сама русская литература кончилась...

Вот тут-то он, имеющий страшный недетско-детский опыт стояния на своём буян, а теперь известный русский баян, он, Игорь Тюленев, встал на своё, Богом ему уготованное место. Встал, навсегда молодежавый в бурлящей таёжно-пермьяцкой неужаitosti, в судьбой выстраданном праве быть слишком мажорным, слишком размашистым, много внешним:

Молчанье золото,
Да не могу молчать.
Привык рубить сплеча
И обличать.

Покуда меток глаз
И твёрд хребёт,
Бью без разбора,
А летящих — влёт.

Ведь эти твари
Тоже не молчат.
На перекрёстках мировых
Кричат.

На Родину любимую
Рычат.
Срезаю их,
Как шляпки у опят.

Какой уж есть,
И никакой другой.
Дружи, не хочешь —
Не дружи со мной.

Я всё сказал,
И мой глагол — кремень!
Как в тьме кромешной
Новый русский День.

ЮРИЙ КУЧУМОВ

ПЕСНЯ БЕЗ МОТИВА

ИЗ ДЕТСТВА

Плыл томительный август, варили варенье,
всей семьёю ходили в кино —
это лето девятое от исчисления
рождества моего.

Это коврик у койки цветастый, тряпичный
и рубахи пузырь за спиной.
Это сбор на помойке коробочек спичечных
под азартные крики — «Чур, мой!»

Это наши следы во саду-огороде,
это бабушкин зонт-парашют.
И пожизненный принцип, присущий природе,
что лежачего просто не бьют.

Пустячки в череде судьбоносных событий,
отчего же в себе я несу:
как мне парили пятки и цыпки в корыте,
как варили варенье в тазу?

Что казалось мне главным — навек забывалось.
Загляжусь в своё детство, а там —
на крылечке с котёнком сидит, забавляясь,
в синей майке худой мальчуган.

ЭЛЕГИЯ

Выйду в вечер иной побродить в снегопад,
посмотрю на закат, растворённый
за дымкою белой.

Мне привидится вновь этот вымерший сад,
этот дом нежилой с невысокой
трубой индевелой.

Мне припомнится наш скоротечный побег
от привычных вещей, а по сути постылых.
Как преступный наш след лёг
на искристый снег
этих зимних садов и строений унылых.

Как на плечи твои развилась золотая коса,
как в продымлённой комнатке
холодало к рассвету,
как железное время примёрзло
на наших часах,
нас с тобой исключив из живущих
на этой планете.

Вот и всё. Докурю, не отыщет мой взгляд:
ни тропы, ни огня, ничего над землёю —
третьи сутки подряд снегопад, снегопад...
Он, конечно же, всё растворит и укроет.

* * *

Провожу тебя с рассветом,
ждать и помнить обещаю.
Горечь первой сигареты,
горечь утреннего чая.

Этот горький утра привкус...
Настроение — нулевое.
Я, наверное, привыкну
видеть небо дождевое.

Я, наверное, забуду
ветреность твою и милость —

как роняла ты посуду
и ревела: «Не разбилась».

Не гадаю на ромашках,
да храню, что приживётся:
например вот эту чашку,
что никак не разобьётся.

* * *

В твоих словах хрустит ледок —
какое чудо он в июле...
Рассматриваю потолок,
раскачиваюсь я на стуле.

Согреть тебя, расцеловать?
Да снежных женщин не целую.
Случалось всяко зимовать,
в июле, что ж, перезимую.

А дочка скачет за мячом,
звонит потешница-игруля.
Ах, как на солнышке печёт,
в конце июля!

* * *

Не искупит тоски, не утешит
в час полночный слепое окно.
Где внезапною вьюгой кромешной
половину земли замело.

Вот такие вселенские прятки —
будто жизнь в эту ночь утекла...
Даже лба, даже губ твоих жарких
не остудит бесстрастность стекла.

Обречённость в полоске карниза
не укроют снежинок штрихи.
Так уходят внезапно из жизни.
Так пожизненно пишут стихи.

* * *

Как пёс, безлунными ночами
я сон твой чуткий стерегу.

Жене Вале

Я, как тропинка под ногами,
всё за тобой бегу, бегу.

Скольжу подаль волчьей тенью,
стелюсь травой у быстрых ног.
И даже падаю ступенью,
чтоб ты шагнула на порог.

Я — суть твоих вещей и мыслей,
и лёд, и пламень, и вода,
твои заоблачные выси,
твои блуждания в никуда.

Что движет судьбы и светила?
Те муки вечного огня —
в сонетах бедного Шекспира
и здесь, под сердцем у меня.

ПОХМЕЛЬНОЕ

На последнем усиллии воли,
спотыкаясь и пряча лицо,
я вползу, как израненный воин,
на твоё золотое крыльцо.

За морями, где долгие зимы,
Боже мой, как я там уцелел,
десять дней я сражался со змием,
ты прости меня — не одолел.

Ты прости, что не добыл я славы,
что напрасно ходил за моря,
золотая моя забава,
легкокрылая птица моя.

Разве можно уйти от птицы?
Где б ты ни был — она с тобой.
За морями играют зарницы —
там идёт нескончаемый бой...

* * *

Сумрачный странник в ботиках старых.
Шляпа нависла зонтом.
Руки в карманах, будто в подвалах,
в этом на вырост пальто.

В этих карманах службою быта —
мыла обмылок, огромный платок.

Детям его, что давно позабыты,
не целовать его щёк.

Он затерялся в этих просторах,
будто пропал на войне.
В улицах города, как в коридорах,
стёрся в густой толчее.

Стёрлись давно уже звуки и лица —
их ни к чему вспоминать.
Он не больной, но бредёт он в больницу,
будет он там умирать.

Съест на дорогу он манную кашу,
да изготовится весь...
Вот и не больно, вот и не страшно.
Вот он уже и не здесь.

АНДРЮША

Тут сыт и обут, а битьё — для порядка.
Тут дяденька-мальчик живёт.
Он хочет понравиться всем санитаркам,
поэтому громко поёт.

Мотива, жаль, нет в его радостной песне.
И слов он ещё не сложил.
Но это не важно, когда ты известен,
когда ты уже старожил.

Его донимают лет сорок вопросом —
«Андрюшенька, сколько нам лет?»
Ему это в радость, ему это просто —
покажет три пальца в ответ.

И радостно няням, и ржут санитары:
«Ну, ты распотешить — горазд!»
Он ждёт не дождётся, когда придёт мама
за долгое детство хоть раз.

Часами дежурит у выхода-входа,
чужие гостинцы жуёт.
И три своих верных пожизненных года
он долго-предолго живёт.

ПРАВИЛА ИГРЫ

Памяти Геннадия Капранова

Как будто выключили свет —
жестокость это или жалость?
Здесь только что стоял поэт!
Вот — и тепло ещё осталось.

Что поманило, увлекло
и провело его меж нами?
То мимолётное тепло
не вытянет и сквозняками.

Как в «жмурках» — шарю наугад...
Тепло, тепло, ещё теплее.
Я и обману буду рад!
А мне кричат: «Правей! Правее!»

В плену у правил той игры
со мной играют злые дети —
да, да, конечно, вы правы,
его давно уж нет на свете.

В какие выси унесло
его дыхание, дуновение?
А в доме и зимой тепло
от парового отопления.

УТРО НА РЕКЕ МЕДВЕДИЦЕ

Рассветные сумерки эти
к всплескам речным чутки...
Разве прожить мне на свете
без этой степной реки?

Час наступил в природе
меркнуть последней звезде.
Белая рыбица ходит
молнией в чёрной воде.

Река шевелится зверем,
рокошет далёкий гром,
Медведица рваный берег
зализывает языком.

Тишь. Обложил станицу
сирени окрестной дурман.
Чёрная ночь-кобылица
пьёт предрассветный туман.

Покуда ещё не выплыл
солнца малиновый чёлн,
струится из тёплого вымени
Медведицы белый сон.

ЗИМА НА РЕКЕ МЕДВЕДИЦЕ

Три дня мороз трещал, метели вили пряжу,
и лежебока-степь теперь белым-бела.
И нет реки, лишь берега укажут –
откуда и куда она вчера текла.

Почти не бьётся пульс воды оледенелой,
Медведица-река плывёт себе ко сну.
И грузные сомы лежат оцепенело,
прибившись к топлякам,
как брёвнышко к бревну.

В берлоге ледяной ворочаясь неспешно,
ни зазвенеть ручьём, ни путника зазвать...
Кикиморам твоим и водяным, и лешим,
хоть впроголодь, но всё ж не внове зимовать.

В лесах твоих пустых – лишь паутина смерти,
чарующие сны, и не поднять уж век...
Так мало жизни здесь – зима на белом
свете:
и птица не поёт, и смертен человек.

ЗВАНАЯ ГОСТЬЯ

ДИАНА КАН

НА СКОРБНОМ СТЫКЕ

* * *

Событий смутных нам темно значенье,
Но Судный день грядёт:
Исполнится библейское реченье,
И гада гад пожрёт.

И, не суля безоблачного рая,
К нам, наконец,
Овец от злобных козлиц отделяя,
Придёт Творец.

Господь придёт пожар лечить потопом,
И — ной, не ной! — библейский ладь ков-
чег.
На скорбном стыке Азии с Европой
Ты призван свыше, русский человек!

Пусть неоглядна матушка-Расея —
Пожар, потоп, поклёп, сума, тюрьма...
Но даже на семи ветрах Рифея
Живи, не выживая из ума!

Живи — от Бога в вековечном шаге,
Что одолел за несколько минут!..
Пусть вострубит пикирующий ангел,
Призвав земное на небесный суд.

* * *

Россия, Русь... А дальше многоточие...
Что ж, в этот скорбный судьбоносный век
Обочину мы приняли за отчину,
И побрели по ней и в дождь, и в снег.

Мы люди Божии, калики переходные.
Мы эмигранты в собственной стране...
Но как ни тщились, нас не изничтожили
Все те, кто мимо мчался на коне.

Все те, кто напылили-накопытили.
Все те, кому чертовски повезло.
Все те, кто записался в небожители
Родной земле отверженной назло...

Под вопли автострадные-эстрадные,
Летающие в лицо нам пыль и грязь,
Идём-бредём пообочь, невозвратные,
На купола церковей перекрестясь.

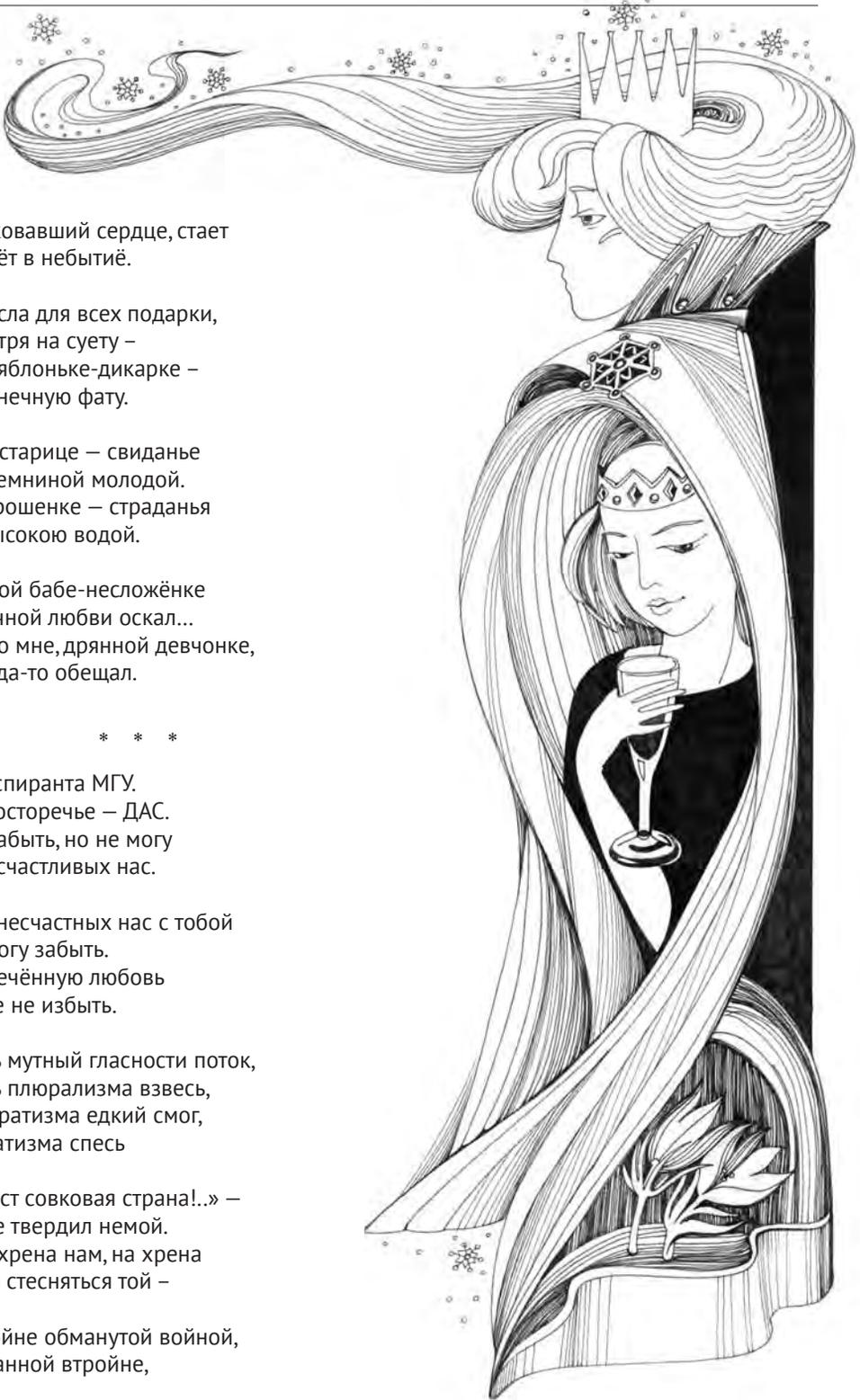
И нам не надо с отчиной сцепления
Шипами ошестинившихся шин,
Когда у ног почти в благоговении
О вечном шепчет скорбная полынь.

* * *

Собирай, зима, котомку
Ледяных напрасных слёз!
Трясогузку-ледоломку
На хвосте журавль принёс.

И, верна своей привычке
Быть первейшей в деле том,
Эта птичка-невеличка
Разбивает лёд хвостом.

В поднебесье не летает,
Но усердием её

Лёд, сковавший сердце, стает
И стечёт в небытие.

Припасла для всех подарки,
Несмотря на суету –
Юной яблоньке-дикарке –
Подвенечную фату.

Речке-старике – свиданье
Со стремниной молодой.
Иве-брошенке – страдания
Над высокою водой.

Снежной бабе-несложёнке
Солнечной любви оскал...
Всё, что мне, дрянной девчонке,
Ты когда-то обещал.

* * *

Дом аспиранта МГУ.
А в просторечье – ДАС.
Хочу забыть, но не могу
Таких счастливых нас.

Таких несчастных нас с тобой
Я не могу забыть.
Ту обречённую любовь
Доселе не избыть.

Сквозь мутный гласности поток,
Сквозь плюрализма взвесь,
Демократизма едкий смог,
Сепаратизма спесь

«Дас ист совковая страна!..» –
Нам не твердил немой.
Но на хрена нам, на хрена
Любви стесняться той –

К вдвойне обманутой войной,
Оболганной тройне,

К той ошельмованной родной
Растерзанной стране?..

Сухой закон. Мы пьём вино,
Не чувствуя вины,
Так непростительно юны,
Так страстно влюблены!

На царской мантии зимы
Проталин вешних грязь...
Смущают юные умы
Равно и князь, и мразь.

Радеют рьяно за народ –
Не разберёт никто –
Искариот ли? Патриот?
Иль просто хрен в пальто?..

Нам гласность не нужна с тобой!
Хотя сюжет не нов,
Но наша юная любовь
Красноречивей слов!

Не нужен суверенитет,
Сепаратизма хлам,
Ведь жизни нет и смерти нет
Поодиночке нам!

Покуда пьём с тобой вино,
Не чувствуя вины,
Сжимается спираль Бруно
На шее у страны.

Пускай обманута страна –
В том не её вина!..
Пусть в магазинах ни хрена,
Зато в душе – весна!

* * *

Да как же это, как же это вышло –
Что ты, который Богу присягал,
Превыше Бога и превыше ближних
Вдруг возлюбил Интернационал?..

Бескрайняя Сибирь лежит под снегом.
Метель надрывно стонет, плачя...
Пробьётся ссыльно-каторжным побегом
Цветущая империя твоя.

Хоть слышится порой в метельном плаче
Печальный зов отвергнутой зурны,
Побег твой обречён был на удачу –
Победное цветение весны!

Железный Коба! Ты сражён печалью,
Про все невзгоды зная наперёд...
Железо, чтобы стать поющей сталью,
Должно пройти сквозь пламень и сквозь лёд.

Знать, Бог судил – и никуда не деться! –
В плену провалов, ссылок, неудач
Суметь постичь стальным кавказским сердцем
Метелей русских горький бабий плач.

* * *

Если от горя народ обезножен –
Прялку под лавку, шашку – из ножен.
Свистнешь – и конь пред тобою – огонь!
И под копытом ковыль одолонь.

Не богатыршей-микулишной вроде
Кличут тебя, величают в народе –
Дочка, сестрица, супружница, мать...
Статочно ль прялку на шашку менять?

Слышко, по пьяни куражатся: «Ухнем!»
Богатыри по пивнухам и кухням?..
Всё о Руси неустанно радеют –
То похмеляются, то фанатеют.

Ну проявила бы бабью смекалку,
Да поменяла бы прялку на скалку.
Скалкой сподручнее – так твою мать! –
Богатырей в честный бой подымать!

Ой, поменяла бы!.. Только вот жалость:
Богатырей-то почти не осталось!
Надо нам, бабоньки, вот о чём речь,
Богатырей на племя побережь!..

Али мы, бабоньки-девоньки-сёстры,
Лишь на язык боевиты да востры?..
Аль богатырски у нас не крепка
И прикипела лишь к скалке рука?

Не осудите, родимые, строго!
Да пожелайте удачи в дорогу,

Ведь унывать нам никак не годится,
Матушка-шашка да прялка-сестрица!

* * *

Над рюмками взлетевшая бутылка
Свой соколиный совершит полёт...
Собрать-поэт, ты жив ещё, курилка?
О суетном забудь, оно пройдёт.

Не нам считаться шрамами и раны
Не нам и не сегодня беречь...
Но после первой рюмки всё же рано
На пару трубку мира закурить!

Не курится — хоть тресни! — трубка мира.
Знать, не о том, не так мы говорим.
Пускай решит изменчивая лира,
Кому быть первым, а кому вторым.

Кончай рыдать и хоронить Россию!..
Мы все у Бога в праведной горсти.
И красною писательскою ксивой,
Как белым флагом, перестань трясти!

Ну, по второй? А то всё ноешь, ноешь...
Ну что, дружок, поделаешь с тобой?
Коль в бой пойду, ведь даже не прикроешь,
А будешь маркитанить за спиной!

По третьей намахнём и — распростимся...
Не по пути поэтам завсегда.
Моё, тобою проклятое, имя
Пускай тебя согреет в холода

Не мутною брагулькой на досуге —
Настоем на родственной крови,
Смакуемым под причитанья вьюги
Вином братоубийственной любви.

* * *

Царёвщина, прима-ка на постой!..
Ведь я готова гостевать по-царски.
Здесь зелень проросла сквозь сухостой,
И русский клён не побеждён канадским.

Горящая багрянцем октября,
Горчащая рябиновою гроздью,

Царёвщина-царевина моя,
Почто зарделась в царском взоре грозном?..

Ай ты гостям не рада? Не лукавь!..
Они ль не покуражились на славу?
И листьев позолоченная ржавь
Навек сроднилась с отсветом кровавым...

Здесь вьюги — дебютантки декабря
И февраля шальные фаворитки —
Имперские подарят соболя
Тебе, допрежь обобранной до нитки.

Здесь сквозь века обнимет речка Сок
Сокольных гор воздушную громаду.
И небосвод пронзительно высок:
Взмахни крылом и — обожжёшься взглядом.

Здесь я пою с ветрами в унисон,
Учусь у них быть вьюгой и подругой.
И в небо, словно сокол, вознесён
Царёв Курган, парящий над округой.

* * *

Я узнаю твой знаменитый зной...
Ты не забыл, что я тебе родная?
Но ты, такой красивый и чужой,
Глядишь в упор, своих не узнавая.

Диана Кан? Какой же ты поэт?
Разбойница, драчунья и бандитка!
А ты, хоть и моднее стал одет,
Не городок, а сто рублей убытка!

А если так, то нечего в упор
Смотреть на то, как я вернулась в детство,
Где был мне тесен душный твой простор,
Где зной знобил доверчивое сердце.

Не здесь ли — послушание само! —
Я постигала септаккорды-гаммы?
Здесь мной разбито не одно окно
И спичек уворовано у мамы!..

Ответь же мне без горестных насад —
И более я не задам вопросов! —
Куда ты подевал Татарский сад —
Отчизну лучших в мире абрикосов?

Там спелых яблок восковая спесь
 Не раз подверглась моему набегу.
 Там на любое дерево залезть
 Умела я с хорошего разбегу...

Ты это всё на новенький проспект
 Сменял, чтоб стать, как щёголь на картинке?..
 Мой древний город, дервиш и поэт,
 Не мне судить тебя, твоей кровинке!

В полночной луноликой тишине
 Дожить бы, дотянуть бы до рассвета!..
 От щедрых предков перепало мне
 Лишь это огнедышащее лето.

* * *

Караван-Сарайская — не райская!
 Улочка горбата и крива.
 Но цветут на ней сирени майские —
 Так цветут, что кругом голова!

А неподалёку Растаковская
 (Баба Настя так её звала) —
 Улица с названьем Казаковская
 Муравой-травой поросла.

Так живут — без лести, без испуга! —
 Приговорены, обречены,
 Улочки, что в центре Оренбурга
 Детские досматривают сны.

Им не привыкать! Иль это снится мне:
 Жили-выживали, кто как мог,
 Хлопавшие ставнями-ресницами
 На ветрах неласковых эпох?..

Дерзости училась я у робких
 Улочек, знакомых наизусть...
 Железобетонные коробки
 Вытесняют из России Русь.

Сторона моя обетованная —
 Оренбуржье! Вся ты тут, как есть!
 Дремлющая Азия саманная
 И казачья яростная спесь.

* * *

Здесь время течёт иначе.
 Здесь суетное не в счёт...
 Под окнами старой дачи
 Крапива всюю цветёт.

Цветёт, не ведая скуки,
 С повадками злой снохи.
 И, словно к бабуле внуки,
 К землице льнут лопухи.

Здесь время течёт, как Крымза
 Несуетная течёт...
 А то, что свекровку гримзой
 Здесь кличет сноха — не в счёт!

Не в счёт, что сноха сварлива.
 Крапивный у сношки нрав.
 Уварится в щах крапива,
 Судьбою-едьбою став.

Здесь времени и пространства
 Навек неразрывна связь...
 Твоим тридевятым царством
 Отверженным становясь.

* * *

Ты долго по миру блукал,
Всемирности русской заложник.
Среди иноземных лекал
Себя отыскать невозможно!

Ты счастья отнюдь не просил.
Ты классика принял на веру,
Который не раз говорил,
Что счастье — земная химера.

Что все мы под небом седым,
Где ветры вселенские свищут,
Невольны о воле скорбим,
Покой, беспокойные, ищем.

Выходим один на один
С пропахшим степями култуком...
Но — вал повернёт баргузин,
Нам став и собратом, и другом!

Ты все так долго искал
Покоя. Созвучья. Участья...

Россия. Распутин. Байкал...
Ну что ещё надо для счастья?

* * *

Ты, кого я высотой окрыляла,
Далью манила, дразнила, влекла...
Ты, для кого я однажды упала
В мир, где царила полночная мгла.

Ты, для кого я сквозь сумрак окрестный
В вечность сбежала строптивой водой,
Не уловима тщетою телесной,
Не побеждаема смутой мирской.

Ты, для кого я себя созидала —
Жгла, леденила, сводила с ума.
Даже глагольною рифмою стала,
А ведь была от рожденья нема!..

Ты, в небеса выводящий из комы
Души несчастных собратьев моих,
Вечно и всюду исконно искомым —
Несокрушимый классический стих!

От редакции.

Читая стихи Дианы Кан, всякий раз убеждаешься — её имя вписано в русскую поэзию отныне и навсегда. Её, полукровку, дочь этнического корейца, офицера Советской армии и уральской степной казачки, из числа немногих, но истинных мастеров слова не уберёшь и никем не заменишь.

Нам приятно сообщить, что своё 50-летие Диана Елисеевна согласилась отметить не только в Самарской области, где она сейчас проживает, но и в Набережных Челнах, куда её пригласил редактор «Аргамак», поэт, коренной челонец Николай Алешков. Вместе с ним, а также с ансамблем народных инструментов «Наигрыш» (лауреатом международных конкурсов) Диана приняла участие в литературно-музыкальном представлении «Созвучье музыки и слова», читая свои стихи — 13 мая в Набережных Челнах, 14 мая в Елабуге.

С юбилеем тебя, Диана Елисеевна! Творческого долголетия тебе! Будь, пожалуйста, здорова и счастлива! Мы гордимся, что ты дружишь с нами, что ты входишь в состав редколлегии журнала «Аргамак».

БЕСЕДА С ГЕРОЕМ РОССИИ

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВ

СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ

ОТ ГИНДУКУША К ЛЕДЯНЫМ ТОРОСАМ СЕВЕРА

В СТРАНЕ РАСКОЛОТОЙ ИДЕОЛОГИИ ПОСТОЯННО КАЖЕТСЯ, ЧТО ИСТИНА где-то рядом. И ищешь её, почти на ощупь, в надежде на нового положительного героя — долго и трудно, словно тропинку в дремучем лесу. Ищешь, ждёшь, когда же вспыхнет в чащобе сердце Данко, но в лесу лишь посверкивают глаза волков и кабанов, а порой мелькнёт в траве даже не гофмановская изумрудная змейка, а простая гадюка... Помните, когда-то были литературные персонажи, пылающие сердцем: конник Павка Корчагин из романа «Как закалялась сталь», лётчик Санька Григорьев из «Двух капитанов», другие. Одни выросли из реальных прообразов, другие рождались «собирательно», фантазией и талантом писателя. Это были советские люди, те самые, которые могли сочетать в себе долг и мечту, могли ценой громадных жертв победить фашизм и первыми полететь в космос, найти следы пропавших когда-то полярников... Есть ли сейчас в мире, поглощаемом электронными вирусами, пораженном осколками зеркала троллей, люди, которых можно назвать прообразами положительных героев? Чья биография вобрала бы в себя отвагу и профессионализм, заботу о подрастающем поколении и память о предках и их исторических свершениях? Всё это я попытался выяснить в беседе с Героем России, генерал-лейтенантом авиации Николаем Фёдоровичем Гавриловым — воином, путешественником, общественным деятелем.

Николай Фёдорович Гаврилов — Заслуженный военный лётчик Российской Федерации, военный лётчик-снайпер, лётчик-испытатель I класса, Герой России. Родился 14 сентября 1958 года в селе Янгличи Канашского района Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР. В Вооружённых Силах СССР с 1975 года. Был направлен в Пограничные войска КГБ СССР. Служил в авиационных вертолётных частях Среднеазиатского округа. Занимал должности командира экипажа,

командира звена и командира эскадрильи вертолётов. В период с 1979 года по 1987 год участвовал в боевых действиях в Афганистане. Авиация Пограничных войск наносила удары по базам душманов и прикрывала действия советских войск в приграничных районах Афганистана. Так как вертолётчики Пограничных войск летали с аэродромов на советской территории, они официально считались проходящими службу на территории СССР. Поэтому Николаю Гаврилову выпало воевать в Афганистане около 8 лет. За этот срок совершил около 3000 боевых вылетов! Летал на вертолётах Ми-8, Ми-24, Ми-26.

В 1990 году окончил с отличием Военно-Воздушную Академию имени Ю.А. Гагарина. В 1990–1992 годах проходил службу в Туркестанском пограничном округе в должности заместителя командира вертолётного полка. В 1992–1999 годах Н.Ф. Гаврилов – научный сотрудник – старший лётчик-испытатель Научно-исследовательского испытательного технического центра Федеральной пограничной службы Российской Федерации. В 1993 году окончил Школу лётчиков-испытателей при ЛИИ имени Громова.

С 1999 года – начальник Управления авиации Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Лётчики этого управления обеспечивают проведение силовых операций ФСБ, работу всемирно известных антитеррористических групп «Альфа» и «Вымпел».

За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания, Указом Президента Российской Федерации от 14 января 2002 года полковнику Н.Ф. Гаврилову присвоено звание Героя Российской Федерации с вручением медали «Золотая Звезда». В 2005 году Н.Ф. Гаврилову присвоено воинское звание «генерал-майор авиации», в 2007 году – «генерал-лейтенант авиации». За усердие в воинской службе руководителем Дома Романовых присвоен дворянский титул.

Награждён советскими орденами Ленина, Красной Звезды, российским орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени, медалями Советского Союза и Российской Федерации.

– Николай Фёдорович, чем отличается Ваш родной Канашский район от других районов Чувашии? В чём, на Ваш взгляд, главная особенность Канаша?

– Канашский район, как и все другие районы Чувашии, абсолютно равный среди равных. Я знаю Чувашию очень хорошо, так как руководил штабом на выборах Путина в президенты Российской Федерации. И объездил все районы и населённые пункты Чувашии. Конечно, у каждого района есть своя отличительная черта. Канаш, который находится в самом центре чувашских земель, издревле считался почти столицей Чувашии и, прежде всего, потому что через него проходит железная дорога союзного значения. Там проходит и федеральная автомобильная трасса М-7. В этом отношении Канаш – узловой, коммуникационный центр. «Канаш – город наш!» – с таким девизом выступали одно время люди, желая видеть его столицей. Но правильно сделали мои земляки, выбрав Чебоксары: красивый город на величавой реке Волге конечно, выигрывает, по сравнению с промышленным Канашем. Но напомним, что о Канаше, в котором было много заводов и фабрик, знал раньше каждый советский человек. В перестроечные времена город потерял свой бодрый облик, запылел, но, благодаря новой администрации, можно сказать, обрёл себя заново. И промышленность, и сельское хозяйство, и градостроение, дорожное строительство, торговля – всё ведётся согласно современным требованиям. Город на глазах меняется и сегодня. Именно через Канаш, который является более важным районным центром, чем другие, я вышел на свою главную дорогу жизни. Отсюда я уехал в Сызрань.

– Вы родились в селе Янгличи, там и школу окончили. Расскажите о Вашей малой Родине.

— Эта «малая Родина» — большое село, в котором раньше насчитывалось до пяти сот дворов. Церковь, школа, здание сельсовета — все главные атрибуты села в Янгличах налицо. Из тринадцати деревень дети ходили учиться в нашу школу: раньше — пешком, а потом за ними стали приезжать автобусы. Так что в районном масштабе Янгличи — село тоже известное, его можно назвать образовательным, культурным и духовным ядром района.

— **Зимой 1983 года, ещё по творческой путёвке Союза писателей СССР, мне довелось побывать в Чебоксарах, Ново-Чебоксарске, Ядринском и Шумерлинском районах. Это были славные времена, когда творческая интеллигенция была на слуху, пользовалась уважением. Мне довелось познакомиться с чувашскими писателями Михаилом Юхмой, Петром Ялгиром и Раисой Сарпи. Помню, как наш автобус застрял в снежной круговерти, как мы пробирались через глубокий овраг, и как радушно встречали нас — уже поздно вечером — в жарко натопленных сельских клубах жители «глубинки» — от старика до велика! Было очень много колхозников, животноводов, механизаторов...**

— Вы напомнили мне мою юность... В 1970-е годы Чувашия по плотности населения занимала второе место в Советском Союзе после Московской области. И местность там, действительно, равнинная. Это земледельческий район. Дорожная сеть была слабо развита в те годы: не было дорог с твёрдым покрытием. Эрозия почвы сделала своё дело, и упомянутые Вами овраги представляли собой серьёзную преграду для автотехники. Поэтому главным автомобилем села был гусеничный трактор. Сегодня все населённые пункты соединены с райцентрами и другими городами асфальтированными дорогами, во все населённые пункты пришёл природный газ, но... ушло самое главное. Да, дрова теперь не нужны, но люди не выходят из квартир, из своих домов, потому что им идти просто некуда: земледелие и животноводство исчезло. Село как сельскохозяйственное поселение — просто умерло. Люди, в основном пенсионеры, сидят в своих тёплых домах перед экранами телевизоров, а те, кто ещё не дожил до пенсии, вынуждены уезжать на заработки в большие города, в Казань и Москву, а также в те регионы, где есть нефте- и газодобыча.

В Чебоксарах сегодня нет больших заводов, остались небольшие производства местного значения. Наиболее крупными предприятиями являются авиационный завод «Элара», Чебоксарский завод промышленных тракторов, который должен был выпускать тяжёлый трактор для советской промышленности, но тяжёлые трактора не конкурентоспособны с японской и западной техникой. Поэтому сегодня тракторный завод переориентирован на выпуск средних и малых тракторов, предназначенных для фермеров и приусадебных участков. Количество рабочих мест сильно уменьшилось по сравнению с советским периодом... В Чувашии довольно остро стоит вопрос социального плана — где работать людям, и как зарабатывать на жизнь? Отсюда появляются нежелательные «производные»: муж трудится и живёт вдали от жены, или наоборот. Дети, если они есть, воспитываются одним из родителей или вообще бабушками, другими родственниками. Это общая социальная болезнь современной Российской Федерации. И, конечно, эта проблема через несколько лет будет иметь негативные последствия.

— **Советский Союз был самой читающей страной в мире. Какие книги Вы любили читать с детства? Кто зародил в Вас мечту? Экзюпер, Обручев?..**

— Моиими главными книгами с детства были школьные учебники. Помню «Букварь», с обложки которого на меня смотрел Сталин. Мне достался старый учебник. Но потом взрослые у меня изъяли это раритетное издание и вручили поновее, уже без портрета вождя народов. Позднее, согласно школьной программе, я читал клас-

сику и народных чувашских писателей Константина Иванова, Якова Ухсяя. В старших классах, уже без чьей-либо подсказки, прочитал с упоением четыре тома «Тихого Дона» Шолохова. И помню, как сожалел, что нет пятой и шестой книги этого гениального произведения.

Мечта летать, стать лётчиком — пришла ко мне не из книг, не от Экзюпери. В 1961 году, когда я научился ходить, первый космонавт планеты Юрий Гагарин полетел в космос. И вскоре третий космонавт, мой земляк, Андриян Григорьевич Николаев, поднялся в космос. Для всего советского народа космонавты были героями, а для нас, чувашских мальчишек, он стал самым главным героем. И любой из самых маленьких мальчиков, только что научившихся ходить и говорить, на вопрос — «Кем будешь, когда вырастешь?» — отвечал: «Космонавтом». Быть лётчиком или космонавтом — других планов в жизни у меня не было. А путь в космос шёл через авиацию и, как правило, через военную авиацию. Я выбрал военное училище.

В 1979 году закончил с отличием Сызранское высшее военное авиационное училище лётчиков. Настолько уверенное положение занимала в мире Советская держава, что поначалу я очень даже сожалел, что выбрал профессию, которая, как считалось, в жизни никогда не пригодится. Читал книги довоенных лётчиков, мемуары, и думал: «Вот если бы я был на их месте, я бы показал врагам, на что способен! И, само собой, «мессершмитт» непременно бы сбил, найдя способ, как обхитрить немецкого аса... И вот, надо же было такому случиться! В 1979 году, через месяц после окончания мною Сызранского училища, началась война в Афганистане. И в ноябре 1979 года из моей части туда уже были передислоцированы войска спецслужбы. Затем, помните, — штурм дворца Амина, и, когда в январе начался массовый ввод «ограниченного контингента» советских войск в Афганистан, мы уже были «с той стороны» и встречали наши войска.

— **Вы почти восемь лет воевали в Афганистане. Только представить: три тысячи боевых вылетов!.. Скажите, Вы верите в Бога, в удачу? Что помогло Вам выдержать столько лет на войне, выжить? Или это некий, своеобразный синдром солдата удачи — в хорошем смысле этого словосочетания?**

— Знаете, совсем недавно я отвечал на вопрос: «Почему кто-то из пассажиров авиалайнера выживает, когда все остальные во время авиакатастрофы гибнут?» Спорили мистики и скептики. Я был в лагере скептиков, и мы проиграли. Нужно сказать, что и сегодня, со всеми своими высшими образованиями в области авиации, я скептик. Считаю, что ничего случайного в жизни не бывает. Всё обосновывается материальной частью самолёта или вертолёта, подготовкой лётчиков, просчётом всех версий, научно всё обосновывается, но... Недавно я анализировал, что пришлось пережить не только на войне, но и после войны, например, в полёте на Южный полюс, выброску парашютистов на Северном полюсе, установку памятника на острове Танфильева. И как почти три месяца не было хорошей погоды, а потом, с нашим прилётом, вдруг кто-то нам открыл погоду, а на Северном поле окошко открылось лишь на пять минут — на выброс нами моих парашютистов! Которых я поднял за шесть часов полёта с дальнего аэродрома... И у меня даже мелькнула мысль: может быть, всё-таки существует какое-то «биополе», и человек, обладая неким сверхчувством, способен посылать энергию в космос. А она потом возвращается и претворяет в жизнь то, о чём ты сильно мечтаешь. Наверное, во Вселенной всё возможно... Но, повторяю, я остаюсь скептиком.

В Афганистане, анализируя свои действия, я делал сам себе «разбор полётов» В первой командировке, когда военный опыт у меня ещё был маленький, я, как оказалось, «почти разбился» пять раз, а во второй командировке — «почти не разбился»

три раза, а уже в третьей — один раз. А в последующих командировках — ни разу. То есть, приобретая опыт и углубляясь постепенно в профессию, человек становится мастером, и когда работает профессионал, у него стопроцентный хороший результат. Он чувствует хорошо и машину, и обстановку, у него работают и опыт, и интуиция. Что такое восемь лет... Министерство обороны посылало воинов в Афганистан на один год. Даже лётчик с опытом полётов в Забайкалье или Прибалтике делали на войне те же ошибки, что и я в начале своей службы. Афганистан — это жара, горы, пустыня, здесь и человек, и машина ведут себя по-другому. Это чужая среда, поэтому человеку здесь необходимо время на привыкание, адаптацию, учёбу. Нашими военачальниками в ДРА сразу был допущен ряд ошибок, и только через два года эффективность действия ограниченного контингента резко изменилась в лучшую сторону.

— **Как вы понимали и понимаете сейчас свою миссию в Афганистане?**

— Афганский народ попросил у нас помощи, и мы помогли афганскому народу. И наша помощь была искренней. Сейчас у афганцев есть возможность сравнить: чем советские «шурави» отличаются от капиталистических «гостей». Афганцы теперь вспоминают нас с благодарностью, с восхищением, зная нас и как хороших воинов, и как добрых соседей.

— **Вы лично встречались и беседовали с гражданами Афганистана — в восьмидесятые годы или теперь?**

— Конечно, мне довелось с ними общаться в восьмидесятые. И в последнее время, недавняя моя служба тоже была связана с Афганистаном. И после окончания Военно-Воздушной Академии имени Юрия Гагарина я тоже поехал на афганскую границу, в Туркмению. Афганистан проходит через всю мою военную службу, и в моём послужном списке, и в моей памяти эта страна — как некая часть биографии или как особый штат, или союзная республика, соседствующая с Советским Союзом, — занимает очень важное место. Многие афганцы сейчас живут в России, и мы иногда встречаемся, делимся мыслями...

— **Расскажите о Вашей любимой машине. Какой вертолёт самый лучший?**

— Я выполнял полёты на вертолётах отечественного производства, особенно МИ-24, МИ-26. Но самым главным вертолётom на земном шаре остаётся вертолёт МИ-8, он до сих пор производится в России. Американцы готовы закупать их сотнями, они знают, что сейчас в мире нет лучшей машины для полётов в горах, по приборам, с очками ночного видения, при автономном базировании в жарких и горных условиях. Машина показала свою мощь, живучесть, автономность, а также тактика, боевые приёмы и методы действий Советских войск в Афганистане остаются до сих пор непревзойдёнными.

Мне повезло: начиная с 1976 года, летал на этом вертолёте. Это самое ценное в вертолётной технике, что ещё сохранилось от всего, что было создано гением советских конструкторов. Сегодня это единственный вертолёт, который производится у нас и продаётся за рубеж.

— **Вы на этом вертолёте летали на Северный полюс?**

— Да, именно на МИ-8 я побывал на Северном и Южном полюсах. И, кстати, кроме этого моего

вертолёта в мире не существует другой летательной машины, совершившей такие перелёты. Сегодня этот вертолёт выполняет задачи в Ставрополье.

— **Звание лётчика-снайпера даётся за непосредственное уничтожение вражеских объектов и живой силы противника. Что придавало Вам сил и хладнокровия на войне? Может быть, профессиональное отношение к войне как к работе? Или всё-таки приходилось потом отлёживаться в реабилитационных центрах, чтобы привыкнуть к мирным условиям?**

— Я слышал о вьетнамском синдроме, как и об афганском, и чеченском. В медицине нередко говорят о синдроме испорченной жизни, об агрессивных психозах солдат... Извините, я в это не верю. Однажды кто-то из офицеров сказал, что война хороших людей сделала ещё лучше, а подлецов — ещё хуже... Иногда кто-нибудь из моих друзей и знакомых говорит мне, что если бы не знал о моём прошлом, никогда бы не догадался, что я военный лётчик, долгое время выполнявший боевые задания. Мне никакой реабилитации никогда не требовалось. Считаю, что досконально можно освоить лишь ту профессию, которую действительно любишь... Да, я хотел научиться хорошо стрелять. Сначала учился попадать в цель на полигоне, потом — на тренажёре. И потом вот... пригодились в жизни...

Мечтал посадить свой вертолёт на трудные участки Земли. Есть, например, самая высокая точка Европы — Эльбрус, и мне посчастливилось совершить посадку на его вершине. Это — результат и способностей машины, и той обстановки, которая позволила и выжать из техники всё, что она может, и грамотно применить свои профессиональные навыки. Очень благодарен той системе образования, которая была в Советском Союзе. Сегодня в России восстанавливаются некоторые институты, училища, академии, но восстановить методику и особую духовную возвышенность преподавания очень тяжело. Дай Бог нам всем мудрости и таланта для восстановления былого величия нашей державы — не только в образовании, но и в медицине, спорте, культуре... И в космосе, конечно.

— **Ваша биография: академия имени Гагарина, научный сотрудник, лётчик-испытатель — напоминает путь в космос. Вы никогда не думали вступить в отряд космонавтов? Ну, вот представьте: «если б не было войны»...**

— Вопрос интересный, я никогда не задумывался над этим... У меня много друзей среди космонавтов. И Леонида Леонова знаю, Павла Поповича, Виктора Горбатко, Николая Бударина. В следующем году, знаю, собирается полететь Александр Скворцов, уже не раз побывавший в космосе... Если бы не распался Советский Союз, и у меня были бы такие амбициозные планы... Вот если бы наша космонавтика и промышленность смогли до сих пор тянуть это тяжёлое бремя лидера в области освоения космоса, может быть, Вы правы... может быть, я бы и пришёл к этому... Однажды, после развала СССР, когда Россия осталась на новых необорудованных границах, была такая возможность. Помните, в космос начали посылать политиков, артистов, менеджеров? Тогда всем силовым ведомствам было предложено за счёт их бюджетов тоже послать кого-то в космос. Мне предложили — от имени пограничных войск полететь в космос и с орбиты наблюдать за нашей границей.

— **Орбитальный пограничник? Любопытно, что Вы ответили?**

— Я отнёсся к этому скептически, потому что наблюдать с орбиты в приборы, не имея механизма реализации эффективной защиты и обороны границы, — дело бесполезное. Поэтому я не мог всерьёз принять такое предложение; в нём слишком велика была коммерческая составляющая... Ну, а сейчас для космоса уже не моё время. Хотелось бы, чтобы Россия не оставляла передовые рубежи в этой сфере.

— Будем на это надеяться... В нашей беседе уже упоминались северные экспедиции, в которых Вы принимали непосредственное участие. Давайте вспомним роман Вениамина Каверина «Два капитана» и его главного героя Сашу Григорьева... Конечно, человек не может быть только хорошим во всех отношениях, подобных «лакированным» людям в природе просто не существует. Помните, как в произведениях Максима Горького происходит «борьба противоположностей», противоречивых чувств и желаний? А нет ли, на Ваш взгляд, в Саше Григорьеве излишней лакировки?

— Каверин, прежде всего, очень талантливо показал подвиг русских мореплавателей, полярников. Ведь экспедиция капитана Татаринова на «Святой Марии» основана на материалах трёх русских экспедиций 1912–1914 года: Георгия Седова, Владимира Русанова и Георгия Брусилова.

— ... На кораблях «Святая Анна», «Святой Фока» и «Геркулес». Все капитаны в погибли. В 1914 году в Архангельск вернулся лишь экипаж «Святого Фоки» без своего командира, и ещё остались живы двое участников экспедиции Брусилова.

— Именно так. Каверинский капитан Татаринов вобрал в себя образ этих трёх капитанов. А прообразом штурмана Ивана Климова стал штурман «Святой Анны» Валериан Альбанов.

— Из истории тех трагических экспедиций мы знаем, что Брусилов на шхуне «Святая Анна» собирался пройти до Владивостока Северным Морским путём, но был зажат льдами и ушёл в дрейф на север, к полюсу. А летом 1914 года тринадцать человек из экипажа ушли пешком по льду в сторону архипелага Земля Франца-Иосифа. И в живых остались только двое: штурман Альбанов и матрос Александр Конрад.

— Так было в действительности. Я задавал себе вопрос: почему писатель Каверин именно через судьбу военного лётчика решил поведать нам историю о Татаринове, Климове и шхуне «Святая Мария»? А потом понял: Санька Григорьев нужен был как связующее звено с массовым читателем. Возможно, он и получился несколько «лакированным». Но очевидно, что в те времена, когда писался роман, все авиаторы считались смельчаками. Профессия людей, покорявших небо, живущих на острие эпохи, — была самой героической. И не удивительно, что первыми Героями Советского Союза стали именно лётчики. И не зря сыновья вождей, Сталина и Хрущёва, были авиаторами. Кстати, можно вспомнить когда-то знаменитый призыв: «Комсомольцы, все на самолёт!» Конечно, эта профессия была и революционной, и очень романтической. Каверин всё учёл правильно. Сегодня авиатора 1930–1940-х годов можно сравнить с профессией топ-менеджера. Смешно и, конечно, грустно...

Григорьев — вымышленный образ, но многие считали, что такой человек жил на самом деле. Даже один из великих лётчиков, Владимир Григорьевич Дейнеко, однажды мне сказал, что служил в том полку, в котором раньше служил Санька Григорьев. Я дружен с генералом Дейнеко, командовавшим в недалёком прошлом морской авиацией. Недавно вручил ему книгу «Два капитана» и — в чемодане, в специальном футляре — подарил то, что наша экспедиция нашла во льдах в своей экспедиции: ножик, ложку, свисток, часы, фотографии... — о них упоминал Альбанов в своих дневниках.

— Через сто лет после гибели трёх полярных экспедиций Вы нашли последнюю стоянку паровой шхуны «Святая Анна»? То есть, подобно литера-

турному Саньке Григорьеву, по-каверински — «Святой Марии»! Я правильно понял?

— Да, правильно. Наша экспедиция называлась «По следам «Двух капитанов». Я был восьмым среди энтузиастов, и моя задача была не конкретно поиска, а обеспечения перелётов и обеспечения безопасности самой поисковой группы.

Хотя, наверное, эту экспедицию верней было бы назвать так: «По следам полярной экспедиции Г. Л. Брусилова на зверобойном судне «Святая Анна». Так или иначе, мы нашли останки человека, который сто лет назад шёл со штурманом Альбановым, но не дошёл. В числе его вещей были и дневники, это самое ценное — почти двадцать семь страниц читаемого текста!

— **Вы нашли останки человека, приплывшего в Арктику вместе с лейтенантом Брусиловым на шхуне «Святая Анна» и погибшего летом 1914 года! И нашли его дневник! Звучит фантастично. Как в книгах Обручева или Жюль Верна.**

— Полярная реальность... Незадолго до этой стоянки их было шестеро. Они разделились: четверо пошли по суше, и двое, штурман Альбанов и матрос Конрад, поплыли на каяке к мысу Флора, где был джексоновский лагерь с припасами хлеба, тушёнки и шоколада. Эти двое спаслись. Мы нашли останки одного из тех четверых...

— **Джексоновский лагерь? Разве в это же время там был ещё и английский полярник?**

— Нет, Джексон там зимовал гораздо раньше. Штурман Альбанов знал об оставленных им припасах и шёл именно туда. Потому что кончались продукты, и приближался «момент невозврата», то есть очередная зимовка. И одно дело — зимовать с продуктами в хижине на мысе Флора, ждать корабль, а другое... Ему с матросом повезло: буквально через пять дней их подобрал парусник Седова «Святой Мученик Фока». Правда, капитан Седов к тому моменту уже погиб. Альбанов просил экипаж парусника немного подождать в надежде дожидаться четверых товарищей. Эту группу искали сутки, но больше ждать было нельзя: надвигалась суровая зима, и льды могли затереть парусник.

— **По мнению учёных, льды в том году были самыми страшными за весь XX век. Эти три экспедиции были обречены.**

— «Затерянные во льдах» — под таким названием издал Альбанов свои дневники, которые и дали пищу писательскому уму Каверина. Как Вы помните, литературная шхуна капитана Татаринова тоже была обречена...

— **А вас, в свою очередь, эти дневники и роман «Два капитана» сподвигли на новую арктическую экспедицию.**

— Да, мы были очень увлечены. В августе 2010 года мы, семь человек, взяли отпуска и — по дневникам Альбанова...

— **Неужели всё так просто? Взяли отпуск и за свой счёт полетели не на Канары загорать, а на Северный полюс!**

— Просто бывает только на словах... Альбанов подробно описал маршрут, стоянки, места гибели товарищей. По дневникам мы нашли место, где участники экспедиции Георгия Брусилова расстались. Штурман Альбанов писал, что трёхмесячный

переход настолько изнурил людей, что моральный дух был почти сломлен. А до этого ещё были две зимовки! К концу первой зимовки полярники остались без собак: одних медведи задрали, другие сами умерли. Психологическое состояние людей было ужасным, и дальнейшее их поведение — непредсказуемым. Они таскали за собой сани с продуктами и четыре лодки-каюка, это был изнурительный труд. Им больше не хотелось бороться за жизнь: кто-то отказывался от пищи, хотел покончить собой...

Среди найденных нами останков человека не было черепа. Возможно, полярник, измождённый переходом, сидел, безучастно глядя, как к нему подходит белый медведь... Там неподалёку мы нашли потом остатки медвежьей шкуры, но сколько ей лет — сказать трудно.

— **Потом туда ещё кто-нибудь ходил?**

— Ходили, искали, но находки уже были совсем незначительны: гильзы, пуговицы... Сложно представить детали той трагедии. Версии есть разные, но всю правду узнать пока не удаётся: Север продолжает хранить тайну гибели трёх других участников экспедиции Брусилова. Хотя по ДНК сейчас пытаются определить, кого мы нашли. Возможно, уже в этом году узнаем имя.

— **Те погибшие экспедиции, насколько мне известно, не совершили больших открытий, но зато они закрыли вопрос о существовании мифических островов, в том числе «Земли Петермана» или той, о которой писал Обручев в своём фантастическом романе «Земля Санникова». Сделать открытие — подобных целей Вы перед собой не ставили?**

— Мы знали, что, например, на Алтае некоторые люди давно ищут Шамбалу, но подобных целей мы себе никогда не ставили. Наша цель была вполне приземлённой... — пройти по пути Альбанова, руководствуясь его дневниками, и попытаться найти хоть что-нибудь... Кстати, мне довелось побывать на Камчатке в Долине гейзеров, открытой относительно недавно, в 1941 году. Фантастическое зрелище! И фильм «Земля Санникова», конечно, снимался именно там. Но с тех пор, как космические корабли «плавают» на орбите, вряд ли можно отыскать на поверхности Земли что-то совершенно неизведанное. Мир познаваем, но, тем не менее, бесконечен, и до конца узнать его мы, конечно, не в состоянии. Наука должна идти дальше...

— **Вами и Вашими соратниками установлены памятники Николаю Чудотворцу в Магадане и на острове Танфильева — самой северо-восточной заставе нашей страны.**

— Такой же памятник мы отправили русской общине в Чили, в столицу чилийской Патагонии — город Пунта-Аренас. Этот город — наш последний плацдарм перед прыжком в Антарктиду. Не хотелось бы, чтобы и тут Россия потеряла свои позиции: на Южном полюсе раньше было восемь советских станций, а теперь две-три сезонных, кроме станции «Беллинсгаузен».

— **Вы ведёте очень большую общественную деятельность, военно-патриотическую работу с молодёжью. В Чувашии идут спортивные турниры по вольной борьбе на призы Николая Гаврилова. Эти увлекательнейшие состязания проводятся уже около десяти лет, на ковёр выходят и взрослые спортсмены, и подростки. Как родилась идея турниров?**

— Вообще, турнир стал для меня приятной неожиданностью. Я большим спортом никогда не занимался. Когда-то, ещё в средней школе, получал спортивные разряды, даже выступал за сборную школы в лыжных гонках. Потом катался на лыжах в училище, но последующая служба на юге страны отодвинула от меня лыжный спорт... И вот однажды ко мне за помощью обратились мои земляки, знаменитые спортсмены, чемпионы в вольной борьбе Сергей Корнилаев и Иван Григорьев. Речь шла о ра-

боте со школьниками, вообще с молодёжью; цель её — привлечь подростков в спортивные секции, чтобы молодые люди не пристрастились к алкоголю и наркотикам. Решено было организовать турнир, который сочетался бы с военно-спортивной и патриотической работой, на призы военного лётчика. Я согласился. Там три возрастных группы и шестнадцать весовых категорий. В предыдущих соревнованиях приняло участие около двухсот спортсменов из Казани, Москвы, Ульяновска и других городов. И, конечно, я опять полечу в Чувашию из Внуково — вместе с президентом Федерации спортивной борьбы России Михаилом Герасиевичем Мамияшвили, с олимпийскими чемпионами, космонавтами. И вновь будут там народные артисты Леонид Якубович и Александр Михайлов. Ещё один праздник для детей, для всех жителей. Это правильный посыл. Нам нужен и массовый спорт, и спорт высших достижений. Из массового спорта кто-нибудь обязательно выйдет в чемпионы.

— **Вы дружите с Леонидом Якубовичем. Вы — воин, Герой России, он — народный артист России. Вы — представитель серьёзной, даже суровой профессии, он — ведущий телеигры «Поле чудес». Что вас связывает?**

— У Леонида Аркадьевича душа лётчика. И потом: он очень серьёзный человек, и умеет не только мечтать, но и претворять свои мечты в жизнь. Закончил авиационное училище, научился неплохо летать.

— **Скажите, какое место в географии Вашей общественной деятельности занимает Казань?**

— Казань для нас, и для всего Поволжья всегда была и остаётся одним из главных городов огромной территории в центре бывшего СССР, где, на просторах между Волгой и Уралом, находятся пять автономных республик. Жили и живут эти респу-

блики очень дружно, несмотря на различие национальных культур и религий. Из всех столиц этих республик Казань всегда считалась главным городом, с древними традициями, мощной инфраструктурой. Кстати, в Казанском университете учился Ленин.

— **И ещё Лев Толстой, Велимир Хлебников...**

— Казань для меня — родная столица, хотя я и не жил в Татарии, но географически находился очень близко: всего в восьмидесяти километрах от неё находится моя деревня. От станции «Канаш» электричка в Казань идёт два часа, и в советское время мы туда за покупками ездили в субботу или воскресенье. С юности мне запомнились казанские мостовые, сложенные в глубокой древности из красного кирпича, очень красивые здания... Именно здесь выпускается самый лучший в мире летательный аппарат — вертолёт «МИ-8». Здесь работали и работают выдающиеся конструкторы, инженеры, лётчики-испытатели. Со многими из них я знаком. Мне нередко приходилось летать над Казанью. Летишь в Набережные Челны и видишь, какие огромные пространства внизу, и целые поля готовой автомобильной техники — известной во всём мире. И этим я горжусь. В Казани живёт мой лучший друг, сослуживец по южной границе Юрий Борисович Матвеев, один из руководителей казанского ГИБДД, которая считается лучшей в Российской Федерации. Компетентность и чувство справедливости — вот основные профессиональные качества моего друга. Его тоже можно назвать нештатным сотрудником нашего спортивного движения; нередко в качестве почётного гостя он приезжает на соревнования, в которых борцы из Казани участвуют постоянно.

Между Казанью и Чебоксарами сравнительно небольшое расстояние, и нередко наши путешественники прилетают, например, из Москвы в Казань, а потом едут в Чебоксары на такси.

— **Думаю, это всё-таки дороговато, но... вернёмся к общественной работе. Расскажите, пожалуйста, об установленных с Вашим участием памятниках авиационной боевой техники. Их, кажется, десять?**

— Девять. Бывший мэр Воркуты Игорь Леонидович Шпектор долгое время хотел получить от правительства вертолёт МИ-8 — как машину спасателей, как символ помощи в трудное время и как связующее звено между людьми самых разных профессий. Я посодействовал ему, и теперь вертолёт стоит в самом центре Воркуты. Были установлены на постаменты самолёты в Воронеже и Хабаровске. Естественно — и на родине погибшего в Ингушетии Героя Российской Федерации вертолётчика, подполковника Леонида Константинова. Самолёт установлен в чувашском посёлке Ибреси. Это некогда боевая, но теперь списанная со штата авиационная техника, специально подготовленная, покрашенная для установки на пьедестал памятника. Установлены такие памятники в Чебоксарах, Ядрино, у моей родной школы. Один из вертолётов, «МИ-24», замер на вечной стоянке в районном центре Яльчики, у дороги к Сызранскому военному училищу. На очереди — город Канаш. Пусть подрастающее поколение смотрит и мечтает о небе, о подвигах. Мальчишкам всегда нужны положительные примеры...

— **И те самые Саньки Григорьевы. Жаль, самолётов тех времён почти не сохранилось, а то можно было бы поставить такой экспонат, например, под Подольском, где совершил свой последний таран лётчик Виктор Талалихин.**

— Вы правы, советской авиационной техники времён Великой Отечественной войны из алюминия, дерева и материи-перкали у нас почти не сохранилось. А вот в коллекциях Англии и Франции, а также Германии и Японии она есть! У нас известны единичные случаи; например, недавно в Новосибирске смогли восстановить истребитель «И-16»... Это большая тема! Если за 110 лет жизни авиации на Земле, в первые три четверти, Советский Союз стал лидером в области гражданского и военного авиастроения и космической техники, то в оставшиеся последние 30 лет наша страна не выпустила ни одного нового воздушного судна. У нас затишье, и все мы в этом виноваты... Но один из наших авиационных «аксакалов» сказал: «Я верю, что Россия возродится, что российская авиация возродится». И я с ним солидарен.

ВСПОМИНАЯ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА

ВЛАДИМИР СКИФ

ЖИВАЯ ЖИВОПИСЬ СЛОВА

в мае классику русской литературы В. П. Астафьеву исполнилось бы 90 лет

Моё знакомство с Виктором Петровичем Астафьевым случилось ещё в давние советские времена, в один из его приездов на декаду советской литературы в Иркутск. Какой же это был год? Кажется, 1985-й. Помню, тогда Виктор Петрович с Марией Семёновной жили в гостинице «Ангара». Меня пригласил к нему в гости Распутин и я, стесняясь и благоговей перед автором знаменитой «Царь-рыбы», был рад этой личной встрече.

До сих пор я с великим наслаждением вспоминаю, какое впечатление произвели на меня многие новеллы из этого повествования. Некоторые из них, особенно «Капля» и «Уха на Боганиде», я готов перечитывать снова и снова. Какой невероятный, исторгнутый «живописцем» Астафьевым язык! Какие пронзительные, осенённые высшими переживаниями, чувства! Какая кристально-чистая, доступная абсолютному слуху, поэзия! А «Последний поклон», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду»!

Отправились мы в гостиницу с Валентином Григорьевичем не шибко рано, чтобы не мешать в полную силу отдохнуть гостям, хотя Виктор Петрович накануне позвал Распутина к себе для деловой встречи.

Мы постучали в дверь, услышали: «Открыто!» и вошли в просторный номер. Меня сразу удивила домашняя обстановка: Мария Семёновна сидела, как будто в деревенской избе, за вязаньем, а Виктор Петрович что-то черкал в записной книжке. Он поднялся к нам навстречу со словами, обращёнными к Вале: «Жду тебя с утра, есть разговор», и тут Валентин Григорьевич представил меня как молодого, подающего надежды автора.

— Это очень кстати, — сказал Астафьев, пожимая мне руку, — мы тут с Ромкой Солнцевым задумали интересную книжку и уже делаем её. Я хочу собрать антологию одного стихотворения поэтов России. Москвичей не берём, пробьются. Они наших сильнейших поэтов, живущих в глубинке, тоже не печатают в своём ежегодном «Дне поэзии».

И тут же, обращаясь ко мне, произнёс:

— Пришлите мне пяток самых лучших стихотворений, а я уж выберу то, что мне приглянется.

— А чего присылать? Стихи со мной, — и я вынул из портфеля пачку листов, покопался в них, отсчитал пять страниц и вручил Астафьеву. Виктор Петрович тут же сел, внимательно прочёл первую, вторую страницу и вдруг воскликнул:

— Ну, вот, берём твоего дурака! Молодец!

Эта черта характера мгновенно решать любые вопросы вообще была свойственна Астафьеву, он не любил долгих проволочек. Да и рубил всегда сплеча, по-военному. Мог и дров наломать, такой уж он был человек, стихийный, откровенный, прямой.

Задуманная Астафьевым книга, несомненно, требовала и времени, и усилий, потому что собрать нужно было стихи со всей России, перечитать их, отобрать у каждого автора лучшее произведение, написать вступительную статью, что и сделал Виктор Петрович, выпуская в свет этот уникальный сборник стихов неизмеримого русского пространства.*

Так, благодаря Астафьеву моё стихотворение «Сказ о деревенском дураке», написанное ещё в 1974 году, впервые было напечатано в настоящей антологии:

СКАЗ О ДЕРЕВЕНСКОМ ДУРАКЕ

Лето. Деревня. Над крышами пар
После дождя устремляется в небо.
Митя-дурак поднимается с нар,
Выглядит Митя довольно нелепо.

Пообносились рубаха на нет
Из довоенного чуда-сатина.
Старая стёганка, грубый жилет
И на лице — голубая щетина.

Полузапретным в деревне слывет
Тихое, нищее Митино царство.
Мите под сорок. Он славно живёт:
Пенсию платит ему государство.

Митя не любит общественных мест:
Клуба, конторы, гулянок и свадеб.
Хлеб и картошку он поутру ест,
Митя-дурак с пацанами не ладит.

Знать, потому пропадает в тайге:
Ягоды, шишки, грибы собирает.
Птицу, жар-птицу ли держит в руке,
С белкой и сободем в прятки играет.

... Жалились, помню, отцу мужики,
Водку в кути разливая в стаканы,
Что пропадают в округе силки
И навсегда исчезают капканы.

Помню, в тот день я пришёл к дураку:
— Дмитрий, тебя мужики скараулят.

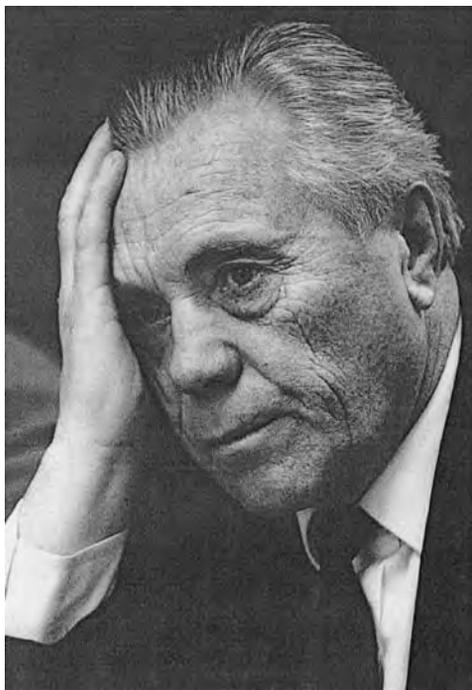
* Час России: Антология одного стихотворения поэтов России / Сост. В. Астафьев и Р. Солнцев; Предисл. В. Астафьева; Худож. Е. Чёрная. — М.: Современник, 1988. — 541 с.

Он оглянулся, согнулся в дугу,
Сидя на низком, расшатанном стуле.

Стал лепетать и махать на огонь
Так, что меня пробирало до дрожи:
— Белку не надо! И зайку не тронь!
Митя не трогает. Митя — хороший.

... Долго в лесах исчезали силки.
Митя работал сторожкой и тайно,
Но подстрелили его мужики,
Как говорят — совершенно случайно...

Другая моя встреча с Виктором Петровичем произошла в 1986 году, в Красноярске. Буквально перед поездкой в Красноярск я познакомился с двумя замечатель-

ными художниками, которые приехали в наш байкальский «Дом творчества художников». Это был Анатолий Тумбасов из Перми и Николай Худенёв из Красноярска. Художники выезжали на пленэр и на теплоходе «Бабушкин» переправлялись в сторону порта «Байкал», где мы и разговорились, да так, что пермяк и красноярец оказались у меня в гостях. В эти осенние дни мы с братом Анатолием достраивали баню, и Худенёв с Тумбасовым помогли нам возвести стропила и покрыть шифером крышу.

Этой же осенью я поехал в творческую командировку в Красноярск, там отыскал Худенёва, который показал мне город, свозил на Красноярские столбы, на подвесную дорогу, а на другой день я позвонил Астафьеву и напросился к нему в гости вместе с Николаем. Днём, часов в двенадцать, мы уже были у Виктора Петровича и Марии Семёновны, которые радушно приветили нас у себя в городском доме. Худенёв привёз одну из лучших своих картин и подарил её Виктору Петровичу.

Были тут душевные разговоры о сельской жизни (Астафьевы осваивали дом в Овсянке), и острые разговоры по поводу астафьевского рассказа «Ловля пескарей в Грузии» и злополучного, провокационного письма Натана Эйдельмана, которому Виктор Петрович ответил со всей прямотой и яростной отповедью, были чай и пироги Марии Семёновны. Всё это впоследствии вошло в моё стихотворение, посвящённое Виктору Петровичу Астафьеву. Три года назад оно было опубликовано в Красноярском литературно-художественном альманахе «Затесь», который издаёт Красноярский клуб почитателей В. П. Астафьева (главный редактор Валентина Андреевна Майстренко):

В ДОМЕ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА

У Астафьева в доме, как в поле, светло –
От российской души, от широкой улыбки.
Мне в гостях у Астафьева душу свело
От того, что мы все – совершаем ошибки.

Совершаем ошибки. Во имя чего?
Этот с жалом к нему, этот с тайным кинжалом.
Позволяем честнейшее имя его
Перепиской терзать и трепать по журналам.

Вот сидит он – приветливый русский мужик,
Столько вынесший зла и читательских пыток!
А в устах у него – наш народный язык,
А в глазах у него – доброты преизбыток!

И почти не видна – в глубине этих глаз
Затаилась печаль, что прихлынуть готова,
И тревога, что в сердце вошла не на час
За родимую землю, за русское слово.

Это горькое право великой судьбы
Быть российскою болью, её средоточьем...
Вот он снова в Овсянке – у той городьбы,
Где дочурка мелькала цветастым платочком.

.....
И пускай этот дом ненавидят враги,
Будет он и приветлив, и чист, и уютен...
– Ну-ка, Марья Семёновна, ставь пироги!
Снова гости пришли, и приехал – Распутин.

В тот день Астафьев подписал несколько книг иркутским писателям, которые я увёз с собой и с радостью вручил каждому из адресатов: Евгению Суворову, Володе Жемчужникову, Валерию Хайрюзову, Борису Лапину.

Ещё одним отзвуком той встречи явилось моё стихотворение, посвящённое дочери Астафьевых – Ирине, – потому что родители хоть и кратко, но с великой болью рассказывали нам с Худенёвым о ней, о её ранней смерти, а мы, не найдя слов утешения, молча, с сердечным сочувствием, слушали их.

– Теперь вот воспитываем внуков, – говорил Виктор Петрович, – Поля – тихая девочка, а Витька – сорванец, да ещё с характером.

Кстати, красноярский писатель Олег Пашенко в начале 1988 года передал мне через Валеру Хайрюзова газету «Красноярский комсомолец» (№ 138 от 17 ноября 1987 г.), которую редактировала бывшая иркутянка, выпускница отделения журналистики Иркутского государственного университета Людья Батынская, где оказались опубликованными две строфы из моего стихотворения об Астафьеве рядом с фотографией Виктора Петровича, сидящего в обнимку с любимым внуком Витей.

Двумя годами позже в моей иркутской книге «Живу печалью и надеждой» появилось стихотворение «Памяти Ирины Астафьевой»:

НА СМЕРТЬ ИРИНЫ АСТАФЬЕВОЙ

И жалко смотрит из одежды

Рука, пробитая гвоздём.

Александр Блок

И прах, и тлен, и мрак, и тени –
Всё это будет впереди...
О, высший разум, от рожденья
Ты жив – рыданьями в груди.

Жизнь коротка, порой незряча,
Полна жестоких мук и грёз:
От детского слепого плача
До молчаливых взрослых слёз.

О, высший разум! Ты устало
Идешь трагическим путём.
Сей путь тебе предназначала
Рука, пробитая гвоздём.

Бессмертья не придумал гений,
Миросозданием влеком...
... Твои потери, обретенья
В могилу скатятся комком...

Из слёз прольётся дождь обильный,
Когда над вечностью земли
И над невечностью могильной
Застонут в небе журавли...

В один из приездов Астафьева в Иркутск мы, несколько писателей: Евгений Суворов, Валерий Хайрюзов, Владимир Жемчужников и я, после встречи Виктора Петровича в аэропорту, оказались в его номере в гостинице «Ангара». Хотели мы уйти, чтобы Виктор Петрович отдохнул с дороги, но он заявил:

– Я что, с Северного полюса прилетел?! Тут час лёту до Иркутска. Я никого не отпускаю, прижмите хвосты. Эй, младшбй, за водкой!

Он дал мне денег, и я помчался в ближайший гастроном, купил выпить и закусить. Мы пили водку, бесконечно балагурили, но, в основном, слушали Виктора Петровича, его живую живопись рассказов, мастерски с изысканным артистизмом сыгранных анекдотов, прибауток, удивительных, искромётных историй, большая часть которых так и не вошла в его произведения. Какое это было всепоглощающе дружелюбное время! Сколько в нас было молодости и сил! Мы ведь могли сидеть ночь напролёт и, затаив дыхание, слушать великого мастера. Где всё это? Конечно же, в памяти нашей – ясной, как полдень, и с годами никуда не исчезающей! И ещё, как яркое напоминание о той встрече, у меня осталась вставленная в паспорт фотографии Виктора Петровича, которую он подарил мне в тот вечер после прочитанных мною стихов.

И ещё помнится одна встреча с Астафьевым, которая случилась в самом начале перестройки и проходила в здании Иркутского театра музыкальной комедии (ныне ТЮЗ), где он ярко и убедительно отвечал на вопросы переполненной аудитории. Во-

просы поступали и вживую, и записками. Многих иркутян волновало то, что произошло со страной, с правительством, с тем же Горбачёвым, и Виктор Петрович мощно, резко, по-астафьевски крушил демократов и перестройку, говорил очень верные, идущие от сердца слова о русской доле и русском народе, попавшем в очередное кровавое месиво.

И народ ему рукоплескал, радовался возможности услышать правду и поверить в то, что многое в жизни страны изменится к лучшему. Не изменилось. Через годы мы это поняли, но тогда очень уж верилось в то, что жизнь, скорее всего, наладится, пойдёт по правильному вектору.

Тогда и Виктор Петрович верил во всё лучшее, потому что не мог думать и жить иначе. Но дальнейшая жизнь круто изменила обстановку в стране, самих людей и даже географию страны, не говоря о той умопомрачительной, не представимой доселе перевёрнутости, которая произошла с властью и чиновниками на всех уровнях.

Эти изменения на сломе эпох не обошли и великого писателя Астафьева. Но это уже другая история, другое измерение, другие воспоминания, которые похожи на мистическую фантасмагорию, происшедшую с нашей страной и с нашим обществом.

ЧАЕПИТИЕ В ОВСЯНКЕ

В 1984 году по пути из Москвы в Красноярск я на пару дней приземлился в родной Казани, чтобы отпраздновать с друзьями-однокашниками по суворовскому училищу День Победы. Заглянул и в дом своего друга Диаса Назиховича Валеева, члена Союза писателей СССР, автора повестей, рассказов, эссе, но в те годы более известного как драматург. Его пьесы шли на сценах многих театров Союза, а в Москве обжились в театре имени Ермоловой.

С Диасом меня связывала дружба со студенческих лет, когда он учился на геофаке университета, а я — на радиофаке авиационного института. Познакомились осенью 57-го года на семинарах республиканского литературного объединения при домемузее М. Горького. Тогда оба писали рассказы. А известный красноярцам как Роман Солнцев, тогда девятнадцатилетний студент университета Ренат Суфеев, представлял на наш суд свои юношеские стихи. Много лет спустя за скромную зарплату эти литературные семинары с десятком лет возглавлял заматеревший газетчик и писатель, геолог Диас Валеев, прошедший шлифовку на Высших литературных курсах при Литинституте в Москве. Многие его ученики стали известными в республике и за её пределами служителями пера.

В беседах за чаем о днях минувших (спиртное мой друг из-за аллергии на любой алкоголь никогда не употреблял) Диас, подогретый, по-видимому, собственными воспоминаниями о трёхлетней отработке после университета в геологических поисковых партиях в Кемеровской области, в Горной Шории, а также моими рассказами о красотах Саян, Столбов и Енисея, вдруг встрепенулся:

— А ты, Саша, не можешь достать мне две турпутёвки на пароход от Красноярска до Диксона?.. Хотелось бы с младшей дочкой, Диной, по Енисею прокатиться. Лучше на июль, после сессии в университете, — она первый курс на истфаке заканчивает.

В то время в Союзе экономикой правил заклятый враг социализма — дефицит. Дефицит на всё — от мяса-рыбы-колбасы-сахара и до туалетной бумаги, женских плавок и колготок. В том числе, и на дорогие для рядовых граждан путёвки для отдыха за свой счёт. Доступ к ним решали грошовые взятки и магический блат в профкомах и парткомах. Но я уже год как утвердился на номенклатурной должности в крупном научно-производственном объединении «Сибцветметавтоматика», и не без усилий, конечно, — путёвки обеспечил. Трудность, помню, состояла ещё и в том, что для этого похода требовалось разрешение от вездесущего КГБ, поскольку остров Диксон и ныне находится в пограничной зоне. Тогда чекисты, вероятно, опасались, что писатель с дочерью могли, преодолев торосы и полыньи, использовать счастливый шанс раствориться в капиталистическом мире близлежащих — за тысячи километров от Диксона — стран.

Детали забылись, но какими-то ухищрениями и это бюрократическое препятствие бдительных спецслужб гражданам автономного Татарстана посчастливилось преодолеть. Впоследствии в красноярском журнале «День и ночь» появился рассказ Диаса Валеева «Полуостров Диксон» об этом занимательном путешествии. А реальным итогом вояжа явилось то, что прелестную Диночку Валееву очаровал красноярец Виктор — красавец-диджей и бард-гитарист из облуги туристов. Молодые поженились и увеличили население крайцентра, народив сына и дочку.

Дней за пять до отплытия от енисейского причала четырёхпалубного теплохода «Чехов» я встретил Диаса Назиховича и его дочку Дину на перроне красноярского ж/д вокзала и доставил в свою трёхкомнатную хрущёвку на собственных «Жигулях». Купил эту «копейку» в спецмагазине «Берёзка» Новосибирска в октябре семьдесят восьмого года, не маясь годами в очереди, поскольку на Кубе скопил советскую эрзац-валюту — чеки с жёлтой полосой. Плата всего-то за полтора года инженерного труда проектировщиком автоматики и электроснабжения в сернокислотной и сероводородной атмосфере никелевого комбината в городке Моа.

«Копейка» позволила мне спокойно перемещаться, — пробки тогда были редкостью, — с гостями по городу и его окрестностям. Погода выдалась совсем не сибирская — в меру жаркая, солнечная. Показал Диасу и машинописный сборник своих рассказов и повестей. Они ему понравились, и он удивился, что я много лет пишу «в стол», не беспокоя редакции журналов рассмотрением своих шедевров, поскольку, мол, они далеки от соблюдения жёстких канонов соцреализма.

— А ты думаешь, я укладываюсь в это прокрустово ложе? Давай лучше познакомлю тебя с Астафьевым — и дело сдвинется с мёртвой точки...

Поведал, что приятельские отношения между моим другом и признанным классиком возникли года два-три назад, в доме творчества в Подмосковье — в Рузе или Малеевке. Виктор Петрович оставил казанскому коллеге свой адрес с приглашением заглянуть к нему, если судьба занесёт Диаса в Красноярск.

Однако Астафьева на его квартире в Академгородке мы не застали. Благо, соседи подсказали, что писатель с семьёй всё лето проводит в Овсянке. Порулили туда по извилистой, узкой, с подъёмами и спусками, таёжной дороге на Дивногорск. Отец и дочь восхищались красотами Енисея и его живописных берегов, так не похожих на привычные для обитателей средних широт России более спокойные, величавые волжские и камские просторы. По пути Диас рассказал несколько забавных эпизодов, связанных с его и Астафьева пребыванием в доме творчества. Там, наряду с пишущей братией, в соседних корпусах по профсоюзным путёвкам расслаблялись всеми чакрами не озабоченные муками творчества простые советские труженики. А Валеева, по его словам, с Астафьевым тогда сблизило, в частности, одно обстоятельство: в Московском драмтеатре имени Ермоловой одновременно шли спектакли по их пьесам.

Теперь, когда меня навещают гости с российского Запада, моя жена Нина везёт нас на иномарке в Дивногорск, чтобы показать Красноярскую ГЭС и образованное её плотиной море. Обязательно делаем остановку на торговой площади, предвещающей подъём по широкой лестнице на смотровую площадку с изваянной на ней в металле — уже после смерти писателя — кокетливой, будто русалка, царь-рыбой. И мне всякий раз вспоминается, как и в той поездке с Диасом и его дочкой мы взобрались по тропинке на скалистую смотровую площадку, чтобы полюбоваться енисейскими далями. Вершина этой скалы и при жизни Виктора Петровича была забетонирована, что он сурово осудил в одном из своих произведений как надругательство над истинной красотой природы. Да только во все времена разве кто-то прислушивался к мнению пророков в своём отечестве?..

* * *

Я затормозил «Жигули» у ворот родовой избы Астафьевых: мне её несколькими годами ранее показал приятель, гендиректор крупного предприятия, построивший себе в Овсянке загородную домину с баней и бассейном. По доносу завистников Гена (так звали приятеля) попал под колпак советского ОБХСС, где его подвергли моральным пыткам. Слава Богу, что злоупотреблений, потянувших на тюремный срок, не выявили. Однако строгача по партийной линии и снятия с должности посягатель на социалистическую собственность не избежал...

Дина осталась в машине, а Диас и я постучались в калитку — её открыла маленькая женщина со строгим взглядом. Назвалась Марией Семёновной, женой писателя. Сказала, что Виктор Петрович с утра ушёл на рыбалку. Скоро должен вернуться на обед. Услышав о том, что нас привело сюда, приветливо позвала в избу, но мы смиренно предпочли подождать хозяина на улице — на скамейке у калитки, рядом с палисадником.

Отсюда открывался вид на Енисей и его левый высокий берег. Река отливала золотом под лучами щедрого солнца, а высокий противоположный берег, покрытый лесом, манил в душистую прохладу. Какое-то время спустя увидели, как от уреза сверкающей на послеполуденном солнце реки, припадая на одну ногу, к нам устало приближается человек в рыбацких ботфортах, с удочками в правой руке и кошёлкой — в левой. Весьма похожий на персонажей из своих рассказов и повестей, знакомый по фотографиям и телевидению человек.

При виде моего казанского друга морщинистое, обожжённое солнцем лицо «вёсёлого солдата» мгновенно помолодело, светлые глаза засияли радостью. Так что у меня пропали всякие сомнения, помнит ли он Диаса.

Пока Мария Семёновна накрывала стол для чая, Виктор Петрович переоделся и пригласил показать нечаянным гостям свою скромную усадьбу. Больше всего радовался недавно выстроенному для него летнему кабинету — времянке, обитой свежим тёмсом, с плоской крышей и большим окном, обращённым в крохотный яблоневый сад с зарослями малины и смородины. Внутреннее убранство кабинета было предельно скромным: перед окном просторный стол с пишущей машинкой на нём и не застёкнённый шкаф с книгами. Сказал, что по распоряжению крайкома партии или крайисполкома над ним как Героем Социалистического труда шефствует Дивногорский завод низковольтной аппаратуры. Директор НВА Виктор Прокопьевич Шаповалов отнёсся к этому партийному поручению весьма ответственно, и по его хотению кабинет и гараж построили рабочие столярного цеха завода.

Виктор Петрович провёл нас и к воротам гаража, приоткрыл их и показал свою серую «Волгу». Легковушка, по его словам, тоже являлась предметом постоянных забот Шаповалова. Сам Астафьев водительских прав не имел, потому возил его шофёр, состоявший в штате заводского гаража. Но водители, с горькой усмешкой сетовал Виктор Петрович, из-за низкой зарплаты часто менялись. Автомашина то и дело мирно дремала в ремонте якобы из-за отсутствия запасных частей. А шофёра, пользуясь снисходительностью и технической некомпетентностью писателя, пьянствовали и нагло его обманывали, требуя денег на покупку запчастей. Использовали его «Волгу» для частного извоза, украденные детали продавали налево — владельцам аналогичных престижных седанов. Так что обладателю лимузина частенько приходилось, как, например, вчера, ездить в крайцентр на рейсовом автобусе. Жаловаться же начальству на оборзевших водил-земляков писателю, скорее всего, и в голову не приходило...

Директор НВА Виктор Прокопьевич Шаповалов мне был хорошо знаком. Объединение «Сибцветметавтоматика», где я работал главным инженером, и его завод оказывали друг для друга разного рода услуги. Мне нередко приходилось выезжать в Дивногорск, чтобы ускорить получение контакторов и автоматов для установки их на силовых панелях, используемых нашим объединением на предприятиях цветной металлургии. Да и Шаповалов навещался к нам, как правило, к концу рабочего дня. После деловой части встречи мы, как правило, втроём удалялись в комнату отдыха гендиректора объединения для праздного трёпа, подогреваемого содержимым из коньячной бутылки.

А сегодня за столом кроме Виктора Петровича сидели его жена и внук. Ну и мы, гости, — Диас Назихович с дочерью и я. Признаюсь честно: внука я вообще не помню — о нём мне напомнила Дина Диасовна, ныне кандидат искусствоведческих наук, когда я попросил её, позвонив в Казань, восполнить пробелы в подпорченной моим восьмидесятилетием памяти.

За чаепитием больше других говорил хозяин. Вспомнил какие-то весёлые эпизоды из их с Диасом пребывания в доме творчества. А потом рассказывал о вчерашней вылазке на рейсовом автобусе в Красноярск. И очень красочно, в лицах, копировал невнятно подслушанных им деревенских баб и мужиков, ездивших на колхозный рынок продать овощи и обзавестись дефицитом вроде сахара, крупы, макарон, синюшных бройлеров, докторской и ливерной колбасы.

Мне подумалось тогда, что его живую речь следовало бы записывать на диктофон и — без промедления и правок — трансформировать в прозу. Только вряд ли бы бдительная цензура допустила эти путевые «затеси» в печать, непременно уловив в их подоплёке нелицеприятную критику убогой советской действительности. К завершению чаепития к нашей компании примкнул и вышеупомянутый директор НВА Виктор Шаповалов, приехавший из Дивногорска на своей, а не служебной машине. Я шепнул в ухо Диасу — он сидел справа от меня — воздержаться от разговора о рукописи моих рассказов, уложенной в скоросшиватель. Эти машинописные «нетленки» покоились на его коленях, стыдливо прикрытые свисающим подолом накрахмаленной скатерти. Не хотелось мне выдавать своё претенциозное хобби собутыльнику моего шефа, запасного майора госбезопасности, хвастающегося своей дружбой с лицами из местной гэбэшной охранки. А Шаповалов мог без злого умысла выдать меня на нашем очередном междусобойчике с участием гендиректора моего предприятия. В рассказах он представал не в самом лучшем свете, пусть и под вымышленным именем. При случае он и так за застольями с приближёнными любил принизить мою компетенцию как технаря и производственника, называя меня, своего первого зама, то поэтом, то переводчиком. И не ценил самовлюблённый фанфарон того, что все его статейки в газеты, включая стенные, приходилось писать мне как бессменному редактору формально незарегистрированной многотиражки нашего научно-производственного объединения.

На предупреждение о неразглашении моих опусов при Шаповалове Диас вроде бы кивнул головой в знак согласия. Однако, выждав минуту-другую и видя, что чаепитье подходит к завершающей стадии, прервал общий разговор, снял с колен и подал Астафьеву злосчастный скоросшиватель примерно со следующим комментарием:

— Вот Александр Васильевич книгу своих рассказов собрал. Может быть, Вы посмотрите. Так, по-моему, ещё никто до него не писал.

Виктор Петрович взглянул на меня с интересом... или с досадой: много, мол, вас, неповторимых, ко мне навевается!.. И, вместо застольной читки и обсуждения

вслух творений «тайнописца», с улыбкой отфутболил через стол белую пухлую папку в мои руки:

— Передайте это в редакцию альманаха «Енисей». Скажите, что я уже просмотрел. Пусть они составят собственное мнение, а там редколлегия решит...

В «Енисей» я рукопись не понёс: сдрейфил, по правде говоря. Публикация грозила тем, что с тогдашней престижной и денежной работой мне бы пришлось расстаться за девять лет до пенсии. Ибо в ряде рассказов, кроме шефа, фигурировало много других легко узнаваемых персонажей из моей фирмы, порой замешанных в неблагоприятных делах. Глядишь, затаскали бы незадачливого автора по партийным и прокурорским инстанциям за очернение советской действительности. Короче говоря, не исключено, что предоставленный мне шанс более раннего вхождения в литературу с подачи Диаса Валеева и благословения Виктора Астафьева мной не был использован.

К тому же предупреждённый мной Виктор Шаповалов, к его чести, данный им обет молчания не нарушил, тем более что сам вскоре уехал переводом на работу директором подобного дивногорского завода — поближе к Москве. А некоторые рассказы из той папки в конце девяностых мной были всё же опубликованы отдельной книгой. По рекомендации Диаса Валеева и ещё двух казанских писателей — председателя Казанской городской организации Союза российских писателей (СРП) Виля Мустафина и Александра Воронина, преемника Мустафина на председательском посту, — меня приняли в этот Союз. К глубокому прискорбию, с двумя поручителями, Вилем Мустафиным и Диасом Валеевым, мне и многим их почитателям пришлось навсегда проститься уже после кончины Виктора Астафьева — в 2008 и 2009 годах соответственно... Тем не менее считаю, что и Виктор Петрович косвенно поспособствовал тому, что написанное мной в стол я привёл в порядок, сохранил и издал.

После знакомства в Овсянке мне доводилось ещё раза три видеться с Виктором Петровичем в официальной обстановке. Он, правда, меня не узнал, а напоминать ему о давнем чаепитии было бы смешно...

А в конце ноября 2001-го года вместе с другими почитателями великого таланта и мне пришлось пережить глубокую скорбь прощания с Виктором Петровичем после долгого стояния под мокрым снегом в процессии, чтобы задержаться на бесконечные мгновения у его гроба в зале краевого краеведческого музея...

ВСПОМИНАЯ ОЛЕГА ШЕСТИНСКОГО

ВАЛЕРИЙ СДОБНЯКОВ

ЛЮБИВШИЙ АНГЕЛОВ И ПТИЦ

Как горько совпадают эти две даты, два юбилея — прорыв блокады Ленинграда и день рождения Олега Шестинского, которому исполнилось бы в этом году семьдесят пять лет. Горько, потому что память об одной из самых великих трагедий в истории человечества просто немыслимо предать забвению, стереть из истории. Уход же из жизни пять лет назад моего друга — это уже боль моя, личная. Но Шестинский весь срок страшной, голодной блокады оставался в осаждённом Ленинграде, и потому эти два события во мне сроднились навсегда.

Мы подружились как-то сразу, открыто, доверительно. Ещё в ранней молодости я читал стихи Олега Николаевича в литературных журналах. И потому, когда Николай Переяслов, предлагая мне рукописи рассказов Шестинского для публикации в журнале «Вертикаль. XXI век», спросил, знаю ли я этого автора, вместо ответа я возликовал в душе. Видимо, всё это было не случайно, промыслительно. И сколько же было потом встреч, разговоров, доброго участия в судьбе друг друга.

Как всегда бывает в таких случаях, первым делом мы обменялись книгами. Сначала отсылали их друг другу по почте, а потом уже и при личной встрече. После прочтения моей прозы о ярмарочном нижегородском детстве — отчаянном и никому не подконтрольном — Олег Николаевич, вспоминая своё детство, посоветовал мне прочитать свои «Блокадные новеллы» — воспоминания людей, в основном женщин, о тех страшных 900 днях, когда великий и прекрасный русский город был взят во вражеское, смертельное кольцо. Так я и поступил. И был ошеломлён той трагедией, что пришлось пережить мальчишке особенно зимой 1941-го. В пятнадцать лет Олег Шестинский написал такие взрослые стихи:

Весь мир военная беда
своим крылом накрыла,
не разгадаешь никогда,
которая вот здесь грядет,
которая могила.
Я, может, больше вас скорблю
и мучаюсь в душевной боли,

я, может, больше вас люблю
вот это вымокшее поле,
я, может, матери солгу
и сам себе солгу,
а соснам, что на берегу,
солгать я не смогу.
Я думал только об одном —
успеть за дни мои скупые
сказать о самом о больном,
что мучает тебя, Россия.

Блокада — это та боль, которая неотступно, на протяжении всей жизни тревожила его сердце. В доказательство я могу привести далеко не полный список книг, вышедших в советское время в издательствах «Советский писатель», «Лениздат», «Детская литература», «Современник», «Молодая гвардия», где эта тема в той или иной мере звучала: «Ливнями омытая весна» (1958), «Войди в мою жизнь» (1962), «Позиция» (1964), «Звёзды над крышей» (1964), «Рукопожатье» (1967), «Люди вокруг тебя» (1968), «Вечное эхо войны» (1972), «Устой» (1978), «Новеллы о любви» (1987) и т.д.

Потом мне стало понятнее и то острое неприятие несправедливости, что терзало сердце Шестинского уже в конце жизни. Пережить такое, а затем видеть, как подлость и стяжательство захватывают всё жизненное пространство вокруг — что может быть горше и мучительнее.

И всё-таки по своим душевным качествам Шестинский был светлым, бесконечно добрым человеком. Хотя в определённых обстоятельствах он становился жёстко принципиальным. Но эти два почти взаимоисключающих друг друга качества как-то очень органично, естественно уживались в нём. Было в Олеге Николаевиче, на мой взгляд, что-то наивно доверчивое в общении с вновь узванными, буквально только познакомившимися с ним людьми. Во всяком случае, каждого, кого я ему представлял в каких-то случайных встречах, он воспринимал открыто, добросердечно. Конечно же, далеко не всегда такие ожидания Шестинского оправдывались, и тогда наступало горькое разочарование. Но и в этих разочарованиях он не был склонен, скандален, зато был честен, справедлив и принципиален.

Нет, он не был простачком, которого любой мог бы обмануть, очаровать, наговорив разные льстивые комплименты насчёт его стихов или прозы. Он трезво знал цену и себе, и своим поступкам, совершённым за долгую и далеко не простую жизнь, и своему творчеству. У Олега Николаевича был трезвый аналитический ум, который не потерял своей силы до самых последних дней жизни. Шестинский мог, что называется, разложить по полочкам любую ситуацию, докопаться до корней любой писательской интриги — я тому многократный свидетель. Тут сказывался опыт профессионального литературного аппаратчика, долгие годы находившегося в верхних эшелонах писательской власти — как-никак занимал пост секретаря Союза писателей СССР, в тогдашней иерархии, наверно, приравненный к должности заместителя министра в советском писательском министерстве. А мы знаем, что из себя представляли советские кадры. Случайных и некомпетентных людей там почти не было. Так вот, несмотря на всё это, главным для Шестинского в общении с людьми была перманентная вера в то, что он встретился с порядочным, верным и милосердным человеком.

И это, может быть, тоже отголоски пережитой в детстве блокады. Она рано повзрослевшего мальчишку научила и искреннему, не показному состраданию, и гневному бунту против вопиющей несправедливости, предательства, лжи.

Понимаю, многие меня могут упрекнуть в необъективности по отношению к Олегу Шестинскому, станут утверждать, что я не всё знаю о его делах и поступках в разные периоды его жизни. На это я отвечу — да знаю я всё! И от «доброжелателей», и от дорогих моему сердцу истинных друзей, словам которых полностью доверяю, и от самого Олега Николаевича во время наших долгих откровенных, покаянно исповедальных друг перед другом бесед. И потом — я и не скрываю, что пишу эти строки с любовью в сердце и упованием на вечную память о моём старшем товарище, друге. Проходят годы, и я всё отчётливее и отчётливее понимаю, как мне его не хватает.

Мне удалось незадолго до его ухода записать с Олегом Николаевичем интервью, которое мы так и назвали: «Блокада пронизывает всё моё творчество». И это действительно так. Только не одно творчество, а и всю жизнь, сам взгляд на которую у него продолжался оставаться всё оттуда же, из окружённого Ленинграда.

В последней большой книге стихов «Птица спасения» поэт поместил целый раздел «Моя бессмертная блокада». Там есть такое стихотворение:

Я жизнь свою помню с огня и печали,
со звона декабрьской земли,
когда динамитом кладбище взрывали,
чтоб мёртвые в землю легли.

Что было, то было,
что было, не сплыло
из памяти цепкой моей, —
я жизнь свою помню с блокадного тыла,
с морозного скрипа саней.

Заканчивается стихотворение так:

Сограждане гибли в осаде... И разве
могу я забыть до сих пор,
как светлые души ровесников гасли,
их юности наперекор?

А если бы смог мне тогда примерещиться
позор наших нынешних дней,
я выполз бы, мальчик, из бомбоубежища,
не прячась от смерти своей.

1998

После этих строк становится понятна такая высказанная Олегом Шестинским мысль: «По-моему, поэзия способна, как ни один из жанров искусства, уловить дух переживаний людей в ту или иную эпоху. Поэзия вне этих задач для меня не интересна. А вот как я уловил Время и душевное состояние современников, судить не мне, а читателям».

Сейчас я выскажу далеко не оригинальную мысль, но стихи любого настоящего поэта — это его дневник, в котором отражены не только те события, которым он был свидетелем, к которым в той или иной мере был причастен, но, в первую очередь, дневник чувств и переживаний, которые он пережил при этих событиях, которые можно выразить только так, большей частью подтекстно, иносказательно, на не совсем объяснимой, не поддающейся логическому определению эмоциональной ноте. Неведомыми путями эта «нота» пробуждает в нас совершенно определённые мысли

и чувства, которые мы опять же не в состоянии логически объяснить. Но музыка чувства уже звучит в нас.

Олег Шестинский написал стихотворение, которое называется «После войны». Я думаю, что в нём сокрыта глубинная суть нашего народа, которая во все времена не давала нам опуститься, оскотиниться. По-особенному для меня это стихотворение зазвучало после той истерии, которую устроили «демократы» в канун Победы, в первую очередь, русского, но и всего советского народа в Великой Отечественной войне. Советскую армию обвиняли в жестокости, не гуманности, стяжательстве. Слушая всех этих бесчисленных гозманов, немцовых, гельманов, швыдковых, я понимал, что объяснять им о наших переживаниях, о Сталинграде, Курске, о миллионах убитых и замученных, сожжённых и искромсанных штыками бесполезно. Нет таких слов, которые они могли бы воспринять, нет у них чувств, которые бы эти слова могли задеть. Но вот мальчишка, переживший одну из самых страшных блокад в мировой истории, повзрослев, вдруг написал и в 1978 году опубликовал такие строки:

Мальчишкой с умом откровенным,
Забывшим про голод и страх,
Я встретился с военнопленным
На Кировских островах.

Сновал он у груды кирпичной
Нисколько не схожий с врагом,
И ловко рукою привычной
Орудовал мастерком.

Ледящий он был, не ядрёный,
С подсинённой кожей скул, —
И завтрак я свой немудрёный
Зачем-то ему протянул.

Но зачем сделал это мальчишка. Неужели всё простил врагу? Оказывается, нет. Милосердие свойственно нашему народу, оно является сутью его, а иначе мы бы не были тем, кем являемся, и не рождала бы наша земля замечательных писателей, композиторов, художников, философов — великих творцов общечеловеческого духа. И Шестинский в своём стихотворении ставит такую точку:

О пленном являя заботу,
Словами не бью, не кляню
И этим по высшему счёту
Его подтверждаю вину.

Услышит ли он, не услышит,
Поймёт ли моё торжество, —
Я был беспощадней, был выше,
И был человечней его.

Но есть и совсем другая творческая судьба у Шестинского — это его проза. В последние годы своей жизни помимо стихов, публицистических и литературно-критических статей он часто обращался именно к прозе, писал рассказы, которые в итоге

составили книги его художественных мемуаров (так много в них вошло от непосредственно личной жизни автора) — «Яблоко Евы» и «Ангелы гнездятся на земле». Во время наших встреч и разговоров, слушая о сложных жизненных перипетиях, выпавших на долю Шестинского, я уговаривал Олега Николаевича написать книгу мемуаров. Но на все мои, как тогда казалось, совершенно резонные доводы он неизменно отвечал: «Я об этом уже написал». Теперь, перечитывая последние книги писателя, я отчётливо понимаю, что он оказался прав. Наверно, более правдиво и убедительно о прожитом и пережитом рассказать было невозможно. Мемуары не передавали бы жизненной полноты так, как это изложено в рассказах.

Но, может быть, самым важным для Шестинского стал рассказ «Серафимовское кладбище». Не зря автор посвятил его своему сыну Евгению. Значит, в определённом смысле произведение является его духовным завещанием. К тому же именно им открывается книга «Ангелы гнездятся на земле». Когда Шестинский мне её подарил, то на свободном листе под эпиграфом из стихотворения М. Ю. Лермонтова

«По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой»

написал: «Валерию Сдобнякову — никогда не забывай меня. Твой друг — всегда Христос с тобой! Олег Шестинский». До его ухода из жизни оставались считанные месяцы. И, конечно, это было прощание. После выхода книги в свет Шестинский уже больше ничего не написал. Потому и следует как можно внимательнее прочитать «Серафимовское кладбище».

История рождения этого рассказа мне доподлинно известна. К написанию его Олег Николаевич готовился заранее, а когда рассказ был создан, то автор придавал этому произведению очень большое значение, буквально считая его одним из главных в своём творчестве.

Рассказ о том, как автор, хоть умом и понимает, что этого сделать невозможно, но пытается вернуться в город своего детства — в блокадный Ленинград. И беря за отчёт две эти точки как в своей жизни, так и в истории страны в целом, пытается понять, оценить то, что произошло и лично с ним, и с Россией. Нелёгкая задача, при решении которой могут последовать только субъективные выводы. И всё-таки...

«Моя Родина — питерское Серафимовское кладбище. Возразят: «Не кошунствуешь ли, обозвав Родину кладбищем?» — «Нет, — твёрд я, — там, где другим блазнятся лишь могилы, — моё мирозерцание, мои нерастратные откровения». Засеки разных причин на долгий срок стреножили мою поездку из столицы в родные питерско-ленинградские пределы. Душа томилась этой оторванностью. Зачем ехать-то? Да поклониться!.. Пульсировало во мне: куда я тороплюсь? И выдыхалось отчаянно: в город мёртвых!..»

Тени ушедших зовут к себе, когда сам автор (и Шестинский об этом говорит без страха), стоит на пороге вечности. Он готовится к встрече с теми, кто был ему дорог, с кем дружил, кого любил, без присутствия кого его сердцу было бы пустынно. «Родители, рано подкошенные житейскими тяготами; школьники блокады, лучинно обуглившиеся от бесхлебья; наставники-фронтовики, учившие жить по совести; и знаменитости; и святые — они манили меня». Он вернулся туда, где должны были обитать тени покинувших его — в родной питерский двор — порог вхождения в прошлую, давно и безвозвратно ушедшую жизнь...

Новые хозяева города загородили питерские дворы решётками, загнав туда свои дорогие машины во дворы. А до войны здесь мальчишки, играя, прятались «в глухих

свёртках поленниц», которые в блокаду были спасительно сожжены, а затем замерзающие жильцы принялись и за мебель; где отколотая осколком гранитная ступенька ещё хранит память о разорвавшемся здесь немецком снаряде; где «юные медички в брезентовых сапожках непугливо пробегали при обстреле... со стонущими жильцами на носилках»; где «вязались к колышку отцовы довоенные широкие сани для хозяйственных нужд, ставшие общепотребными для переправы покойников в морг». Получается, что нувориши отгородились не только от людей, от бывших жильцов, от памяти об умерших с голода, убитых во время обстрела города с Вороньей горы, но и от истории государства, которое в короткий срок оказалось порабощённым какой-то неведомой, необъяснимой, непонятной силой.

Живое прошлое оказалось недоступным. Осталось только искать утешение у родных могил. К ним-то пока ещё можно пройти. «Пал мой первый ПОРОГ. Но сохранился ещё и второй, откуда я мог вступить в город с распахнутостью чувств». Но какие это могли быть чувства, когда знаешь, что «мёртвые повсюду, под дорожками, цветниками», что здесь в земле лежат останки тех, кого «завозили вповалку в открытках кузовах и сваливали, как сухостой, во взъерошенные фронтовиками траншеи. Их накапливалось слишком много, чтобы думать о личностях. Они комкались в некую бесхозную массу... Их свозили со снежных улиц и из вымерзших комнат и на пустырях штабелили, ровняя».

Всё это жуткие, достоверные свидетельства очевидца. Как и вот это: «Помню, как впервые наткнулся на штабель мертвецов. В четвёртом слое вверх от грунта высывалась голова старика с буйной седой гривой, орлиноногого, с лицом белым, как из гипса. А впритык к его голове выставлялись чьи-то ноги в коричневых чулках. Меня озадачила штопка на чулке жёлтыми нитками. «Почему жёлтыми?» — долбил вопрос психической надломленностью. А страха не было. И печали не было. Только жёлтая штопка дивила».

Достоверность блокадных рассказов Шестинского о пережитых холоде и голоде меня поразила ещё тогда, когда я, найдя в нашей центральной городской библиотеке книгу «Голоса из блокады», впервые прочитал её. Уже там жизнь маленького мальчика в жутких, казалось бы, невыносимых, нечеловеческих условиях заставила меня не то чтобы содрогнуться, но как-то иначе взглянуть на окружающий мир, на происходящее вокруг. Как мы быстро забываем о трагедиях, о которых знаем, но которые сами не пережили, тогда как пережившие их помнят каждой клеткой своего тела, каждым движением своих душ.

И то, что для нас 900 дней, для них вся оставшаяся жизнь. Блокада не отпускает, словно пережитая она только вчера: «Нам, отрокам, выпала доля в будничной повседневности воспринимать исход, итог, истощанность физических сил как самое сущее. А как иначе, когда с ежесуточным постоянством вымирают соседи по дому в комнатах, как в коммунальных гробах; когда не прибранных с улиц покойников, припорошиваемых снежком, просто равнодушно обходишь?.. Мы вослед ослепительно ободряющей военной победе туманно и спотыкаяюще принялись возвращаться назад, осознавая себя, — от исхода, зиявшего перед нами, к первоначальному обладанию жизнью... Тут и есть знак нашей отроческой непохожести на судьбы иных людей... Мы как никто проникались ценностями... совестливости и честности».

Этим словам нельзя не поверить, коль пишутся они у самой черты, в самом конце такого непростого пути. Да, была послевоенная молодость, были успехи, пирушки, влюблённости, были допущены слабости и совершены ошибки. Всё было, всё прошло, только необъяснимый словами код блокады неизживно остался в слабеющем сердце, в измученной к концу земной жизни душе. И код этот наталкивает Шестинского на мысль о Боге. Писатель искренне пытается разобраться в своих чувствах,

упоает на ту защиту, на которую только и осталось уповать как ещё продолжающим жить блокадникам, так и душам тех, кто ушёл из жизни в страшные для города месяцы. Он вспоминает историю гибели от осколка фашистского снаряда мальчика Юры в январе 1943 года, и как до конца своих дней в 1966 году неустанно ухаживала за могилой сына на Серафимовском кладбище его мать, а затем и сама легла рядом. И вот теперь некогда ухоженные могилы пришли в запущенность, в забвение, как и многое из того, чем жил, за что боролся и страдал наш народ. Наступившие новые времена безжалостны к прошлой памяти.

Сам Олег Шестинский переживает чувство вины перед своей матерью и задаёт уже самому себе вопрос: «Когда я сам окажусь в непознанном пространстве, узнаю ли я её среди бесчисленных теней?» Он опустился на колени перед гранитным надгробьем матери «и утонул взором в приблизившемся оживлённо-ласковом материнском врисованном лике». «И у меня перехватило дыхание, — восклицает писатель, — кладбище ликовало праздником всепобеждающей жизни».

Так автором был найден ответ о бытие Божиим. Так оказалась оправданной прощальной поездка в родной город, который сжался до размеров Серафимовского кладбища.

В завершение рассказа, какое значение этот рассказ имел в моей жизни, в наших с Олегом Николаевичем отношениях. Когда он был напечатан в журнале «Слово», то Шестинский, прислав журнал, попросил меня его прочесть и что-то о нём написать. В это время я уезжал к себе в деревню, один, без какой либо особой нужды, и, кроме всяких прочих книг, взял с собой и журнал с «Серафимовским кладбищем». Прочитав рассказ поздно вечером, я сел что-то записать для себя, для памяти на дальнейшую работу. Но вместо короткой записи в три дня я наработал текст на большой очерк о нашей с Олегом Николаевичем дружбе, о прочитанных мною его произведениях, который затем стал называться «Яблоки русского сада». Этот очерк оказался первой моей работой о судьбе и творчестве поэта.

Перед своей кончиной Шестинский вернул мне сбережённые им мои письма к нему со словами: «После моей смерти, может быть, захочешь опубликовать нашу переписку. Твои письма очень интересные». Так я и сделал — собрал воедино очерк, статью к его 80-летию, моё прощальное слово о нём, текст нашей последней беседы, но главное — всю нашу переписку (не утаивая самые острые моменты в наших взаимоотношениях) и издал книгу «Яблоки русского сада», которая совершенно неожиданно имела читательский успех. Тираж разошёлся быстро, а затем я удивлялся, наталкиваясь в Интернете на сообщения, что одни люди ищут, как её приобрести, а другие советуют — где, с какого сайта текст её можно скачать.

Так вроде бы совершенно случайный повод в итоге дал толчок к появлению на свет книги, которая оказалась нужной читателям. Отсюда я делаю только один вывод — творчество русского писателя, поэта, переводчика, пережившего блокаду и честно отслужившего на своём поприще на благо родного отечества, как и память о нём самом, остались в благодарных сердцах его читателей. Это ли не достойное завершение долгого и в то же время такого короткого земного пути. А нам теперь уже навсегда остались его произведения, стихи, в том числе и те, скорбные, что вырублены на гранитных стелах, установленных на Серафимовском кладбище непокорённого Ленинграда.

КРАСОТА АКВАРЕЛЬНОГО УЗОРА И ОБРАЗЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

о живописи и поэтических переводах Фоата Султанбекова

Живопись для него, как, впрочем, и поэзия, — не ремесло, не род профессиональных занятий, а любимое дело в свободный час, возможность уединиться в череде сумасшедших и ускользающих дней, желание «остановить без устали бегущее мгновенье». По основной профессии он — математик, кандидат наук, специалист в относящейся к функциональному анализу области квантовых структур, автор нескольких учебных пособий, более 40 научных публикаций в отечественных и зарубежных изданиях; успешно работает сегодня в учёной должности доцента на кафедре математического анализа Казанского федерального университета.

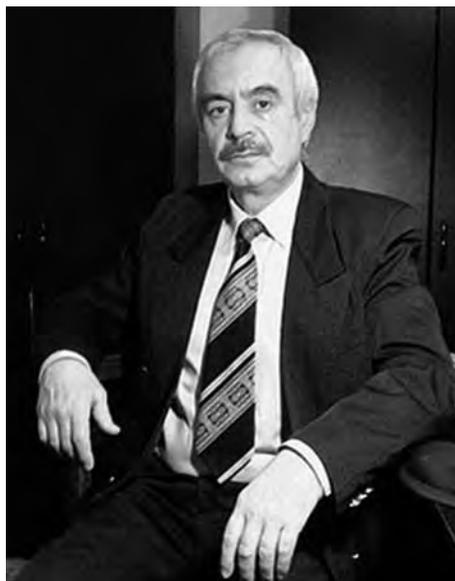
Живописью увлёкся он рано, в девятилетнем возрасте, и, как сам вспоминает, поводом к рисованию стал для него альбом одноклассника, в котором тот копировал иллюстрации маститых художников к известным произведениям русской и мировой литературы. Копии были сделаны цветными карандашами — аккуратно, с любовью, красиво, и это так поразило Фоата Фаритовича, что он сразу попросил друга дать ему на время альбом. Весь выходной день провёл он за письменным столом, усердно воспроизводя изящные линии, а потом понял, что может рисовать ничуть не хуже своего даровитого товарища. И, как нередко бывает в таких случаях, внезапно возникший внутренний интерес был поддержан стечением внешних обстоятельств. В средней общеобразовательной школе узбекского города Карши — города, в котором родился и вырос Фоат Фаритович, был кружок рисования. Искушённый первыми самостоятельными шагами в новом творчестве, школьник стал его посещать, а затем мальчика пригласили в студию живописи и рисунка городского Дома пионеров.

Студией в то время руководил Хаким Ахунович Ахунов, выпускник Казанского художественного училища. Педагог этот был, как можно понять, — от Бога. Абстрактные разговоры о живописи его, человека вполне демократичного, интересовали мало. Действовать предпочитал он решительно, без окольных рассуждений беря «быка за рога»: ставил гипсовый орнамент, украшал его листьями и цветами и садился вместе с классом за мольберт. Дети с неподдельным любопытством наблюдали за тем, как преображался, по воле учителя, лист белой бумаги. Пример для подражания был рядом, и чуткие на доброе сердце ученики быстро осваивали азбуку живописного мастерства, запоминая попутно на всю жизнь ту тривиальную истину, что природой

данная способность не стоит ни гроша, если её носитель пренебрегает дисциплиной и не верит в просветляющую силу рутинно-трудо-вых навыков. Любое воображаемое «воздухоплавание» нуждается в знании простых приёмов, в сознательном и порой скучном понимании того, как действует гравитационная сила «земли». Что поделаешь, «в геометрию царских путей нет»...

Из всех средств живописи ему ближе всего акварель и гуашь. Художники-профессионалы, правда, считают их учебным материалом, которым пользуются начинающие. Высшим, классическим видом живописи признаётся полотно, созданное масляными красками. Связано это, в первую очередь, с тем, что акварельные этюды недолговечны; масляные холсты, хотя и темнеют, но сохраняются значительно дольше. Кроме того, акварелью пишут на бумаге, а бумага в сравнении с холстом не предполагает больших размеров. Акварельная живопись — это «камерный» вид искусства, монументальность ей совершенно чужда. Отсюда — по формальным критериям, несмотря на новейшие технические достижения, связанные с возможностью оцифровывать рисунки на персональных компьютерах, акварель, казалось бы, проигрывает маслу. В действительности, однако, всё совсем не так. Природа живёт балансом, и абсолютного торжества крайних сил в ней, к счастью, нет. Конечно, акварельный этюд относится к числу плохо сохраняемых изображений, но по качеству эстетического эффекта он едва ли уступает масляному полотну. Акварельная краска легка и прозрачна, переходы разнообразных цветовых тонов ей даются лучше. Более того, акварель предполагает в художнике развитую интуицию, опыт экспромта, сложившуюся технику письма, поскольку исправить недочёты акварельной краски труднее, чем масляной, — исправления будут слишком заметны, чтобы не обратить на них внимание. С некоторой долей условности можно сказать так: акварель — это восточная поэзия с её созерцанием краткого мига и попыткой, найдя неожиданное слово, уложить его в той форме, в какой оно явилось, дабы слово могло сказать само за себя, суверенно, без какой-либо помощи со стороны; масляная кисть — это западная проза с рассчитанным чертежом сюжета, подготовительными черновиками, продуманной идеей. И то и другое имеет множество важных преимуществ, благодаря которым, вероятно, искусство остаётся вечно актуальным видом творческой деятельности человека...

Количественно в его живописных этюдах преобладают натюрморты. К ним он испытывает явную художественную слабость, они для него — особая мера гармонии как та естественная красота, которая располагается на тонкой пограничной линии между жизнью и смертью. Цветовая палитра натюрмортов в целом характеризуется сдержанностью: нет броских, вычурных красок, зато проглядывает тенденция к фактурности, полновесности, выделке предметных форм в своеобразной авторской манере. Так, например, в этюде под названием «Яблоки на стекле» центр изображения сосредоточен на тарелке с несколькими яблоками и одним — на плоском, настольном стекле. Представлены они в отчётливой вещественной конфигурации, точно, с ясны-

ми границами; заметен бережный переход от жёлтого цвета к красному с тёмными оттенками. Существенно при этом то, что художник играет тонами, ибо вся смысловая глубина живописного акцента сконцентрирована на самом стекле, отражающем свет, — прозрачном, хрупком, воздушном, вбирающем следы цветовой гаммы яблочных плодов, хотя и рационально очерченном в квадратных пределах. Здесь, если подумать, заложена целая философия: умирающая природа растворяется в том, к чему она, по воле случая, сумела прикоснуться; красота передаётся рукотворным вещам, чтобы продлить существование в новом качестве. Показательно, что фон этюда отмечен скупостью внешних форм: окно и едва угадываемая занавеска, колыхающаяся на тёплом ветру (высокая, немного сужающаяся у горловины ваза для цветов не в счёт; она — часть «яблочно-тарелочного» центра композиции).

Тяга к фигуративности видна в этюде «Три грации», изображающим три восточных кувшина синего цвета с хорошо прорисованными контурами и три спелых яблока, лежащих рядом на чистой белой ткани. Их пространственная соотносённость рождает мысль о диалоге естественного и искусственного, природного и культурного в мире. Удивление вызывает «антропологичность» кувшинов, их грациозность, почти телесная привлекательность; они похожи на коранических гурий в райских садах, готовых обольстить праведника красотой гибкого, обворожительного стана; прикрывая голову цветистым платком, они будто бы смотрят смеющимися глазами на поэта и просят сложить о них очередную песню любви. Что касается складок на полотне, то они вбирают синеву кувшина, выступая заменой зеркала или настольного стекла. Этюд «дышит» теплотой, нежностью, внутренним благолепием; он производит сильное впечатление; нет элемента композиции в нём, о котором можно было бы сказать, что он лишний или поставлен не к месту.

Натюрморты художника располагают к умиротворённости, безмятежному покою после гнетущего дневного шума, к «тихому созерцанию», если употребить удачный термин И. А. Ильина, знаменитого русского философа Серебряного века. И. А. Ильин, как мыслитель христианского толка, под «тихим созерцанием» понимал саму возможность человека в процессе аскетического размышления увидеть «даль божественных небес». Для него земная вещь была отголоском непоколебимой вечности, её нерушимого порядка. Намёков на такого рода концептуализм в акварельной живописи Фоата Фаритовича, конечно, нет. «Тихое созерцание» тут — лишь фиксация мимолётной красоты, её обнаружение в состоянии грустной задумчивости, глубокой человеческой печали. «Тихое созерцание» напоминает и медитативность средневековых японских пейзажистов, обнаруживающих предмет (луну, цветок, утреннюю росинку на зелёной траве) в конкретности форм, без попыток соотносить его с миром «иной, невидимой стороны». Это не значит, что японский автор пренебрегал вечностью; вечность в его картинах присутствовала всегда, но будучи погружённой в сердцевину бесконечного движения жизненной стихии по циклическому кругу, а не выделенной из него и подающей какие-то знаки для посвящённых.

Вот этюд «Уснувшие гроздья». Он изображает стол, покрытый скатертью; на нём — два кувшина с ветками красной рябины и тарелка с фруктами. Название этюда коррелирует с содержанием: свисающие гроздья рябины и её засыхающие листья словно находятся во сне, в летаргической неподвижности, а сон у художника — отнюдь не тлен природы, свидетельствующий о тварности мира; это особое состояние разливающегося в пространстве покоя, способ присутствия вечности в потоке сменяющихся друг друга временных рядов.

Та же мысль находит своё воплощение в этюде с характерным названием «Ностальгия». На нём — оранжево-красный кувшин с букетом пионов; около кувшина

АКВАРЕЛИ ФОАТА СУЛТАНБЕКОВА

Натюрморт с книгой

*«О, чьи ж глаза не загорелись,
воздушность видя акварели!..»*

Торжество самовара

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Уснувшие гроздья

Ностальгия

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Казанка

Свидание

Правый берег Волги. Вечерет

АКВАРЕЛИ ФОАТА СУЛТАНБЕКОВА

Тихий закат

Восход на Волге

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Три Грации

АКВАРЕЛИ ФОАТА СУЛТАНБЕКОВА

Каршинские маки

Яблоки на стекле

Опадающие розы

А за окном февраль...

ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ

Ташёвка под Казанью

Волга вблизи Астрахани

*«У безнадежности найти надежду,
у бесконечности — конец...»*

Город

Благоухания роскошного Востока

В ритмах цвета

располагается чашка-пиала с традиционным ориентальным узорчатым рисунком. Чувство ностальгии можно трактовать как обострённую тоску по совершенству, если учесть, что пионы у автора — крупные, со свежими стеблями и листьями. Стена из белого кирпича на заднем плане — знак присутствия человека, с которым природа находится в непрерывном общении. (Вместе с тем ностальгию можно толковать и не в «метафизическом» ключе. Восточный орнамент чашки и кувшина дают повод полагать, что авторская тоска при взгляде на букет пионов вызвана куда более прозаической причиной, а именно воспоминаниями о родном узбекском городке, где прошло детство, лучшая часть жизни, и остались милые друзья.)

Тот же задний план из белого кирпича встречается в этюде «Лилии», так что уместно рассматривать его как определённую вариацию на тему предыдущей картины. Этой связи способствует тот факт, что в «Лилиях» цветочный бокал соседствует с типичным набором среднеазиатских кухонных принадлежностей — чашкой-пиалой и фарфоровым чайником, главным атрибутом восточного радушия и гостеприимства. Грусти как таковой в этом этюде нет, зато есть гедонизм благоухающего в меру счастья. Эта установка на наслаждение текущей полнотой жизни повторяется потом в этюде «Торжественность есть в самоваре...», но следовало бы подчеркнуть, что здесь автор остаётся верен себе. Счастье у него сдержанно, скрыто, не проявлено в той силе, какую мы вправе ожидать, если вспомнить шаблонный образ русского или татарского самовара на полотнах разных художников прошлого и современности.

Грусть у автора сопряжена с одиночеством. Интересен в этом отношении этюд «А за окном февраль...» Центральную часть бумажного листа в нём занимает ваза с зелёными прорастающими стеблями многолетнего цветка. Расположенная на подоконнике в обычной городской квартире, ваза чётко прорисована в контурах. Фон же представлен размытыми мазками акварельной кисти, демонстрирующими в голубой февральской дымке многоэтажный дом на противоположной стороне. Всматриваясь в этюд, нельзя не ощутить детского настроения художника, его умения определить глубину душевных переживаний человека изнутри, даже если им нет определения в словах. Он чутко уловил и выразительно передал грусть младшего школьника, так что нетрудно составить воображаемый сюжет. В холодный зимний день приболевшего мальчика одного оставили в тёплой квартире родители; им, вероятно, нужно быть на работе; школьнику скучно выполнять уроки, и он в тихой задумчивости кладёт руки на стол и смотрит в окно, перебирая машинально страницы старого, потрёпанного учебника математики. Обо всём этом автор говорит сдержанным языком живописи. Перед нами, в итоге, — повествование, законченный отрывок из длинного рассказа. Не случайно то, что название этюда с ясностью указывает на фрагментарность происходящего: художник предоставляет возможность зрителю самостоятельно произвести реконструкцию подразумеваемых событий.

Помимо натюрмортов, Фоат Фаритович работает в жанре пейзажных зарисовок. Характеризуя их, нужно отметить, что они выражают тот же комплекс чувств (автору, естественно, трудно уйти от себя), но по технической стороне исполнения более разнообразны. Фактурности живописного рисунка здесь солирует размытость цветовой гаммы. Из этюдов подобного типа назовём «Восход на Волге», «Тихий закат», «Волга. Начало лета», «Казанка». Бесспорное эстетическое воздействие оказывает этюд «Свидание» — о встрече двух влюблённых в дождливую погоду на мосту. Стиль этой картины ассоциативно переключается со стилем японской средневековой живописи тушью на бумаге. Свисающие ветви деревьев, капли дождя, петляющая река, остров вдалеке с рощицей, небольшой мост в виде каменной арки, миниатюрные зонтики двух влюблённых — все эти образы в единстве воплощают стойкое ощущение со-

зерцательной безмятежности. Кроме акварельных красок и кисти автор использует в работе шариковую ручку, достигая ею весьма значимых результатов. Примером внедрения простейшего средства в художественный процесс могут стать этюды «Ташёвка под Казанью» и «Окрестности Липтовского Яна, Словакия».

Что касается поэзии, то она представлена у Фоата Фаритовича по преимуществу художественным переводом — самым трудным видом литературного творчества, требующим от автора и всесторонних знаний, и усидчивости, и врождённого чувства стиля. Недавно в казанском издательстве «Отечество» вышла довольно большая по объёму и снабжённая материалом авторских репродукций натюрмортного плана книга переводов Фоата Султанбекова «Хайям и Шекспир. Трансформации рубаи и сонетов». В ней он попытался прочесть знаменитые сонеты Шекспира сквозь призму поэтики рубаи (жанра персидской любовной лирики), введя попутно в научный переводоведческий оборот термин и понятие «поэтическая трансформация». Книга эта оригинальна и глубока, поэтому остановимся на ней подробнее.

Дело в том, что судьба шекспировских сонетов в России сложилась на редкость удачно. Они многократно переводились на русский язык, однако результаты переводческой рецепции признать бесспорными до сих пор нельзя. Когда-то по праву считалось, что лучшие русские переводы сонетов принадлежат С. Я. Маршаку. Потом историческая ситуация изменилась, и приоритет был отдан харьковскому лингвисту А. М. Финкелю. В наше время переводы сонетов Шекспира — явление частое; сегодня их насчитывается не менее двадцати, и названная цифра, по-видимому, далеко не окончательная, лишь подчёркивающая тот очевидный факт, что Шекспир давно и прочно стал писателем невыразимого художественного тона. Существующие подходы ориентируются в основном на языковые возможности переводчика, что само по себе правильно, но недостаточно. В избранной стратегии перевода Фоат Фаритович отталкивается от жанрово-стилевых аналогий, имеющих историко-культурное обоснование. Переводчик стремится уловить коренную, внутреннюю, фундаментальную связь различных на первый взгляд поэтических форм. Он раскрывает содержание сонетов Шекспира на фоне четверостиший Хайяма, средневекового персидского лирика, с особенной виртуозностью и мастерством разрабатывавшего жанр рубаи, и, наоборот, уточняет значение хайямовских рубаи с точки зрения английских сонетов. Запад тут лицом к лицу встречается с Востоком, текст одной культурной традиции органично накладывается на текст другой и возникает сложный узор диалогических отношений. По сути, выбрана продуктивная тактика перевода, отличающаяся от всех ныне существующих: сонеты Шекспира, состоящие из четырнадцати строк, мастерски «уплотняются» в четыре строки авторских рубаи по персидскому каноническому образцу, а сами рубаи Хайяма «разворачиваются» в четырнадцать строк авторских сонетов на английский манер. Производится своего рода взаимообмен, призванный доказать, что Шекспир — это европейский Хайям, а Хайям — это персидский Шекспир. Автор переводов словно говорит читателю: если бы Шекспир мог читать рубаи Хайяма, он нашёл бы в нём преданного друга и духовного брата; если бы Хайям мог читать сонеты Шекспира, он открыл бы в нём близкого человека, доброго товарища и глубокого сомыслителя.

Действительно, с содержательной точки зрения и шекспировский сонет, и хайямовское рубаи парадоксально едины. В обоих случаях имеется сходство композици-

онных элементов текста в разном словесном объёме. Первые строки стихотворений обозначают тематический зачин; в последующих строках обнаруживается развитие темы, доходящее до точки кульминационного напряжения. Затем следует развязка, подводящая итог сказанному в кратком, едва ли не формульном определении. Кроме того, и сонет, и рубаи разрабатывают один комплекс сюжетов любовного характера с различными вариациями, выводящими читателя к вечным проблемам человеческого бытия. «Сонет, — утверждает автор, — это развёрнутая форма рубаи <...> рубаи — это сонет в миниатюре». Данное положение, собственно, и даёт право в процессе литературного перевода осуществить преобразование одной жанровой формы в другую. Такой тип преобразований Фоат Фаритович называет «трансформацией»: сонет, изложенный в виде рубаи, становится «транс-рубаи», рубаи же, представленное в качестве сонета, оборачивается «транс-сонетом». Перед нами, как видим, — достаточно удобные термины, возникшие не произвольно, по эпатажному авторскому желанию, как это зачастую бывает в гуманитарной сфере, а, напротив, фиксирующие глубинные закономерности в движении лирических идей по миру. «Трансформация» в определённой мере служит синонимом перевода как интерпретации текста. Главное в «трансформациях» — сохранение «души» переводимого произведения и обрамляющих её смысловых и формообразующих констант; всё остальное можно в меру менять. «Трансформация», как кажется, не совпадая, коррелирует с некоторыми сложившимися видами перевода, из которых ярким является свободный стих, или верлибр. В современной Европе он популярен; в России его широко практиковал М. Л. Гаспаров, известный литературовед и переводчик. Более того, он предложил учитывать случаи, когда верлибр в переводческой практике оправдан и когда обращение к нему представляется неправомерным. Если надо передать общие свойства художественной эпохи (скажем, принадлежность переводимого писателя к литературной школе или направлению), то лучше использовать размер подлинника. Но если стоит задача отобразить с точностью индивидуальность поэта, то верлибр оказывается незаменим; он даёт возможность, отбросив метр и рифму, сосредоточить всё внимание на образах и словесных украшениях. Верлибр лежит в основе «конспективного» перевода — такой формы восприятия, когда иноязычный автор переводится сжато за счёт намеренного сокращения ненужных длиннот. Переводу подвергается главная мысль, второстепенная усекается при сохранении структуры образца. Это — «дайджест» лирического произведения. «Трансформацию» сонета в рубаи целесообразно рассматривать в качестве разновидности «конспективного» перевода с той лишь разницей, что простой русский конспект в исходном моменте — это попытка «догнать» какую-либо культуру, быстрее её познать в основополагающих словесных текстах. В «трансформациях» заложена иная цель — прочесть одно культурное сознание сквозь призму другого, понять его через соотнесение с иной традицией литературного письма.

Чтобы читатель мог оценить специфику нового метода, приведём один пример. Вот 2-й сонет Шекспира в переводе А. М. Финкеля:

Когда тебя осадят сорок зим,
 На лбу твоём траншей пророят ряд,
 Истреплется, метелями гоним,
 Твоей весны пленительный наряд.

И если спросят: «Где весёлых дней
 Сокровища и где твой юный цвет?»

Не говори: «В глуби моих очей» —
Постыден и хвастлив такой ответ.

Насколько больше выиграл бы ты,
Когда б ответил: «Вот ребёнок мой,
Наследник всей отцовской красоты,
Он счёты за меня сведёт с судьбой».

С ним в старости помолодеешь вновь,
Согреешь остывающую кровь.

А вот «транс-рубай» Фоата Султанбекова:

Когда твой лоб избороздят все сорок зим,
Где ж красота? — «В глазах...» Словам твоим
И стыд, и срам. Достойней: «Вот моё дитя —
Мне оправданье в старости, я молод с ним».

Такие переводы, мы уверены, должны заинтересовать поклонников Шекспира и, вообще, любителей изящной словесности.

В заключение отметим, что творчество Фоата Султанбекова до некоторой степени является продолжением той, сформировавшейся в 1960-е годы линии развития, которая делала человека точной науки личностью, активно осваивавшей неточные области познания. Фоат Султанбеков — это, несомненно, «физик» с лирическим даром. Но если раньше обращение «физиков» к искусству диктовалось в значительной мере желанием преодолеть идеологические скрепы, командно-административным способом определявшие вектор развития художественного творчества, то теперь, в конкретном случае, эта своеобразная «миграция» объясняется «усталостью» от классической рациональности, попыткой в «игровой», «полуэкспериментальной», «стихийной» форме нащупать новые смыслы движущегося в скучной бесконечности бытия...

ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»

ИЛОНА МИЛОВАНОВА

ЖЕНЩИНА НА КОРАБЛЕ

СТАТУЯ

Я замерла, я изваяние,
Я то ли вечность, то ли миг!
Не высказанное признание,
Я то ли шёпот, то ли крик!

Во мне остановилось время,
И время движется во мне!
Я бесконечное мгновенье!
Я рядом с вами, в вашем сне!

Я и ответ, и объясненье,
Я и сомнения, и страх!
Я чьей-то страсти воплощенье!
Я идеалов чьих-то крах!

Вы ошибаетесь, считая,
Что я предмет – иди смотри –
Я не снаружи обитаю,
Я есть у каждого внутри!

СТАРИК

На скале над грешною землёй
Жил старик с седою бородой,
И скрывали тучи-облака
Тихую обитель старика.

Ночью звёздам вёл он свой рассказ
Про себя, про Землю и про нас.
Днём сидел недвижим – жив, не жив? –
Жизнь земную взглядом охватив.

Звёзды знают имя старика,
А земная память коротка,
И забыл, похоже, род людской
Старика – не нужен он такой.

А старик всё так же до сих пор
Устремляет свой на Землю взор,
И старик всё видит свысока
Сквозь туман, сквозь годы и века!

Старику все ведомы пути,
Он на зов людской готов прийти,
Но забыты у людей пока
Миссия и имя старика!

МОЯ ФОТОГРАФИЯ

Словно миг остановился
В суете тревожной дня,
И в глаза мои он влился,
И остался у меня.

И как будто в Бесконечность
Всё уносится, звеня.
Я на вас смотрю, как в Вечность!
Вы – как в Вечность, на меня!

ДВА МИРА

Два разных мира – две твердыни
Загадочно пересеклись:
Звучит в обоих моё имя,
Течёт в обоих моя жизнь!

Две явности, два постоянства —
 Два мира — всё различно здесь.
 Но в каждом есть моё пространство,
 И в каждом моё время есть!

Два мира, что покрыты тайной
 В пересечении своём:
 В одном звучат мне предсказания,
 Но исполняются в другом!

Что — откровенье иль знаменье —
 Сокрыто здесь?! Что жизнь моя:
 Во мне — миров пересечение,
 Или в пересеченье — я?

* * *

Как по заколдованному кругу
 Я иду в надежде, что вот-вот
 Разомкнётся круг, и кто-то руку
 Мне подаст, и колдовство падёт!

Но коварны чары колдовства,
 Год за годом круг они сужают,
 Призрачная помощь исчезает,
 Лживые глумятся божества.

В искажённом времени-пространстве,
 Словно в искривлении зеркал,
 Временное — в роли Постоянства,
 Темень — в роли Света правят бал.

Но порой средь иллюзорных звуков
 Слышу я, что кто-то песнь поёт,
 Песнь о том, что колдовство падёт,
 И извне подаст мне кто-то руку!

* * *

Чужая странная земля:
 Чужие реки и поля,
 Холмы чужие и леса,
 Чужие звуки, небеса,

Чужие люди, города,
 Чужие воздух и вода.
 Здесь чуждо всё, здесь всё не так!
 Кто враг, кто друг? Кто друг, кто враг?!

* * *

Сквозь обрывки фраз и сквозь странный
 смех
 Я зову тебя, одного из всех!
 Сквозь неясный крик и сквозь плач свечи
 Я тебя ищу и зову в ночи!

Сквозь горящий хор языков огня
 Я тебе кричу среди бездны дня!
 Сквозь прозрачный лёд, сквозь холодный
 свет
 Я ищу тебя, а тебя всё нет!

Среди всех пространств, среди звуков
 всех
 Я ищу тебя средь веков и вех!
 Сквозь молитвы все и сквозь все мечты
 Я зову тебя, где бы ни был ты!

* * *

Ты пойми, что не всё так просто,
 И не нужно твоих вопросов,
 И не нужно моих ответов —
 Суть не в этом!

Это всё, поверь, не случайно:
 Наша жизнь — это наша тайна,
 Ну а тайну обычно не судят.
 Пусть так будет!

Так оставь же напрасные чаяния —
 Мне желанно моё молчание!
 Или просто с ним легче жить.
 Может быть!

КНЯГИНЯ ОЛЬГА

Тихо плакала женщина
 По убитому мужу.
 Мечь, как птица зловещая,
 Вдруг закралась ей в душу.

Сразу взгляд стал смелей,
 Очи слёз уж не льют:
 «Мне, как дань, голубей
 Пусть древляне пришлют!»

К каждой птице, как тень,
Факел крепко привязан –
Древний Искоростень
Быть сожжённым обязан!

И наивно домой
Стаи птички летят,
Уносятся за собой
Смерти огненный взгляд!

О, княгиня, тобой
Свершена месть обещанная!
А в кремле за стеной
Горько плакала женщина!

ЖЕНЩИНА НА КОРАБЛЕ

Ты на трапе, ветер треплет платье,
Но уже по кораблю везде
Шёпотом из уст в уста – проклятье:
– Женщина на корабле! К беде!
Стоило лишь палубы коснуться,
И как будто приговор тебе –
Моряки с тревогой оглянутся:
– Женщина на корабле! К беде!
Эти взгляды переходят в ропот,
Этот ропот – словно крик судьбе!
За тобой, как шлейф, струится шёпот:
– Женщина на корабле! К беде!
И летит корабль под парусами
По зеркальной голубой воде,
Но звучит тревожно над волнами:
– Женщина на корабле! К беде!
И плывёт корабль, словно гонимый:
В парусах, в каютах – страх везде!
Страх у всех! И слышимый, и зримый!
– Женщина на корабле! К беде!
– Жди беды, покуда она с нами!
– Сгинем с ней мы все в морской воде!
– Нет, не место ей под парусами!
– Женщина на корабле! К беде!
Суеверье, как палач жестокий,
Роковую роль сыграв в судьбе,
Встало вдруг на жизненной дороге
Страшной фразой: «Женщина – к беде!»

Страх безумен, и решенье жутко –
Ждёт тебя, качаясь на воде,
Маленькая старенькая шлюпка.
Женщина на шлюпке – быть беде!
Моря ширь от края и до края,
И не видно берега нигде.
Шлюпка в море – хрупкая такая!
Женщина на шлюпке – быть беде!
А корабль плывёт по водной глади,
Страх исчез, но где веселье? Где?
Ходят моряки, в глаза не глядя,
Кто сказал, что женщина – к беде?

* * *

Я в снежной стране,
И от края до края
В серебряной мгле
Снега здесь мерцают.

Здесь неба замёрзлы
Высокие своды,
Здесь яркие звёзды,
Но тёмные воды!

Здесь чувства прозрачны,
Но мутно сознание!
Морозом охвачены
Сны и желанья!

Здесь всё заколдовано
Зимнею стужей!
Здесь льдами закованы
Реки и души,

Снегами покрыты
Равнины и нравы,
Истоки забыты,
Неправые правы!

Здесь трудно согреться –
Здесь холод могуч!
Поможет лишь сердце!
Иль ... солнечный луч!

ОСАДОК ДНЯ

*своемерные заметки на полях календаря,
продолжение темы, начатой автором в статье «Украина — не Россия?»
(«Аргмак» № 2 (17), 2011 г.)*

24 января. В театре «Свободное пространство» очередная премьера: спектакль «Украденное счастье» по пьесе украинского классика Ивана Франко поставил литовский режиссёр Линас Зайкаускас. Поставил в лучших традициях русского театра. Старик Станиславский, утирая украдкой набежавшую слезу, сказал бы: *верю...* Театр ещё раз показал, что способен на всё. Спектакль сыгран на голом нерве и на одном дыхании: органика и энергетика сквозного действия такова, что, кажется, за три часа в зале никто ни разу не отвлёкся.

Лейтмотив спектакля — щемящая народная песня. *Солнце низенько, вечор близенько; иду до тебе, моё сердэнько...* Ох, люди! не спешите радоваться: это ж беда идёт. Беда идёт в дом, где разрываются сердца. Рвутся от горя, рвутся от страсти, рвутся от ярости. Кто не видел Валерия Лагошу в роли Миколы, его ещё не видел: этого актёра в амплу не удержишь — наизнанку вывернется, но вырвется на творческий простор. И партнёры под стать: Светлана Нарышкина (Анна) и Сергей Пузырев (Михайло), две другие стороны трагического любовного треугольника, создают такой острый угол, что психологическая коллизия пронизывает спектакль насквозь. Можно сказать наверняка, что спектакль в репертуаре задержится надолго.

Можно сказать, что эта постановка является актом дружеской поддержки братского народа во дни смятения и смуты, когда национальная культура страдает от националистической политики. Что бы кто ни говорил, а украинская земля никогда не будет для нас чужестранной. Гарь от покрышек, горящих на улицах Киева, чёрной пеленой заволакивает наш общий горизонт.

Нэнько Украина, старая страна и новая держава, одержима духом мятежа. Евро-стремительные и евробежные тенденции разрывают общество на части. Посредством раздоров народ разделяется на *щирых украинцев* и *малороссов*. Что сбивает с толку сторонних наблюдателей, — иконой для патриотов европейской ориентации является... нет, не Иван Франко, выразитель демократических убеждений, а Степан Бандера, вдохновитель террористических организаций. Чужая душа — потёмки, даже если это душа братского народа...

Портрет Ивана Франко украшает купюру в 20 гривен; по курсу это, насколько я знаю, меньше ста рублей — что-то около двух евро. В любом случае деньги небольшие. Но, если уж говорить о демократии, каждый украинец вправе сам выбирать, на что ему менять свои гривны.

20 февраля. Всемирный день социальной справедливости. По решению ООН отмечается с 2009 года; несмотря на все проведённые мероприятия, за эти пять лет справедливости в мире больше не стало. Более того, расширенное внедрение демократии насильственными средствами ставит под угрозу относительное равновесие мировых интересов, достигнутое с таким трудом.

То, что сейчас происходит в Украине, наглядное тому свидетельство. Вооружённая оппозиция при моральной и материальной поддержке западных демократий выступает против коррумпированной власти... с особым цинизмом используя для риторического прикрытия своих политических целей две вещи несовместные — либеральную фразеологию и нацистскую идеологию. Во имя справедливости лидеры протеста согласны принести любые жертвы... согласия жертв никто не спрашивает.

10 марта. Прение об Украине, словно чёрная дыра в мировой геополитике, словно гравитационная воронка в информационном пространстве, затягивает в себя все нерешённые вопросы современного мира — от потери критериев этнической идентичности до угрозы третьей мировой войны. Миллиарды людей по всей планете всматриваются в хронику конфликта с напряжённым ожиданием...

Прение об Украине, переходящее в распря, вскрывает конфронтацию мировых держав на стратегической карте виртуальной войны. Никого из тех, кто поддержал государственный переворот в Киеве, не заботят реальные интересы украинцев. Тем, кто исподволь подготовил взрыв, нужно было, чтобы в правовом поле образовался провал; так тихой сапой закладывают мину под фундамент осаждённой крепости — чтобы обрушить стену и ворваться в брешь...

Российская крепость, после перестройки потерявшая ряд бастионов, восстанавливает целостность и решимость постоять за себя. Это уже очевидно. И вряд ли кто рискнёт пойти на штурм цитадели. Те, кому Россия стоит поперёк дороги, рассчитывают нас переиграть и принудить к сдаче позиций. Тем, кто хотел бы свернуть русскую историю от всемирного масштаба до регионального, в качестве стратегии выгоднее ползучая экспансия — медленное вымогательство геополитических привилегий. Чтобы противостоять нарастающему давлению, нужно иметь крепкую внутреннюю структуру. Реальной опасностью для нашей обороноспособности является не интервенция, а коррупция. И в этом плане амнистия проворовавшемуся министру обороны кажется, вежливо говоря, несвоевременной.

11 марта. Российская общественность большей частью поддерживает позицию президента. Однако несистемная оппозиция, упорная в своих намерениях, формирует альтернативное мнение: при нынешнем режиме у нашей страны нет права быть правой, и если, как показывает украинский опыт, для смены правительства нужно обрушить государство, — даёшь майдан!

Поэт и эссеист Лев Рубинштейн, призывая нас к всемирной отзывчивости, задаётся риторическим вопросом: *почему в цивилизованном мире никого особенно не волнует, каким цветом на географической карте покрашено то или иное место?* Что-то я его не понимаю... может, автор живёт в ином мире? потому что в том, где живём мы, грешные, геополитическая война не прекращается ни на один день. Будь иначе, за каким хреном надо было раскрашивать в разные цвета территорию СССР? Так бы и мазали всех нас одной краской... Так ведь нет! И Югославию, не особенно сообразуясь с моральными и правовыми нормами, миротворцы от НАТО разнесли вдребезги и рассыпали на карте в разноцветную мозаику. Своих оппонентов поэт сбивает с толку насмешкой: *вам что, важно, в какой форме в Крыму ходят милиционеры и какой валютой вам следует заплатить за бухло?* Вообще-то я тоже поэт, но данное риторическое

выражение считаю весьма сомнительным, чтобы не сказать — хамским. Кого имеет в виду автор, огульно лишая собственного достоинства — столичную элиту, которой по фигу, в каком клубе тусоваться, лишь бы хватало бабла? Или подлый народ, которому всё равно, где бухать, лишь бы менты не винтили? Поскольку объект презрения не конкретизирован, я воспринимаю это как оскорбление, адресованное всем и каждому. Значит, и мне тоже. Так вот, — я не согласен, чтобы на российской территории, каковой исторически является Крым, галицийские полицаи в нацистской униформе надзирали за тем, чтобы клятые москали за горилку платили гривнами. Хотя я вообще не пью...

Журналист и публицист Григорий Ревзин формулирует обвинение: *это чудовищное преступление — война России против Украины; мы с ней воюем за то, что она восстала против жулика и вора, и скинула его к чёртовой матери.* Как странно, что оппозиционное направление мыслей идёт по колее, сто лет назад проторенной большевиками, желавшими своей стране поражения в мировой войне. *Да не сможет цивилизованный мир так просто взять и смириться с этим безобразием; цивилизованный мир подумает, и скажет своё нецивилизованному.* Вслед предыдущему оратору автор априори подразумевает россиян туземцами, подлежащими надзору международных организаций. То безобразие, что цивилизаторы учинили в Ираке и Ливии (и наполину в Сирии), вместе с авторитарными режимами уничтожив сами государства, правомерно и похвально, а стремление русских варваров предотвратить подобное в отношении Крыма преступно и позорно...

При изложении своего особого мнения наши публицисты нехватку аргументов покрывают сарказмами. Это уж как водится. Раз прение, так прём напропалую! Такое ёрническое рвение, свойственное профессиональным провокаторам, равно характерно как для сервильных кремлёвских клеветов, так и для жадных иждивенцев разных неправительственных фондов. И равно отвратительно для не ангажированных граждан, которые хотели бы судить по своему разумению.

12 марта. Возможно, что наиболее продвинутым пользователям всемирной сети товаров и услуг по фигу, в какой Москве жить — столице великой державы или центре оффшорной зоны, — лишь бы сохранить образ и уровень жизни. Что ж, Бог в помощь; они вправе не связывать личную участь с общей судьбой. Но не все же у нас сами по себе: нет страны без народа! Большинству российских граждан, помимо новых русских, неолибералов и постмодернистов, — простым обывателям вроде нас с вами, не имеющим ни счетов в зарубежных банках, ни грантов от международных фондов, предложение *за здорово живёшь* поступиться национальными интересами не кажется удачным выходом из кризисной ситуации.

Я не моралист, но моё нравственное чувство протестует против мирового фарисейства, под видом справедливости последовательно утверждающего свою власть и параллельно устраивающего свою корысть. Я полагаю себя либералом — но русским либералом. И если как честный человек не поддерживаю доморощенной лжи, то тем более не вправе, в пику своему правительству, потворствовать импортному вранью. А по моему скромному разумению в прении об Украине правда на нашей стороне.

13 марта. Прение об Украине напоминает спор с глухими. Почему никто из западных адвокатов майдана не принимает никаких претензий противной стороны? Собственно говоря, ларчик открывается просто. Открывается как ящик Пандоры. Так уж устроен наш несовершенный мир, что если где-то дело плохо, кому-нибудь выгодно, чтобы стало ещё хуже. Международное право и мировое фарисейство две вещи

несовместные. Благими намерениями (допустим, что благими, — хотя положиться на идеализм политиков сложнее, чем поверить в романтизм проституток) вымощена дорога из кризиса в катастрофу.

15 марта. Прение об Украине в отношении России есть тест на ответственность: *твари ли мы дрожащие или право имеем?* Вопрос поставлен ребром. И это не частный вопрос об исторических правах России на Крым, речь идёт о российских претензиях на равноправное участие в судьбах мира. Имеет ли особый русский путь открытую перспективу или международная инспекция перекрывает движение знаком **STOP** — и дальше в будущее нам придётся пробираться окольным путём, по обочинам шенгенской зоны, забитым беженцами из прошлого...

16 марта. В этот день в Крыму состоялся референдум о его судьбе. Обитатели этого благодатного и злосчастного края впервые в истории сами распорядились собой. Вопреки запрету, наложенному западными державами. Будь Крым подальше от России, ему не было бы отказано в праве на самоопределение. Но то, что русскоязычный край вновь становится российским регионом, не устраивает заморских русофобов. По их убеждению, нельзя позволить крымчанам сделать неверный выбор. Если бы Крым наммервался присоединиться к Галиции или Греции, тогда ладно. А к России нельзя. Почему?! Потому что...

Свои притязания на Крым, кроме Украины, заявила Турция. У турецких националистов свои резоны. Турки некогда сделали крымских татар своими вассалами, превратив полуостров в плацдарм трёхсотлетней войны с Россией, Литвой и Польшей; основным промыслом Крымского ханства была поставка славянских невольников на стамбульский рынок. Прибыльное дело... А до них Крым завоевали монголы. А ещё раньше куски Крыма выгрызали русские князья и генуэзские купцы, воевали печенеги и аланы, заселяли армяне и караимы... А до того свой протекторат над этим краем установили хазары, подчинившие себе осевших тут готов. А прежде этой территорией владели византийцы, унаследовавшие права от римлян, завоевавших бывшие греческие колонии, ставшими независимыми царствами. А греки получили побережье от сарматов, отнявших эту землю у скифов, отнявших её у тавров, отнявших у киммерийцев. Что было до них — невесть. Хотя... дотошные житомирские историки доподлинно установили: первым крымским поселением был курень украинских казаков, возвращавшихся через Чёрное море с троянской войны...

Как бы то ни было, теперь Крым сказал своё слово, и мир должен принять как должное волеизъявление крымчан. Суть дела не в том, где теперь будет метрополия Крыма; вопрос стоит о принципах мирового правопорядка: право на самоопределение должно быть гарантировано всем народам в равной степени. А если одним сообществам позволено решать свою судьбу, а другим нет, понятие международного права теряет законную силу, и сила становится суррогатом права, а война — решающим аргументом геополитики. Что из этого получается, человечество тысячи лет испытывает на себе.

Хватит уже; пора заканчивать мировую войну, начатую три тысячи лет назад осадой Трои...

17 марта. Референдум решил вопрос о возвращении Крыма в состав России. Безоговорочно и бесповоротно. Общим решением восстановлена историческая справедливость. Через ясно выраженное волеизъявление принудительно отделённая часть россиян воссоединяется со всем народом. Невзирая на уговоры и угрозы извне.

Пафос и логос противников референдума вне морали и вне логики. Западные лидеры прессуют российского президента, чтобы тот отказался от намерения вернуть потерянных россиян на историческую родину. Особенно странно, что Германия, объединённая при поддержке России, за нашим народом права на целостность не признает; канцлер фрау Меркель (бывшая гражданка ГДР, кстати), пряча глаза от неловкости, референдум не одобрила. Дальше — хуже. Американский президент, выдвинув вперёд челюсть, подал на камеру реплику крутого парня из вестерна: *они за это дорого заплатят!* С чего, спрашивается, он так рассердился? Можно подумать, что мы переписали на себя Калифорнию...

Нервная реакция США понятна. Сильная Россия представляет проблему для Америки: не угрожая границам, ограничивает амбиции; задеты национальные комплексы — и национальные интересы. Ибо, как уверены американцы, сфера их интересов совпадает с земным шаром. Без всякого зазора. Несогласие с этой аксиомой является основанием для исключения строптивного государства из воображаемого сообщества, именующего себя цивилизованным миром. С последующими санкциями.

Мировые ревнители правопорядка поставили суверенитет Крымской республики в зависимость от американского сената и европейского парламента — чтобы политики, не очень ясно представляющие, где находится спорный полуостров, по своему разумению решали, кому отдать его в полное распоряжение. Умнепостижимо! Если международное право имеет смысл, то этот смысл должен сохраняться при равных условиях во всех обстоятельствах. Право так же бесстрастно к пафосу действий и безразлично к именам вещей, как математическое правило. Трудно представить, чтобы к сумме в евро можно было прибавлять ещё и ещё, а с рублями такая же задача решения не имела. Почему же региональная интеграция в Европу закономерна, а в Россию противоправна? Этот вопрос стоит первым в повестке дня, — но никто из оппонентов не может дать на него внятного ответа. Как будто на идею демократии нашло некое умопомрачение... или за основу мирового консенсуса принят парафраз парадоксального сарказма Оруэлла: *все страны равны, но некоторые равнее.*

18 марта. Позиции оппонентов в полемике об исторических правах России на Крым можно свести к двум базовым тезисам. Противники утверждают: *что с воза упало, то пропало.* Сторонники возражают: *быстро поднятое не считается упавшим.*

Если в конфликте интересов возникает потребность в третьей стороне, то для начала нужно установить независимость и непредвзятость инстанций, претендующих восстановить справедливость; если мировая общественность берётся быть арбитром в споре славян между собой, то решение по спорному вопросу должно приниматься в пользу того, кто прав, а не себе в угоду. Иначе это не арбитраж, а шантаж.

19 марта. Однажды въедливым взглядом корректора я выловил опечатку в титрах одной из новостных программ: вместо УКРАИНА — УРКАИНА. Не иначе как чёрт толкнул редактора титров под руку. Или фрейдистская описка? Во всяком случае, символическая ошибка. Говоря приватно, можно сказать, что власть в стране взяли *урки*. То есть криминал. То одна организованная преступная группировка держит зону, то другая. В ходе последнего налёта государственную машину захватила фашиствующая шпана: гайдамаки майдана, теоретики террора, практики рэкета et cetera.

В чём проявляется результат государственного переворота? Произвол сменяется беспределом. Законность, не гарантировавшая справедливости, сменяется беззаконностью, угрожающей безопасности. Идёт эскалация насилия: от стихийного протеста

к организованному террору. Век тому назад в это горе рухнула Россия. В наши дни в соблазн впала Украина.

То, что произошло в Киеве, участниками и сторонниками переворота позиционируется как свержение коррумпированного режима. Защищать прежнюю власть от морального осуждения не взялся бы, наверное, даже самый последний прохвост. Но если обиженные на жуликов и воров поручают защиту своих интересов барыгам и бандитам, то не только правовые и прагматические, но также этические и социологические аспекты такой сделки весьма сомнительны.

Вспоминается исчерпывающее определение фашизма, данное великим американским писателем, ветераном трёх европейских войн: *фашизм — это ложь, изрекаемая бандитами*. Именно так. Тут не убавить, не прибавить. В отношении теории и практики воинствующего шовинизма, ставшего господствующей идеологией правящей украинской элиты, это определение верно и буквально, и фигурально. И всё же новая киевская власть пользуется благорасположением западных демократий, союз которых сложился в борьбе с фашизмом как гарантия против новой эпидемии коричневой чумы, в середине прошлого века едва не погубившей цивилизацию. История, как видно, политиков так ничему и не учит.

Циничные политики, имея в виду свои геополитические цели, натравливают Украину на Россию, как накануне Второй мировой войны старались направить на СССР агрессию Третьего рейха. Как и в тот раз, в мире идёт борьба за ресурсы, потребность в которых скоро станет критической. Западные державы целенаправленно готовят плацдармы для стратегического продвижения в евразийское пространство: с учётом опыта прежних поражений — превентивно, перманентно и постепенно. Поводы для вмешательства организуются спецслужбами по схеме блатной разводки: *ловушка на фрайера*. К выбранной жертве на улице подходит нахальный шкет и говорит — *Эй ты, козёл! гони рупь, а то в морду плюну. — Ах ты гадёныш!* — возмущается прохожий и хватает хулигана за шиворот — *вот я тебя в полицию...* И тут из подворотни выйдут три мордovorота — *Что ж ты, падла, пацана обижаешь?!* Попытка оправдаться и откупиться обычно обходится жертве дорого. Но когда мерзавцы нарываюся на мастера каратэ, вектор конфликта резко меняется. Нехитрый катарсис голливудских боевиков, момент прописной истины, представляется именно во внезапном обломе обнаглевшего зла. Мне кажется, что жители стран, в которых импорт справедливости *made in US* подрывает основы суверенитета, в эти дни испытывают некоторое злорадное удовлетворение.

24 марта. Пройдя незримую черту равенства, год вошёл в светлую пору. Весенняя благодать является как природная справедливость, освобождая и обнадеживая всё живое. Хочется жить. Жить заново. Жить в полную силу. Жить по Блоку —

*О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!*

Странное ощущение лихорадочного нетерпения, смутное брожение невольных эмоций и неясных мыслей... Томительное предчувствие больших событий из общего настроения перешло в общественное сознание. Словно время ускоряется, и вот-вот движущие силы истории выйдут из-под международного контроля...

Предвестием перемен стали климатические аномалии. С самого начала года порядок природы вышел из графика календаря. Зима — время контрастов: бесснежная святочная оттепель и сразу за ней жуткая крещенская стужа. А потом удивительные дни случились в начале марта: до неприличия голая природа сверкала в лучах солнца рассыпанными по краям луж льдинками, словно звезда стриптиза стразами... как будто несколько дней выдрали из предстоящего апреля и внедрили в затянувшийся февраль.

У природы всё ненадёжно... С экономикой тоже неважно... И в политике всё неладно... Как известно, весной обостряются проявления психических расстройств и основных инстинктов. Когда с катушек сходят люди незначительные, ещё куда ни шло. Но ведь и сильные мира сего подвержены дурным страстям, — вот что худо. Если экзистенциальный потенциал тех, кто вершит судьбы мира, расходуется на эротические похождения, это ещё не так опасно, как если нарастает настрой властей предрежащих на исторические свершения. Пока, скажем, французский президент входил в образ Казановы, было забавно, а вот когда он стал глядеть в Наполеоны, стало противно. Ему бы разобраться со своими бабами, а он, вкупе с такими же историческими личностями, без всякого пардону собрался разбирать спор славян между собою. Лидерам мировых держав должно быть благоразумнее. Особенно в эту лихорадочную весну, когда устоявшееся равновесие нарушилось, и непродуманные действия чреватые непредсказуемыми последствиями.

*Европа цезарей! С тех пор, как в Бонапарта
Гусиное перо направил Меттерних, —
Впервые за сто лет и на глазах моих
Меняется твоя таинственная карта!*

В этих стихах Осипа Мандельштама ворованный воздух 1914 года, пропахший порохом и страхом, гарью и горем. В тот год началась Мировая война. Позже историки присвоят ей порядковый номер: *Первая*. Потому что ровно через 25 лет случится *Вторая*. Когда ещё через четверть века придёт время быть *Третьей*, её не решатся развязать; *карибский кризис* разрядится путём переговоров. Когда же подошёл очередной срок, событием всемирно-исторического значения, снявшим накопившееся напряжение, стал распад СССР. И вот теперь, в начале нового цикла, мировые противоречия вновь обострились до критического состояния. Детонатором Первой мировой войны была Сербия, Второй — Польша, Третьей (пропущенной) — Куба; запалом нового мирового кризиса стала Украина... Неосторожное обращение с этой взрывоопасной проблемой чревато катастрофическим разрушением существующего мирового порядка.

В закрытом казино Бильдербергского клуба таинственная карта Европы снова ложится на стол... Начинается новый кон геополитической игры, решительной и рискованной. Кто-то блефует. Кто-то пасует. Шулера выжидают подходящий момент, чтобы вытащить из рукава припрятанные козыри. Делайте ваши ставки, господа! Ставьте на кон всё, что есть за душой. Кто-то готов пойти ва-банк?

26 марта. День внутренних войск Украины. Вряд ли его будут праздновать те защитники незалежности, кого сограждане жгли напалмом, а законодатели мазали дёгтем. Те, кого атаманы майдана ставили на колени и вынуждали раскаиваться в том, что они были верны присяге. Прежние стражи порядка дезорганизованы, дезориентированы и деморализованы. Видимо, теперь этот день будет преобразован в празд-

ник национальной гвардии, которая наскоро и начерно собирается из незаконных вооружённых формирований, поменявших вектор агрессии.

В присягу национальных гвардейцев по определению должна быть заложена *украинская идея*. Что же станет идеологической гарантией новой легитимности? Правящая хунта постановила считать основателем современного государства не Ленина, не Сталина и не Хрущева, фактически выкроивших Украину из обрезков сопредельных стран, а воинствующего националиста Степана Бандеру, харизматического зверя из бестиария Второй мировой войны, наводящего страх на своих жертв. Культ Бандеры — героика карателей и романтика параноиков: наука ненависти и искусство злодейства, проза угроз и поэзия казней... *Слава Украине!*? Дурная слава хуже клеветы.

30 марта. Информационные программы перенасыщены драматическими событиями. Как выразительно сказал один мужик другому в приватном разговоре (а я услышал и утилизировал это выражение), — *телевизор разрывается!* Его хмурый товарищ вздохнул и кивнул.

Телевизор разрывается от новостей, а сердце сжимается от предчувствий.

Блажен, кто посетил сей мир

В его минуты роковые...

Оспаривать поэта (тем более поэта такого масштаба, как Фёдор Тютчев) не пристало, да и за всех ручаться нельзя, — может кому-то в нашей действительности и впрямь не достаёт драйва и кайфа. Но что касается меня, то лично я как субъект истории предпочёл бы оставить за собой право на обыкновенную жизнь. Никогда не чувствовал в себе призвания к блаженству, а тем более к мученичеству. Да и в других, насколько я могу судить, вроде как нет стремления к подвигам самопожертвования. Мне кажется, что русскому народу роковых минут, критических дней и фатальных лет в минувшем веке хватило с лихвой.

Хочется, чтобы на этот раз обошлось.

31 марта. Возвращение Крыма в состав Российской Федерации актуализировало и активизировало наше национальное самосознание. Радость граждан потеряннного края, которые отстаивали своё право на самоопределение и определились как россияне, подогрела гордость тех, кто к своему гражданству привык относиться как к некоей данности. Произошла перезагрузка патриотической риторики — в словах возобновился смысл.

Положительный вектор этого факта обусловлен и осложнён двумя негативными факторами: антирусской направленностью украинского шовинизма и западной предвзятостью в российско-украинском конфликте. Поскольку каждое действие равно противодействию, нарастающее давление неправды повышает наше нравственное сопротивление; в ответ на виртуальную интервенцию ускоряется внутренняя интеграция. Без вины виноватые, без суда осуждённые, россияне ищут единства в правде и обретают оправдание в общности.

В этих сложных обстоятельствах часть соотечественников выразила несогласие с тем, что случилось. Что ж, они вправе свободно высказывать своё особое мнение — но понять их резоны не просто, и суть их протеста неясна. Когда ход событий очевидным образом направлен против российского государства, оппозиция требует от правительства непротivления близкому злу и неучастия в делах ближних. То есть наша оппозиция представляет внутри страны интересы антироссийской коалиции. Это уж как-то слишком странно, — почти по Гоголю... мало того, что мировые жан-

дармы вознамерились наказать Россию за строптивость, так ведь им ещё надобно, чтобы Россия, словно унтер-офицерская вдова, сама себя высекла.

2 апреля. Среди тех, кто не принимает и не поддерживает нынешнего порядка, есть люди, достойные всяческого уважения. Более того: когда критические выступления направлены против коррумпированности и некомпетентности властей предрежащих, в оппозиции к правительству оказывается электоральное большинство. И правящая элита не пережила бы ближайших выборов... если бы у нас была другая, хоть в чём-то отличная от этой. Но чего нет, того нет. А есть то, что есть. Нынешний истеблишмент, словно кот в сапогах в известной сказке, без всякого насилия, а всецело за счёт хитроумия, стал полновластным владельцем выморочного наследства прежнего режима. Как так вышло — никто не понял. Но менять кота в сапогах на кота в мешке особой охоты ни у кого нет. Ибо большинство населения нашло какое-никакое место в сложившейся системе и, помня трудности переходного периода, не намерено переживать их повторно. Тем более что рядом дурной пример братского народа, разделившегося в своих надеждах.

Людам для жизни хватило бы хорошего, — а политики сбивают их с толку, искусшая лучшим. Долгие годы среди теоретиков идёт распря: прение о должном и данном. Одни убеждают, что действующий порядок вещей является нетерпимым, и порядочные люди обязаны всячески способствовать его разоблачению и разрушению, — другие утверждают, что то, что есть, это действительность, которую мы порождаем из себя: мир нельзя изменить к лучшему, пока мы не переменяемся сами. Ни одни, ни другие пока не смогли подтвердить свои теории на практике; все исторические опыты дали отрицательный результат... Так что люди умников уже не слушают и живут своим умом.

24 апреля. Американской ментальности свойственна амбициозная инфантильность. Обретая уверенность в себе, страна мифологизировала времена пионеров. Героика фронта стала матрицей характера. В мировые классики произведены Фенимор Купер и Марк Твен, — собственно говоря, детские писатели. Национальной идеей стала американская мечта: претензия во всём быть лучше всех, перешедшая в манию величия. Никто не научил американцев терпеть поражение. Никто не разбередил их совесть. Не было на них ни Достоевского, ни Толстого. Некому было заставить американскую гордость свернуться от отчаяния и содрогнуться от отвращения. А без опыта стыда нация остаётся акционерной компанией акселератов и вундеркиндов. Они никогда не зарятся на чужое, но везде обнаруживают своё. Всегда готовы протянуть руку и поддержать за горло. А если кого и сживают со свету, то, как должно быть ясно каждому, для его же пользы.

25 апреля. В американском характере как-то странно коррелируют меркантилизм и романтизм, — порой довольно-таки противным образом. Дурные манеры американцев в мировой политике британский премьер Энтони Иден выразил сарказмом: *политика США преувеличенно моральна... пока решение проблемы не затрагивает американских интересов*. Со временем американское фарисейство становится всё настырнее и агрессивнее. Когда хорошо вооружённые и плохо соображающие парни руководствуются благими намерениями, с ними просто сладу нет...

Ещё о том же. В то время как стратегия Запада направлена на сдерживание России, ход событий втягивает Украину в историческую катастрофу. Неокрепшая госу-

дарственность не выдерживает экстремальной внутренней политики. Если называть вещи своими именами, Украина как государство есть умозрительное образование, административный комплекс из нескольких разнородных территорий, сшитых на карте на живую нитку — Малороссии, особой области Войска Донского, Крыма, Одессы, Буковины и Галиции. Население этих территорий, устоявшееся в своих традициях, к чужим обычаям истари относилось со сдержанной настороженностью. Единство этих регионов в рамках СССР гарантировалось не Киевом, а Москвой, и связывал регионы не столько украинский язык, сколько русский.

Как видно из истории, основой украинского национального консенсуса может быть только компромисс между двумя интерпретациями европеизма — русской и польской: пока он как-то соблюдался, страна удерживалась в своих границах; как только одни стали подминать под себя всех, не сложившийся этнос стал распадаться на составные части. Само по себе это ещё не столь большое горе. Если тысячелетняя Россия/СССР под давлением внутренних проблем распалась на отдельные страны, почему бы Украине под давлением обстоятельств не разойтись хотя бы по федеральным округам? Это вполне реалистичский вариант выхода из кризиса. Украина не смогла стать империей — и не сможет стать унитарным мононациональным государством без насильственной ассимиляции всех неправильных украинцев — от харьковских малороссов до закавказских русинов. Что, по меньшей мере, маловероятно. Значит, только федеративное устройство может снять напряжение между регионами. Лучше, чтобы это произошло без кровопролития.

Хотят ли русские войны? — на пике обострения русско-украинских отношений поставил риторический вопрос украинский представитель в ООН. Что называется, с больной головы на здоровую. Кризис украинской государственности спровоцирован не Россией, а против России. И против русских как таковых. Коренные жители русскоязычных регионов отстаивают свой образ жизни, а захватчики власти намерены установить во всей стране новый порядок. Москва требует гарантировать права человека для русского населения, а Киев намерен вытравить русский дух на всей подвластной территории.

Информационная конфронтация российских и украинских позиций ассиметрична; идеологическая война идёт на разных уровнях. Российский дискурс стратегически направлен против бандеровцев, украинский — против москалей. Почувствуйте разницу. Президент Путин в своё время обещал *мочить в сортирах* террористов, на которых русская кровь, — но не чеченцев. И не хохлов, хотя, как уже тогда было известно, украинские волонтёры участвовали в убийствах российских граждан; атаманша Тимошенко призывает *нещадно мочить этих кацапов чёртовых!* более того: истреблять всех русских *из атомного оружия*. В нынешнем споре славян между собой антифашистская традиция наталкивается на шовинистическую паранойю.

Боже, пожалей и помилуй Украину! — вразуми и умири из края в край...

Боже, спаси и сохрани Россию! — дай ей быть в мире и жить не по лжи...

ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ: 100 ЛЕТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

РАИСА МАРТЫНОВА

ГЕРОИ ЗАКАМЬЯ

Войны имеют одну историю для победителей, другую для побеждённых, третью для беженцев, четвёртую для позднейших историков — время заново собирает из фрагментов прошлого картину событий, которая постепенно приобретает если не достоверность, то информационное равновесие: люди, которые не были ни их участниками, ни свидетелями, более на это способны.

Хотя после I-ой мировой прошло не одно поколение, мы мало знаем об этой войне. Мы не знаем, как до 1917 года наши прадеды служили Отечеству, какое у них было обмундирование, как они выглядели — молодые солдаты и офицеры.

Кем они служили, где служили?..

Во Франции в каждом городке стоит памятник погибшему в ту войну. А в Советском Союзе она получила ярлык «Первой империалистической» и была почти истреблена из памяти. Как будто не было в ней ни героизма, ни доблести, ни верности долгу, ни чинов, ни полков, ни званий. Нет имён её генералов в учебниках, и нет у неё офицеров. Даже солдат у неё отняла Гражданская война.

А самое страшное — исчезли из памяти России люди, которым никто не успел всмотреться в лица, будто и не было этой грозной, доблестной силы, не было их радостей, их семей, их побед и поражений. Не осталось на российской земле ни их могил, ни их крестов, ни их камней, ни их надежд.

Только теперь, когда все они уже перешли черту земного круга, начинается время их последней победы. Недавно президент В. В. Путин утвердил 1 августа Днём Памяти всех погибших во время Первой Мировой войны. Указ вышел спустя почти 100 лет после её окончания...

Я с раннего детства интересовалась историей дореволюционной России, поскольку много времени проводила с бабушкой Шамсезихан Асылгареевой. Самое ценное она хранила в сундуке — завёрнутый в белый платок портрет её родного брата, подполковника Русской Армии, Полного Кавалера Георгиевских крестов Шайдуллы Асылгареева, и множество его наград. После смерти бабушки этот портрет исчез. Но, к счастью, сохранились ещё 2 фотографии, на которых были изображены трое: справа — поручик 46-го Сибирского стрелкового полка, брат моей бабушки Шайдулла Асылгареев; в кресле сидел солдат Гатаулла Калимуллин, дядя Шайдуллы по матери; слева стоял денщик — мы тогда ничего о нём не знали. Кто-то из родни сказал, что денщик тоже наш дальний родственник, и он очень оберегал Шайдуллу. Мысль о неизвестном военном не давала мне покоя. Именно тогда зародилась идея создать фотовыставку забытых героев Закамья.

Эту фотографию заинский краевед, историк Владимир Малахов поместил в свою книгу «Земля Заинская, далёкая и близкая...», которая вышла в 2008 году.

В 2011 году, увидев в этой книге фотографию, меня нашёл Василий Васильев из деревни Фёдоровка Заинского района. В денщике он узнал своего деда Петра Васильева. Такая же фотография и ещё несколько других висели у Петра Васильевича в раме под стеклом.

Василий Васильев рассказал мне, что несколько человек из деревни Фёдоровка служили до начала I мировой войны в личной охране императора Николая II и его семьи. Один из них — Порфирий Кустовский. Я незамедлительно отправилась в заинскую церковь — там работала внучка Кустовского Анастасия. Через два дня Анастасия привезла старинные военные фотографии Порфирия Кустовского, Алексея и Павла Атласовых. Дочь Кустовского Федора подтвердила, что её отец и ещё несколько человек из деревни Фёдоровка служили в личной охране императора Николай II и его семьи.

Фотографию своего отца также предоставил Фёдор Егоров.

Постепенно стал накапливаться материал для создания выставки старинных фотографий солдат и офицеров Мензелинского уезда Уфимской губернии, участвующих в Первой мировой войне. На сегодня в нашем архиве 16 фотографий, и я хочу подробнее остановиться на некоторых из них.

Город Ярославль, 1916 год. Первый справа — Шайдулла Асылгареевич Асылгареев. Родился 9 мая 1890 года в деревне Иляксай Мензелинского уезда Уфимской губернии, погиб 18 августа 1918 года, похоронен в деревне Иляксай. На военную службу поступил в 1912 году, служил в личной охране императора Николай II и его семьи. Участник военных действий с 1914 года. С 1915 года — Полный Кавалер Георгиевских Крестов. В кресле сидит Гатаулла Калимуллович Калимуллин, он родился 6 апреля 1879 года в той же деревне, что и Шайдулла. Умер 30 июня 1963 года, похоронен в деревне Иганабаш Сармановского района ТАССР. Гатаулла — рядовой солдат. Первый слева — Пётр Васильевич Васильев (Волков) — родился 20 ноября 1890 года в деревне Фёдоровка Мензелинского уезда, умер 9 апреля 1962 года, похоронен в родной деревне. Пётр Васильевич был унтер-офицером и также служил в личной охране императора Николай II и его семьи.

В Первую мировую войну все трое воевали вместе в составе 46-го Сибирского стрелкового полка, но Васильев оказался в плену во дворце кайзера, германского императора Вильгельма II, и домой вернулся лишь в 1923 году. Много позже он рассказывал своему внуку Василию, что в германском плену от голодной смерти их спасла русская царица, которая тайно кормила их.

Когда Россия и Германия начали меняться пленными, Петра Васильевича отпустили домой, на Родину. Но царица взмолилась: «Пётр! Не уезжай! Оставайся с нами. Ты будешь достойно жить здесь!» Но Пётр Васильевич не поддался на уговоры и уехал домой. В 30-е годы он вместе с семьёй был вынужден бежать в Башкирию.

1916 год. В центре сидит Алексей Дмитриевич Атласов (1886–1965 гг.), уроженец деревни Фёдоровка Мензелинского уезда Уфимской губернии. Служил в личной охране императора Николай II и его семьи, в Фёдоровском городке Царского Села. В Первую мировую войну стал Полным Кавалером Георгиевских крестов. На фотографии он — старший унтер-офицер. Алексей Дмитриевич похоронен в деревне Шунак Заинского района Республики Татарстан.

Солдаты I мировой войны. 1915 год. Первый справа — Герасим Ермолаевич Егоров (1896–1937 гг.), уроженец деревни Фёдоровка. Остальные трое солдат — уроженцы деревни Верхний Багряж Мензелинского уезда. Солдат с белым платочком в руках погиб во время войны.

1917 год. Николай Андреевич Глухов (1888–1967 гг.), уроженец деревни Средний Багряж Мензелинского уезда. Окончил Сюмсинскую лесную школу в Удмуртии, был направлен в распоряжение генерал-губернатора Оренбургской губернии. Его назначили заместителем управляющего лесным хозяйством Оренбургской губернии. В 1914 году был мобилизован на войну.

Николай Андреевич в 1917 году оказался в Ново-Николаевске (сейчас Новосибирск) в частях Белой Армии, служил прапорщиком. Награждён. После разгрома их части взял документы убитого красноармейца, с ними добрался до Ижевска.

В Ижевске устроился на работу, обзавёлся семьёй. Родились дети: Михаил, Борис и Геннадий. После Второй мировой войны Глухов работал в Ижмаше, был одним из разработчиков автомата Калашникова. Похоронен в удмурдском городе Ижевске.

Город Ново-Николаевск (Новосибирск). 1917 год. Слева сидит Николай Глухов, справа — его товарищ Александр Васеньков — прапорщик Царской Армии.

1915 год. На фото — Профирий Вуколович Кустовский (1880–1922 гг.), уроженец деревни Фёдоровка. Служил в личной охране императора Николай II и его семьи в Фёдоровском городке Царского Села. Вернулся с I мировой войны в 1920 году. Его дочь Федора Кустовская рассказала нам об отце и его сослуживцах в июне 2011 года. Сохранились его погоны прапорщика.

1916 год. Павел Дмитриевич Атласов (1895–1963 гг.), уроженец деревни Фёдоровка Мензелинского уезда Уфимской губернии. Участник I мировой войны и II мировой войны. На фотографии — прапорщик Царской Армии. Похоронен в городе Набережные Челны.

1912 год. Четвёртый слева (в шинели) — Гурий Тимофеевич Осипов, уроженец деревни Сарсаз-Багряж Мензелинского уезда Уфимской губернии. Служил в военно-медицинской части при военном докторе. Унтер-офицер. В 1914 году по причине болезни был комиссован из действующей армии.

1916 год. Солдаты I мировой войны, уроженцы деревни Сарсаз-Багряж Мензелинского уезда Уфимской губернии.

Сидят (слева направо) Иванов; Михаил Тихонович Романов (во время боя с немцами был убит, его друзья-односельчане после боя посадили его рядом и сфотографировались); двое неизвестных. Слева стоит Иван Фёдорович Биканов (1897 г.р.), рядом неизвестный.

1912 год. Василий Данилович Данилов (1888–1935 гг.), уроженец деревни Сарсаз-Багряж Мензелинского уезда Уфимской губернии.

Служил три года трубачом в военно-духовом оркестре при императоре Николае II. Демобилизовался в звании унтер-офицера.

В 1914 году был мобилизован на I мировую войну, попал в плен. В плену выучил немецкий язык.

По окончании войны Россия и Германия менялись пленными, и Василий Данилович вернулся на Родину. Во время сталинских репрессий, как зажиточный середняк, был раскулачен. Из дома его выгнали, послали работать и жить в конюшню. От голода и холода, заболев чахоткой, он умирает.

Сохранился его белокаменный дом в деревне Сарсаз-Багряж, где живёт сын Михаил Васильевич.

Город Орёл. 1899 год. В центре с саблей в руке сидит Митрофан Константинович Семёнов (1873–1939 гг.), уроженец деревни Макаровка Токмакской волости Мензелинского уезда. Похоронен в деревне Заводская Поляна Шереметьевского района ТАССР. Сейчас это территория Нижнекамского района Республики Татарстан. Деревня ныне не существует, но кладбище сохранено, и за могилами ухаживают.

Служил в Царской Армии в течение 7 лет в составе кавалерии до 1901 года, унтер-офицер, участник I мировой войны (1914–1918 гг.) и Гражданской войны (1918–1920 гг.).

На фотографии сослуживцы родом из той же деревни Макаровка.

У Митрофана Константиновича было пятеро детей: Кузьма, Емельян, Евдокия, Пётр и Николай. Во время Гражданской войны

Митрофан Константинович и его сыновья Кузьма и Емельян воевали вместе. Кузьма и Емельян не вернулись с той войны — пропали без вести.

Фотографию предоставил и рассказал о своём деде Александр Петрович Семёнов (1934 г.р.), который проживает в Старом Заинске.

Город Варшава. Белгородская крепость. 1913 год. Первый справа — Гавриил Абрамович Глухов (1890–1966 гг.), уроженец деревни Средний Багряж, похоронен здесь же.

Гавриил Абрамович родился в семье восьмым ребёнком. В соседней деревне окончил двухгодичную церковно-приходскую школу. Программа была обширная, знания давали

богатые, учили и на русском, и на татарском языках. Потом поступил учиться в Заинскую гимназию, но не окончил её.

В 1912 году его призвали в армию, и он оказался на территории Польши, рядом с Варшавой в Белгородской крепости. Из сослуживцев он один умел читать и писать. Имея образование, был назначен артельщиком роты. За многих писал письма, а приходящие письма читал, имел много обязанностей по учёту прихода и расхода обмундирования, оружия, продуктов и т.д.

С началом I мировой войны генералы, которые командовали войсками Варшавского направления, все дивизии сдали в плен немцам без боя (фактически продали).

Из плена Гавриил Абрамович вернулся в 1920 году.

Фотографию отца предоставил и рассказал о нём в своей книге «Халкым минем-керяшен» Иван Гаврилович Глухов, житель города Заинска.

1912 год. Пётр Максимович Новиков (1894–1974 гг.). Уроженец деревни Фёдоровка. Похоронен в деревне Светлое Озеро Заинского района.

Служил в личной охране Николая II и его семьи в Царском Селе. Участник I мировой войны (1914–1918 гг.) и II мировой войны. Был продан в плен немцам (его продали свои офицеры). После плена вернулся домой, женился, родились дети: Марина, Роман, Анна, Агафья и Иван.

В 1965 году из деревни Новая Фёдоровка (Удил) переехал в деревню Светлое Озеро. Занимался садоводством и пчеловодством.

«Шла война, наши войска наступали. Однако нам скомандовали: «Окопаться!» Мы долго лежали в окопах, не хватало еды, появились вши. В один из дней к окопам наших войск подошли немецкий офицер и трое солдат. Нашим солдатам поступила команда: «Не стрелять! Оружие на бруствер! Построиться!»

Когда мы построились, немецкий офицер выбрал около 30 здоровых солдат, и нас увели в сторону немецких войск», — рассказывал Пётр Максимович о том нелёгком времени. Так он оказался в плену. Два раза бежал, оба раза был задержан и возвращён. После каждого случая побега их вешали за ноги, и висели они так до потери сознания. Потом он был продан одному немецкому фермеру. Фермер оказался добрым человеком, Новиков работал у него на полях. Вскоре дочь фермера забеременела от Петра Максимовича. В это время начались обмены пленными между Россией и Германией. Фермер предлагал Новикову остаться, жениться на его дочери и жить у него. Говорил, что в России Гражданская война и голод. Но Пётр Максимович захотел вернуться на родину. Тогда фермер отвёз его на границу, где начальник заставы оказался его однополчанином, и он пропустил его. Пётр Максимович вернулся домой в деревню Фёдоровка.

Прошли годы. В 1941 году опять началась война. Пётр Максимович вновь был мобилизован на войну. Уходя на войну, он произнёс: «Пошёл воевать против сына...»

Эту фотографию предоставил внук Новикова Валерий Петрович Васильев (Атласов) (1956 г.р.) из деревни Светлое Озеро Заинского района РТ.

1915 год. Первым справа сидит Николай Ильич Афонин, уроженец деревни Калиновка Мензелинского уезда. Похоронен на родине. К сожалению, деревня уже не существует, но кладбище сохранилось.

Эту фотографию предоставила внучка Афонина Наталья Ивановна Афанасьева (урождённая Полканова), сотрудник музея города Заинск.

1906 год. Андрей Леонтьевич Минеев (1883–1920 гг.), уроженец деревни Сарсазы Мензелинского уезда. Похоронен в деревне Сарсаз-Багряж Заинского района.

Служил в Царской Армии до 1907 года. Офицер, участник I мировой войны (1914–1918 гг.), участник Гражданской войны, член тайного общества «Чёрный Орёл и земледелец», участник «Вилочного восстания» в феврале-марте 1920 года.

«Вилочное восстание» вспыхнуло по всей Приволжской территории, но самые трагические события произошли на территории Заинской волости Мензелинского уезда. Центром восстания был Заинск. Восстание было жестоко подавлено, а организаторов и участников вылавливали и уничтожали. Андрей Минеев был убит в Багряжском лесу в начале августа 1920 года.

Тайное Общество «Чёрный Орёл и земледелец» просуществовало до 70-х годов в старом Заинске. Члены этой организации — уже старики — раз в неделю вечером собирались в доме Семёна Пантелеева на ул. Орджоникидзе при всём наряде, с царскими крестами на груди. При входе произносили пароль «Чёрный Орёл».

1914 год. Первый слева — Леонтий Ефимович Бормотин, уроженец деревни Ляке Мензелинского уезда. Умер в 1961 году, похоронен в родной деревне Ляке.

Участник I мировой войны. Его фотографию нам передала внучка Зинаида Александровна Бормотина, которая живёт в Заинске.

За могилой Леонтия Ефимовича ухаживают внуки Николай Александрович и Анатолий Иванович.

1915 год. В центре — Алексей Иванович Будринов (1894–1983 гг.), уроженец села Налим Мензелинского уезда Уфимской губернии. Похоронен на родине. Участвовал в I мировой войне в качестве офицера-артиллериста. Участвовал во II мировой войне, был рядовым, миномётчиком.

На фотографии у всех троих есть знаки отличия артиллеристских войск. У Алексея Ивановича на погонах две продольные полоски.

На сегодняшний день обработано 16 фотографий. Они отреставрированы, увеличены, помещены в багетные рамы. Создано 5 экземпляров экспозиции.

Одна выставка работает в краеведческом музее города Менделеевск Республики Таарстан, вторая — в краеведческом музее села Сарманово. Третья и четвёртая находятся в школьных музеях деревень Сарсаз-Багряж и Светлое Озеро Заинского района РТ на постоянной основе. Пятая экспозиция комплектуется для Национального музея Татарстана.

Думаю, мне очень повезло: меня по жизни вели замечательные, образованные люди: это моя прекрасная бабушка Шамсезихан Асылгареевна, моя терпеливая красавица мама Мадина, мои учителя. Сейчас это мои хорошие друзья: Анастасия Кустовская, Валентин Атласов, Василий Васильев, Александр Биканов, Разима Кашапова, Мария Мартынова, мой супруг Геннадий Мартынов, Людмила Симонова, Роза Иванова, которые помогают в поисках фотографий наших солдат и офицеров времён царской Армии, печатают их в газетах, показывают мои выставки в Заинском краеведческом музее.

Мне также посчастливилось познакомиться заочно с Андреем Жуменко — директором музея белого казачества в Париже, его другом издателем Андреем Корляковым (г. Париж), князем Э. С. Юсуповым из Санкт-Петербурга — востоковедом, военным историком. С этими людьми я очень часто советуясь.

Сейчас я обращаюсь ко всем читателям: посмотрите, приглядитесь — возможно, вы или кто-то из ваших родных располагает сведениями об этих людях, помнит по рассказам своих бабушек и дедушек об участниках той войны, возможно, у кого-то сохранились старинные фотографии, вещи, книги, награды, письма, открытки с той войны.

Всё это поможет вспомнить незаслуженно забытых героев, даст возможность озвучить их имена.

Сейчас идёт подготовка к столетию со дня начала Первой мировой войны, готовится большая экспозиция в Национальном музее РТ, и было бы очень здорово, если бы мы с вами пополнили эту экспозицию материалами о судьбах наших земляков.

Р.С. К моменту публикации этого материала у меня уже накопилось 30 фотографий участников Первой мировой войны: моих земляков и родственников. Все они в военной форме, с именами и своими историями. Поиск продолжается. Я надеюсь, и в «Аргамак» продолжение следует...

ВЕРНУВШИЕСЯ С ВОЙНЫ

Совсем скоро исполнится 100 лет со дня начала Первой мировой войны. Практически нет никого из её живых участников. Все они давно уже «стали замлём и травой». Однако память о ней, как о жестокой и бессмысленной бойне, в народе осталась. Из нашей деревни Иванаевки (в три десятка дворов), располагавшейся в двух верстах от тракта Казань–Оренбург на территории теперешнего Альметьевского района, ушло на защиту царя и Отечества, по рассказам моей родной бабушки Акулины Ивановны (1895–1988), около 30 парней и молодых мужчин. Вместе с ними ушёл её муж, Ион Матвеевич Матвеев (1893–1918) и её родной брат, Михаил Иванович Вершинин (1885–1924). В возрасте неполных семнадцати лет вышла моя бабушка замуж. Её родители рассудили, что замужество дочери удачно: Ион, как единственный сын своих родителей, не должен идти на воинскую службу в мирное время. На радостях отыграли в 1912 году весёлую деревенскую свадьбу. Войну никто в деревне, разумеется, не предвидел. Да ею, как говорится, и совсем не пахло. Но не успели молодые наулыбаться друг дружке, как пришло неожиданное расставание надолго и всерьёз. Целых три года бедствовал в болотах и окопах на передовой в районе Польши-Белоруссии мой дедушка Ион. По рассказам бабушки, он был много раз контужен и очень серьёзно ранен. Лечился в военном госпитале г. Самары. А поправившись, снова укатил на передовую. В жестоких затяжных и малорезультативных боях он до бесчувствия застудил ноги, заболел тифом, попал в лазарет, там в довершение ко всему завшивел (педикулёз). В таком состоянии его застали революция 1917 года, после чего полуживым он возвратился в деревню.

«Привезли на телеге, с которой он самостоятельно встать не смог», — вспоминала бабушка. И тем не менее дома молодой организм преодолел все недуги: на свежем воздухе, на парном молоке, на витаминах с огорода мой дед поправился. Через год у молодых родился первенец — мой будущий отец, Михаил. Однако в стране разразилась гражданская война. Мой дед ушёл с красными на защиту революции и вскоре, осуществляя телефонную связь между бронепоездами, был зарублен белоказаками на станции Дебальцево Донецкой области в 1918 году.

В годы Первой мировой деревня жила очень и очень трудно. Крестьяне пахали свои наделы земли примитивной деревянной сохой. Держать её в руках, ходя за ней по пашне, было тяжело даже сильным мужчинам. Теперь за сохой ходили подростки и крестьянки. В поле трудились все от мала до велика. И тем не менее всё больше и больше появлялось перепаханых, незасеянных десятин земли. Появились также и несжатые полосы, о коих ещё раньше писал поэт Николай Некрасов.

С Первой мировой не вернулись в нашу деревню более десяти мужиков, пятеро пришли искалеченными. Каждому выдалась нелёгкая судьба.

От бабушкиного брата, Михаила Ивановича, за всю войну не было никаких вестей. Родители и родственники горько переживали и уже оплакали его как покойника. Моя бабушка очень и очень любила его. В детстве он нянчился с ней, оставаясь в доме, когда все взрослые в страду работали в поле. В память его моя бабушка назвала родившегося сына Михаилом. А брат, как будто с того света (по выражению бабушки), полуживым вернулся в деревню с войны только в 1920 году. Он целых шесть лет бедствовал в плену у немцев, даже не в самой Германии, а в одной из его немецких колоний на Африканском континенте. Работал на руднике. Он там бы и погиб в полной безвестности, если бы не удалось с группой товарищей по несчастью каким-то чудом забраться на торговое судно и переплыть Средиземное море. Беглецы, естественно, были без денег и без продуктов питания. В пути мучительно голодали и превратились в сушие скелеты. Бабушка рассказывала, как сельчане приходили смотреть «на невидаль». А у брата не было сил даже говорить с земляками. А отлежавшись дома и чуть-чуть поправившись на родных харчах, стал поражать сельчан рассказами о жаркой и далёкой Африке, в которой никому из наших деревенских побывать не довелось. Дивилась наша деревня рассказам о чёрных африканцах, «закопчённых, как деревенские чугулки в печах». После возвращения на родину он получил прозвище «Африканец». Родным Михаил Иванович признавался, что в долгом плену деревня снилась ему много раз. Гнетущая цель — вернуться в неё хотя бы и мёртвым — не давала покоя все долгие шесть лет. Эти переживания перекликаются с аналогичными у лермонтовского Мцыри: «...цель одну — попасть в родную сторону — имел и превозмог страданья голода, как мог».

Едва успел Михаил Иванович поправиться, как навалилось новое испытание: в Поволжье пришёл голодный 1921 год. Сухое и холодное лето почти ничего не уродило. Бабушкин брат собрал пожитки, членов семьи (жену, двух дочек и мать) и подался в Подмоскovie «прокормиться». В родную деревню написал, что жить можно и с голоду умирать не придётся. Однако от судьбы, как говорится, не убежишь. Сначала умерла от болезни жена, а в 1924 году, простудившись, умер и сам от воспаления лёгких.

Время разменяло всех участников Первой мировой войны из нашей деревни: одни умерли от ран и болезней, других взяла в крутой оборот Вторая мировая война. Две мировых войны из наших земляков практически никто не вынес. Мужское население деревни было радикально обескровлено: в ней остались лишь подростки да женщины.

Но с единственным участником Первой мировой из нашей деревни мне приходилось многократно беседовать и даже вместе работать в колхозе в 50–60-е годы прошлого века. Это Филипп Яковлевич Гермогентов (1893–1975). От него тоже долго не было никаких вестей с войны. Возвратился он оборванным, обросшим, измождённым (вроде Робинзона Крузо) в 1917 году.

Он много рассказывал нам с искромётным юмором о том, как во время братания в окопах с «австрийцами» он с группой наших солдат был пленён и отправлен через просторы Австро-Венгерской империи в её отдалённый уголок — в Албанию. Это случилось в 1915 году. Два года он батрачил у богатого тамошнего помещика. Помещик был жадным: кормил плохо, работать заставлял «с темна до темна» и постоянно издевался. Однажды ночью, улucив подходящий момент, Филипп с дружкой по несчастью Петром решили убежать из плена. Филипп Яковлевич часами рассказывал нам о своих приключениях в дороге. Питались, естественно, чем попало. В пищу шли ежи, ужи, лягушки, суслики, хорьки. Зерно лушили из колосков, растущих в земельных наделах тамошних землепашцев. Копали и картофель на огородах. Передвигались, главным

образом, ночью: днём боялись, что поймают. Питались и подножным кормом: травой (борщевик, дикий лук), ягодами и грибами. В лесу, в дупле дерева, заметили однажды большой улей пчёл. Решили достать мёд. Чуть-чуть достали, но были почти насмерть искуваны пчёлами. В нашем земляке было что-то от Мюнхгаузена и шолоховского Щукаря. Мы любопытствовали, как же справились они с укусами пчёл. «А никак, — отвечал Филипп Яковлевич, — мне они пошли явно на пользу — фурункулы исчезли». Вот вам и пчелиная терапия! Целых три месяца шли по чужбине, торя дорогу домой. Когда волей-неволей встречали людей, то выдавали себя за «паломников»: ходили, дескать, в греческие храмы поклониться святыням. Но ещё чаще, как звери, прятались от людей, приходилось много раз ползти. Чтобы не выдать себя, прижимались к поваленному дереву и засыпали мертвецким сном.

С возвращением в деревню Филипп Яковлевич получил тоже подходящее прозвище — «Албанец».

На прозвище он не обижался, считал его заслуженным. В Гражданскую войну Филипп Яковлевич сражался в рядах знаменитой Чапаевской дивизии, был ранен, но выжил, получив инвалидность. По этой причине не участвовал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Но в деревне в трудное военное и послевоенное время продолжал работать. На любой работе в колхозе поднимал настроение сельчанам своими шутками и прибаутками.

В нашу маленькую деревню так и не дошли ни электричество, ни водопровод, ни газ, ни телефон... «А коли так, — заявлял Филипп Яковлевич, — к нам не дойдёт и конец света!» Конец света действительно пока не дошёл, но деревня наша, к сожалению, исчезла. И очень жалко, что навсегда. Одним из последних ушёл из неё Филипп Яковлевич, неунывающий человек.

Иванаевка — маленькая деревня, а повидала в своей жизни многое: несла на себе все беды, доставшиеся России, и все её маленькие радости. В годы Первой мировой войны в нашей деревне появились пленные немцы и австрийцы. «Австрийцы», скорее всего, были чехами или словаками... Моя бабушка работала вместе с ними у помещика Маланчева. Он тоже был «прижимистым»: за работу на жатве серпом «с темна до темна» платит 15 копеек женщинам и 20 копеек — мужчинам. Это «плата» за весь знойный страдный день.

По словам бабушки, «австрийцы» больше немцев импонировали нашим деревенским жителям. «Они были приветливыми и улыбчивыми», — говорила моя бабушка. Про немцев же всегда однозначно говорила, что они какие-то угрюмые...

Евгений Батенчук. Всё остаётся людям. Воспоминания энергостроителя. Издание второе. Казань. 2014 г. 192 с.

Лариса Полякова. Воспоминания и размышления. Из автобиографической рукописи Е.Н. Батенчука. Набережные Челны. 2014 г. 160 с.

Вот ведь что интересно. Оказывается, любовный роман, захватывающие приключения, умопомрачительная фантастика могут быть не так востребованы людьми, как документальная книга о чудесном талантливом человеке, ещё недавно жившем среди нас, работавшим вместе с нами, любящим жизнь, строящим её, чтобы потом всё осталось людям. Иначе как объяснить тот факт, что пять лет назад тиража первого издания воспоминаний энергостроителя Евгения Никаноровича Батенчука просто не хватило. Книгу Бати, как любовно-уважительно называли и называют его челнинцы, да и не только они, очень и очень многие хотели иметь в своей домашней библиотеке. И не только старшее поколение, но и молодые. Они наслышаны об этом человеке, ставшем легендой, из книг, очерков, интервью писателей и журналистов. И вот вышло второе издание. Без изменений. Литературное редактирование осуществлено журналистом и краеведом Ларисой Поляковой, автором нескольких документальных книг, которой Евгений Никанорович в своё время передал рукопись.

Предисловие – «Память и слава» – написано Минтимером Шариповичем Шаймиевым, бывшим тогда Президентом Республики Татарстан. «Бесспорно, – пишет он, – Евгений Никанорович Батенчук из категории тех людей, которые оставили ярчайший след в истории страны... Большой опыт, широта мышления и неуёмная энергия сразу выдвинули Е.Н. Батенчука в разряд руководителей первого ранга и на строительстве КамАЗа. Он весь отдавался стройке – его рабочий день не имел границ, и казалось, что для него не существует непреодолимых препятствий... Красивый был человек. Природа наделила его физической силой и мощью. Трудно сказать, баловала или нет судьба Евгения Никаноровича. По части трудовой биографии – да, славы Батенчука хватило бы на дюжину строителей... Его имя до сих пор свято чтят люди, когда-либо работавшие с ним».

В Набережные Челны Евгений Никанорович приехал состоявшимся руководителем энергостроительного дела. А начинал главным механиком на строительстве Краснополянской ГЭС под Сочи. Уже здесь проявился его характер. Кадров механизаторов не было после войны, и, чтобы обучить рабочих профессии экскаваторщика, нужно было самому освоить её.

За Краснополянской последовали другие стройки. Из трёх, предложенных заместителем министра, выбрал Иркутскую ГЭС. Приехал сразу с семьёй, а мороз 45 градусов, и картошка на электроплитке варилась по 2–3 часа... Но о бытовых трудностях вы ничего

не найдёте в воспоминаниях энергостроителя. Зато о проблеме использования механизации – пожалуйста. Решена она было созданием спецподразделения УМС по инициативе Батенчука.

Когда в 1957 году в Якутии открыли крупнейшее в мире месторождение алмазов, потребовалась дешёвая электроэнергия. Строительство Вилюйской ГЭС возглавил Батенчук, ГЭС была построена за 5 лет. Но кроме неё ещё сколько других объектов! Так судьба написала яркую сибирскую страницу в жизнь и биографию Евгения Никаноровича. Но не последнюю. Впереди были не меньшие трудности и победы.

Возведение КамАЗа ни зря назвали стройкой века: такого колоссального размаха мир ещё не видел. Здесь и нужен был такой руководитель, как Батенчук, волевой, с неординарным мышлением, новатор. «Опыт строительства КамАЗа и объектов энергетики в Татарии не следует забывать, – пишет он. – Оно велось нетрадиционным способом, поэтому и имело успех. Построить такие объекты в предъявленных строителям темпах было бы невозможно без отступления от старых норм и традиций в строительстве». Камазовские новшества использовались затем повсеместно, например, на строительстве картонно-бумажного комбината, объектов энергетики.

В своих воспоминаниях Евгений Никанорович много пишет о людях, с которыми работал, начиная от министров и кончая рядовыми рабочими. Из Сибири за ним приехало много сподвижников, новых друзей он обрёл в Челнах. Батя умел дружить, умел быть верным и надёжным. К нему тянулись. Среди его друзей были не только строители, но и писатели. Евгений Никанорович любил и знал литературу, а что до поэзии – так и сам писал стихи.

Пожалуй, и второго тиража будет мало. Евгений Никанорович, не лишённый литературного дара, пишет просто, откровенно, с любовью к людям, с гордостью за те великие дела, что вершил вместе с ними. Книга точно соответствует и названию, и подзаголовку – записки энергостроителя. Евгений Никанорович не включил в неё некоторые эпизоды своей биографии из докамазовского периода, из личной жизни. Это с успехом сделала Лариса Полякова, автор книги «Воспоминания и размышления. Из автобиографической рукописи Е.Н. Батенчука». И начинает с детства своего героя в городе Балта Одесской области. В семье было 11 детей – 9 родных и двое приёмных: племянник матери и привезённый отцом с войны безпризорник. Жили дружно. Примером для сыновей был отец. Это он сказал Жене, когда тот окончил семилетку и решил пойти в техникум: каждый мужчина прежде всего должен научиться работать своими руками, освоить профессию слесаря, токаря или кочегара... Сыновья так и поступили, убедившись потом в правоте отца: «Начинать жизнь рабочим – дело верное». 30-е годы минувшего столетия. Какими они были? А вот какими: 18-летнего слесаря Батенчука коллектив избирает директором завода. До чего же крутые виражи вычерчивает жизнь, но тем не менее долго отстававшее литейное производство через несколько месяцев стало выполнять задание по выпуску поршневых колец.

Когда семья переехала в Донбасс, Евгений освоил ещё одну профессию – шахтёра, затем окончил рабфак, с отличием – химико-технологический институт и был оставлен в аспирантуре. И снова отец на улице шепнул однажды сыну: «Посмотри на ту, кареглазую». Да-а, глаз у отца был снайперский: кареглазая Людмила Васильевна стала женой Евгения Никаноровича и его единственной любовью на всю жизнь. Они вырастили двух дочерей, в согласии прожили 60 лет и умерли в один год.

Ну, а тогда, в Донбассе, когда жизнь, казалось, вошла в свой счастливый период, вдруг грохнула война. Плен, концлагерь... В книгах Павла Вечерина, Феодосия Видрашку, Юрия Полухина рассказана история организованного Батенчуком сопротивления советских военнопленных. Активисты вели патриотическую агитацию, поддерживали слабых и больных, а с листовок зывали поэтические строчки Евгения Батенчука. После освобождения из плена были фильтрационный лагерь и клеймо на долгие годы. Но помыслы этого силь-

ного человека никогда не были сконцентрированы на невзгодах. Его увлекало другое – процесс созидания. Ему нужно было строить. Строить самые сложные, самые значимые объекты, в которых нуждалась страна, нуждался его народ.

Свою книгу Лариса Полякова завершает перечислением наград и званий своего героя. Это целая страница. Скажем коротко: Герой Социалистического Труда, три ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медали, почётные звания. Имя Е.Н. Батенчука увековечено двумя памятниками, бюстом, мемориальными знаками. И ещё. Имя «Евгений Батенчук» носит огромный бесценный алмаз. Не правда ли, символично для Бати?..

Владимир Ермаков. Осадок дня. Своеремерные заметки на полях календаря. Орёл. 2012 г. 368 с.

Новая книга Владимира Ермакова представляет собой дневник – писателя, поэта, философа, мыслителя, кем, по сути, и является автор. Точнее эту книгу и не назовёшь. Вот прошёл день... Какие-то его составляющие словно растворились, ушли в небытие, как их и не было. А что в осадке? Какие мысли, события, размышления, воспоминания, встречи случились и зацепили, усадили писателя за стол и вылились в эссе или даже стихи? А вот это и есть своеремерные заметки. Правда, слова такого ни словари, ни википедия не объясняют, но, возможно, это как раз то,

что намерено автором своей собственной мерой на полях календаря. То есть дневник необычен: сегодня – лирическая минизарисовка о природе, а завтра – жёсткий разбор событий. Но то и другое свежо, вкусно и с перчинкой: где-то задевает чувство, где-то ум. Вот осадок от 12 января: «В канун Нового года по старому стилю выпал снежок. Ну, наконец-то! Стало чисто, просто и уютно». А вот от 23 марта: «Между культурой и массовой культурой такое же сущностное различие, как между чудом и цирковым фокусом». Два предыдущих дня – разговор о поэзии и сами стихи:

Простите поэту странность;
когда он, выйдя из транса,
приносит стихи как весть
из потусторонних странствий, –
скажите путнику: здравствуй...
и дайте ему поесть!

К литературе автор ещё не раз вернётся, ею и закончит книгу – трактатом о сосуществовании прозы и поэзии. «Грубо говоря, если можно петь – это поэзия, а если нет, извините – проза... два типа организации сознания, внутренне различающихся отношением к действительности... Проза озадачена правдой жизни... Стратегия поэзии – обживать пространство существования... Слово в прозе – зерно... в поэзии – семя... От богемного блуда прозы с поэзией рождается химера сюрреализма. Поэзия, совращённая прозой, сворачивается в верлибр: так сворачивается в пыли напрасно пролитая кровь. От незаконной связи поэзии с прозой рождается киборг концептуализма». (По словарю – модернистское направление в искусстве 1970–1980 годов.)

Понятно, что писателю интересна литература, но это не превалирует над другими темами. Ведь дневник – это жизнь, в данном случае это то, чем жили один человек и вся страна целый год. Вот что пишет сам В. Ермаков: «Чем дольше продолжаются своеремерные заметки на полях календаря, тем больше я вижу в этом литературном жанре открытых художественных возможностей. Освобождение от стимула темы и логики сюжета оставляет в пространстве текста больше места для жизни, простора для мысли и воли для языка».

А читателю-то какое пространство открывается для утоления и любопытства, и жажды узнавания, и, может быть, получения ответов на какие-либо свои, тоже своемерные вопросы! И что за явление так называемая «русская тоска», и какова у нас оппозиция системная и несистемная, подготовка к выборам, формирование властных структур, культура, образование, государство, власть и т.д. – всё это в осадке дней 2012 года В. Ермакова. И каким языком! Совсем не таким, каким пишутся диссертации. Например: «Если дракона коррупция не удаётся поразить в сердце, может, напасть на него с гузна». Или: «Надо повернуть дышло закона!» Искушённый читатель может подумать: да он прямо как из нашей деревни! И не было бы для автора лучшей похвалы. Заслуженно.

Вот и кончился год...

Словно в незримом пламени
незаметно сгорел.

Так, тремя строками хайку, на манер старых японских поэтов, закрыл В. Ермаков свой 2012-й год. Опять тот же искушённый читатель захотел бы приобрести эту замечательную книгу. Заглянул бы в «Книжный двор», а там всё та же Лариса Рубальская...

Александр Ольшанский. Изюмские рассказы. Харьков. 2013 г. 288 с.

На Харьковщине, на реке Северский Донец, стоит «самый сладкий город» Изюм – не велик и не мал, как в песне поётся, родина известного советского и российского писателя А. Ольшанского. Здесь ему довелось поработать и в школе, и в райгазете, и в колхозах, и в известковом карьере. Словом, земляков знает хорошо. Сам считает так: «По большому счёту этим сборником я возвращаю моим землякам то, что они мне дали, чему научили в детстве и юности, да и в зрелые годы давали столько, что быть мне в неоплатном долгу до конца дней своих». Землякам и предназначался сборник: обеспечить хотя бы библиотеки района и города намеревался автор (дело, как всегда, в деньгах). Но изюмчане бросили клич и помогли своему писателю, который готовит теперь и перевод на украинский язык.

Изюмские рассказы высоко оценил поэт, киносценарист, литературный критик, профессор Московского государственного университета культуры и искусств В. Ленцов: «Счастлив тот край... в котором рождается художник, способный воссоздать в своих творениях... то главное, что подразумеваем мы под словом душа... много больше, чем некоторым иным местам, в этом смысле повезло Изюму...» И ещё он отмечает, что, например, литературный образ Одессы вкуче создавали многие писатели, а Ольшанский в одиночку показал миру лицо родного города, неповторимого, стойкого, трудолюбивого и смешливого...

Шумит-гудит изюмский базар, что чуть «поменьше Большой спортивной арены в Лужниках». Ярко представлен читателю базарный люд: ясновидящий Гриша, буфетчица Мотя (к слову, героиня другого рассказа), 20 лет продающий граммофон Георгий Парамонович (на самом деле он здесь для того, чтобы люди послушали музыку), наконец, сам главный герой рассказа «Смерть Тамары» керосинщик Сказка. Ему грозит безработица: мало кто нынче покупает керосин, но пока старый цыган держится. Однако со смертью Тамары его судьба, очевидно, решится. А покуда он пришёл на базар попить пивка да побыть с людьми. Сказке сочувствуют, ещё бы – такое горе. Но наступает время обеда, Моте надо закрывать чайную, и вот она – кульминация.

- Шёл бы ты домой, дядько Сказка... к похоронам готовиться.
- Ты шо, бисова дивко, смеёшься надо мною? Яки похороны?

Тётя Мотя остолбенела, остановилась посреди чайной и смотрела со страхом на Сказку.

– Ну, как же, дядько Сказка, Вы ж говорили, что у вас умерла Тамара, – напомнила она ему мягким голосом, сомневалась, не рехнулся ли он с горя.

– Ну, Тамара, – согласился он. – Правильно. Так Тамара – це ж моя коняка, а нэ людына...

– Так что ж ты, паразит проклятый, нам всем головы морочишь? Горе у него... Давай, дядя, отсюда уже...

Тамара была последней лошадьё в городе, и вчера старик плакал о ней, о своей надёжной подруге, самыми искренними и горькими слезами. Ситуация грустная, и всё же приправлена юмором. Он струится живой ниткой даже в таком, полном народной трагедии рассказе, как «В июне, посреди войны». Есть что вспомнить и старому Роману Павловичу из рассказа «Для веселия души», уж он-то был мастак на шутейную выдумку. Теперь же, обихоженный внучкой, сидит на лавке да посматривает по сторонам. Проезжает машина с арбузами, и у деда молниеносно созревает план. Он окликает мальчишек, играющих в футбол, и сообщает им, что у речки опрокинулась машина с кавунами, бери, сколько хочешь. Те умчались по домам за сетками, и старик забыл о своей шутке. Но вскоре приметил, что к речке спешат от мала до велика, и сам направляется туда, подумав: а вдруг она и впрямь опрокинулась... Неспроста, видимо, заметил один из героев книги, что жить в этом городке «кюзумительно». В рассказах Ольшанского есть и большая любовь («Вечный синдром»), и необъяснимая тяга к родной земле («Ледокол»), и неудавшаяся жизнь («Гастроли тёти Моти») и многое другое. Читателя книга не разочарует. Таких небольших городов и на Украине, и в России великое множество. В некоторые заглянул прогресс, в остальных же, как и в Изюме, жизнь затихает. Жаль...

От чистого сердца: к 70-летию нефти Татарстана. Казань. 2013 г. 104 с.

Эта книга отлична от других: её авторы – не профессиональные литераторы, не члены писательских союзов. Они – рабочие, инженеры, менеджеры, учёные. Их объединяет ОАО «Татнефть», в подразделениях которого они и трудятся на разных должностях. Другая сторона этой связи – притягательная сила литературного творчества. Все авторы сборника приняли участие в конкурсе, организованном Фондом духовного возрождения «Рухият» ОАО «Татнефть». Конкурс был посвящён 70-летию нефти Татарстана, а её добыто за это время 3 миллиарда тонн.

Открывают сборник стихи Роберта Ахметшина. Он окончил медицинский институт, затем факультет инженерной механики и работает в управлении «Татнефтегазпереработка». Не просто явный любитель природы, но тонко её чувствующий. Об этом говорят стихи – шуточные, но со смыслом. Поругались на пустыре Репей и Крапива. Оба на первый взгляд просто зловредные. Но в споре выясняется и другое: крапива – это витаминные майские щи («А с подругой-лебедой в голод были мы едой. Сколько мы спасли народу...»), и корень лопуха – целебное средство («Я не химия какая, а природы кладовая...»).

20 лет жизни Валентина Бурайкина были отданы журналистике, ещё 20 – управлению «Нурлатнефть», откуда и вышел на заслуженный отдых. Волнует его проблема деревни. «Были фермы и живность была... /А теперь – развалюхи-строенья./ Жизнь выносит не в пользу села / Директивы, указы, решенья».

Шагит Вагизов окончил автомобильно-дорожный техникум. По комсомольской путёвке строил газопровод «Бухара-Урал», 25 лет руководил службой безопасности дорожного

движения в Лениногорске. Его строки полны оптимизма: «Были молоды и крепки,/ Парни все как на подбор.../ Запах нефти острый, терпкий/ Нас волнует до сих пор».

Булат Валеев, менеджер кадровой службы ОАО «Татнефть», посвящает своё стихотворение деду, ветерану Великой Отечественной войны — «От окраин Сталинграда до Варшавы прошагал».

Шамиль Вильданов — выпускник Ульяновского технического университета, работает главным специалистом отдела автоматизации, телемеханизации и КИП Бугульминского института «ТатНИПИнефть». Он — прозаик. Его романтические зарисовки полны очарования, бесконечного восхищения миром, радости соприкосновения с ним. Он зовёт за собой: «... побредем по улочкам и набережным Парижа... мимо каменных фонтанов по старым белым дворикам Альгамбры, где ещё и поныне мавр-привидение играет на лютне каждую ночь? А может, смотаемся на Тибет или махнём в Гизу? Хочешь ли ты увидеть мир?.. Я покажу его тебе таким, каков он есть и каким вижу его я».

Составители сборника постарались включить в него как можно больше участников конкурса. «И пусть не все авторы отличаются совершенной техникой письма и стихосложения, но их произведения подкупают своей искренностью и откровенностью», — совершенно справедливо написала во вступлении редактор Гаухар Хасанова. Можно предположить, что сборник уже разошёлся.

Дмитрий Порушкевич. Поздний листопад. Стихотворения.
Орёл. 2013 г. 120 с.

Почти 40 лет жизни автор отдал журналистике — работал в редакциях газет, радио и телевидения. Соприкоснувшись с этой областью знают, что удержаться в ней можно при одном условии — полностью, головой и сердцем отдавшись делу. Но у некоторых, несмотря ни на что, прорывается ещё и дар Божий. Так было с поэтом Д. Порушкевичем. В этом, последнем его сборнике, собраны стихи разных лет, а в то время стихи читали всенародно — и в заводских цехах, и на стадионах, и на газетных полосах. Стихотворение «Помидоры» носит подзаголовок «репортаж». Все тогда ездили в колхозы помогать в уборке урожая. Кто-то вспомнит об этом нелестным словом, но у Д. Порушкевича это коллективный труд, яркий денёк, приподнятое настроение: «А здесь, внизу — наливные, красные, к себе зовут, весело подраживая... нагнись и хватай. Прыгают в руки, тяжёлые, сочные, в ящики льются струями солнечными». И в конце:

Снова полон автобус. Усталость —
где там! Песни взахлёб орём.
— Стойте!
Солнце на небе осталось!
Как, ребята, сорвём?
— Сорвём!

Другая интонация в стихотворении «Эвакуация», посвящённом маме. Старшее поколение помнит, как переполненные поезда увозили тысячи людей в неизвестные края от родного порога. « — Мама, мама,/ куда же едем мы? / Этот город как называется? — / Ты ответила словом медленным,/ непонятным: /— Эвакуация».

Высокой лирикой веет от строк о вологодской земле, где «гулкий колокол века отмахивал»:

Удары плыли,
 гудя раскованно,
 в них стоны слышались
 и голоса,
 ступали ссыльные,
 брели раскольники,
 кто с верой в землю,
 кто — в небеса.

Разумеется, в избранных стихотворениях присутствует и женщина. Если это любовная лирика, то она у автора своя, особенная. Отношение к женщине, выраженное даже одним штрихом, как правило, целомудренно. Это, видимо, от мудрости, приходящей с возрастом. Жизнь — она как гора: подъём, спуск. А пока ты покорял кручи, здесь, у подножья, жизнь сильно поменялась. Это заставляет многое осмыслить. Что и делает автор. Неспроста он назвал свой сборник «Поздний листопад». Вместе с поэтом читатель тоже о чём-то подумает, и можно сказать, что многие стихи Д. Порушкевича он назовёт замечательными, а то и «своими».

Российское Литературное собрание. Материалы к заседанию Координационного Совета Союза российских писателей 1–2 февраля 2014 г. Кемерово. 2014 г. 363 с.

Инициаторами знакового для страны и её культуры события стали потомки великих русских писателей — Владимир Ильич Толстой, Дмитрий Андреевич Достоевский, Михаил Юрьевич Лермонтов, Александр Александрович Пушкин (к сожалению, не участвовал в работе собрания по болезни), Александр Михайлович Шолохов, Елена Владимировна Пастернак, Наталия Дмитриевна Солженицына. Вместе с писателями проблемы литературы обсуждали педагоги, библиотекари, переводчики, издатели, художники — словом, те, кто имеет отношение к книге. И, наконец, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Составители сборника отмечают, что он, нынешний руководитель Государства Российского, судя по всему, находится в поисках диалога, апробирования новых подходов в общении с писателями. В своей речи В.В. Путин говорил о проблемах, которые волнуют не только аудиторию, но и миллионы интеллигентных людей за её стенами. Падение интереса к книге, особенно среди молодёжи, привело к снижению уровня общей культуры, наша страна перестала быть самой читающей в мире, отсюда низкая грамотность новых поколений, неумение мыслить, анализировать, пользоваться богатейшим родным языком. Создавшееся положение рынок не отрегулирует, считает Президент, государство должно «поддерживать литературу ещё и потому, что именно в ней всегда ставится самый прочный, самый точный диагноз состоянию общества и обозначаются его болевые точки».

Об этих болевых точках и выступления писателей. И.Л. Волгин: «Я уже устал приводить пример, когда на Ленинской библиотеке висела реклама ... огромная... на национальной библиотеке... «Сникерсни в своём формате»... Можно себе представить, чтобы на библиотеке Конгресса или на Британском музее висело нечто подобное?.. Вы посмотрите телевидение... один канал «Культура», который является как бы... ну, таким гетто, куда свалена вся культура. На федеративных каналах культуры нет, я уже не говорю о литературе... Когда-то читали стихи перед программой «Время», мы сегодня вспоминали, пятиминутка была поэзии... Существовало бюро пропаганды литературы при Союзе писателей. По инициативе этого бюро были бригады писательские, ездили по всей стране... выступали на заводах. Все это сейчас уничтожено... нет обратной связи, понимаете?»

Б.И. Олейник (Украина): «Да, мы приобрели суверенитеты... но потеряли широту взгляда, закрывшись «на своих хуторах», и, возможно, обогатились кожухами и тулупами, но, к сожалению, обеднели духовно. Растворение национальной идентичности в идентичности общеевропейской, которая по сути дела представляет собой голую абстракцию, но к которой почти в открытую призывают славян, — это путь в никуда... Ибо там.. мы попадём в плотные шоры цинизма, где осмеяны чисто человеческие чувства: сопричастность чужому горю и радости, чему нас учили сызмальства».

С.А. Шаргунов: «Мне сейчас периодически, на самом деле каждый день, присылают свои новые тексты молодые люди. И я понимаю, что им нужно редакторская огранка, а у нас в журналах рукописи не рецензируются и не возвращаются, эти отделы закрыты. Это вопрос существенный, и мне кажется, что если бы редактор вернулся, может быть, с государственной поддержкой, это было бы здорово. И, наконец, образование, поездки писателей в школы. Я лично от этого не отказываюсь... Когда школьник видит рядом с собой живого здравствующего литератора, у него меняется представление о литературе. Ты с ним начинаешь весело и бодро обсуждать: а вот кто тебе ближе, значит, — Штольц или всё-таки Обломов?.. Потрясающие и зачастую парадоксальные суждения».

Российское Литературное собрание прошло, как известно, 21 ноября 2013 года. Мнения о нём, порой самые противоречивые, не утихают. Станет или не станет оно поворотным к тому, чтобы Россия вернула себе звание самой читающей, литературной державы? Как бы хотелось на это надеяться! И спасибо энтузиастам из Кемеровского отделения Союза российских писателей, оперативно выпустившим такую нужную книгу.

«Складчина». Избранное. Книга 2. Омск. 2013 г. 236 с.

Литературный альманах «Складчина», орган Омского отделения Союза российских писателей, выходит около 20 лет. Полновесный багаж опубликованных здесь произведений позволил омичам отобрать наиболее удивительные материалы — так появился двухтомник «Избранного», профинансированный администрацией Омска. Первая книга увидела свет в 2012 году, и вот эта — вторая — в минувшем. Право открыть её в рубрике «Очерки и публицистика» предоставили одному из старейшин литературного цеха Омска Ивану Фёдоровичу Петрову его раздумьями о прожитом. Автор 27-ти книг, писатель, публицист, краевед, ветеран войны, к сожалению, недавно ушёл из жизни, но живое слово его звучит и звучит с верой в будущее России. В этой же рубрике очерк писателя Владимира Чешегорова о сибирской деревне от Столыпина до Путина, герои которого — жители таёжного края: и селяне, и ушедшие в город, но помнящие свои крестьянские корни.

В разделе критики и литературоведения привлекает внимание документальный очерк Александра Лейфера «Твой Толька...» Автор многих документальных книг, он и в этот раз пишет об известном не только в Сибири, но и в столице поэте Анатолии Кобенкове. «Попытка портрета» (это подзаголовок очерка) удалась. Разнообразные средства, используемые автором, — письма Кобенкова Лейферу, личные воспоминания и отклики разных людей дают полный и яркий образ талантливого поэта, литературного организатора, отзывчивого и порядочного человека, «про которого сказано в прощальных колонках «Литературки»: «Он создал в стихах целый мир, который и оставил нам...»

Всё было у этой страны, и леса,
и реки, и степи, и Бог при усах,
и барды на лесоповале...
Ей Лемешев пел, ей Фадеев писал,
и только меня не хватало...

Интересны также легенды и предания об Омске с пояснениями Бориса Гвоздева в рубрике «Живое прошлое». Здесь же очерк Виталия Бахолдина о встречах с Леонидом Мартиновым. И ещё о двух поэтических величинах — Аркадии Кутилове и Тимофее Белозёрове вспоминает писатель Владимир Новиков.

В книге есть раздел «Детское» с рассказами, стихами, загадками. Немало страниц от дано «Ироническому ракурсу». Есть в книге и переводы. Это стихи Артура Конан Дойля — «Оказывается, он был поэтом...» И даже обижался, что миллионы читателей знают его лишь как «литературного отца» Шерлока Холмса.

Галина Таланова. Бег по краю. Роман. Нижний Новгород. 2014 г. 272 с.

Автор — и поэтесса, и прозаик. Она издала несколько стихотворных сборников, нынешняя книга — её второй роман; к слову, за первый («Голубой океан») Галина получила премию «Болдинская осень».

Новая книга рассказывает о судьбе женщины. Незадачлива эта судьба. Хотя, казалось бы, всё было для счастья: окончила институт, была уважаемым специалистом; выйдя замуж, вошла в интеллигентную семью с достатком; выросли сын и дочь. Но в итоге героиня остаётся одна-одинёшенька в большой квартире с видом на Волгу. Лидия похоронила мать. Отношения с единственным братом, с которым были так дружны в детстве, исчерпали себя ещё до его смерти. Ушли

в мир иной родители мужа. Лидия не была любимицей свекрови, так ведь это обычное явление. Умирает дочь Василиса: попытка суицида при острейшем токсикозе. Затем — муж: сердце. Убили сына... Что же это — судьба записана в небесной книге, или и мы вносим лепту?

«Она помнит свой страх, что дети станут кем-то совсем не тем, кем хотелось ей. Она как бы вычертила пунктиром генеральную линию их жизни — и любой неосторожный шаг в сторону... вызывал у неё ярость... Она очень боялась, что с детьми может что-нибудь случиться, особенно с Гришей... Подруги говорили ей, что она зря так опекает его. Мужчина должен быть защитником, а какой же такой защитник, если он растерянно смотрит на неё, столкнувшись с реальностью... Лидия Андреевна любила детей ревностно, патологически... Это был какой-то ненормальный диктат». А всякий диктат обеспечивает себе противодействие. «С дочерью они постоянно ругались. Она не могла допустить мысли, что её маленькая девочка выросла — и теперь живёт своей жизнью, дверь в которую была наглухо закрыта от неё...» Героиня не смогла принять ни избранника дочери, ни девушку сына. Правда, и называть их избранниками сложно: дети, не научившиеся ни общаться, ни дружить, но жаждавшие доверительных отношений и любви, словно очертя голову бросились к первым встречным, и, как оказалось, это в обоих случаях был не лучший вариант.

Автор поднимает вопросы, касающиеся каждого — насколько мы социальны, выросли эгоистичными или добрыми, как с помощью родителей и близких встроены в эту жизнь. Книга будит мысль и этим, несомненно, станет интересна читателям.

«Тула». Литературный альманах. Тула. 2013 г. 347 с.

Стихов о любви написано великое множество. Этого автора прорвало до слепоты, этот в мучениях, этот в раскаянии, этот в неземной грусти по ушедшему — словом, так или иначе, а подаётся это чувство как бы в ореоле драмы. Но вот и другое обрамление любви, когда тихо и возвышенно поэт счастлив тем, что «самые лучшие женщины рядом —/ Красивые, милые — мать и жена». В другом его стихотворении читаем, как «Привычно на маленькой кухне/ Любимая гладит бельё»:

И кажется в эту минуту:
Назвавшись моею женой,
Богиня тепла и уюта
Находится рядом со мной.

Усну, убаюканный счастьем.
А утром, как ветра полёт,
Прохлада сорочки хрустящей
На плечи мои упадёт.

И светлое чувство такое
Живёт в продолжение дня,
Как будто прохладной рукою
Жена обнимает меня.

Эти стихи написал Валерий Ходулин, один из авторов альманаха «Тула». Об этом альманахе мы уже отзывались, отзывались положительно, и он продолжает оставаться таким же серьёзным и взвешенным журналом, который прочитывается от корки до корки. Поэтов здесь много, обо всех в короткой рецензии не скажешь, ну, хотя бы о некоторых... В стихотворении «Деду» автор восьми книг Валерий Савостьянов пишет о том, как в бане внук парит деда-ветерана: «И к тебе вернутся годы/ годы, взятые войной!..»

Если ж так
Вернуть их сложно —
То давай тогда мы сложим
Жизнь твою и жизнь мою
(Пусть мне тоже будет больно!)
И разделим — как обоймы
Поделили бы в бою.

Этот же автор «ещё застал рожок настоящий, деревенский» и помнит, как он играл — «будто сказывал былинку». Помнит, как в советском Крыму студентом снимал коечку за два рубля. А нынче видит скрипачку, обнищавшую в «перестройку» и вынужденную уйти торговать на рынок.

Андрей Расторгуев из Екатеринбурга прислал «Несуетливые стихи». «У нас арбузы зреют круглый год,/ и женщины их носят под одеждой./ И кто сулит народу недород,/ Наверняка окажется невеждой...»

Так же интересна и познавательна проза альманаха. Валерий Маслов (10 книг прозы, криминальные романы, переводы) — коренной туляк, он вспоминает моменты своей жизни, связанные с именем Л.Н. Толстого. Как-то заблудились в Дублине. Парень с девушкой предложили подвезти. По дороге, разговорившись, спросили, откуда гость. Нет, Тулу не знают. Тогда назвал имя своего великого земляка. Ирландцы сразу оживились: «Толстой! Ясная поляна!» А когда строилась федеральная трасса, которая по плану прошла бы вблизи от усадьбы, то советское правительство пошло на большие затраты, чтобы отвести дорогу подальше от исторического места. Лев Николаевич был неутомимым ходяком, рассказывает В. Маслов — он пешком ходил в Тулу за покупками, а это в итоге 20 километров. И в Москву ходил пешком. Был скромнен и доступен любому человеку, несмотря на своё высокое положение в обществе, графский титул и богатство.

Альманах продолжает повествование Майи Мельцер о послевоенном детстве в разных городах нашей страны и за рубежом с папой — кадровым военным. Детский взгляд точно

фиксирует особенности быта и нравов. Оказывается, «там» не было голода, как у победителей. А румынская хозяйка была чрезвычайно удивлена, что ординарец обедает за столом с семьёй командира. В Болгарии, оказывается, не воруют. И удивительно, что в Николаеве, где на улицах ещё недавно шли большие бои, маленькая девочка и её братик остались живы и невредимы: потянула за верёвочку и вытянула пулёмётную ленту... Потом принесли во двор тяжёлый снаряд, зная только, что его нельзя уронить... И сколько уже бегало вокруг покалеченных детей... «И вот что удивительно. Кругом разруха, а одним из первых в Орле построили драмтеатр. Это был праздник!» А время — карточки, очереди, надеть нечего! «Но в театр все ходили».

А как душевно пишет о кошках Ю. Кириленко! Вот мэр Варшавы предписал соответствующим службам кормить бездомных животных за казённый счёт. По своему дому знаем лишь один пример: Эрмитаж в Санкт-Петербурге содержит 56 хвостатых, иначе мыши попортят бесценные полотна. В остальном же — продолжается война не на равных и расплод крыс и мышей по городским кварталам.

Но и это не всё. Есть ещё известный литературовед Лев Аннинский с этюдами об Андрее Вознесенском, своеобразном, даже загадочном поэте минувшего века, о чьём творчестве сломано немало копий. Есть ещё Адриан Топоров, писатель и народный просветитель, организовавший в 1920 году на Алтае крестьянскую коммуны толстовцев — с миниатюрами об известных литераторах из его книги «Мозаика», которая так и не была издана. Судя по фрагментам, наверное, интересная... Впрочем, об Адриане Торопове и наш «Аргамак» писал...

Людмила Уфимцева. Зимородок. Повести и рассказы. Москва. 2014 г. 168 с.

Автор новой, только что вышедшей книги по образованию химик, закончила Казанский Государственный университет. Член Союза писателей XXI века. В её активе несколько стихотворных сборников и вторая книга прозы, предисловие к которой написал Борис Вайнер. Герои — чаще всего молодое поколение — и школьники, и учащиеся техникума, и студенты, и уже ставшие взрослыми. Все они горожане, но не только это объединяет собранные в книге произведения, а позитивность автора. Здесь почти нет, как это встречается у современных писателей, криминала, меркантильных устремлений, снобизма богатых наследников и других присущих времени черт. А есть простые люди с естественным умением и помочь ближнему, и быть верными, и хранить память. Их жизнь и поступки читатель наблюдает через характеры, мироощущение, обстоятельства.

Вот как они складываются у Сашки Бибикина. Ему до слёз обидно за преподавательницу своего техникума, которую несправедливо отстраняют от работы. Его отец, увидев ночью свет в комнате сына, заглянул к нему. И очень кстати: пришлось раздеть спящего Сашку и укрыть одеялом. Выключив компьютер, отец заметил на столе служебную записку директору техникума от сына в защиту Людмилы Петровны, у которой отец тоже учился, заканчивал этот же техникум. С удовлетворением отмечает: хороший сын у меня растёт. В пять утра он уходит на работу. Уже в дверях немного помедлил и вернулся в комнату Сашки. Глава семьи взял ручку и на служебной записке рядом с подписью сына поставил свою. «Вот так вот... всё — правильно!»

Герой рассказа «Чижик» Женька тоже не обладает выдающимися талантами. Длинный, нескладный, он учится и работает — тут же, в лаборатории своего института. Ухаживает за девушкой, которой придумал имя Чижик — очевидно, в противовес её царственной из мира пернатых фамилии — Орлова. Все они молоды, веселы, полны радужных

надежд, покуда в судьбе не наступает переломный момент. Женьку забирают в армию. А коль везучим его уж никак не назовёшь, то и попадает он, как теперь это называется, в «горячую точку» – на остров Даманский... Бой был неравным: 10 китайцев на одного нашего солдата. Друг Жени пришёл в себя в госпитале. Долгие годы он и подруга Жени Анна пытались хоть что-то узнать о его судьбе. Это удалось лишь через 20 лет. А судьба парню выдалась жуткая. Изувеченного, со стёртой гипнозом памятью его привезли на родину, а здесь – судебное дело и срок... Спасибо сестре: вместе с мужем они переехали в Хабаровск, чтобы быть рядом с братом и помогать ему. Но долго сердце Жени не могло выдержать.

«...В Петербурге на бетонной стене одного из каналов сидит маленькая каменная птичка.

– Это любимое место петербуржцев, памятник Чижикю, – говорит экскурсовод группе приезжих.

Когда шаги экскурсантов затихают, Анна осторожно опускает в воду привезённые сюда ромашки...»

«Аксаковская земля». Уфа. 2013 г. 304 с.

Как видите, автор не назван. Потому что в подготовке книги участвовали многие – и представители руководства города Уфы, и писатели, и журналисты, и преподаватели, и студенты вузов и техникумов. Они рассказывают о Международном Аксаковском празднике и связанных с ним традициях; о людях, которые занимаются изучением культурного наследия семьи Аксаковых, о лауреатах премии имени Сергея Тимофеевича, учреждённой городским Советом, наконец, о тех местах, где жили и трудились представители этого многочисленного рода. Аксаковские земли сильно преобразились за последнее время, здесь многое восстановлено, ведь Аксаковскому празднику более 20 лет. Он привлёк внимание

множества людей разных возрастов и родов занятий, он буквально выплеснулся из залов и аудиторий на улицы городов и сёл. Более того, он стал одним из моментов культурного и патриотического воспитания молодёжи. А если оценить в целом это масштабное и очень ёмкое движение, то можно сказать одно: мы имеем достойный пример обращения с отечественной историей. В некотором роде это даже гражданский подвиг общественности, руководства республики Башкортостан и лично Михаила Андреевича Чванова, инициатора Аксаковского праздника, президента созданного им Аксаковского фонда, известного писателя. Особенно важно и своевременно они сделали ставку на молодёжь. Учащиеся вузов, колледжей и лицеев активно участвуют в трёх конкурсах – научно-исследовательского характера, прикладного и на лучшую просветительскую работу, связанную с жизнью и творчеством Сергея Аксакова и его семьи. Показательно, что в конкурсы включились помимо гуманитариев и технари – будущие нефтяники, строители, аграрии.

Главный, стержневой раздел книги – это очерк «С именем Аксакова» известного писателя Михаила Чванова. Автор является председателем Аксаковского фонда и вице-президентом славянской письменности и культуры, почётным гражданином Уфы. Михаил Андреевич вспоминает о том, как начинался и поднимался этот огромный пласт общественного движения, которое привело к созданию Аксаковского фонда, к восстановлению и благоустройству мест, связанных с семьёй Аксаковых, к проведению ежегодного Международного праздника в Башкирии – на родине Сергея Тимофеевича. Фонд складывается из пожертвований государственных предприятий, банков, коммерческих организаций и частных лиц. Средства фонда – это и поддержка Мемориального дома-музея С.Т. Аксакова в Уфе, создание историко-культурного центра «Надеждино», куда входят Музей

семьи Аксаковых, воздвигнутый на пепелище, храм с воскресной школой и школа народных ремёсел. М.А. Чванов отмечает, что руководство республики всегда поддерживает начинания фонда. Один из примеров – Указ о Всероссийской литературной премии имени С.Т. Аксакова. Первым её лауреатом стал выдающийся русский писатель Василий Иванович Белов.

Книга знакомит читателя с Аксаковскими местами не только в Башкортостане, но и в других регионах, поскольку многочисленный род Аксаковых оставил добрую память по всему Поволжью. Книга, несомненно, будет интересна широкому кругу читателей: в ней оживает большой отрезок нашей истории и прослеживается связь веков минувших с сегодняшним днём. Та самая связь, которая по многим причинам порой от нас ускользает. Кроме содержания обращает на себя внимание и оформление книги. Красочно, с большим вкусом и, очевидно, с любовью выполнено это подарочное издание.

ЛЕГЕНДЫ НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

БЕДНЫЙ ГОЛИАФ

Сколько лет стишки мараю,
а читателя всё нет.

Не пора ли мне моралью
подытоживать сюжет?
Одномерно, чётко, просто.
Ясно даже для телят.
А иначе — только проза.
Время нечего терять.

Мы не будем долго рыться
в откровеньях Книги книг.
... Жил на свете бедный рыцарь
Голиаф — герой, мужик.
Он ковбоям из Канзаса
надавал бы по рогам.
Великаном он казался
перепуганным врагам.
Ростом парень хоть и вышел,
что ж бежать, поджав очко?
Голиаф наш был не выше,
чем какой-нибудь Кличко.
Лишь в политику соваться
не желал простак атлет.
«Кисло с вами тусоваться», —
говорил, скривясь, в ответ.
Говорил: «Кидалы правят,
нагибавшие народ».
Но когда войну объявят,
выступал тотчас в поход.
Супостата гнал пинками

аж до Вавилонских врат.
Шёл, увешанный венками,
с берегов реки Евфрат.
О его победах песни
залетали даже в глушь.
Нет, не силой всех известней
стал могучий этот муж.
Уложить врага на месте
Голиафу ерунда —
он священный кодекс чести
не нарушил никогда.
Утром вылез из палатки —
сразу звать врага на бой.
Джеки Чаном не был в схватке,
не орудовал ногой.
Знатных пленников и пленниц
не лишал последних прав.
Словом, суций был младенец
благородный Голиаф.

Благородство это боком
вышло славному бойцу.
Некий шкет, любимый Богом
лишь за то, что ел мацу,
принуждённый то и дело
на лице давить прыщи,
поступил чертовски смело —
кинул камень из пращи...
А теперь мораль, дружочек,
в духе тех и этих дней:
против гордых одиночек

запасись мешком камней,
или стрелами с отравой
поражай издалека,
и тогда твой зад вертлявый
будет цел наверняка.

ЖИГАН И БЛОНДА

*По мотивам рыцарского романа
Филиппа де Ремю*

1

Прямо в центре кубанской станицы,
там, где прежде и храм был, и клуб,
во дворце, подходящем столице,
жил с семьёй атаман Казолуп.
Двух братьёв засосала трясина –
застрелили обоих менты,
и осталось у батьки три сына –
три надежды его, три мечты.
В память предков, пшеницу моловших,
дувших в путь босиком по траве,
он хотел, чтобы двое младших
депутатами стали в Москве.
Обеспечить же связь поколений –
так наметил давно атаман –
должен был его старший, Евгений,
по прозвищу Жека Жиган.

2

«Будя, сынок, тут корчить доцента!
Что читаем? Незнанского? Брось.
Отправляйся немедля до центра –
не такое узнаешь, небось.
У меня там дружок закадычный,
сам «в законе», мужик ничего.
Передашь ему ящик «Столичной»
и поступишь в бригаду его.
Друга кличут Малюта Казанский –
сын когда-то в Казани погиб».
... Распростились они по-казацки.
Сел Жиган в бронированный джип.
На холме тормознул, озирая
крыши, реку, леса и поля,
и рванул из родимого края,
по разбитым дорогам пыли.

3

Через год, укокошив Бакинца,
разобравшись с Тамбовским Лукой,
у Малюты Жиган, вроде принца,
стал наследником, правой рукой.
Охраняет семейные фонды,
ловок, набожен, смел, – потому
руку дочки единственной, Блонды,
обещает Малюта ему.
Но не всё в королевстве спокойно,
есть один неприятный момент:
обнаружен упавший с балкона
предыдущий такой претендент.
Говорят, что замешан тут Гиви,
не браток, а цивильный бандит.
Торговал он бананами, киви,
а теперь в префектуре сидит.

4

Наш герой, заработавши проседь,
разобрался, однако, с врагом.
Перед тем, как в бетон его бросить,
по старинке пожёт утюгом.
И признался тот в ревности пылкой
к тем, кто взгляды на Блонду бросал.
И за это, страдая под пыткой,
всё имущество ей отписал.
После свадьба была в «Метрополе» –
Басков, Бабкина, табор цыган.
В непривычной, но радостной роли
рядом с Блондой – красавец Жиган.
А за длинным столом, где путаны
мечут взоры в законных овец,
Казолупы сидят – депутаты,
и, конечно, их старый отец.

5

Вот такая история, детки.
Ну-ка все повторим это вновь:
«Движут миром не жалкие деньги,
а великое чувство – любовь!»

РОБЕРТ ЗВЕРЕВ

Из легенд о Роберте-Дьяволе

1

Мальчишка Зверев, Роберт,
в соседнем доме жил.
Всё делал он, как робот –
ходил, и ел, и пил.
Сидел со мной за партой,
не слыша ничего,
но не были запаркой
задачки для него.
Как выяснилось вскоре,
имел одну он страсть –
над малышами в школе
поиздеваться всласть.
Порой, ограбив крошку,
в экстазе убегал.
А голубя и кошку
спокойно убивал.
Когда его за это
назвал я палачом –
решил он для ответа,
что хочет стать врачом.
Действительно, пытался
попасть в мединститут,
покуда я метался,
учась то там, то тут.
Он дважды был отчислен,
пошёл работать в морг.
Но не служить Отчизне
по возрасту не мог,
и в девяносто пятом
пропал надолго с глаз –
отправился солдатом
на Северный Кавказ.

2

Под храмом на Волхонке
устроен зал большой –
там продают иконки,
поёт Анита Цой.

Не из духовной жажды
я вдруг туда пришёл,
а просто был однажды
на вечер приглашён.
Стишок я старый штопал,
гремел казачий хор,
когда в меня, как штопор,
вонзился чей-то взор.
Хоть непривычен глазу
и люден тёмный зал,
но Роберта я сразу,
конечно же, признал.
А через час в кафешке
сидели за столом,
под пиво и орешки
трындели о былом.
Уже немного пьяным
я рассмотрел его:
во взгляде оловянном
всё то же – ничего.
По-прежнему, как робот,
жевал и говорил.
Теперь, однако, Роберт
мне стал внезапно мил.
Во всём ему поверив,
я вспоминал не раз,
то, в чём признался Зверев.
И вот его рассказ:

3

«Я с детства был уродом –
таким родила мать.
Крепчало год за годом
желанье – убивать.
Вчера ещё хватало
зверей и птиц вполне,
теперь казалось мало –
росло и голодало
чудовище во мне.
Работать начал в морге,
но быстро охладел.
Мне нужно крови море,
живых потребно тел!
И вот я, как на ужин,
подался на войну.

Был ранен и контужен,
и год провёл в плену.
Вернулся в меру сытым,
пытался завязать,
стал жить с женой и сыном.
Догадывалась мать
в какой такой бригаде
работаю, и кем,
просила Бога ради
забыть её совсем.
Однажды я случайно
мальчишку застрелил.
Тогда открылась тайна

во мне сокрытых сил.
Призналась мать-старуха,
пустив опять слезу,
что зачала от духа
на кладбище в лесу.
... Раздал я деньги нищим,
в селе построил храм,
обрёл, что все мы ищем,
слетав к Святым Местам.
Поверь, за Божью милость
и это не цена.
Вся жизнь переменялась:
я нынче — меценат».

МАРИНА САЛЬТИНА

РАССКАЗЫ ИЗ КОММУНАЛКИ

СТАКАН МИРА

Бульвар был длинный и голый. Конечно, у ограды что-то росло: липы, сирень, каштаны и даже диковинный карагач — как его занесло из Средней Азии — никто не знал. Но всё это произрастало, а по весне цвело буйным цветом далеко от скамеек. Так что летом целый день бульвар жарился под солнцем, поэтому местное население стекалось посидеть на скамеечках и пообщаться только часам к шести вечера.

Женщины *подчепуривались*: подводили брови, подкрашивали губы, взбивали седые кудряшки и являлись в *кобеднишных* платьях. Беседовали о житейском: детях, внуках, растущих ценах.

Мужчины выглядели бледнее — они почему-то быстро *жухли*. Но тоже старались держаться. И если кто-то позволял себе выйти на бульвар в трениках с пузырями на коленках и в домашних тапочках, тому давали понять, что пренебрегать туалетом не следует.

Мужское пенсионерское общество было постоянным.

Мужчины беседовали, кормили голубей, иногда совершали променады вокруг небольшого озера в соседнем парке.

Разговоры велись серьёзные: что удобнее носить — подтяжки или ремень; чем лучше кормить голубей — зерном или хлебом; что первично — цветение или похолодание.

Степаныч каждый день приносил голубям белый хлеб и пшено, голуби его ждали и даже садились на руки, чтобы было удобнее клевать.

Петрович делал модели кораблей и по утрам испытывал их на озере. Все желающие могли присоединиться.

Палыч смотрел по телевизору ментовские сериалы и пересказывал их.

Фотограф Федя, единственный работающий пенсионер, вечерами выходил с фотоаппаратом в поисках интересных кадров.

Иногда к компании присоединялся Сеня — бывший и потому пьющий лёгчик.

Пробежал мимо Миха — большой на всю голову после Афгана — и просил десять рублей на опохмелку. Денег ему не давали, но наливали, если было что.

Сторонился общества Кузьмич — полуслепой и глухой ветеран, ожидающий, что в один прекрасный день к нему приедут руководители государства, и он преподнесёт им свои изобретения, чем осчастливит всё население страны.

Особая статья — Константин Иванович. Вокруг озера он не гулял. Беседы не поддерживал. Ни с кем не здоровался — не считал нужным. Это списывали на возраст. Тем не менее к обществу он принадлежал.

И вдруг в одночасье он стал знаменит на весь бульвар. Оказалось, что он написал письмо Путину, сообщил, что является ветераном, и попросил денег.

И деньги ему прислали — целых три тысячи рублей!

Константин Иванович долго молчал, но не выдержал — проговорился.

Мужское общество, с одной стороны, порадовалось за человека, а с другой, оскорбилось, что из таких президентских деньжищ человек не выставил народу даже пива. А ещё общество осудило Иваныча за враньё: к началу войны тот был сопливым пацаном и уж никак не мог оказаться ветераном.

Константину объявили бойкот: с ним не разговаривали и не допускали в общество.

Он тосковал, как пелось в одной советской песне, «по соседству и на расстоянии», но исправить ситуацию не мог. Обществу тоже было его жалко. Но первого шага к примирению не делал никто.

... Вот про это Володька и рассказывал на коммунальной кухне соседке бабе Клаве.

Володька, поскольку не был ещё пенсионером, к обществу не принадлежал. Но к беседам, прогулкам вокруг озера и кормлению голубей допускался. А также охотно бегал обществу за пивом.

Володька так прямо и поставил перед бабой Клавой извечный вопрос русской интеллигенции: что делать?

— А чо тут рассосуливать? — удивилась баба Клава. — Замириться надо. Вот тебе и весь сказ.

— Ну! — кивнул Володька.

— Баранки гну! — отозвалась соседка. — Кистянтин — старый жмот, а остальные — стары завистники. Но все хотят замириться. Так ай нет?

— Так, — кивнул Володька.

— Дак покурите трубку мира, как индейцы в целевизере. Ой, а ты видал индейцев у метро? — оживилась баба Клава. — Они все в пёрьях, поют и притоптывают, и деньги собирают.

— Видел. Они теперь — беженцы и жители Москвы. Все их зовут *чурками*, они обижаются. А ты не отвлекайся, — одёрнул бабку Володька. — Кё фер? Фер-то кё?

Баба Клава посмотрела на соседа:

— Ты чо на меня фыркаш?

Володька вздохнул:

— Да не фыркаю. Это я тебя по-французски спрашиваю: что делать?

— А ты ишшо по-индейски спроси. Дак я тебе и отвечу, как индейка: покурите трубку мира.

— Клава! Они некурящие — здоровье не позволяет.

— А пить им здоровье позволят?

Володька кивнул.

— Ну, товда распейте бутылку мира. Или там стакан.

Володька задумался и почесал в затылке:

— Клава, а как ты себе это представляешь? И кто принесёт бутылку?

— Кому надо — тот и делат, — отрезала баба Клава. — Хош всех замирить — сам и неси. И будет всем щастье, как говорят по рекламе. Бутылка есть?

— Ну! — Володька мотнул головой.

— Обрато баранки гну! — проворчала соседка. — Хош, закусь соберу? Вона у меня картошка варёна, лук, хлеб. А то ты с етим бульваром да с ихними обидами сам не свой.

Володька сбегал в свою комнату за бутылкой. Баба Клава собрала нехитрую закуску и напонила:

— Стакан возьми. Пушшай будет стакан мира.

Володька полез за стаканом:

— Клава! А ведь наш бульвар можно назвать бульваром Сбитых Лётчиков. Смотри: нищие пенсионеры, больные, обиженные, никому не нужные.

Баба Клава покачала головой:

— А страну — страной Сбитых Лётчиков. Ежели вас жизнь там или государство сбило — дак уж вы друг дружку не забижайте. Помогайте подняться.

— Клава! Нет слов! — с чувством произнёс Володька. — Ты... ты... Матёрый чело-вечище — вот кто ты!

И умчался на бульвар — *замирать* сбитых лётчиков.

ПРОЛЕТАРСКИЙ ЗАВТРАК

— Володя! Да сам следи за своим варевом! Через край текёт! Я газ прикрутила! — баба Клава стучала в дверь к соседу.

— Пр-р-рик-р-рутила! Пр-р-рик-р-рутила! — подтвердил скрипучим голосом попугай Петруша, сидя на плече хозяйки.

— И плиту за собой подотри! Ить всю засрал! — продолжала баба Клава.

— Зас-р-рал! Зас-р-рал! — возмутился попугай Петруша и долбанул клювом в дверь.

— Сей момент! — Володька вышел из своей комнаты и направился на кухню.

Баба Клава проследовала за ним. Она поёрзала, поудобнее устраиваясь на колченогом табурете, и полюбопытствовала:

— Да и чо ты тут варганишь?

— А какой сегодня день? — вопросом на вопрос ответил Володька.

Баба Клава пожала плечами:

— Ну, четвёрьг.

— Четвер-р-рг! Четвер-р-рг! — проскрипел попугай Петруша и перелетел с плеча хозяйки на форточку.

- То-то и оно! А что было в Советском Союзе в четверг, помнишь?
Баба Клава опять пожалала плечами:
- Ну, день посереде недели.
— А какой? Какой день? — не отставал Володька.
Ему не ответили, и он напомнил забывчивой соседке:
- Рыбный!
— Р-р-рыбный! Р-р-рыбный! — согласился попугай Петруша.
— Ну, дак и чо?
— Вот по причине четверга я и варю супчик из рыбных консервов. Могу угостить.
— Спасибо, Володя, мы сичас с Петрушей каши поедим. Чо-то не хочу рыбу.
— Р-р-рыбу! Р-р-рыбу! — капризно потребовал попугай Петруша.
— Не, Петруха, птички рыбку не жрут, — сказал Володька.
— Жр-р-рут! Жр-р-рут! — возразил Петруша.
Баба Клава открыла холодильник. Попугай перелетел к хозяйке на плечо.
— Петро! — предупредил Володька. — Не суй свой клюв в холодильник, а то пингвином станешь.
- Попугай Петруша обиделся и нечего не ответил.
- Знаешь, Клава, у меня одна знакомая экскурсоводом работает. Везёт она, значит, зимой иностранцев по городу на автобусе. И едут они по мосту через реку, а на льду рыбаки сидят. Так все иностранцы повскакали с мест, руками замахали и завопили: «Пингвины! Пингвины!» Смешно?
- Соседка кивнула.
- Возвращаюсь к вопросу о рыбном дне. Помнишь, почему он был введён?
— Дак мяса не было.
— Из-за спада производства мяса. Молодец, помнишь, — похвалил Володька. — А когда он был введён и кем?
- Ковда, ковда, — проворчала баба Клава, — дак до войны ишшо.
— Опять молодец! В тридцать втором году. Автором постановления был Микоян.
— Ага, ага, Анастас Иваныч, — покивала головой баба Клава.
— Я всю жизнь ненавидел этот четверг из-за рыбного дня, — пожаловался Володька. — Во всех столовках — одна рыба. Котлеты — и те рыбные.
— А сичас чо на рыбну консерву потянуло?
— Ну, по причине личного финансового кризиса временно перехожу на рыбу.
— Р-р-рыбу! Р-р-рыбу! — с завистью проскрипел попугай Петруша.
— А я помню, — сказала баба Клава, — зараньше люди хек токо для кошек покупали. А потом стали для себя, но в магазине почему-то вдали, что для кошек.
— Потому что жить стало лучше, жить стало веселее. А у меня не хек, а килька в томатном соусе. В молодости мы этой килькой водку закусывали, а теперь вот суп приходится варить.
— Вар-р-рить! Вар-р-рить! — подбодрил загрустившего соседа попугай Петруша.
— Дак чо? — спросила баба Клава. — Будем есть ай как? У нас — каша, у тебя — рыбный день.
- Володька оглядел накрытый стол и засмеялся.
- Чо смеёсси?
— Да вот, Клава, смотрю на наш пролетарский завтрак. Знаешь ли ты, что самое необычное творение Фаберже...
— Ето который с яйцами? — уточнила соседка.
— Он самый, — кивнул Володька. — Так вот, самое его необычное творение — «Пролетарский завтрак».

— Да ну тебя, — отмахнулась баба Клава, — он же токо царям яйца делал. А сичас евойные яйца — у олигархов. Дорогие потому что.

Володька фыркнул:

— Не перебивай оратора. Продолжаю. Выглядел этот «Пролетарский завтрак» так: на доске из яшмы — яичница из янтаря. На яичнице сидит серебряная муха. Рядом стоит гранёный хрустальный стакан, лежит недокуренная сигарета и газета из серебра.

— Вона как! — удивилась баба Клава. — Ничо себе — пролетарский.

— Пр-р-ролетар-р-рский! Пр-р-ролетар-р-рский! — в восторге завопил скрипучим голосом попугай Петруша, видимо, представив роскошную жизнь пролетариата.

ЗМЕЯ

Ну, что теперь поделаешь? Как была смешная страна — такой и осталась. Жизнь всей страны сосредоточивалась в одном городе — Москве.

Вот в советские времена всё, что производилось на бескрайних просторах нашей родины, отправлялось в Москву. А уж потом население приезжало в столицу и, отстояв в огромных очередях, покупало, что душе угодно. Или то, что можно было достать. Так что Москва была одним магазином на всю страну.

Правда, многие магазины на субботу-воскресенье убирали с прилавков всё, кроме «Завтрака туриста». Даже анекдот был: «Что такое — длинное зелёное, пахнет колбасой?» Ответ: «Электричка на ...» И далее — название любого населённого пункта.

А вот в капиталистические времена, когда бывшие союзные республики стали самостоятельными государствами, оказалось, что единственное место, где можно найти работу, — опять же Москва. И все безработные бывшей многонациональной страны потянулись сюда. Как раньше за продуктами.

Платили приезжим мало, селили в ужасных условиях. Прав никаких они не имели и всего боялись. Но хоть что-то зарабатывали и посылали семьям в свои нищие «государства».

Сферы обслуживания были строго поделены по национальному признаку: на рынках торговали азербайджанцы, улицы мели таджики, строили и ремонтировали украинцы и молдаване.

... Лукерья с мужем, взрослым сыном и ещё некоторыми родственниками вынуждены были в поисках работы уехать из своей Молдавии в Москву.

Снимали за городом квартиру на всех и занимались ремонтом квартир. Несмотря на отсутствие регистрации и разрешения на работу, работники милиции семью не трогали: у всех милиционеров были квартиры, и всем нужен был ремонт.

Лукерья была тётка работающая, не отказывалась ни от какой работы: когда ремонта не предвиделось, могла и подъезды мыть, и в квартирах убираться. Деньги посылала в Молдавию пожилым родителям и жене сына, которая делать ничего не умела и не хотела.

Правда, надо было один раз в три месяца в обязательном порядке пересекать границу, ездить на родину — такой смешной закон был.

Всю родню, привезённую в Москву, Луша обеспечивала работой. Трудились они на совесть, и люди передавали их от семьи к семье.

В родне все люди были как люди. Кроме Анфисы. Она считала себя членом семьи, так как её покойный муж приходился каким-то родственником отцу Луши.

Фиса была хромая, ленивая и завистливая. Всегда увязывалась работать с Лушей, но всё делала плохо, только портила материалы. А требовала зарплату, как у всех. Луша мучилась, но выгнать Фиску не могла — родня как никак. И жалела эту зарплату — у той на родине остался взрослый неработающий и пьющий сын с двумя детьми, и ему тоже нужны были деньги. Зато вторым сыном Фиска хвасталась — тот учился в институте.

А вот у Луши сын не учился, а работал вместе с матерью. И часто, чтобы дать работу Фиске, Луша отказывала сыну.

... Баба Клава давно уговаривала соседней скинуться и сделать ремонт хотя бы в местах общего пользования их коммуналки. Соседи жались, но в конце концов согласились.

Бабе Клаве порекомендовали Лушу.

... Луша работала споро, аккуратно и весело. Фиска халтурила, видать, руки у неё росли не из того места, всё норовила посидеть и отдохнуть.

Соседи в связи с ремонтом дома появлялись только к вечеру. А баба Клава несла трудовую вахту: чем могла, помогала, и кормила работниц.

Заодно прислушивалась к их разговорам. А разговоры эти ей ох, как не нравились!

Еле-еле вода кистью, Фиска вкрадчиво внушала доверчивой Луше, что жить без мужчины — вредно для здоровья и смертельно опасно для жизни. И поскольку муж Луши — старый и больной, она должна обязательно завести любовника. И такой желающий есть, он готов платить Луше деньги.

В другой раз Фиска авторитетно убеждала Лушу, что чистить зубы каждый день вредно, а можно только один раз в неделю.

Баба Клава только качала головой.

Но когда она услышала, как Фиска уговаривала непьющую Лушу начать пить водку, потому что это чистит организм и очень полезно для здоровья, баба Клава не выдержала.

Она вышла в коридор, где Луша клеила обои, а Фиска, как всегда, отдыхала, упёрла руки в боки и осмотрела стены.

— И кто вот это клеил? — грозно спросила она и ткнула пальцем в криво наклеенные обои.

Луша через плечо оглянулась со стремянки:

— Фиса.

— Вижу я, что Фиса!

— А чё, а чё? — заверещала та.

Баба Клава сдвинула брови:

— А ничо! Я тебя, лодырницу такую и неумёху, увольняю! Иди отседа! Ты как обои поклеила? Косо, криво. Одни цветы головой вверх, други — вниз. Вон пузыри каки. Сидишь всё время, проклаждаисси! Луша за тебя вкальват, а ты токо деньги из её тянешь! Да советы дурацки даёшь: дескать, мужика на стороне заведи, зубы не чисти, водку пей! А она, дура доверчива, тебя слушат! Вот сама зубы не чисти, водку пей и мужиков обслуживай! Ничо боле ты не умеш! Пошла вон из моёва дома! Ничо не заплачу! Змея — вот ты кто! Прошмандовка!

Попугай Петруша вылетел из комнаты и пристроился на плече хозяйки.

— Пр-р-рошмандовка! Пр-р-рошмандовка! — подтвердил он скрипучим голосом.

Фиска была с позором изгнана из дома.

— Всё, Лукерья, лазай со стремянки, обедом буду тебя кормить, — распорядилась баба Клава, захлопнув дверь.

... Они сидели за столом. Луша молчала, переживала очень.

— И-и-и, девка, не сумлевайся, я всё правильно сказала, — успокаивала её баба Клава. — Ты женщины справна, работающа, семья у тебя хороша. Как же ты етой злыдне, змее етой поддаёси? Гони её, гони! Она тебе завидоват, потому позорит и хочет из тебя пьяну блядишу исделать. Вот пусть сама така станет.

Луша горестно молчала.

Баба Клава подумала-подумала и ушла к себе в комнату.

Вернулась с початым шкаликом водки и двумя рюмками:

— Щас организм «почистим», как твоя змея говорит. Часто и много — нельзя. А граммულку можно — для аппетита и поднятия хорошего настроения.

— Настр-р-роения! Настр-р-роения! — согласился попугай Петруша скрипучим голосом.

КОТ-БАЮН

— Идём отсюда! — сердито сказала Тома.

Люся удивлённо взглянула на подругу:

— Что случилось?

— Не хочу здесь ничего покупать. Видишь, вместо «памела» написано «помело».

— Ну, и что? — засмеялась Люся.

— А то! Значит, и качество у всего тут такое. Помело, одним словом.

Они двинулись к выходу.

— Ой, что это? — притормозила Люся.

У кассы стояла игрушка — большой страшный серый кот. Стоил он 830 рублей. Тома взяла его в руки. Кот был тяжёлый.

— Ничего себе игрушка, — проворчала Тома. — Таким только детей пугать. И чего это он у вас такой тяжёлый?

— Это кот-баюн, он песни поёт и сказки рассказывает, — объяснила словоохотливая кассирша. — Его надо потрогать за ухо или за нос.

Тома потрогала — изнутри кота сладкий голос стал рассказывать сказку. Тома потрогала в другом месте — кот запел песню.

— Ну, да, родители-то сказок и песен уже не знают. Да и некогда им детьми заниматься. Вот страшного котяру своим чадам и покупают, — Тома поставила кота на место.

Подруги вышли из магазина.

На крыльце им пришлось огибать маму с маленькой дочкой, которые встретили знакомую. Девочка прижимала к себе страшного поющего кота.

Знакомая сюсюкала с девочкой:

— Так вы на балете были?

Девочка кивнула.

— Что же тебе там понравилось?

— Мороженое. Оно вкуснее, чем в ИКЕА.

— А какой праздник ты любишь больше остальных? Наверное, Новый год?

— Поминки, — ответила девочка.

— Почему? — обалдела знакомая.

— Потому что деньги раздают и много конфет, — пояснил ребёнок.

Тома и Люся завернули за угол.

— Вот так, — ворчала Тома, — песни детям поют коты. А дети любят мороженое в балете и поминки. Нет, ты скажи мне, куда мы катимся? Была я тут в поликлинике. Маленький мальчик рыдает — хочет взять домой номерок из гардероба. А у самого на шее — мобильник с играми. Значит, свои игрушки навороченные надоели, и хочется поиграть с номерком. Что с ними дальше будет? В школе?

Люся вздохнула:

— Тут по телевизору сообщили, что маленькие школы содержать невыгодно. Поэтому районные власти их закрывают и продают под бизнес-центры.

Они зашли в книжный магазин.

Молодая женщина спрашивала «Грозу» Островского, потому что у неё — только «Как закалялась сталь». И недоумевала: как это два Островских? Как это — совершенно разные писатели?

Подруги переглянулись и покинули магазин.

— Вот они, плоды просвещения, — пробурчала Тома.

— А что ты хочешь? — отозвалась Люся. — Вон министр культуры публично заявил, что он занимается культурой как отраслью экономики. Уж не знаю, чем занимается министр образования.

Тома продолжала ворчать:

— Нынче говорят и пишут, что виной всему компьютер. У молодых плохая память, не развивается воображение. А мышление у них знаешь какое? *Аппендицитное, клиповое, тестовое, гаджетовое*. Во как!

Люся кивнула:

— Раньше мечтали летать, покорять космос, бороздить моря, сделать открытие в науке, лечить, учить. А сейчас — накопить денег, купить что-нибудь. Хотя и раньше молодые разные были. Помнишь, в фильме «Курьер» парень спрашивает приятеля, о чём он мечтает? А тот отвечает, что хочет пальто купить. Герой отдаёт ему своё пальто и говорит, носи и мечтай о чём-нибудь великом.

Тома упрямылась:

— Всё равно система ценностей на государственном уровне умерла. Где-то писали об опросе среди молодых. Спрашивали, кто является героем нашего времени, при-

мером для подражания. Знаешь, кого называли? Кабаеву, Плющенко, Ваенгу. Вот так: ни космонавтов, ни учёных, ни учителей, ни врачей.

Они грустно брели по улице.

— Обрати внимание, — Тома толкнула подругу локтем, — даже смеяться и петь стали меньше. Не в телевизоре, нет — там по всем программам смешат и соревнуются в пении, танцах, ещё в чём-то. Нет, сами люди, обыкновенные. Ты оглядись.

Они остановились и огляделись.

Люди шли озабоченные и не улыбочивые.

— Вот, — подвела итог Тома, — как сказали по телевизору, суровая страна для суровых людей. Может быть, потому, что детям сказки рассказывают и песни поют коты-баюны?

— Тома, а ты заметила, как мы теперь общаемся, на кого ссылаемся? «По телевизору сказали». Телевизор — Бог и царь?

— Тоже кот-баюн, — ответила Тома. — Ну, а раньше нам газеты говорили.

Люся вздохнула и ничего не сказала.

ФИНСКИЙ СЕРВЕЛАТ

1-е мая мало кто уже в стране отмечал. Но соседи, по старой памяти, собирались. Тома накрыла стол, позвала на рюмочку в честь праздника. Соседи не могли хвалиться Томиной стряпнёй. Люся обожала подружкины пироги и всё пыталась вы-
знать их секрет.

Тома честно отвечала:

— Моя мама говорила: не мучай тесто.

Люсин сын Лёшка налегал на сервелат.

Тома смеялась:

— Ешь, ребёнок! В нашем с твоей мамой детстве это был деликатес.

Она обратилась к подруге:

— Люсь! А ты помнишь «заказы» в советские времена?

Конечно, Люся помнила.

В советские времена, когда полки магазинов были пустые, партия и правительство исправляли «историческую несправедливость», и к праздникам во многих учреждениях народу выдавались (вернее, продавались) «продуктовые заказы», которые никто и не заказывал.

В этих «заказах» были дефицитные по тем временам продукты: гречка, сливочное масло, красная рыба, цейлонский чай, кофе, какао, сгущёнка, тушёнка, шоколадные конфеты, бананы, апельсины, ветчина. И, если повезёт, финский сервелат.

Как он пах, этот самый сервелат! Даже бумага, в которую он был завернут, долго благоухала.

... Какое счастье! На этот раз в «заказе» был финский сервелат!

Тома приехала к маме на работу, чтобы помочь увезти всё это богатство домой. Мама погрузила «заказ» в холщовые сумки, и они отправились домой.

Финский сервелат, завернутый в бумагу, торчал из сумки Тома.

В метро, как всегда, была давка. Тому толкали и пихали.

Ближе к конечной остановке народ рассосался. Тома перевела дух, проверила свою сумку и ахнула — сервелата не было. Бумажка была на месте, запах остался, а сервелат отсутствовал.

— Украли! — заплакала Тома.

Мама её успокаивала: возможно, в давке сервелат просто выпал. И предложила вернуться.

Тома не верила, что эта прекрасно пахнущая колбаса найдётся.

Они вернулись.

Мама стала осматривать перрон.

Расстроенная Тома потёрла и без того блестящий нос собаки пограничника — одной из скульптур на станции — и загадала, чтобы пропажа нашлась.

Тома посмотрела вниз.

О, радость! Их финский сервелат лежал на рельсах, живой и невредимый!

Они с мамой разыскали дежурную по станции и попросили достать колбасу. Ворча, дежурная взяла длинную палку с крючком и достала сервелат.

Вокруг них собралась толпа любопытных.

Но дежурная не торопилась отдавать находку хозяйкам:

— А чем докажете, что это ваша вещь?

Тома залепетала что-то про пахучую бумажку от сервелата, стала её показывать сердитой дежурной.

— Ждите до закрытия метро, — рявкнула дежурная. — Если больше никто не заявит о пропаже, тогда отдам.

Она подумала и добавила:

— Может быть.

И хотела удалиться.

Тома плакала.

Толпа возмутилась. Смешно, но в советские времена люди ещё сочувствовали чужому горю и могли противостоять несправедливости хотя бы таких мелких властей, как эта злобная дежурная. Народ потребовал вернуть сервелат владелицам.

Дежурная колебалась. Видно было, что ей очень хочется забрать этот сервелат себе. Но люди были настроены решительно.

С большой неохотой дежурная отдала сервелат и, ворча, удалилась.

Мама завернула сервелат в бумажку и засунула его в сумку. Всю дорогу Тома прижимала эту сумку к груди, обхватив обеими руками.

Тому волновало, как же они будут есть этот сервелат, побывавший на рельсах. Может быть, его надо помыть с мылом?

Мама смеялась:

— А мы его подкоптим.

Семья была счастлива.

... Нынешний сервелат «Финский» белорусского производства по цене 169 рублей за 500 граммов не пах ничем. И вкуса не имел.

Томин любимец, рыжий пекинес Семён, есть его отказался.

ФАНАТЫ

В купе на нижней полке, судорожно вцепившись в неё обеими руками, сидел парнишка и вставать не собирался.

— Поднимись, я свою сумку поставлю, — попросила Рина.

— Нельзя! Я потом поставлю! — нервно воскликнул попутчик.

Рина удивилась:

— Что у тебя там? Труп?

— Нет! — нервно выкрикнул парнишка.

— Да ну тебя. Оставляю сумку, пойду покурю.

И Рина с провожавшей её подругой Дашей вышли на перрон.

— Ты чего парня трупом напугала? — спросила Даша.

— Да я пошутила, — пожала плечами Рина.

— А он видишь, как испугался, — укорила подруга.

Когда Рина вернулась в купе, все попутчики были на месте. Парнишка по-прежнему сидел, вцепившись в сиденье.

Поезд тронулся.

Рину разбирало любопытство:

— Так что у тебя там? Действительно труп? Колись!

Парнишка помялся и прошептал:

— Там человек.

Рина постучала по металлическому боку нижней полки. В ответ раздался слабый стук.

— Открывай! — скомандовала Рина.

Парнишка запер дверь и поднял крышку. В металлическом отсеке размером с половину полки, скрючившись в три погибели, лежал пацан.

Он еле-еле вылез и с трудом разогнулся. Волосы, лицо, майка — всё было мокрым от пота.

— Пить... — прошелестел он.

Ему протянули бутылку воды, к которой он жадно припал.

— Ты «заяц»? — спросила Рина.

Оба парнишки закивали головами.

— Сейчас билеты будут проверять, — сказала Рина.

Пацан полез обратно.

После проверки билетов его выпустили.

Оказалось, что парнишки — фанаты команды ЦСКА. Матчей в Москве не пропускают. А когда любимая команда играет в другом городе, ездят на матчи по мере возможности. И побывали уже во многих городах.

Игорь, учащийся колледжа, ехал, как белый человек, в купе. Он подрабатывал продавцом-консультантом в магазине. А у школьника Шурика деньги отсутствовали, поэтому он пришёл с приятелем как провожающий, спрятался под полку и пролежал там целый час.

— Родители знают? — спросила Рина.

— А я сказал, что к другу на дачу поехал, — беззаботно улыбнулся Шурик.

Денег у него было триста рублей, чтобы купить билет на матч, и сто пятьдесят — на еду. Как будет возвращаться — этого он не знал.

Пропустить матч ЦСКА — «Рубин» приятели не могли.

Спать Шурик устроился, подстелив под себя колючее одеяло, на самой верхней багажной полке, с которой убрали матрацы.

Попутчики переглядывались и качали головами.

Поздно ночью поезд остановился в Вековке. Рине нравилось прогуливаться вдоль вагона и рассматривать хрустальные фужеры, вазы, люстры — всё, что производилось в городе Гусь Хрустальный и приносилось на продажу к поездам.

К сожалению, на этот раз пугливые молодые проводницы никого из вагона не выпустили, опасаясь каких-то провокаций. Рина наблюдала за жизнью торгующих, уткнувшись лбом в стекло.

... Когда рушился «великий и могучий» Советский Союз, все трудящиеся стали получать зарплату той продукцией, которую производили, и потом её продавали: одни — наборы кастрюль, другие — постельное бельё, третьи — хрусталь. Рине было интересно, чем же выдают зарплату на Тульском оружейном заводе — неужели оружием?

Со временем ассортимент в Вековке расширился: к поездам на продажу, кроме хрусталя, приносили мягкие игрушки, а позже — чучела мелких животных: зайцев, белок, хорьков. Чучела были страшные. Рине казалось, что они украдены из краеведческого музея.

Однажды один из попутчиков Рины купил какой-то пустяковый сувенир. Так все продавцы кинулись к нему в надежде, что он ещё что-то приобретёт. Одна девушка тыкала в него чучелом белки и жалобно просила:

— Па-а-арень! Купи-и-и!

Пришлось ему срочно ретироваться в вагон. Он даже задёрнул занавески. Не тут-то было!

Девушка стучала этой страшной белкой в окно и причитала:

— Па-а-арень! Купи-и-и!

... Поезд тронулся. Рина вдохнула, пожалев, что их так и не выпустили из вагона.

Все спали. Игорь высунулся в коридор, огляделся по сторонам и кивнул Шурику: путь в туалет был свободен. Шурик проскользнул в коридор. Потом опять забрался на верхнюю багажную полку и заснул, блаженно улыбаясь.

Игорь успокоил попутчиков, чтобы они за Шурика не беспокоились: в случае необходимости Шурик может вскрыть автомобиль.

Утром Шурик волновался: а вдруг поймают и высадят?

— Хватит дёргаться, — сказала Рина. — Ты просто пришёл из соседнего вагона к другу.

Тем не менее Шурик дёргался: а вдруг на выходе задержат? Он решил замаскироваться: надел свою чёрную куртку, натянул капюшон, на нос нацепил солнечные очки.

— Ну, прямо человек-невидимка, — засмеялась Рина. — Сними очки. Легенда такая: ты — мой племянник. И понесёшь мою сумку.

Приятели надели красно-синие шарфы цветов своей любимой команды. В городе, куда они прибывали, фанатов не обижали.

Вышли благополучно. К ним уже спешили встречающие друзья-фанаты.

Шурик беззаботно улыбался. Он был счастлив.

... Вечером в местных новостях сообщили, что матч был сыгран вничью.

НАТАЛЬ

Когда родилась дочка, папа предложил маме на выбор два имени: Бэль, что по-французски означало «прекрасная», или Наталья — «родная».

Папа преподавал в институте французский язык, был влюблён во Францию и обо-жал рассказывать в семейном кругу легенду о прабабушке-француженке.

Мама заупрямилась: она хотела Машеньку. Тогда папа пригрозил, что в против-ном случае он назовёт дочь Глория Мунди, что в переводе с латыни означало «мир-ская слава», и сам лично зарегистрирует это имя в ЗАГСе.

Мама согласилась на Наталь, решив, что девочку всё равно будут звать Наташей.

... Имена в классе были разные. Кроме Ани, Даши, Саши, Вовы и других обычных имён, присутствовали Вилен («Владимир Ильич Ленин»), Вилор («Владимир Ильич Ленин — организатор революции»), Эвира («Эпоха войн и революций»).

В старших классах у некоторых учеников были экзотические имена: Лагшмивара («Лагерь Шмидта в Арктике»), брат и сестра Рева и Люция (что вместе составляло слово «Революция»). И даже Даздраперма («Да здравствует Первое Мая!»).

Время Электронов и Эдисонов ещё не наступило.

У некоторых имена были записаны не очень грамотными работницами ЗАГСов с ошибками: АлеФтина, АпАлон.

Наташка (по метрике — Наталья) была просто Наташкой.

Но когда подошло время получать паспорт, мама сильно призадумалась. Что же это будет? Наталья Ардалионовна! По-русски имя не склоняется. И вообще получается не имя, а обрубок какой-то.

Мама решила, что надо приписывать букву «я», и стала капать папе на мозги. Он эту кашу заварил — вот пусть теперь и расхлёбывает.

Папа долго артачился, но, в конце концов, вняв доводам мамы, согласился.

... Чтобы добавить к имени букву «я», папе пришлось дать взятку: кольцо с брил-лиантом и ящик коньяка. Но зато Наталья стала полноправной Натальей.

... Мама думала: интересно, во сколько обошлась бы семье перемена имени, если бы в метрике значилось Бэль или Глория Мунди?

МАСТЕР-КЛАСС

Марте Печерской

Лялечка сидела на кухне, разложив на столе бумаги.

— Что кропаем, жёлтая пресса? — галантно осведомился сосед по коммуналке Володька. — Очередной пасквиль?

Лялечка оторвалась от своего занятия:

— Да вот практикантку мне навялили, а она, зараза, простой информашки напи-сать не может. И чему их теперь в институтах учат?

— Дай-ка посмотреть, — Володька сграбастал листы и углубился в чтение. Потом вынес вердикт: — Фигня! У твоей практикантки с русским языком плохо. Их теперь так в школах учат?

— А я знаю? — пожал плечами Лялечка.

— Занятно, — бормотал сосед. — Обе заметки про Министерство обороны. Оно же на глазах у всей страны опозорилось, проворовалось, но продолжает объявлять какие-то тендеры. Ну, ты смотри! Старые противогазы будут утилизированы для ос-

вобождения складов. Противогазы, небось, времён Великой Отечественной войны. А вот зачем покупать швейцарские мишени? Мы сами уже ничего не можем делать?

— Верни! — Лялечка протянула руку.

— А давай я напишу, — предложил Володька.

— Зачем? — удивилась Лялечка.

— Не мешай, — отмахнулся Володька и стал сочинять: — «Проворовавшееся Министерство обороны...» Нет, не так. «Министерство обороны, запятнавшее честь мундира воровством, объявило тендеры. Во-первых, на утилизацию старых противогазов для освобождения складов, всего 812 тысяч штук на сумму 35 миллионов рублей. Во-вторых, на покупку швейцарских мишеней АСКОР — ЛОПРОП, стоимость комплекта — 17 миллионов рублей. В связи с этим у общественности возникают вопросы. Первый. Куда денут активированный уголь из старых противогазов? Неужели в фармакологию? Второй. Сколько комплектов импортных мишеней и на какую сумму будет закуплено? И какая такая в этом необходимость? Третий и последний. Сколько миллионов рублей Министерство обороны планирует наворовать...» пардон!.. «... наварить на этот раз?» Как-то вот так, как принято нынче говорить.

— Да кто же это опубликует, балда ты этакая? — засмеялась Лялечка.

— А неважно, — ответил сосед. — Ты это запиши и презентуй своей практикантке. Считай, что это — бесплатный мастер-класс.

Наши авторы

стр. 72 АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в селе Орловка Челнинского района ТАССР 26 июня 1945 года. Работал мон­тёром связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного комби­ната. Но основная трудовая деятельность связана с журналистикой. Газетчик. Был редактором набережночелнинской го­родской газеты «Время», а также редак­тором межрегиональной литературной га­зеты «Звезда полей». В настоящее вре­мя – председатель Татарстанского отде­ления Союза российских писателей, глав­ный редактор литературного журнала «Аргамак. Татарстан».

В 1982 году закончил заочное от­деление Литературного института им. А.М. Горького (семинар Н.Н. Сидоренко). В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор десяти книг стихов, изданных в Казани, Набережных Челнах и в Москве. Живёт в Набережных Челнах. Лауреат ли­тературной премии имени Г.Р. Державина, Всероссийской литературной премии «Ла­дога» имени А. Прокофьева.

стр. 182 БЕКМЕТОВ Ринат Ферганович родился в 1980 году в Семипалатинске (Ре­спублика Казахстан). Окончил факультет русской филологии и очную аспирантуру Казанского государственного педагогиче­ского университета. Кандидат филологи­ческих наук. Доцент кафедры русской ли­тературы и методики преподавания Ка­занского (Приволжского) федерального университета. Автор более 50 научных и методических работ. Занимается худо­жественным переводом.

стр. 3 ВАЛЕЕВ Разиль Исмагилович родился 4 января 1947 года. Окончил Lite­ратурный институт имени А.М. Горького. Кандидат исторических наук, академик Академии гуманитарных наук России, дей­ствительный член (академик) Междуна­родной Гуманитарной Академии «Европа-Азия». Лауреат Республиканской премии имени М. Джалиля и Государственной премии РТ имени Г. Тукая. Заслуженный работник культуры РФ и РТ. Народный поэт Татарстана.

Избирался депутатом Верховного Со­вета Татарской АССР (1990–1995), депута­том Государственного Совета Республики Татарстан первого (1995–1999), второго (1999–2004) и третьего (2004–2009) соз­ывов. В настоящее время работает в Го­сударственном Совете РТ на постоянной основе, председатель Комитета ГС РТ по культуре, науке, образованию и нацио­нальным вопросам.

Президент Татарского «ПЕН-центра» Международной писательской органи­зации «ПЕН-клуб», член бюро исполкома Всемирного конгресса татар, правления Союза писателей Татарстана, комиссии по присуждению государственных премий Республики Татарстан имени Г. Тукая, ра­бочей группы по созданию регионального филиала федерального государственного унитарного предприятия «Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина» в Респу­блике Татарстан, Геральдического совета при Президенте Республики Татарстан. Член политического совета республи­канского общественного движения «Та­тарстан – Новый Век – Татарстан – Яңа Гасыр».

Член-корреспондент Международной Академии общественных наук. Предсе­датель правления Фонда по сохранению и развитию татарского языка и культуры «Жыен» и Попечительского совета Наци­ональной библиотеки Татарстана.

стр. 3 ВОРОНИН Александр Геннадьевич родился 29 декабря 1958 года в Куйбышеве (ныне – Самара). После окончания Казанского театрального училища работал актёром тюза, окон­чил Литературный институт имени А.М. Горького (творческий семинар дра­матургии В.С. Розова), служил инспек­тором отдела театров Министерства куль­туры ТАССР. Участник Всесоюзных семи­наров драматургии в Рузе, Дубултах, Ленинграде.

После распада страны подался в жур­налистику. В газете «Молодёжь Татарста­на» публиковался роман «Ясновидающая» (выходил больше года – из номера в но­мер), в «Казанских ведомостях» напеча­

тали повесть «Везунчик» (первое место на городском литературном конкурсе, 1997), в журнале «Казань» вышли три повести и рассказы.

В 2008 году изданы книги «Драма диасизма» (о жизни и творчестве Диаса Валеева) и «Монарх-монах» (сборник пьес), в 2011-м — «Ясновидящая» (сборник прозы) и «Невидимки» (о жизни и творчестве Рустема Кутуя), в 2013 году увидел свет сборник «Кинг книг» (пьесы, сценарии, монологи).

Четверть века преподаёт в Казанском театральном училище историю драмы. Член бюро правления Союза театральных деятелей РТ. Председатель Казанской городской организации Татарстанского отделения Союза российских писателей. Лауреат международной литературной премии «Детское время».

стр. 152 ГРАЧЁВ Сергей Анатольевич родился в подмосковном Подольске 11 февраля 1961 года. После окончания в 1986 году Литературного института им. А.М. Горького служил в армии. Работал в подольских и московских газетах, издательствах «Мир книги», «Славянская школа», в литературно-художественном и публицистическом журнале «Новая Россия. Воскресенье» (бывший «Советский Союз»), в журнале «Строительный сезон».

Публикуется с 1979 года. Первые рассказы были напечатаны в газете «Подольский рабочий» в 1982 году. Затем рассказы публиковались в журналах и альманахах «Истоки», «Аргун», «Пионер», «Дон», «Москва», «Литературная Кубань», «Подольский альманах», «Тропой радуги», «Уральский следопыт», «Московский писатель», «Московский вестник», «Слово», «Новая Россия. Воскресенье», «Читаем, учимся, играем», «Человек и закон», «Детская Роман-газета» и др.; в коллективных сборниках «Эта гиблая жизнь» (М., ИТРК), «Письмена на песке» (М., «Московский Парнас»).

В Союзе журналистов России — с 1990 года, в Союзе писателей РФ — с 1997 года.

Живёт в Подольске, работает главным редактором информационно-общественного журнала «Деловой Подольск», заместителем главного редактора информационно-аналитического журнала о занятости населения и рынке труда Московской области «Стратегия занятости».

стр. 124 ДЫРИН Сергей Петрович — доктор социологических наук, профессор, родился 23 ноября 1959 года в селе Корноуново Рыбно-Слободского района Татарской АССР. Закончил Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, социологический факультет университета марксизма-ленинизма при Татарском ОК КПСС, факультет психологии института дополнительного профессионального образования Казанского государственного технологического университета.

После окончания университета работал в социологической службе КамАЗа, социологом аппарата Набережночелнинского городского совета народных депутатов, директором центра образования и развития, проректором по НИР, первым проректором института управления. С 2002 г. по 2011 г. — ректор Института управления. С сентября 2011 г. по настоящее время проректор по научной работе Набережночелнинского государственного торгово-технологического института. Награждён медалью «В память 1000-летия Казани», Почётным знаком «За заслуги перед городом Набережные Челны», Почётными грамотами мэра г. Набережные Челны. Автор более 200 научных и учебно-методических работ, в том числе 8 монографий и 7 учебных пособий. Неоднократный лауреат конкурсов «Лучшая научная книга», проводимых фондом поддержки отечественного образования.

стр. 192 ЕРМАКОВ Владимир Александрович, поэт, эссеист, родился 6 июня 1949 года в пос. Метенино Петушинского р-на Владимирской обл. С 1961 года живёт в Орловской области: сначала в г. Болхове, где окончил среднюю школу № 1, затем в Орле.

В 1971 году окончил исторический факультет Орловского пединститута, отслужил в рядах СА на Дальнем Востоке; награждён знаком «Отличник ВВС». С 1975 года работал в Орловском краеведческом музее; автор ряда теоретических концепций и практических разработок стационарных экспозиций и выставок, а также публикаций в местной прессе и специальных изданиях. В 1996 году удостоен звания «Заслуженный работник культуры РФ». Впервые опубликовал стихи в 1974 году. С началом перестройки успешно работает в востребованном

временем жанре эссе. С середины 90-х гг. активно публикуется в областных газетах и в литературных журналах. Наиболее значимые публикации связаны с журналами «Дружба народов» (Москва) и «Parnasso» (Хельсинки). Основные тексты вошли в книги, изданные в Орле.

стр. 146 КАН Диана Елисеевна родилась в советском городе-гарнизоне Термезе в Узбекистане в семье кадрового офицера, этнического корейца. В 1980 году переехала в Оренбург, на родину матери, потомственной яйцкой казачки. Закончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Член Союза писателей России, руководитель народного литобъединения «Отчий Дом», автор семи стихотворных книг. Дважды лауреат ежегодной премии журнала «Наш современник», лауреат всероссийских литературных премий «Традиция», «Имперская культура», Самарской губернской премии в области литературы, Самарской региональной премии им. поэта Виктора Багрова, дипломант Всероссийского конкурса молодых поэтов им. Сергея Есенина, премии имени Валериана Правдухина альманаха «Гостиный Двор» (2010). Живёт в Новокуйбышевске Самарской области.

стр. 114 КАРПОВ Владимир Александрович родился и вырос на Алтае, жил в Киргизии, Башкирии, Чувашии, в Ленинграде, в Подмоскovie, много путешествовал по Якутии. Член Союза писателей СССР, награждён дипломом ЮНЕСКО «За вклад в мировую культуру». Рассказ «Могу хоть в валенке дышать!» вошёл в антологию «Шедевры русской литературы XX века». Роман «Танец единения душ» был удостоен Большой литературной премии России. Автор сценариев художественных фильмов «Двое на голой земле» и «Тайна Чингисхана» (последний номинировался на премию «Оскар»). Автор и ведущий многих телерадиопрограмм, выходящих в эфире московских СМИ, в том числе уникальной радиоэнциклопедии российской истории и культуры «Национальный герой». Глава многодетного семейства, живёт в Москве.

стр. 142 КУЧУМОВ Юрий Асляхович родился в 1955 году в Волгоградской области. Будучи гражданином своей страны, с упомянутого года проходил все этапы её становления и распада. Строил КамАЗ, в меру таланта занимался творчеством.

Простор придонских степей в далёком детстве на всю жизнь наполнил грудь бесшабашной вольницей. Отсюда и сложная, путанная, но очень интересная жизнь!

стр. 229 ЛАВРЕНТЬЕВ Максим Игоревич родился 28 февраля 1975 года в Москве. Автор книг: Немного сентиментальный путешователь. — М.: Спутник+, На польско-китайской границе. — М.: Литературная учёба, 2011. Поэзия и смерть. — М.: ИД «КАЗАРОВ», 2012. — Видения земли. — М.: Литературная Россия, 2012. Стихи Максима Лаврентьева выходили в газетах «Литературная Россия» и «Независимая газета», в российских журналах «Волга — XXI век», «День и ночь», «Дружба народов», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Дети Ра», «Зинзивер». В 2010 г. несколько стихотворений Лаврентьева были включены в антологию издательства «Вече» «Русская поэзия: XXI век».

стр. 36 МАГДЕЕВ Мухаммет Сунгатович (1930–1995 гг.) — народный писатель Республики Татарстан, литературовед. С 1964 по 1990 гг. работал в Казанском университете.

Имеет труды по истории татарской литературы и критики начала XX в. Написал роман «Фронтвики», повести «Человек уходит — песня остаётся», «Там, где гнездятся журавли», «Прощание» — о людях деревни военных и послевоенных лет, книгу воспоминаний «Горький опыт». Лауреат Государственной премии Татарской АССР имени Габдуллы Тукая (1990 г.).

стр. 24 МАЛЫШЕВ Сергей Владимирович (1950–2007 гг.) родился в Казани. Окончил мехмат Казанского государственного университета (1972). Автор восьми сборников поэзии, в том числе для детей. Член Союза писателей РТ. Лауреат литературной премии им. Г.Р. Державина. В последние годы жизни много сделал для развития казанской школы переводов, работал с молодыми переводчиками.

стр. 202 МАРТЫНОВА Раиса Ахтямовна родилась 2 октября 1951 года в деревне Сармашбаш Заинского района Республики Татарстан. В 1974 году окончила Елабужский педагогический институт, отделение физмат. Работала учительницей математики в школах Тукаевского района. После переезда в город Набережные Челны работала на заводе ЖБИ-210 начальником цеха, в Управлении строительства дорог прорабом, старшим инженером в ООО «Меркурий», инженером в ООО «Климат-Люкс». С 2001 года стала заниматься историей российского дворянства, родословной князей Юсуповых, а также историей Первой мировой войны: поисками документов и фотографий военных лет. В краеведческих музеях городов Заинска, Менделеевска, Сарманово, а также в школах деревень Сарсаз-Багряж, Светлое Озеро Заинского района идут выставки из экспонатов её коллекции. Для проведения выставок в Национальном музее РТ и в музее Первой мировой войны «Ратная Палата» в Царском Селе Санкт-Петербурга Раиса Ахтямовна подарила экспонаты, фотографии, письма, открытки.

Является членом ТДС РБ. Награждена памятной медалью «Юбилей Всенародного Подвига. 1613–2013 гг.», крестом «За увековечение памяти Отечественной войны 1812 года», юбилейной медалью «200 лет победы над Наполеоном». В 2013 году совместно с единомышленниками обнаружила захоронение воинов Белой Армии в деревне Кокшан Менделеевского района РТ и установила памятник.

Поддерживает идеи монархизма и дворянского движения России.

стр. 247 МАТВЕЕВ Николай Михайлович родился в 1941 году в д. Иванаевка Альметьевского района ТАССР. С десяти лет живёт без родителей. Окончил среднюю школу в с. Кузайкино с золотой медалью и механико-математический факультет КГУ с отличием, имеет учёную степень кандидата педагогических наук и учёное звание доцента. Два года преподавал русский язык и литературу в восьмилетней школе и 33 года – высшую математику в НХТИ. Постоянно проживает в Нижнекамске с 1968 года.

Пишет стихи и прозу, публикуется в газетах г. Нижнекамска.

стр. 170 МАТВЕИЧЕВ Александр Васильевич родился в 1933 году в Татарстане.

С 1959 года живёт в Красноярске. Окончил Казанское суворовское и Рязанское пехотное училища. В 1962 году получил диплом инженера-электромеханика по окончании Красноярского политехнического института. Карьеру завершил первым заместителем генерального директора, главным инженером НПО «Сибцветметавтоматика» и директором предприятия «Сибцветметэнергоналадка». Два года служил в армии офицером в Китае (1953–1955), работал инженером на никелевом комбинате на Кубе (1974–1975 и 1977–1978).

Пишет с детства. Прозаик, поэт, публицист, переводчик с испанского и английского языков. Издал два десятка книг поэзии, художественной прозы и публицистики. Постоянно публикуется в журналах, альманахах, коллективных сборниках.

Член Союза российских писателей.

стр. 189 МИЛОВАНОВА Илона Владимировна родилась 30 ноября 1971 года в г. Алма-Ата. Стихи пишет с раннего детства. Первое стихотворение написала в 5 лет. По образованию журналист. Работала автором и режиссёром телевизионных передач на РентТВ – Набережные Челны, а также журналистом в издательстве Гросс-Медиа в Москве. Сейчас живёт в Набережных Челнах.

стр. 72 ПАХОМОВА Людмила Евгеньевна родилась 23 августа 1958 г. в городе Куйбышеве Татарской АССР (ныне г. Булгар). С двух лет по настоящее время проживает в Елабуге.

Окончила Елабужского пединститута, отделение журналистики Казанского государственного университета. В журналистике с 1981 года. В настоящее время штатный журналист Елабужского государственного музея-заповедника. Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

стр. 216 ПЕРВОВА Наталья Ивановна родилась в 1938 году в Мурманске. Закончила факультет журналистики Ленинградского университета. Работала в Череповце в городской газете.

В начале 1970-х приехала с семьёй в Набережные Челны. Работала в редакции радиовещания автомобильного комплекса, затем – на литейном заводе редактором объединённой редакции радиовещания и газеты.

В 2007 году издательство «Новости мира» выпустило сборник её стихов «Моя параллель», а в 2009 году в свет вышел второй поэтический сборник «Китежанка», выпущенный Татарстанским отделением Союза российских писателей.

стр. 72 РУДЕНКО Гульзада Ракиповна – генеральный директор Елабужского государственного музея-заповедника, советник главы Елабужского муниципального района по развитию туризма и охране объектов культурного наследия.

В течение тридцати лет занимала различные руководящие должности в партийных и советских органах города Набережные Челны. В 80-х годах в течение двух лет заведовала парткабинетом в посёлке советских специалистов в Социалистической Республике Вьетнам. С 2002-го возглавляет государственный Елабужский историко-архитектурный музей-заповедник. Заслуженный работник культуры РТ. Имеет много наград, дипломов и Благодарственных писем: главы Елабужского муниципального района, Президента РТ, Председателя Госсовета РТ. Награждена золотым знаком «Почётный меценат и благотворитель», нагрудным знаком «За достижения в культуре», золотой медалью «За вклад в наследие народов России», медалью Фридриха Хааса Народного Союза Германии по уходу за военными могилами и за укрепление российско-германских отношений.

стр. 233 САЛЬТИНА Марина Генриховна родилась в Казани. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина и режиссёрский факультет ГИТИСа им. А.В. Луначарского (курс профессора М.О. Кнебель). Режиссёр, актриса, педагог, писатель. Член Союза театральных деятелей и Союза писателей России. Автор книг «Опаловый флакон Пенелопы» и другие рассказы», «Поезда на Монтеррей», «Слеза Европы», «Бедный Юрик». Рассказы её публикуются в журналах «Наша улица», «Казань», «Меценат и мир», «Грани», «Московский Парнас», «Аргамак. Татарстан», «Лесной орех», «Российская литература».

стр. 55 САРЧИН Рамиль Шафкетович – поэт, автор-исполнитель, литературный критик, литературовед. Кандидат филологиче-

ских наук. Член Союза российских писателей, Союза писателей Республики Татарстан, Объединения русскоязычных литераторов Финляндии. Редактор международной литературной сети «Общелит.ру». Член редколлегии журнала «Аргамак. Татарстан». Автор поэтических сборников «Стихотворения» (1998), «Возвращение» (2009), «Цветоповал» (2011); монографий «Поэтический мир Н.Н. Благова» (Казань, 2008), «Николай Благов» (Ульяновск, 2008), «Традиции русской поэзии в лирике Инны Лиснянской» (Казань, 2009), «Лирика Роберта Миннуллина» (Казань, 2012); сборника статей «Лики казанской поэзии» (Казань, 2013). Обладатель гранта губернатора и правительства Ульяновской области (2007), премии Объединения русскоязычных литераторов Финляндии (Хельсинки, 2011), республиканского гранта «Учитель-исследователь» (Казань, 2012). Лауреат I степени II Международного песенно-поэтического конкурса «Журавли над Россией» (номинация «Авторская песня о Родине»; Москва, 2011).

стр. 175 СДОБНЯКОВ Валерий Викторович родился в 1957 году в Красноярском крае. Образование высшее экономическое. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Секретарь Правления Союза писателей России. Председатель Нижегородской организации Союза писателей России. Основатель (в 2001 году) и бессменный главный редактор литературно-художественного журнала «Вертикаль. XXI век».

Автор многих книг художественной прозы и публицистики: «Мост», «Искушение», «Обретение России», «Спротивление нелюбви», «Русское», «Прошлое с нами», «Воздаяние», «Собирая Россию», «Посох», «Русские судьбы», «Служение», «О духовном», «Яблоки русского сада», «Возвращение», «Душа живая...», «Сроки» и ряда других. В 2009 году в Москве вышла его книга избранной прозы «Последний день».

Лауреат литературных премий Нижегородской области и Нижнего Новгорода, всероссийских премий «Хрустальная роза Виктора Розова» (2006) и «Белуха» им. М. Гребенщикова (2012), Международной премии им. М.А. Шолохова (2008) и ряда других. Указом Президента РФ № 1605 от 12 декабря 2011 г. награждён государственной наградой – Медалью Пушкина.

Живёт в Нижнем Новгороде.

стр. 164 СКИФ Владимир Петрович (Смирнов) родился 17 февраля 1945 года в посёлке Куйтун. Известный русский поэт, член Союза писателей России, председатель Иркутского регионального отделения Союза писателей России (с 2009), секретарь Правления Союза писателей России. Живёт в Иркутске, широко публикуется в местной и центральной печати. Среди изданий последних лет – книги: «Золотая пора», «Листопад» (Иркутск), «Вече» (Москва), «Русский крест» и «Новые стихи» – библиотека лирической поэзии «Золотой жираф» (Москва), книги стихов для детей «Зайчик» (Москва) и «Шла по улице королева» (Иркутск).

Владимир Петрович – лауреат Всероссийской литературной премии имени П. Ершова, победитель международного поэтического конкурса «Золотое перо России» (2008), обладатель девяти медалей, из которых наиболее важные для него – имени маршала Жукова, адмирала флота Кузнецова, Золотой Есенинской медали «За верность традиции русской культуры и литературы», а также ордена «За службу России».

стр. 182 СУЛТАНБЕКОВ Фоат Фаритович родился в 1950 году в городе Карши Республики Узбекистан. В 1972 году окончил механико-математический факультет Казанского государственного университета. Служил в Киевском военном округе командиром взвода. В 1974 году был принят в НИИММ имени Н.Г. Чеботарева при Казанском государственном университете на должность младшего научного сотрудника отдела теории вероятностей и математической статистики. С 1977 года по настоящее время работает на кафедре математического анализа Казанского (Приволжского) федерального университета: ассистент, старший преподаватель, доцент. Имеет степень кандидата физико-математических наук (1980). Автор более 40 научных статей в отечественных и зарубежных изданиях, а также многочисленных учебных и методических пособий. Занимается живописью, поэтическим творчеством и художественными переводами.

стр. 85 СУХОВ Валерий Алексеевич родился 1 января 1959 года в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. В 1980 году закончил историко-

филологический факультет Пензенского государственного педагогического института имени В.Г. Белинского. В 1997 году в Московском педагогическом университете защитил кандидатскую диссертацию «Сергей Есенин и имажинизм». Доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Пензенского государственного университета. Член Союза писателей России. Автор сборников стихов «Вербное воскресенье» (1995), «Благословение» (2000), «Неопалимая полынь» (2003), «Родное Архангельское» (2004), «Архангельский мой собор» (2008). Стихи публиковались в журналах «Сура», «Наш современник», «Подъём», «Русское эхо», «Молодая гвардия», «Странник», «Нижегородская провинция», «Гостиный двор», «Простор», в коллективном сборнике «Часовые времени». Лауреат премии губернатора Пензенской области за достижения в литературе по итогам 2004 года, Лауреат Всероссийской премии имени М.Ю. Лермонтова за 2009 год, лауреат Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» в номинации «Взыскующим взглядом» за 2010 год.

стр. 128 ТЮЛЕНЕВ Игорь Николаевич родился в 1953 году в посёлке Ново-Ильинский Пермского края. Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Является автором 19 сборников стихов и более двух сотен публикаций во всесоюзных альманахах, сборниках, литературно-художественных журналах. Стихи поэта печатаются в Санкт-Петербурге и Омске, Калуге и Воронеже, в Екатеринбурге и Самаре, региональных журналах Казахстана, Карелии, Алтая, Башкирии, Татарстана, Удмуртии, Якутии, Ставропольского края.

За наиболее яркое воплощение русской литературной традиции в книгах последних лет поэту была присуждена премия Союза писателей России «Традиция». Он является также лауреатом журналов «НАШ СОВРЕМЕНИК» и «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». Стихи Игоря Тюленева публиковались Международной организацией поэтов в журнале «LE JOURNAL DES POETES» в Бельгии. Один из сборников стихов «Лирика» вышел во Франции в издательстве «MARCHAL».

Книги поэта выставлялись на Московской международной книжной ярмарке;

на 25 Парижском Книжном Салоне во Франции; на XIII Международной книжной ярмарке в Пекине; на Международных книжных ярмарках в Женеве и Дели.

Секретарь Правления Союза писателей России.

стр. 61 ТУХВАТУЛЛИН Рустам Рафаилович родился в 1952 году в селе Новый Кинер Арского р-на ТАССР в семье известного писателя Рафаила Тухватуллина. В 1959 году семья Тухватуллиных переехала в город Альметьевск. В 1976 году он закончил радиотехнический факультет Казанского авиационного института, после чего был распределён на Альметьевский завод «Радиоприбор», где проработал 21 год с перерывом на службу в рядах Советской армии в г. Енисейске лейтенантом-двухгодичником, где обслуживал космические аппараты. На заводе работал инженером-технологом, инженером-конструктором, начальником испытательной лаборатории, заместителем главного контролёра, последние 9 лет — заместителем директора по качеству. В 1997 году перешёл работать в ОАО «Татнефть» Принимал активное участие в разработках нового нефтепромыслового оборудования, является соавтором 20 патентов на изобретения. В 2013 году Рустам Тухватуллин стал лауреатом литературной премии им. Рафаила Тухватуллина. Женат, трое детей, внучка и внук.

стр. 83 ХАРИСОВ Ренат Магсумович (Ренат Харис) — народный поэт Татарстана, лауреат Государственной премии Российской Федерации (2005 год), лауреат Государственной премии Республики Татарстан имени Г. Тукая, автор 40 сборников стихов и поэм, либретто музыкально-сцен-

ических произведений, в том числе либретто балета «Сказание о Йусуфе» Леонида Любовского.

Является секретарём Союза писателей России, членом редколлегий журналов «Наш Современник», «Татарстан», «Историческая Газета» (Москва). Живёт в Казани.

стр. 48 ШАКИРЗЯНОВА Лена Галимзяновна родилась в 1945 году в селе Поисево Актанышского района Татарской АССР. Окончила историко-филологический факультет Казанского государственного института. В 1968–1973 гг. работала в Государственном ансамбле песни и танца Татарстана. Пятнадцать лет проработала редактором-переводчиком на радио Татарстана.

Член Союза писателей СССР с 1984 года. Автор более десяти сборников поэзии, в том числе десяти поэм.

В 2004 году была выдвинута на соискание государственной премии им. Г. Тукая. Лауреат Литературной премии им. Х. Такташа.

стр. 93 Я. УДИН (Манджиян Яшá Геранович) по национальности удин. Родился в 1951 году в селе Нидж Азербайджанской ССР. Учился в Саратовском государственном университете. Автор четырёх книг прозы, выходивших в Москве и Саратове. Публиковался в журналах «Волга», «Подъём», «Волга–XXI век», «Сура», в альманахах «Волжские зори», «Истоки», «Саратов литературный», «Московский Парнас», «Стрежень», «Литературный Саратов» и других периодических изданиях. С 1989 года — член Союза писателей СССР и Союза писателей России. Живёт в Саратове.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ МИНУВШЕЙ ВЕСНЫ

РАЗИЛЬ ВАЛЕЕВ, АЛЕКСАНДР ВОРОНИН

РОДНОЙ ЯЗЫК ДО КРЫМА ДОВЕДЁТ 3

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

СЕРГЕЙ ТИМОФЕЕВ

В БОЛГАРЕ СОЗДАЮТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРК 13

«АРГАМАК»: ЗА И ПРОТИВ

ЖУРНАЛ «АРГАМАК» КАК ФЛАГМАН СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 16

НУЖНО ЛИ ИЗДАВАТЬ АВТОРОВ ИЗ ДРУГИХ РЕГИОНОВ

ЗА СЧЁТ ТАТАРСТАНСКОГО БЮДЖЕТА? 18

К 80-ЛЕТИЮ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАТАРСТАНА

БЕНЕФИС ПЕРЕВОДЧИКА

СЕРГЕЙ МАЛЫШЕВ 24

НАСЛЕДИЕ

МУХАММЕТ МАГДЕЕВ

БОСИКОМ ПО ЛЕЗВИЮ НОЖА 36

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

БАЛЛАДА О ЛЮБВИ 46

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ЛЕНА ШАКИРЗЯНОВА

В ПОРУ ОСЕНИ 48

РАМИЛЬ САРЧИН

ИГЛОЮ ТОНКОЮ ДУШИ 55

ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ

РУСТАМ ТУХВАТУЛЛИН

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ЛЮБВИ 61

Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУГЕ

ГУЛЬЗАДА РУДЕНКО, ЛЮДМИЛА ПАХОМОВА

ДОРОГА БЕЗ КОНЦА 72

2014 – ГОД ЛЕРМОНТОВА

РЕНАТ ХАРИС

ВАЛЕРИЙ СУХОВ

КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ 83

ИМЯ В ПРОЗЕ

Я. УДЪН

МУШМУЛА 93

ВЛАДИМИР КАРПОВ

ЗЛАТА 114

СЕРГЕЙ ДЫРИН

ПОДАРОК 124

ОБИДА 126

ИМЯ В ПОЭЗИИ

ИГОРЬ ТЮЛЕНЕВ

ЛЮБВИ СВЕЧЕНЫЕ ЗОЛОТОЕ 128

ВАСИЛИЙ ДВОРЦОВ	
БАЯН-БУЯН ПЕРМЯЦКИЙ.....	138
ЮРИЙ КУЧУМОВ	
ПЕСНЯ БЕЗ МОТИВА.....	142
ЗВАНЯЯ ГОСТЬЯ	
ИАНА КАИ	
НА СКОРБНОМ СТЫКЕ.....	146
БЕСЕДА С ГЕРОЕМ РОССИИ	
НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВ, СЕРГЕЙ ГРАЧЁВ	
ОТ ГИНДУКУША К ЛЕДЯНЫМ ТОРОСАМ СЕВЕРА.....	152
ВСПОМИИАЯ ВИКТОРА АСТАФЬЕВА	
ВЛАДИМИР СКИФ	
ЖИВАЯ ЖИВОПИСЬ СЛОВА.....	164
АЛЕКСАНДР МАТВЕИЧЕВ	
ЧАЕПИТИЕ В ОВСЯИКЕ.....	170
ВСПОМИИАЯ ОЛЕГА ШЕСТИИСКОГО	
ВАЛЕРИЙ СДОБНЯКОВ	
ЛЮБИВШИЙ АИГЕЛОВ И ПТИЦ.....	175
ЛЮБИТЕ ЖИВОПИСЬ, ПОЭТЫ	
РИНАТ БЕКМЕТОВ	
КРАСОТА АКВАРЕЛЬНОГО УЗОРА И ОБРАЗЫ ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАИСФОРМАЦИЙ.....	182
ДЕБЮТ В «АРГАМАКЕ»	
ИЛОНА МИЛОВАНОВА	
ЖЕИЩИИНА НА КОРАБЛЕ.....	189
ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ	
ВЛАДИМИР ЕРМАКОВ	
ОСАДОК ДИИА.....	192
ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ: 100 ЛЕТ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ	
РАИСА МАРТЫИИОВА	
ГЕРОИ ЗАКАМЬЯ.....	202
НИКОЛАЙ МАТВЕЕВ	
ВЕРИИУВШИЕСЯ С ВОИИНЫ.....	213
ИЗДАНО В РОССИИ	
НАТАЛЬЯ ПЕРОВОА	216
У КОИОВЯЗИ	
МАКСИИ ЛАВРЕИТЬЕВ	
ЛЕГЕНДЫ ИОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.....	229
МАРИИ САЛЬТИИА	
РАССКАЗЫ ИЗ КОИМУИИАЛКИ.....	233
НАШИ АВТОРЫ	247

ВТОРАЯ СТРАИИЦА ОБЛОЖКИ: Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУТЕ. ФОТО А. КУКЛИИА, Л. ПАХОИОВОЙ
ПЕРВАЯ ЦВЕИТИАЯ ВКЛЕЙКА: Я ШАГАЮ ПО ЕЛАБУТЕ. ФОТО А. КУКЛИИА, Л. ПАХОИОВОЙ
ВТОРАЯ ЦВЕИТИАЯ ВКЛЕЙКА: АКВАРЕЛИ ФОАТА СУЛТАИИБЕКОВА
ТРЕТЬЯ СТРАИИЦА ОБЛОЖКИ: АКВАРЕЛИ ФОАТА СУЛТАИИБЕКОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Аргамак

ТАТАРСТАН

Выходит ежеквартально
(1 раз в 3 месяца)

Учредитель

ОАО «Татмедиа»

420016, г. Казань, ул. Декабристов,
д. 2. Тел.: (8-843) 222-09-84

Адрес редакции:

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Издатель:

**Татарстанское отделение
Союза российских писателей**

423812, г. Набережные Челны,
Московский проспект, 95, офис 253, 254;
тел. (8-8552) 58-13-71.

Подписано в печать 19.05.2014 г.

Формат 70x100^{1/16};

Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Усл. печ. л. 18,15 . Тираж 2000 экз.

Заказ А-1381

Цена свободная

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного
электронного оригинал-макета
в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА»
«ПИК «Идел-Пресс»
420066, Казань, ул. Декабристов, 2

Со всеми номерами литературного журнала «Аргамак. Татарстан» можно познакомиться на сайте Татарстанского отделения Союза российских писателей www.srpkn.ru.

Рукописи принимаются по адресу: **423809, Татарстан, г. Набережные Челны, а/я 126** или e-mail: anp45@mail.ru. Желателен диск с набором, фотография, краткая биографическая справка.

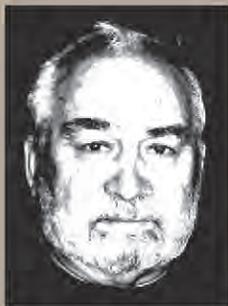
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Читательские письма и предложения могут быть опубликованы в альманахе. Ответственность за достоверность информации несут авторы материалов. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Аргамак. Татарстан» обязательна.

Для приобретения номера и размещения рекламы социальной направленности обращайтесь: e-mail: anp45@mail.ru, тел.: (8-8552) 58-13-71; 8-927-241-01-19.

АКВАРЕЛИ ФОАТА СУЛТАНБЕКОВА

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

АЛЕКСАНДР ОЛЬШАНСКИЙ

Великанша пребывала в прекрасном настроении, бодро шагала по полевым и таёжным дорогам, наслаждаясь красотой родных мест, и на полную грудь дышала таёжным воздухом. Машины журналистов то и дело буксовали на таёжных «автострадах», и обязанностью Валентины стало вытаскивание их из грязи. Делала она это с радостью и прибаутками, а телебратия снимала и снимала её в такие моменты, готовя репортажи о путешествии Рашен Баб по Сибири...

СВЕТЛАНА ХАЙРУЛЛИНА

В краю, где солнце и листва
Внимают речи человеческой,
Я не хочу играть в слова
И строить башни из наречий.

И не хочу, в конце концов,
Прожить, полезной притворяясь.
И видеть, как, закрыв лицо,
Уходит вечность, растворяясь.

Роман Александра Ольшанского «Рашен Баб» (Москва) и стихи Светланы Хайруллиной из лирического цикла «Молитва» (Казань) читайте в сентябрьском номере литературного журнала «Аргатак».